

С. Г. Лозинский

История папства

Издание третье

Москва
Издательство политической литературы
1986

©ПОЛИТИЗДАТ, 1986 г.

=====

Оцифровано с бумажного оригинала Дмитриенко М.А. (Алма-Ата) –
gravel4@yandex.ru

Для сайтов www.wasp.kz и www.pretich.narod.ru – любое использование данного
материала должно нести ссылку на эти веб-ресурсы!

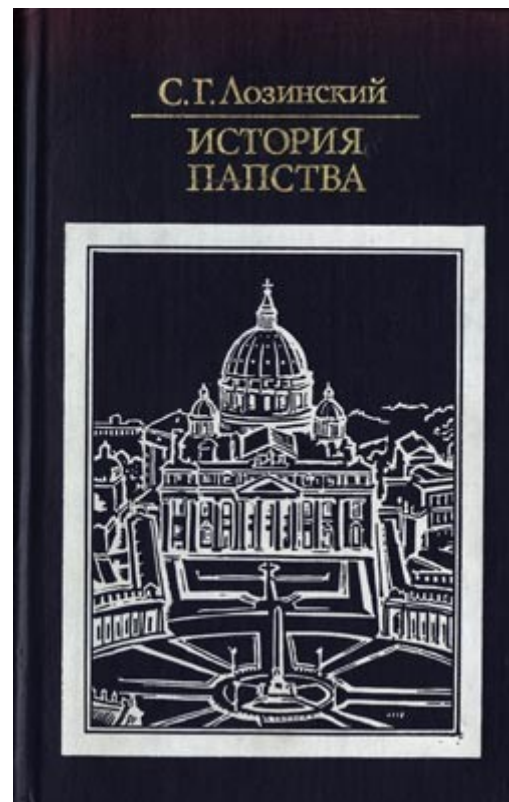
OCR и обработка полностью соответствуют оригиналу – если Вы обнаружите
ошибки, пожалуйста, напишите мне по вышеуказанному адресу электронной
почты!

Внимание! Добавлены отдельные иллюстрации (эти иллюстрации отмечены).

=====

Оглавление:

- ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА
- ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПАПСТВА
- ОБРАЗОВАНИЕ ПАПСКОГО ГОСУДАРСТВА (VI-VIII вв.)
- ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ПАПСТВА В VIII - НАЧАЛЕ IX в.
- ЗАВИСИМОСТЬ ПАПСТВА ОТ РИМСКИХ ФЕОДАЛОВ И ГЕРМАНСКИХ ИМПЕРАТОРОВ (IX-XI вв.)
- БОРЬБА ЗА «РЕФОРМУ» ЦЕРКВИ
- ВОЗВЫШЕНИЕ ПАПСТВА В XII-XIII вв.
- ПАПСТВО В ПЛЕНУ У ФРАНЦИИ
- ВОЗВРАЩЕНИЕ ПАП В РИМ И ВЕЛИКИЙ РАСКОЛ
- ПАПСТВО В ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ
- РЕФОРМАЦИЯ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ
- КОНТРЕФОРМАЦИЯ XVI-XVII вв.
- ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ПАПСТВА В КОНЦЕ XVI - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.
- ПАПСТВО В ПЕРИОД ОТ ВЕСТФАЛЬСКОГО МИРА ДО БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ XVIII в. ВО ФРАНЦИИ
- ПАПСТВО И КАТОЛИЦИЗМ В ПЕРИОД ДОМОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО КАПИТАЛИЗМА (1789-1870)
- ПАПСТВО ПОСЛЕ ПИЯ IX (Вместо послесловия)

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

С.Г. Лозинский и его «История папства»

В советской исторической литературе имя и труды С. Г. Лозинского (1874-1945) занимают видное место. Еще до Октября он проявляет интерес к истории католицизма, стремится познакомить русскую общественность с деяниями папства. В 1912 г. Лозинский подготовил в качестве редактора издание на русском языке труда американского ученого Г. Ч. Ли «История инквизиции в средние века», а в 1914 г. опубликовал свою книгу «История инквизиции в Испании».

Расцвет таланта Лозинского-историка приходится на послеоктябрьский период его жизни. Он преподает в вузах страны, занимается организаторской деятельностью, много пишет, переводит. В 1934 г. выходит в свет книга Лозинского «История папства» (том I), над которой он работал много лет. Лозинский продолжал трудиться над этой темой, ведя подготовку второго издания первого тома «Истории папства» и накапливая материалы для второго тома, который он так и не успел закончить.

Второе издание первого тома «Истории папства» увидело свет в 1961 г., уже после смерти автора, в составе сборника произведений С. Г. Лозинского, объединенных издателями общим названием «История папства». Редакторы этого издания включили в текст книги в качестве отдельных глав ряд ранее не публиковавшихся материалов С. Г. Лозинского, снабдили текст комментариями, именным и предметным указателями. Поскольку книга Лозинского заканчивается анализом правления (понтификата) папы Пия IX (1846-1878), то редакторы сочли необходимым предпослать второму ее изданию вступительную статью советского историка М. М. Шейнмана (1901-1977) «От Пия IX до Иоанна XXIII», которая представляла собой, по существу, краткий очерк истории папства с конца XIX до начала 60-х годов XX в.

Со времени второго издания книги С. Г. Лозинского прошло два с половиной десятилетия. Они были отмечены важными вехами в истории папства. II Ватиканский собор (1962-1965) принес победу сторонникам церковного обновления (аджорнаменто). Католическая церковь стала на путь внутрицерковных реформ, осовременивания своей социальной доктрины, изменения политического курса. С 1963 г., после смерти Иоанна XXIII, папский престол в течение 15 лет

занимал Павел VI, скончавшийся в 1978 г. Затем на 33 дня хозяином Ватикана стал Иоанн Павел I. А 16 октября 1978 г. главой католической церкви был избран кардинал Кароль Войтыла, принявший имя Иоанна Павла II.

Этот новейший период в истории папства нашел отражение в работах как зарубежных, так и советских исследователей. В частности, в Политиздате двумя изданиями (1978 и 1981) вышла в свет книга члена-корреспондента АН СССР И. Р. Григулевича «Папство. Век XX», где дается глубокий марксистский анализ деятельности папства как религиозно-политического центра католической церкви в XX в. При этом изложение доводится до наших дней.

«История папства» С. Г. Лозинского не утратила своей научной и пропагандистской ценности и по-прежнему остается одним из самых значительных марксистских исследований по истории католицизма. Теперь она уже библиографическая редкость. Настоящее издание предпринято по просьбе читателей и научной общественности. В его основу положен текст второго издания книги. Вместе с тем издательство, учитывая то, что книга адресована широким читательским кругам, сочло необходимым уточнить и дополнить построчные примечания и дать новое послесловие «Папство после Пия IX», которое написано членом-корреспондентом АН СССР И. Р. Григулевичем.

Глава первая

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПАПСТВА

I

Христианство в I в. н. э. не знало церковной организации, должностных лиц, культа, клира, догматов; вместо института священства были пророки, учителя, апостолы, проповедники, выходившие из рядовой массы верующих и, как считалось, обладавшие *харизмой*, т. е. способностью, «даруемой духом», пророчествовать, учительствовать, совершать чудеса, исцелять и т. д. Любой христианин мог называть себя харизматиком и заниматься учительством-пророчеством; если он имел достаточное число приверженцев, то фактически зачастую руководил делами общины.

О деятельном участии в общинных делах пророков-учителей говорится в «Пастыре» Гермы (*«Пастырь» - произведение раннехристианской литературы, выразившее идеи демократического течения в христианстве. В число «священных книг» не вошло*), относящемся к середине II в. С течением времени, в особенности со второй половины II в., руководство общинами сосредоточивается, однако, все более в руках пресвитеров - старейших членов общины по возрасту либо по времени их вступления в общину. Руководство это носило в значительной степени хозяйственный характер и на первых порах было связано с совместными трапезами христиан, с так называемыми агапами, вечерами любви. Обслуживались члены общин во время этих трапез *диаконами*, а по мере роста общин, необходимости накопления для них денег и увеличения запасов для трапез появились кладовщики, кассиры и надзиратели-епископы. Последними становились обычно старейшие, наиболее зажиточные члены общины, которые отвечали за сохранность денег и припасов, необходимых для совместных трапез.

Епископы, игравшие роль в общине не в силу своего «пророческого дара», а вследствие своей зажиточности и степенности, внесли новое начало в христианскую общину, вызывавшее естественное недовольство харизматиков, этих первых учителей христианства, в огромном большинстве случаев вербовавшихся в течение 100-150 лет из городской бедноты, рабов, вольноотпущенников, разоренных ремесленников, полупролетариев.

Зажиточные элементы каждой общины стремились прежде всего оттеснить пророков-учителей, не поддававшихся ни надзору, ни регламентации, и передать полноту власти епископам. Так возникла церковная организация с епископом во главе. Его задачей было в первую очередь положить конец пророчествам, содержащим нападки на богачей, предсказывавшим неизбежную гибель старого греховного мира и близкое торжество царства божьего. Эти пророчества с их чаяниями, надеждами, проклятиями и ненавистью особенно ярко выражены в «Апокалипсисе»

Иоанна, написанном в 68-69 гг. н. э. в фантастической форме «видений» (*Подробнее см.: Свенцицкая И. С. От общины к церкви. М., 1985*).

Несмотря на непримиримую ненависть к «вавилонской блуднице» (Риму) и к господствующим в мире «злу и несправедливости», эти пророчества звали не к борьбе, а лишь к «духовному освобождению» от земной юдоли страданий. Близкого «царства Христа» они ждали не от боевого выступления своих приверженцев, а от грядущего чуда, верили в то, что небесное возмездие каждому воздаст по его заслугам. «Горе вам, богатые! ибо вы уже получили свое утешение. Горе вам, пресыщенные ныне! ибо взалчете» (Лука, VI, 24-25); «удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в царствие божие» (Марк, X, 25).

Этот демократический революционный дух обездоленных, бесправных, угнетенных и поработанных масс мировой державы не сопровождался уже теперь революционными подвигами и действиями, так как рабовладельческий и давно уже разлагавшийся Рим не знал подлинно революционного класса. Римский «пролетариат» жил за счет общественных и частных щедрот и представлял собою босаяцкую, люмпен-пролетарскую массу с противоречивыми зачастую интересами. Вот почему идеи первоначального христианства, хотя и делали его «одним из революционнейших элементов в духовной истории человечества» (*Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 478.*), оказались совершенно непригодными для переустройства мира в интересах народных масс.

Вскоре начинается процесс приспособления христианства к интересам господствующего класса империи. Зажиточные слои общества, принимавшие во все большем числе новую религию, энергично вытравляли «анархические и индивидуалистические бредни» ранних последователей христианства. Верующим внушалось, что епископ обладает унаследованной от апостолов «благодатью божьей», что он один ею распоряжается и что он - опора церкви. Эта новая идея отчетливо звучит уже у «апостольских мужей». Игнатий Богоносец (*Игнатий Богоносец - епископ антиохийский, живший, по преданию, в конце I - начале II в. Ему приписывается ряд раннехристианских сочинений («посланий»)*) провозглашает, что «нет церкви без епископата». Церковь сменила пророческое учение о ненависти к богатым и угнетателям проповедью о непротивлении злу и любви к врагам; она уничтожила представление о равенстве людей, господина и раба, провела резкую грань между клиром и мирянами, устранила братские отношения внутри общины и отменила совместные трапезы. Христианство перестало отпугивать правящие круги империи. К тому же характер организации христианских общин, требование слепой покорности, угроза тяжких наказаний за ересь - все это делало новую религию удобным орудием для государства, которое в союзе с епископатом могло распоряжаться христовым «стадом» в интересах еще большего закрепощения и угнетения народных масс.

Епископы стали бесконтрольно распоряжаться имуществом общины и даже сумели использовать «языческие» представления и законы о «божественной собственности». Согласно действовавшим в дохристианской Римской империи законам, боги имели право приобретать всякого рода имущество, достававшееся им в силу дарений, завещаний и т. д. Принадлежащее «богу» имущество считалось священным, не могло становиться предметом извлечения выгоды, и отчуждение его обставлялось рядом формальностей, сильно ограничивавших владетельные права «бога». В некоторых местах «боги» получали привилегию более или менее свободно распоряжаться своим имуществом. Так обстояло дело в Галлии, в Северной Африке. Фактически, разумеется, в качестве юридического лица, представлявшего интересы того или иного бога, выступали жрецы. По мере того как изменялись представления о богах, менялось и представление о «божеской собственности»: она делалась в качестве предмета, служившего культу, принадлежностью той ассоциации, которая содержала за свой счет культовое учреждение и которая приобретала все права юридического лица.

Аналогичное представление о собственности «бога» было перенесено и на христианское церковное имущество. Так, например, когда антиохийский епископ Павел Самосатский, удаленный со своего поста, отказался в 272 г. передать своему преемнику церковь со всем ее имуществом и жители Антиохии принесли на него жалобу императору Аврелиану, император, как сообщает церковный историк Евсевий, постановил, что имущество должно быть передано тем, кого епископы Италии, в частности римский епископ, считают христианской общиной (Евсевий,

VII, 30, 19). Но для епископов понятие «христианская община» или «христианская совокупность» давно ушло в область прошлого. Вместо общины налицо был самодержавный епископ, который неограниченно распоряжался всем церковным имуществом. В его руках находилась общинная касса.

По мере роста отдельных общин епископы окружали себя разными должностными лицами, в круг обязанностей которых входила и проповедническая деятельность, наряду с работой по улаживанию финансовых, судебных, полицейских и иных вопросов. Будучи главой всей общины, епископ взял на себя роль наставника в вероучении.

Постепенно епископское понимание вероучения выкристаллизовалось, и определенные догматы веры стали обязательными для всей массы прихожан, и никто из общины, все чаще и чаще сравниваемой со *стадом овец*, не смел выступать против епископа - *пастыря* (pastor), невозбранно стригущего свою покорную паству.

Эта эволюция сказалась и в слове «церковь» (ecclesia), под которым сначала понималась община, совокупность христиан, а затем определенное учреждение. Имущество церкви из рук общины перешло в руки учреждения - вернее, того епископа, который стоял во главе этого учреждения и «представлял интересы бога». Церковное имущество принадлежало епископу не как частному лицу, а как «божьему представителю»: он не имел права передавать его по наследству, и после его смерти оно переходило к его преемнику по епископской кафедре, а не к частному лицу, сыну или родственнику епископа.

Получив право приобретения как движимого, так и недвижимого имущества, церковь или, вернее, епископы широко пользовались этим правом, и уже в IV в. светская власть предупреждала, что будут приняты меры против тех представителей церкви, которые эксплуатируют для своей выгоды «религиозные чувства мужчин и слабости женщин». Согласно этому предупреждению, в 370 г. лицам духовного звания было запрещено получать дома сирот и вдов, и все завещания и дарения, сделанные вдовами и женщинами при деятельном участии и увещевании представителей духовенства, объявлялись недействительными. Через 20 лет император Феодосий I усилил это запрещение и резко осудил всякое его нарушение как благочестивый обман и хитроумный обход запретительного закона.

Однако эти декреты не имели практического значения: императорская власть была слаба, и с нею мало считались; кроме того, закон говорил не о церкви вообще, а об отдельных ее представителях, и потому запрещение толковалось в очень ограниченном смысле. В 455 г. были отменены даже и эти мало соблюдавшиеся ограничения, и церковь смогла свободно приобретать движимость и недвижимость. Она получила от правительства значительную часть того огромного имущества, которым раньше «владели» языческие боги. По мере увеличения христианских общин росло и богатство отдельных епископских церквей, в силу чего церковь сделалась могущественным земельным собственником. Из всех епископств наиболее богатым стало римское.

Столица огромного государства - Рим - еще до императорского периода представляла собою «осколок вселенной», торговый центр, стягивавший и людей, и товары, и идеи, а также множество религий и еще большее количество самых разнообразных богов. Победитель - Рим, разумеется, считал своих богов сильнее и могущественнее богов побежденных им народов, но и боги последних не были в глазах римлян лишены определенной мощи. Недаром при осаде неприятельского города римские военачальники стремились склонить на свою сторону покровительствовавших осажденному городу богов и после победы остерегались разрушать их храмы, боясь их мести.

Было естественно, что и христианская община мировой столицы стремилась придать именно римскому епископу особое значение. Кружево легенд плелось о самом происхождении этой общины. Позднее, примерно с IV в., появилось утверждение, что сам апостол Петр основал римскую общину и был первым ее епископом, а потому римской церкви надлежит считаться

главнейшей в христианском мире, а римскому епископу дан примат, т. е. высшее иерархическое положение.

Святой апостол Петр, которого католическая церковь объявила первым епископом Рима и основателем папства (Бронзовая скульптура в соборе св. Петра в Риме)

Святой апостол Петр (скульптура в соборе Св. Петра в Риме)

Фото добавлено (в оригинале нет)

Против этих притязаний римского епископа выступали более ранние большие восточные общины, в частности Александрии, Иерусалима и Антиохии. Так, Александрийская хроника писала: «В первый год царствования Веспасиана (69-79) умер апостол и иерусалимский патриарх Якобус, которого Петр при отъезде в Рим назначил вместо себя епископом Иерусалима». На этом основании возникла легенда, будто Петр основал иерусалимскую общину. Право считаться творением Петра, быть «скалой» (petra - по-гречески означает «скала») церкви и владеть ключами небесного царства оспаривал у Рима с особенным упорством Иерусалим, а позже - г. Пелла, а также общины восточного берега Иордана. Папа Каликст I (217-222) ссылаясь на евангельский текст (Матфей, XVI, 18-19) как на «доказательство» того, что «князь апостолов» - Петр, в качестве «наместника Христа», построил на «скале» христову церковь и получил «ключи от царства небесного». Каликст и следовавшие за ним епископы Рима (в дальнейшем их стали называть «наместниками бога на земле») доказывали, что им принадлежит первенство не только почетное (primatus honoris), но и юридическое. Последнее выражалось, между прочим, в том, что ключи от всех «семи небес», по их уверению, могут, по усмотрению римского епископа, открывать перед любым смертным царство небесное и люди, даже совершившие самые ужасные преступления, на этом основании могут быть очищены от грехов и впущены прямо в рай. Вместе с легендой о «Петре-скале» распространялась и другая легенда, гласившая, что земля Рима была особенно сильно пропитана кровью мучеников и что среди последних были апостолы Павел и Петр, которые своей смертью сделали «навек» Рим святейшим городом вселенной.

Легенда о гибели мифического Петра в царствование Нерона (54-68) гласила, что на Ватиканском холме среди разных языческих могил была якобы найдена через много лет после

гибели Петра и его могила. На этом будто бы месте Константин I (306-337) построил базилику в честь обоих апостолов.

Для Иринея и Киприана (*Иринея* (ок. 130-ок. 202), *епископ лионский*, и *Киприана* (ум. 258), *епископ карфагенский*, - *христианские проповедники, авторы многих «посланий», «отцы церкви»*). Рим точно так же является «матерью и корнем всей христианской церкви». Римские епископы претендовали на особый титул, который выделял бы их из среды других епископов. Марцеллин (296-304) заимствовал этот титул с Востока и первый из римских епископов стал называть себя папой, греческим словом «*parras*» - «отец», «батюшка» - как обычно называют епископа на Востоке. Однако лишь с начала VI в. этим именем назывался один только римский епископ.

Римский епископ стремился стать «епископом всех епископов», главою всемирной, вселенской католической церкви. В качестве такового он пытался установить во «всем мире» религиозные обряды, церемонии, молитвы, догмы, правила поведения и нравственности, которые в силу разнообразных причин считались римскими епископами наиболее «угодными богу». Так, Виктор I (189-199) настаивал, чтобы христианская пасха не была связана с еврейской. Он угрожал малоазиатским общинам исключением из христианского мира, если они будут праздновать первый день пасхи совместно с евреями 14-го числа месяца нисана, а не в первое воскресенье после этого числа. В целях единого дня начала празднования пасхи он созвал в Риме синод (*Синод - в данном случае - собрание христианского духовенства, созывавшееся для обсуждения и разрешения церковных вопросов.*), на котором присутствовали представители и Запада, и Востока. Защитником «непокорных» восточных общин был Поликрат из Эфеса, ссылавшийся на «великие светочи», похороненные в Азии, и всегда придерживавшиеся празднования пасхи в день 14 нисана. Он, между прочим, указал, что существование «разнообразных обычаев в характере и продолжительности постов» не вызывало никогда ни с чьей стороны осуждения, и было бы несправедливо «отсечь от христианского мира» старейшие малоазиатские общины. Единодушие Востока против Запада, отражавшее наличие социально-экономических противоречий между отдельными частями империи, не дало Виктору I возможности навязать свое решение всему христианскому миру: в течение свыше 100 лет празднование пасхи совершалось разновременно в христианском мире, и Восток продолжал считать 14 нисана первым днем христианской пасхи.

Более успешной оказалась борьба римского епископа с *монархианами*, отстаивавшими абсолютное единство бога и отвергавшими идею троицы; одни из монархиан отрицали божественность Христа и видели в нем человека, в котором действовала божественная сила. Этих монархиан называли *динамистами* (впоследствии и - *адоптианами*); другие монархиане видели в Христе бога и признавали его воплощением самого бога-отца. Так как этим учением бог оказывался как бы пониженным в своем ранге, уравненным сыну и, следовательно, пострадавшим, то эта часть монархиан получила название *патрипассиан* (*patris-passio* - умаление отца).

В дни Виктора I в Риме пропагандистом динамистических идей был кожевник Феодот, собиравший вокруг себя, по-видимому, немало последователей. Виктор, придерживавшийся строго, без внесения элементов «от разума», формулы о троице (тринитарной формулы), исключил из римской общины Феодота. Этот шаг, однако, вызвал недовольство среди части духовенства Рима, так как во время борьбы с гностиками (*Гностицизм (от греч. *gnostikos* - имеющий знание) - религиозно-философское направление периода разложения Римской империи. Гностики пытались сочетать христианство с элементами античной философии, а также с восточной мистикой и магией)*) упрощенная формула троичности многих перестала удовлетворять. После смерти Виктора преемником был избран Зеферин (199-217), часть духовенства провела в римские пресвитеры Ипполита. Он противопоставлял тринитарной формуле Виктора и Зеферина идею о соподчинении лиц внутри троицы. Преемник Зеферина Каликст I при своем избрании встретил в лице Ипполита серьезного соперника: часть римского духовенства избрала даже Ипполита в епископы, но большинство стояло за Каликста. Тринитарная формула в духе Виктора I восторжествовала над всеми другими формулировками, так что Ипполит вместе с некоторыми приверженцами очутился в лагере еретиков. Эта победа римского епископа была закреплена Каликстом I провозглашением формулы крещения, признанной вскоре во всех странах христианского мира. «Таинство крещения» заняло исключительное место в христианской религии. По учению церкви, крещение

«есть духовное рождение; вторичное рождение, баня возрождения, воскресение». Евангелие Иоанна приписывало самому Иисусу слова: «Кто не родится свыше, не может увидеть царствия божия». А когда фарисей *(Фарисеи - древнееврейская религиозно-политическая секта, отстаивавшая строгое соблюдение предписаний иудаизма. Отличались показным благочестием)* из синедриона *(Синедрион - высший коллегиальный орган власти в Иудее I в., выполнявший судебные и политические функции)* Никодим недоуменно вопрошал: «Как может человек родиться, будучи стар? неужели может он в другой раз войти в утробу матери своей и родиться? Иисус отвечал: истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится от воды и духа, не может войти в царствие божие» (Ин. 3: 4-5). По-видимому, введение во всеобщее употребление римской крещальной формулы и устройство Каликстом специальной исповедальни, получившей почти такое же широкое применение, послужили основой для создания легенды о Петре, построившем на «скале» свою церковь и ставшем первым епископом Рима. Пользуясь своим «правом» отпущения грехов, Каликст особенно снисходительно относился к священникам и, ссылаясь на то, что в «Ковчеге Ноя рядом находились чистые и нечистые твари», разрешал духовенству и конкубинат *(Конкубинат - в римском праве - фактическое сожитие мужчины и женщины с намерением установить брачные отношения. Дети, рожденные в конкубинате, имели ограниченное право наследования)*, и многоженство.

«Мягкость» Каликста в немалой степени способствовала распространению христианства. Многие из отпавших возвращались в лоно церкви, однако становились предметом нападков со стороны строгих блюстителей старины. Их протесты сливались с недовольством еретиков и язычников. «Поток слов, писаний и посланий», хлынувший по адресу Каликста, отчасти и послужил поводом к точному установлению священных книг, содержание которых было объявлено каноническим *(Канонический - от канон - предписание в области догматики или культа, установленное церковью в качестве обязательного)*. Необходимо было положить конец беспрестанному и произвольному толкованию «божьего слова». До Каликста священной книгой считался лишь Ветхий завет. Новая религия в борьбе с гностицизмом и другими восточными учениями должна была найти опору в другом «завете» столь же священном, как и израильский. В Новый завет были включены четыре евангелия, соборные послания Павла, Петра, Иоанна и другие писания. Новый завет, служа как бы продолжением своего предшественника, считался, подобно ему, «бог вдохновенным», а потому все его предписания с конца IV в. так же считались каноническими.

Письменное закрепление этого нового вероучения, вытесняя устное слово, усиливало в христианской среде роль ученых, в большинстве своем людей из зажиточных элементов, и оттесняла на задний план «нищих духом», т. е. обездоленную массу. По существу, «книга» возобновляла старую борьбу против пророков-энтузиастов, вещателей грядущего царства божьего. В ней заключены были новые по духу, канонизированные тексты: «Рабы, во всем повинуйтесь господам вашим по плоти, не в глазах только служа им, как человеко-угодники, но в простоте сердца, боясь бога» (Послание Павла к колоссянам, 3: 22). «Слуги, со всяким страхом повинуйтесь господам, не только добрым и кротким, но и суровым. Ибо то угодно богу, если кто, помышляя о боге, переносит скорби, страдая несправедливо. Ибо что за похвала, если вы терпите, когда вас бьют за проступки? Но если, делая добро и страдая, терпите, это угодно богу» (Первое послание Петра, 2: 18-20). Так рабство, утверждавшееся с помощью палки в дни господства языческого Рима, теперь, с распространением христианства, было возведено в нравственную обязанность, и раб заковывался в двойные цепи: железные и религиозные, становясь покорным орудием в руках господствующего класса и служившей ему церкви, ставшей теперь уже епископской. Союз государства с церковью означал отныне союз с епископами, которым вынуждена была подчиняться паства.

II

С давних пор Рим оказывал гостеприимство богам покоренных им народов, так что, не выезжая из столицы мира, можно было видеть даже на многолюдных площадях и улицах Рима, по словам Плиния Старшего и Сенеки, больше богов, чем людей. Плиний объясняет это тем, что больные люди размещают части богов в разных местах, чтобы излечить ту часть тела смертного,

какая больше всего нуждается в лечении. Сенека возмущается этой массой богов и иронически восклицает: когда же наконец Юпитер, отец богов, перестанет увеличивать свое потомство: ни преклоннейший возраст, ни законы империи против прелюбодеяния и о благонравии не в состоянии на него воздействовать, - так упорен он в своем распутстве. Но особенно едко высмеивает ату мешанину из римских, греческих, египетских, персидских и иных богов Лукиан в своем бессмертном сочинении «Совет богов»: «Но Аттис, - о Зевс! - Корибант, Сабазий, откуда еще они у нас взялись? Или этот индеец Митра в персидском платье и в тиаре, который даже не говорит по-гречески, так что и не понимает, если пьют за его здоровье?.. Ты египтянин с песьей мордой (вероятно, боги Тот или Анубис.- *Ред.*), завернутый в полотно, ты кто таков, любезнейший, и каким образом ты хочешь быть богом - ведь ты же лаешь? А почему этот пятнистый бык из Мемфиса (бог Апис. - *Ред.*) принимает поклонения, вещает, как оракул, окружен пророками? Об ибисах, обезьянах, козлах и других вещах, куда более смехотворных, мне и говорить-то стыдно - понятия не имею, каким это образом они из Египта попали на небо»; «Мы даже боялись, как бы кто не схватил тебя (Зевса) и не принес в жертву, пока ты был быком или какой-нибудь золотых дел мастер не пустил бы тебя в работу, пока ты был золотым, и не остались бы у нас вместо Зевса ожерелье, браслет и серьга» (*Лукиан. Избранные атеистические произведения. М., 1955, с. 113*). Это не были единичные голоса отдельных скептиков. Безверие охватило с I в. до н. э. сравнительно широкие слои римского общества, в особенности его интеллигенцию. Варрон, знаток языческой религии, не без чувства боли и страха начинает свою книгу «Религиозные древности» грозным предупреждением, являющимся в то же время и предсказанием, что в Риме скоро религия погибнет «не от нападения внешнего врага, а от пренебрежения к ней граждан», в особенности высшего общества, на которое обрушатся многочисленные бедствия, неизбежные спутники гибели религии; «крушение религии - факт не только неоспоримый, но и давнишний». Еще Катон утверждал, что два авгура (*Авгуры - древнеримские жрецы, толковавшие волю богов по поведению птиц*) без смеха не могут смотреть друг другу в глаза и что эта древняя должность уже давно находится в полном упадке. В театрах и народных собраниях нападки на гадателей всегда встречали шумный успех. Бесчисленные комедии Плавта, в которых плуты, жулики и воры приносили повелителю богов щедрые жертвоприношения за его покровительство их «подвигам», собирали полный театр, и зрители награждали восторженными аплодисментами каждую выходку Плавта по адресу богов. Не был религиозен и Цицерон. В одном из своих последних писем он говорил: «В счастье мы должны презирать смерть; в несчастье мы должны желать ее, потому что после нее не останется ничего». Так мог писать даже не скептик, а лишь неверующий, эпикуреец, смотревший на жизнь как на «молнию между двумя безднами бытия» и руководившийся девизом: «*sibi vivere*» (живи, пока живется).

Безверие образованного римского общества в годы зарождения империи сдерживалось социальным, классовым страхом перед плебейской толпой. Описывая тяжелое положение Рима при вступлении Августа во власть, когда народ представлял собою «скопище вольноотпущенников и чужеземцев», Светоний утверждает, что при таком положении дел Август вынужден был прибегнуть к своеобразной поддержке государственного здания - к религии.

Религия уже давно не удовлетворяла духовных и умственных потребностей образованного общества, однако все более насущной ее задачей было - служить опорой господствовавшему классу для обуздания народного недовольства, народных страстей.

Плебеи в долгой борьбе, которую они вели за гражданское равенство, видели богов всегда на стороне своих противников, и в религии плебейам отводилось так же мало места, как в правовой области в целом. В течение долгого времени они были лишены права участия в общественном богослужении; им предоставлялась лишь возможность молиться дома, в кругу близких.

Неудивительно, что плебеи в массе не были особенно привязаны к старой римской религии, служившей их угнетателям. Так притуплялся и выпадал из рук правившего Рима тот божественный меч, который должен был обеспечить ему дальнейшую эксплуатацию широких масс народа.

Империя сменила республику. Религиозная мешанина из греческих и восточных богов оттеснялась смутным *divinitas* (верховное существо), местопребывание которого переносилось все чаще с Олимпа на небо.

Единой огромной державе должен был соответствовать единый всемогущий бог. Соседство множества богов в Риме, который считался не только политическим центром, но и святым городом, подготовляло и практически, и идейно почву для сближения различных богов между собою, для их отождествления и слияния. Естественно было, что Юпитер Капитолийский выдвигался Римом на пост всеблагого, величайшего, всеимперского и всемирного бога. Теряясь между множеством богов и намечавшимся монотеизмом (*Монотеизм - религиозное представление и учение о едином боге, единобожие, в противоположность политеизму - многобожию*), римляне зачастую из массы богов выбирали любимцев в количестве одного-двух десятков и им поклонялись. Но выбирать было не так легко, и глава языческой партии в сенате Претекстат поклонялся всем богам мира: боясь могущества каждого из них, он искал расположения сразу всех их вместе, а смутно перед ним проносилась мысль, не представляют ли все боги в сумме, несмотря на свое многообразие, чего-то единого, которое он, подобно Константину I, готов был назвать *divinitas* (божество). Так сквозь политеизм пробивал себе дорогу монотеизм, который в христианской форме к IV в. охватил значительные народные массы, следовательно, представлял собою силу. Сила эта потеряла свой первоначальный боевой демократический дух, подчинившись епископальной верхушке.

III

В 249 г. солдаты в Мезии (ныне Болгария) провозгласили императором полководца Деция. Победой над готами Деций укрепил внешний мир; путем же усиления влияния старой римской религии он стремился упрочить и внутренний. Рост христианского населения, группировавшегося вокруг клира, он считал опасным для Рима. Деций начал борьбу с ним. Все христиане, без различия пола, возраста и положения, должны были принести жертву в честь государственных богов и получить об этом специальное удостоверение (*libellus*). Христиане, религиозный пыл которых к этому времени уже значительно остыл, вследствие социальной эволюции новой религии, приспособившейся к интересам господствующего класса, массами повалили приносить требовавшуюся жертву. Былой энтузиазм первоначальных общин исчез: «продолжительный мир создал дремлющую веру» (Киприан). Послушных императорскому указу называли падшими (*lapsi*). Среди последних, однако, оказались разные группы: одни принесли жертву с соблюдением всего языческого ритуала; другие «ладанщики» - с опущением многих церемоний, в глазах христиан особенно «одиозных»; третьи, наконец, путем подкупа чиновников ограничивались получением квитанции, не исполнив фактически императорского приказа; их стали называть квитанционными христианами (*libellati*).

Вопрос об отношении к падшим вызвал раскол среди духовенства: епископ Фабиан (236-250) колебался, можно ли принять обратно в лоно церкви падших, если они раскаются; другие стояли за «милосердие», опасаясь ослабления христианских общин; третьи, во главе с епископом Новацианом, боролись против допущения в лоно церкви провинившихся. Деций, который в первую очередь направлял свой удар против «верхушки», арестовал «колеблющегося» Фабиана, который и умер в 250 г. в тюрьме. Во время выборов нового римского епископа боролись между собою «строгие блюстители старины», группировавшиеся вокруг Новациана, и шедшие на уступки в вопросе о падших. Избранным оказался Корнелий, столь же «колеблющийся», как его предшественник Фабиан. Отныне Новациану как «схизматику» (раскольнику) был закрыт путь к дальнейшей деятельности. Его писания выходили под чужим именем, в частности главную его работу «О троице» в IV в. приписывали то Тертуллиану, то Киприану. Продолжатель политики Фабиана подвергся той же участи, что и он: Корнелий был вскоре арестован, выслан императором в Чивитавеккиа; где в 253 г. умер. Избранным оказался опять «колеблющийся» Луций, который, по-видимому, был немедленно арестован, но вскоре снова стал епископом. Через несколько месяцев, 5 марта 254 г., Луций умер. Его преемник Стефан I (254-257) отличался той же примиримостью к падшим, что и его предшественники. Однако вопрос этот потерял свою остроту

с прекращением преследований христиан. Впрочем, они повторялись при императоре Валериане, когда в 258 г. были убиты епископ Сикст II с шестью диаконами во время богослужения в катакомбах. Под впечатлением этой расправы епископская кафедра в течение почти года пустовала, и только в июле 259 г. епископом был избран Дионисий.

Во второй половине III в. римские епископы сумели использовать эти гонения в интересах усиления своей власти, распространяя среди верующих лживые измышления о «мученической» смерти не только Сикста II, но и его предшественников и преемников. Римский епископ возглавил все епископства Апеннинского полуострова и близлежащих островов. Он присвоил себе право не только отлучать епископов, но и назначать. Вскоре его власть распространилась на значительную часть Галлии и Испании, а также Северной Африки, причем в одной только Италии к концу III в. насчитывалось свыше 160 епископств, составлявших так называемый синодальный союз под контролем главной - римской - церкви (*ecclesia principalis*).

Царствование Диоклетиана (284-305) ознаменовалось новым преследованием христиан. Императорская власть нуждалась в едином для всех народов империи объекте поклонения и обоготворения в лице императора. Еще Август объявил умершего Цезаря богом Юлиусом и посвятил ему особый храм с жрецами. Западная часть империи не мирилась с идеей живого богочеловека; и император объявлялся богом лишь после смерти, когда сенат устраивал торжественную консекрацию (посвящение) и отправлял умершего императора в сонм небожителей.

Диоклетиан не пожелал ждать смерти, чтобы стать богом, и потребовал, чтобы перед ним падали ниц и чтобы ему при жизни отдавали божеские почести. Бюст императора занял место под орлами легионов, и у алтаря его имени приводили воинов к присяге. Но в римской армии находились люди - и их становилось все больше и больше, - которым их религия запрещала признавать божественность императора и вообще какого-либо бога, кроме одного. Конфликт был неизбежен, и Диоклетиан в 302 г. исключил из армии офицеров и солдат, исповедовавших христианство. Вслед за этим он в 303 г. запретил христианские собрания, приказал разрушать церкви, уничтожать богословские книги и потребовать отречения от христианской религии под страхом лишения гражданских прав. Когда в Сирии и Каппадокии, в ответ на эти меры, начались военные бунты, Диоклетиан приказал арестовать все духовенство и держать его закованным до тех пор, пока заключенные не принесут жертву богам Юпитеру и Геркулесу, воплощением которых считались Диоклетиан и его соправитель Максимиан. Наконец в 304 г. был издан четвертый эдикт, в силу которого все городское христианское население должно было принести богам жертвы под угрозой длительного тюремного наказания, пыток и даже смертной казни.

Жестокие меры Диоклетиана проводились далеко не везде. В Галлии, например, где цезарем был Констанций Хлор, они фактически не применялись; в Риме было совершено несколько казней, число которых позднейшие легенды чрезвычайно увеличили. Так, были сочинены легенды о мученической гибели трех пап, сменивших один другого: Марцеллина (296-304), Марцелла (308-309) и Евсевия (309-310). Что касается Марцеллина, то известно, что «мучеником» он не был. Даты же понтификатов Марцелла и Евсевия свидетельствуют о том, что они никак не могли быть жертвами «диоклетиановых гонений». Если и верно, что Марцелл и Евсевий были императором Максенцием высланы из Рима, то в этом нельзя видеть акта преследования со стороны «врага христиан». Максенций встречал оппозицию как раз со стороны язычников (в частности, центром агитации против него был сенат и шедшие за ним элементы старой аристократии), ставивших ему в вину «измену» диоклетиановской антихристианской политике. Высылка им двух епископов объяснялась раздорами между группировками христианского населения Рима. Как всегда после преследований, вопрос о падших и о раскаявшихся принимал острый характер, и «снисходительный» епископ делался предметом таких же ожесточенных выпадов со стороны «ревностных и строгих». При таких обстоятельствах «тиран-узурпатор» Максенций прибег к решительной мере - высылке главных зачинщиков столкновений. Это не было актом нетерпимости, а просто мерой общественной безопасности.

По прошествии почти двух лет, когда страсти несколько улеглись, произошли выборы нового епископа - Мильтиада (311-314).

30 апреля 311 г. в Никомидии, где начались в 302 г. преследования христиан, был опубликован эдикт о веротерпимости в отношении христианского населения. Обычно этот эдикт называют эдиктом Галерия, хотя его подписали и соправители императора - Константин и Лициний. Акт о веротерпимости предоставлял христианам «снова возможность существовать» и устраивать собрания «без нарушения, однако, общественного спокойствия». Формально и фактически христианство объявлялось «разрешенной религией». В эдикте не говорилось о возвращении конфискованного у христиан имущества, но общая тенденция эдикта была такова, что и в этом отношении делались поблажки христианам. Максенций, например, вернул Мильтиаду конфискованное в Риме имущество, хотя в других частях империи «цезари» и «августы» этого не делали, за исключением Африки, где на имя проконсула Анумена было опубликовано специальное распоряжение Константина.

Первая подпись на эдикте принадлежала Галерию - вдохновителю антихристианской политики Диоклетиана и ярому противнику христиан, и это свидетельствовало о том, что даже Галерий убедился, что «упрямство и глупость» христиан не могут быть сломлены насилием. «Христиане не служат нашим богам, потому что мы этого им не позволяем», - заявлял престарелый император и нашел выход в эдикте 311 г. Возможно также, что безнадежно больного Галерия толкала на путь веротерпимости мысль, что нет ведь бога, который не мог бы повредить или помочь. Вот почему, говоря о «безумии христиан», он в этом же эдикте просит их «помолиться богу о его здоровье и о благе государства».

Вскоре после эдикта о веротерпимости политическая обстановка изменилась: Галерий умер, Константин вместе с Лицинием вступил в борьбу с Максенцием и Максимианом. Исход борьбы между Константином и Максенцием решался на западе. Максенций располагал хорошей преторианской армией, составлявшей римский гарнизон. У Константина армия была вдвое меньше. Свое положение он считал тем более серьезным, что ауспиции (*Ауспиции - гадания авгуров по полету и крикам птиц*) были неблагоприятны и гаруспики (*Гаруспики - древнеримские жрецы-прорицатели, занимавшиеся гаданием по внутренностям животных и истолкованием всевозможных «знамений»*) были против его похода. Наоборот, Максенцию все благоприятствовало, и он принес богам множество жертв, предвкушая сладость близкой победы. Оба противника не вели антихристианской политики, дорожили христианскими солдатами и считались со все растущей силой христианского населения. Но от Константина боги отворачивались, и он, типичный римлянин своего времени, невольно искал помощи у чужого, но все же, как он полагал, обладающего силой бога. В этот момент стало известно, что мост не выдержал тяжести армии Максенция и что «он вместе с ней погиб в водах Тибра, как некогда фараон в Красном море». Все видели в этом руку какого-то бога. Христиане приписывали «чудесное спасение» Константина своему богу; язычники, провозглашая императора любимцем Аполлона, утверждали, что у него было тайное соглашение с богами. Сенат, в котором язычники имели большинство, воздвиг Константину триумфальную арку с надписью, что император действовал по внушению божества. Все были уверены, что победа Константина дело рук бога, и сам Константин верил в это. Однако за Константином укрепилась репутация защитника христиан: ведь он даже в годину диоклетиановских преследований христиан старался не участвовать в них. Сам Константин стал говорить, что «бог христиан наказывает строго тех, кто оскорбляет его культ, и осыпает благодеяниями тех, кто ему служит». После поражения Лициния, когда Константин остался единственным господином всей империи, он неоднократно повторял эту мысль и иллюстрировал ее личным примером.

Еще в 313 г. Константин и Лициний опубликовали в Милане «эдикт о веротерпимости», гораздо более широкий, чем эдикт 311 г. В «Миланском эдикте» говорилось: «Мы постановили даровать христианам и всем другим право исповедания той веры, которую они предпочитают, чтобы божество, царящее в небе, было милостиво и благосклонно как к нам, так и к живущим под нашим господством. Нам кажется, что будет хорошо и благоразумно не отказывать никому из наших подданных, христианину или нехристианину, в праве следовать религии, которая ему наиболее подходит. Эту нашу волю мы излагаем письменно, чтобы по устранении всех ограничений, содержащихся в более раннем указе и являвшихся весьма недобрыми и несообразными с нашей кротостью, это было уничтожено и чтобы отныне каждый христианин

мог свободно и беспрепятственно исповедовать свою религию. Видя, что нами дарована христианам полная и неограниченная свобода в содержании религии, твоя светлость поймет, что и другим подданным предоставлена, ради спокойствия нашего времени, такая же свобода, так что каждый имеет право свободно избрать и почитать, что ему угодно». Относительно христиан эдикт специально упомянул, что им немедленно должны быть безвозмездно возвращены церкви, кладбища и вообще все, что у них было отнято. Это относилось не только к казне, но и к частным лицам, которые купили или получили в дар церковное имущество. «Во всем этом твоя светлость должна оказывать содействие обществу христиан... и божественное к ним благоволение, уже нами испытанное в великой степени, пребудет всегда, содействуя нашим успехам и общему благополучию».

«Миланский эдикт» ликвидировал «тяжелое диоклетианово наследие». Но совершенно новым в указе Константина и Лициния было опущение термина «государственные боги»; мало того, многобожие было фактически устранено; речь шла о «божестве, сидящем на небесном троне», безличном, абстрактном, не о Юпитере, Митре, а о высшем божестве (*deus summus*). Формально «Миланский эдикт» свидетельствовал о религиозном нейтралитете Константина; однако общая тенденция его явно говорила о сочувствии императора христианству. Стремясь к образованию единого, сильного государства, Константин высоко ценил централизующую силу церкви и считал ее, наравне с войском, бюрократией и законодательством, могущественным фактором в деле создания сильной императорской власти. Выражая благосклонность к христианам, Константин содействовал расширению власти и богатства епископата, крепко державшего паству в своих руках, в частности римского епископа, сделавшегося фактически главою Рима, который со времен Максимиана перестал быть резиденцией императора и вместе с тем утратил значение административного центра империи. Несомненно, что после победы над Максенцием Константин, как суеверный римлянин, начал склоняться на сторону христианского бога, откладывая решительный шаг - крещение - до «последнего часа».

IV

В какой мере Константин дорожил государственной ролью церкви, свидетельствует его энергичная борьба с донатистами, угрожавшими расколом церкви. Донатисты (по имени епископа Доната) не признавали карфагенского епископа Цецилиана, так как он был рукоположен епископом, заподозренным в мягком отношении к «падшим». На этой почве возник раскол в Карфагене, угрожавший принять большие размеры. Константин, убеждаясь, что с христианством нельзя не считаться, и видя в единстве церкви залог могущества своей власти, оказывал давление на епископа Мильтиада, требуя, чтобы «донатистская ересь» была ликвидирована. Созывались комиссии и синоды, причем члены их объявлялись прибывшими сюда «по воле набожнейшего императора». Решения собраний носили примиренческий характер, но донатисты, как ярые ревнители «чистоты церкви», остались недовольны и обратились за помощью к Константину. Так как донатисты, считая себя преследуемыми, стали поддерживать крестьянские движения, направленные против крупных землевладельцев, то Константин пошел по пути преследования донатистов, причем Донат не только был отлучен, но и сослан. С другой стороны, император вознаграждал послушные ему христианские церкви в Риме, предоставив различные доходы от земель Константиновской базилике (в Латеране) на сумму в 1390 солидов (*Солід по весу равнялся 1/72 римского фунта, золотой талант весил 50,4 кг, а серебряный - 67,2 кг*), крестильнице Fons sanctus (там же) - 10 234, церкви св. Петра - 3710, церкви св. Павла - 4070, церкви св. Петра и Марцеллина - 3754, другим церквям - 2665 солидов. Доходы эти церкви получали от земель, расположенных в разных частях империи: в Галлии, Египте, на Евфрате и т. д. Отовсюду потекли в Рим драгоценности, восточные пряности, предметы изысканной роскоши, фрукты, овощи, хлеб. Огромные суммы были пожертвованы Константином на строительство дворцов для епископов и церквей; в частности, папа получил Латеранский дворец в качестве резиденции. До этого времени христианское богослужение в Риме происходило в частных домах. Новые огромные храмы как бы подчеркивали признание христианства со стороны язычника - императора.

В то же время Константин освободил духовенство от государственных повинностей, приравняв его к прочим чиновникам, заявляя в письме к карфагенскому епископу Цецилиану, что эта привилегия дается церкви, признающей в Карфагене своим епископом только его, Цецилиана. Этим Константин не только заключал союз с «алтарем», но и поставил себя в положение судьи в вопросах законности действий и власти епископов и положил начало созданию христианской государственной церкви с ведущей ролью императора (цезарепапизм). Церковь в правление епископа Сильвестра (314-335) шла под попечение Константина тем охотнее, чем щедрее раздавались высшим представителям церкви юридические и финансовые, а также всякого рода почетные привилегии; бесцветный Сильвестр без колебаний принимал эти дары, обязывавшие папу к признательности. Позднее (в конце V в.) была создана легенда, что Сильвестр излечил Константина от слепоты в той крестильной церкви, которой император пожертвовал самую значительную земельную ренту.

Между тем Константин в 324 г. одержал победу над Лицинием, правителем Востока, проводившим, вопреки «Миланскому эдикту», враждебную христианам политику. Эта победа сделала Константина единым правителем всей империи в тот момент, когда в ее восточной половине шла ожесточенная борьба между александрийским пресвитером Арием и епископом Александром. Арий отрицал тождественность, единосущность бога-отца и бога-сына; сын не существовал до рождения, не может быть изначален: творение не может равняться творцу. По существу, Арий стоял на той монархианской позиции, которая была уже признана ересью и осуждена. Когда епископ Александр осудил Ария и поддерживавших его 11 диаконов и пресвитеров, Сильвестр не только одобрил это решение, но и известил о нем все епископии Запада. Однако Арий нашел много сторонников на Востоке, притом очень влиятельных, и Константин, опасавшийся, что раскол церкви может вызвать отпадение отдельных частей от империи, отправил в Египет близкого ему епископа Осия для восстановления единства церкви. Осий вместе с епископом Александром выработали специальный термин для определения отношения между богом и сыном - «единосущный» (*homousios*). Осии удалось убедить Константина в том, что этот термин должен быть признан во всем христианском мире путем провозглашения его вселенским собором.

Таковы были предпосылки созыва Никейского собора 325 г. и принятия им, по требованию Константина, догмата о троичности бога - «един в трех лицах». Сильвестр играл при этом совершенно незначительную роль. Среди членов собора (более 250) было всего четыре представителя Запада (не считая Осии); Рим послал лишь двух пресвитеров: Виктора и Викентия.

Так как никейский «символ веры» был продиктован императором, то все христиане обязаны были, под страхом оказаться государственными преступниками, ему повиноваться. После этого значительно усилились религиозные преследования ариан и всех тех, кто не соглашался в точности исповедовать принятую государственной властью формулу. Ариане противопоставляли «единосущности» (*homousios*) отца и сына их «подобосущность» (*homojusias*): буква йот, разделявшая сторонников никейского догмата и ариан, стала как бы причиной раскола церкви.

Однако в Александрии цезарепапизм, сказавшийся на Никейском соборе, вызвал недовольство, так как епископ Афанасий увидел в нем «смертельный удар» церковной независимости, что дало возможность арианам использовать «никейца» Афанасия в борьбе против Константина. Император Константин, который подходил к религии с точки зрения политической, как главной опоре общественного порядка, испугался роста недовольства его политикой и перешел на сторону ариан. Отныне преследованиям стали подвергаться сторонники «свободной и независимой» от государственной власти церкви; ариане же очутились в лагере приверженцев императора. Созвав арианский собор 335 г. в Тире (Финикия), осудивший никейский символ веры и принявший формулу «подобия» сына и отца, Константин получил возможность менять основные положения христианского вероучения по собственному произволу. Сам он считал нужным засвидетельствовать перед всей империей свою приверженность новому символу веры. Перед смертью он принял христианство из рук арианца Евсевия, известного церковного историка, сначала находившегося в ссылке за арианство, а затем ставшего интимным советником

императора. При преемниках Константина, когда сразу стало три императора, о всеимперском цезарепапизме не могло быть и речи: западная половина империи с ее двумя императорами поддерживала никейский символ, Восток с сыном Константина - Констанцием II защищал арианство. Задача примирения обеих группировок выпала на долю римского епископа Юлия I (337-352), созвавшего в 343 г. собор в Сердике (ныне София). На этом соборе большинство принадлежало Западу, и естественно, что никейский символ был принят в качестве единственного христианского догмата, арианство же было осуждено и квалифицировано как еретическое учение. Произошел раскол между Западом и Востоком. Сердикский собор постановил, что недовольные епископы могли обращаться с апелляцией к папе Юлию I. Хотя это постановление носило частный характер, последующие папы толковали его как исключительную и навсегда данную собором 343 г. привилегию римскому папе. С этого времени папа стал претендовать на верховенство, на примат, который считался отныне освященным Сердикским собором. Претензия эта, однако, была совершенно неосновательна: решения этого собора могли касаться лишь Запада. Восточные епископы ушли с собора и образовали свой в Филиппополе, где были вынесены постановления в арианском духе и где о прерогативах римского епископа не могло быть и речи.

Император Констанций не соглашался на предоставление особых прав главам важнейших епископий. Объявив, «моя воля - вот канон», он отвергал Сердикский собор, так как вождем на нем был епископ Афанасий, борец за «независимость» церкви от императорской власти. При таких обстоятельствах папой стал Либерий (352-366), который получил приказ от императора о созыве в 355 г. собора в Милане. На этом соборе должно было быть строжайше осуждено поведение «независимца» Афанасия и тех, кто не согласился бы на репрессии против него. Несколько членов Миланского собора были отправлены в ссылку. Среди них был и Либерий, сосланный во Фракию. Вместо него был избран арианин Феликс II (355-365). Однако, как только Либерий раскаялся и согласился стать послушным орудием императора, ему вернули римскую кафедру, тем более что он и в догматическом отношении обнаружил не меньшую уступчивость. Формула никейцев «единосущность» и противопоставлявшаяся ей «подобосущность» были фактически ликвидированы заявлением Либерия о том, что разуму человеческому недоступно постичь тайну рождения сына и что об этом «ничего не сказано в св. писании». Так восторжествовало «единство» христианской религии, ценой явного нарушения никейского символа веры. «Наступило тяжелое время, - писал Иероним, - когда весь мир исповедовал арианство».

Тогда-то император Констанций издал указ: «Мы требуем, чтобы сознавшихся в принесении жертв и служении идолам наказывали смертной казнью». Таким образом, от «Миланского эдикта» о веротерпимости и никейского символа веры не осталось ничего, кроме провозглашения «единой христианской религии». С этого момента (за исключением двухлетнего царствования Юлиана Отступника в 361 - 363 гг.) язычество стало по всей империи преследоваться с особой жестокостью. В 416 г. язычники были лишены права занимать государственные должности, в 423 г. язычники упоминались так, как будто бы их уже не существовало, в 448 г. было проведено сожжение антихристианских книг, а при Юстиниане I язычникам было запрещено владеть имуществом и была закрыта их философская школа в Афинах (529). Вся деятельность церкви характеризовалась суровой нетерпимостью и кровавыми преследованиями.

Победившее арианство стало распадаться на множество сект. Папа Дамасий, больше рассчитывавший на императора, чем на самого себя, в разрешении бесконечных богословских споров, обратился к императору Феodosию I (379-395). В 381 г. император созвал в Константинополе новый собор, на котором были обсуждены разнообразные символы веры. Император осудил все символы, которыми признавалось разделение троицы, и одобрил только веру в «единосущность». Одобрение это приняло форму императорского указа, нарушение которого влекло за собой самые тяжелые наказания. Те из христиан, кто не разделял взгляда, принятого императором, были объявлены, наравне с язычниками, врагами государства и подлежали строгому наказанию. За пролитую кровь и за массовое разрушение храмов, библиотек и арианских церквей несут ответственность как император Феодосий, так и папа Дамасий,

благословлявший деятельность императора, как создателя единой, всеимперской, обязательной, государственной религии. Феодосий создал единую церковь, а Дамасий признал единственным правильным перевод Библии на латинский язык, сделанный Иеронимом (так называемую вульгату), и требовал уничтожения всех других переводов Библии, не совпадавших полностью с переводом его друга и соратника.

V

В 401 г. вестготский король Аларих вторгся в Италию и вскоре подошел к Риму. Городом овладела паника. Хотя римскому полководцу Стилихону, вандалу по происхождению, и удалось в 402 г. нанести поражение Алариху, последний тем не менее стал взимать ежегодную дань с Рима в размере 4 тыс. фунтов золота и был даже провозглашен наместником Западной империи. С 408 г. Аларих трижды осаждал Рим и наконец овладел им в 410 г. После ухода Алариха римский папа Иннокентий I (401-417) стал героем дня. Известный христианский поэт Пруденций прославлял папу как спасителя Рима и много сделал для поднятия папского авторитета. Одновременно с Пруденцием Иннокентию курил фимиам и епископ гиппонский (Северная Африка) Августин (350-435), крупнейший церковный авторитет. Фигура Иннокентия I превратилась чуть ли не в героическую. Пользуясь этим, он расширял свою власть и в отношении провинциальных епископов. Буря у берегов Сицилии, поглотившая корабли Алариха и часть его войска, еще более сгустила туман легенд вокруг имени Иннокентия I.

Папа Лев I (Великий) направляется на встречу с вождем гуннов Атиллой, чтобы уговорить его не нападать на Рим (Картина Рафаэля в Ватиканском музее)

Славу «спасителя Рима» от грозного предводителя гуннов Аттилы снискал и папа Лев I (440-461). По распространенному впоследствии церковью преданию, он будто бы отправился с посольством во вражеский лагерь после того, как Аттила в 452 г. предал мечу и огню Венецию и Лигурию. Неподалеку от Мантуи произошла якобы встреча между Аттилой и Львом I, вручившим предводителю гуннов многочисленные подарки и уговорившим его уйти из Италии. Впрочем, отказ Аттилы от нападения на Рим мог действительно иметь место, поскольку как раз в это время император Маркиан ударил в тыл армии гуннов. Через несколько лет, в 455 г., папе Льву I, ловкому дипломату, удалось спасти Рим от полчищ вандальского короля Гейзериха, угрожавшего городу поголовной резней: за огромный выкуп король согласился «ограничиться» 14-дневным разгромом Рима, оставить в живых его население, не сжигать церкви и не допускать грабежа главных храмов столицы. Имя Льва I стало благословляться во всей Западной империи. Стремясь к усилению папства, Лев I добился от императора Валентиниана III издания декрета о подчинении епископов папскому суду и о придании решениям папы силы закона. Все это способствовало превращению римского епископа в главу церкви на Западе.

Возвышение папы в качестве защитника государства от внешней опасности шло параллельно падению авторитета римских императоров, быстро чередовавшихся на престоле. Этот период сопровождался усиленной эмиграцией крупных землевладельцев в Византию. Покинутые поместья нередко отдавались папе - «естественному и единому» защитнику западной половины империи. Так росла, вместе с политическим престижем папства, и его материальная база.

Церковь на Западе еще более окрепла, когда франкский король Хлодвиг (481-511), стремясь привлечь на свою сторону христианское население Галлии в целях создания большого франкского королевства, принял христианство по обряду римской церкви и объявил себя ее защитником. Франкский король щедро одаривал землями высших представителей церкви. Так укреплялся союз алтаря и трона в общих целях подчинения народных масс господствующему классу.

Рост экономического и политического могущества церкви сопровождался усилением нравственной распущенности духовенства, оправдывавшегося «немощью человеческой природы» перед неодолимой силою греха. Уже в начале V в. монах Пелагий с возмущением отзывался о римском клире и утверждал, что «неодолимого греха» не бывает: если он - дело необходимости, то он не грех; если совершение греха зависит от человеческой воли, его можно избежать; человек «сам спасется, как и сам грешит». Пелагий отрицал учение церкви о первородном грехе. Он решительно отвергал идею о переходе греха на потомков Адама. Он видел в грехе лишь сознательный индивидуальный акт, который поэтому не мог быть причиной смерти человека. Лишение греха реальной силы неизбежно вело и к отрицанию «благодати», ниспосылаемой на человека свыше. Учение Пелагия вело к ереси. Это стало очевидным, когда за его распространение взялся честолюбивый патриций Целестий, вскоре вместе с Пелагием бежавший в Карфаген. Резко формулируя положения Пелагия и не скрывая расхождений с учением церкви, Целестий во всеуслышание заявлял: Адам умер бы и в том случае, если бы и не согрешил; его грех есть его личный поступок и не может быть вменен всему человечеству; младенцы рождаются в том состоянии, в каком был до своего падения Адам, и не нуждаются в крещении для вечного блаженства; до Христа и после него были люди безгрешные и грешные; закон ведет в царство небесное так же, как евангелие; как грехопадение не является причиной смерти живущих, так и воскресение Христа не есть причина грядущего воскресения мертвых. Под влиянием Августина шесть тезисов Пелагия-Целестия были в 412 г. Карфагенским собором признаны еретическими, и оба «учителя ереси» бежали на Восток. Привлеченный собором в Лидде в 415 г. к ответственности за то, что он утверждал, будто каждый человек может быть безгрешным, Пелагий был оправдан, но его «дело» было послано папе, которому таким образом было предоставлено последнее слово. Тем самым авторитет папы получал признание не только на Западе, но и на Востоке. Римскому епископу, становившемуся фактически и светским правителем, необходимо было сломить претензии на мировое господство Константинополя, этого «выскочки», гордо называвшего себя Новым Римом. Это казалось делом нетрудным, так как Египет, Сирия и Палестина тяготились владичеством Константинополя, и папство, опираясь на

византийское монашество и находившееся под его влиянием разоренное городское население и крестьян, могло рассчитывать на создание грозного для Константинополя союза Рима с провинциями Восточной империи, стремившимися к сепаратизму. Недовольство народных масс империи гнетом Константинополя находило свое отражение в религиозной форме, в учении о единой природе (*monē physis*) Христа, о едином его естестве. Это учение и получило название *монофизитства*. Оно противостояло учению церкви о двойственной (богочеловеческой) природе Христа.

Наиболее ранним представителем монофизитства обычно считают лаодикийского епископа Аполлинария (310-390), которому приписывали заявление: «если бы Христос принял естество человека, то он несомненно имел бы и человеческие помыслы; в человеческих же помыслах невозможно не быть греху». Вывод был таков: в Христе есть только божественное естество.

Прямо противоположную монофизитам позицию занимали ариане, настаивавшие на человеческой природе Христа. Оба эти учения были равно неприемлемы для церкви, которая объявила их еретическими. Церковь обрушилась на еретиков жестокими гонениями. Причиной этих преследований были не столько догматические споры, сколько страх правящих кругов, в том числе церковного руководства, перед волнениями в народных массах империи, выражавших свое недовольство участием в этих еретических движениях. Гонениям правящей церкви подверглись также и сторонники низложенного в 431 г. константинопольского патриарха Нестория, развивавшего критику христианской догматики в духе рационалистических идей. Несторий выдвигал положение о «самостоятельно существующей» человеческой природе Христа. Он будто бы говорил: «разве бог имеет мать?.. Нет, Мария родила не божество, потому что рожденное от плоти есть плоть. Сотворение не могло родить творца, а (только) человека, орудие божества». Позднейшие «поправки» Нестория не могли все же спасти его от религиозной опалы, и он умер в 451 г. в далекой ссылке. Несторианство было особенно распространено среди духовенства восточных провинций, главным образом Сирии, Месопотамии и Египта, настроенных сепаратистски по отношению к Константинополю.

Религиозные распри на Востоке были использованы Римом. В 448 г. к папе Льву I обратился с апелляционной жалобой на константинопольского епископа Флавиана архимандрит Евтихий, лишенный сана за то, что он заявил: «Исповедую, что Христос состоит из двух естеств до соединения, а после соединения исповедую одно естество».

Евтихий, таким образом, отрицал две природы в Христе и являлся еретиком-монофизитом. В 449 г. был созван собор в Эфесе по приказу императора Феодосия II (408-450). Папа Лев I отправил на имя этого собора специальное послание, в котором осудил Евтихия и председателя собора александрийского епископа Диоскора. Диоскор не допустил оглашения папского послания, из собора были удалены 40 епископов, отлучен был и Флавиан, которого при этом Диоскор жестоко избил, отчего тот через три дня умер. Учение Льва I о «двух природах в одном лице» было осуждено под предлогом, что никейский символ «не терпит» добавлений. Была сделана попытка отлучить от церкви самого Льва. Собор 449 г. получил прозвище «разбойничьего» - вооруженные солдаты силою выталкивали непокорных членов его. Так александрийская партия одержала победу не только над константинопольской, но и над Римом.

Этот провинциальный сепаратизм, получивший столь резкое отражение в религиозных распрях, побудил императора Маркиана (450-457) к принятию энергичных мер для восстановления «религиозного престижа Константинополя», для укрепления единства внутри империи. Этой политикой ловко сумел воспользоваться папа Лев I, на сей раз оказавшийся «другом» императора. В 451 г. в Халкидоне был созван новый собор, в котором приняло участие до 600 представителей духовенства. Почти все они были против «нововведений», сделанных после Никейского собора 325 г. и Эфесского 449 г. Те, кто выступал обвинителями на соборе 449 г., очутились в 451 г. на скамье обвиняемых. Диоскор был низложен за отлучение папы Льва I, и послание последнего от 449 г. было теперь торжественно оглашено при криках: «Это - вера отцов, апостолов! Анафема тем, кто не так верует! Апостол Петр говорит через Льва! Почему послание Льва не было оглашено в Эфесе?» Так Халкидонский собор закончился триумфом римского папы. Через 100 лет Кассиодор, знаменитый государственный деятель Остготской Италии, назвал Льва

«апостольским доктором», а издатели его сочинений в XVIII в. прибавили еще титул «доктора церкви», и его имя сопровождалось эпитетом «Великий».

Однако настоящего триумфа Лев I не познал. Победителем в споре между церквами Египта и Византии, к которой на этот раз примкнул Рим, оказался император Маркиан, явившийся на Халкидонский собор и объявивший «окончательной истиной» новую формулу веры, под которой подписались 355 членов собора. Император против воли папских делегатов провел через собор постановление о том, что всякое первенство (*omnis primatus*) и особый почет (*honor principis*) признаются за архиепископом Рима, но что такое же первенство и такой же почет признаются и за архиепископом Нового Рима (Константинополя), рукополагающего митрополитов Азии, Понта и Фракии. Это решение императора давало фактически особые права константинопольскому первосвященнику и епископу, рассеивало легенду об апостоле Петре, якобы предоставившем Риму исключительные привилегии. С «сердечной болью» узнал Лев I об этих соборных постановлениях, которые прокладывали путь «константинопольскому папству». Он протестовал против умаления «петроапостольского Рима».

Так после Никейского собора церковь превратилась в орудие, с помощью которого императорская власть тщетно пыталась укрепить гибнущее рабовладельческое государство. Церковь приспосабливалась к изменяющимся общественно-политическим условиям и шла на сближение с варварами. Гибель же империи была ею использована в своих интересах.

Глава вторая

ОБРАЗОВАНИЕ ПАПСКОГО ГОСУДАРСТВА (VI-VIII вв.)

I

Короли, знать и большая часть остготского населения исповедовали арианство. Остготские правители опирались на крупное римско-готское землевладение - как светское, так и церковное. Папа римский по-прежнему округлял свои владения, и короли-ариане никаких препятствий в этом отношении ему не чинили. Они, однако, далеко не безразлично относились к тому, кто будет избран папой. Так, в 498 г. кандидатами на папский престол были Симмах и Лаврентий. Первый являлся противником Византии и выступал против принятой там формулировки о двух природах Христа. Лаврентий, наоборот, ориентировался на императора и шел навстречу попытке смягчить принятую в 451 г. по этому вопросу формулу. Началась ожесточенная борьба между двумя кандидатами и их приверженцами, улицы Рима обагрились кровью. Симмах отправился к остготскому королю Теодориху в Равенну и, как утверждают, путем подкупа придворных добился своего «утверждения». Его антивизантийская линия совпадала с интересами Теодориха. В Риме же в это время был провозглашен папой Лаврентий (в списке пап - антипапа, 498 (501) - 505). Вернувшись в Рим, Симмах (498-514) издал первый папский декрет о выборах (499 г.). Отныне при жизни папы (без его ведома) запрещалась всякая предвыборная агитация, чтобы предотвратить влияние светских лиц на выборы. Из декрета вытекало, что папе принадлежит право указать желательного ему преемника («дизигнация»); если же такая дизигнация вследствие неожиданной смерти папы или его серьезной болезни не могла состояться, то новый папа избирался клиром. Прежняя традиционная форма выборов «клиром и миром» была упразднена. На деле, однако, декрет 499 г. практического значения не имел. Так, в 526 г. король Теодорих высказал положительное суждение (*judicium*) об избранном папе Феликсе IV (III) (526-530) и устранил его соперника, как неподходящее лицо для столь важного поста. «Папская книга» (*Liber pontificalis*) (*«Папская книга» - собрание биографий пап до конца 687 г. В дальнейшем была продолжена до 1431 г.*) открыто говорит о «приказании» Теодориха избрать Феликса. Предшественник его, папа Иоанн I (523-526), был неугоден Теодориху, который поручил ему отправиться в Константинополь и выхлопотать облегчение для ариан придунайских стран. Так как миссия эта Иоанну I не удалась, он был по возвращении в Рим брошен Теодорихом в тюрьму, где через несколько месяцев и умер. Характерно, что преемник Феликса IV (III), остгот по происхождению, «первый германский папа», Бонифаций II (530-532), пытался вступить в пререкания с королевской властью, но был вынужден публично признать себя виновным в оскорблении величества. Следующие папы при

остготских королях также назначались. За свое утверждение папы, согласно закону 533 г., выплачивали остготским королям от 2 до 3 тыс. солидов; плата эта удержалась до 680 г.

В 532 г. римским сенатом был издан декрет о запрещении подкупа папских избирателей. При этом сенат констатировал, что из церквей выносятся драгоценности и тратятся в целях подкупа избирателей. Остготский король Аталарих приказал префекту Рима вырезать этот декрет на мраморной доске и прибить ее к церкви св. Петра.

Борьба за папский престол имела не только личный, но и политический характер; арианское остготское королевство стремилось укрепить и создать прочную базу в Италии, Византия же мечтала о воссоединении империи. Папа, назначаемый остготским королем, оказывался в затруднительном положении и потому, что Византия отвергала римскую формулу двух естеств в Христе, склоняясь к монофизитству. Папе Агапию I (535-536), отправившемуся в Константинополь, удалось склонить императора Юстиниана и константинопольского патриарха Меннаса к формальному заявлению о том, что они, полностью отвергая распространенные в восточной половине империи формулировки о природе Христа и монофизитское истолкование истинного вероучения, целиком стоят на точке зрения Халкидонского собора 451 г. и признают лишь формулу едиnorodного Христа в двух естествах. Так, казалось, было восстановлено единство исповедания веры и признание примата за папой Агапием. Он должен был приехать в Константинополь для руководства собором с целью окончательного провозглашения принятого в Халкидоне символа веры. Смерть Агапия не дала ему возможности руководить предстоящим собором.

Император послал в Рим своего кандидата на папский престол. То был Вигилий, личный друг и секретарь умершего Агапия. В Италии в это время началась война между Византией и Остготским королевством. Короля Теодагата отнюдь не привлекал ставленник Византии, и еще до приезда Вигилия папой был «избран» Сильверий (536-537). Его избрали с нарушением канонических правил. Как уверяет «Папская книга», в ход были пущены одновременно подкупы, угрозы и даже суровые наказания «непокладистых» людей. Между тем военное положение Рима резко ухудшилось. Король Теодагат бежал, в городе не было желания долго сопротивляться наступавшей византийской армии, и Сильверий вступил в тайные переговоры с полководцем Велизарием и открыл ему ворота в тот момент, когда римский остготский гарнизон уходил из Рима через другие ворота. Положение Сильверия было тем труднее, что новый остготский король Витигес осадил Рим, в котором начался голод, и умиравшие люди искали виновников своих бедствий. Агенты Вигилия во всем обвиняли «готского» папу Сильверия. То обстоятельство, что он изменил Теодагату и сам впустил Велизария в Рим, не могло помочь Сильверию. Тот, кто раз изменил готам, говорили в Риме, может изменить и византийцам. В Риме упорно распространялся слух, что Сильверий вел тайные переговоры с новым остготским королем Витигесом. Под влиянием возмущенного народа Сильверий был смещен и отправлен в Патару (Малая Азия). Велизарий же провел на папский престол Вигилия (537-555).

Остготский король Витигес не смог довести до благополучного конца осаду Рима и в конце концов попал в плен к Велизарии. Остготы считали его изменником, и на престол вступил Тотила (541-552), использовавший в этот момент революционную борьбу рабов и колонов, которые выступили против гнета крупных землевладельцев. Тотила отвоевал потерянные области и вступил в 546 г. в Рим, откуда спешно эмигрировали в Византию имущие элементы, опасавшиеся «тирании черни». Среди бежавших был и папа Вигилий. Он скрывался сначала в Сицилии, а затем в течение 10 лет находился в Константинополе, где одобрил ряд мер в пользу монофизитов, считавшихся до того папским Римом еретиками.

Цезарепапизм Юстиниана и превращение папы в орудие императора вызвали недовольство в Италии, Африке и Галлии. Стали открыто говорить о церковном отделении Запада от Востока. В страхе перед расколом Вигилий изменил позицию и выступил против монофизитства. В ответ Юстиниан распорядился вычеркнуть Вигилия из диптиха, т. е. из списка лиц, достойных особого уважения церкви. Вигилий дважды писал покаянные письма и получил от Юстиниана разрешение вернуться в Рим, но по дороге он скончался в том самом 555 г., когда пало Остготское королевство и Италия на короткое время стала частью Византийской империи.

Юстиниан отправил из Константинополя в Рим диакона Пелагия, чтобы его «избрали» папой. Полководец Нарсес, заменивший Велизария и являвшийся фактически диктатором Рима, в точности исполнил волю Юстиниана.

Однако в течение десяти месяцев не нашлось духовного лица, готового посвятить «избранного» Пелагия; наконец, два пресвитера уступили воле Нарсеса, и Пелагий стал «законным» папой (556-561). Окруженный солдатами, Пелагий I предстал перед народом, с «удовлетворением» принявшим к сведению заявление нового папы о том, что он никакого зла не причинил Вигилию и что последний «в бозе почил так, как и его предшественники». Молва, однако, обвиняла его не только в аресте Вигилия, но и в смерти его, и даже до настоящего времени такие «благочестивые» историки, как Зеппельт и Девриес, не хотят признать непричастность Пелагия к гибели Вигилия. Это объясняется, вероятно, тем, что ряд епископов в Италии вычеркнул имя Пелагия I из диптиха, и папа, несмотря на всякие заверения о независимости от монофизитского императора, не мог добиться внесения себя в список «заслуженных деятелей церкви».

Еще сильнее было недовольство папой в Галлии. Франкский король Хильдеберт I потребовал от Пелагия разъяснения о христианской религии. Собственноручный ответ папы вызвал нападки на «хамелеона» Пелагия, и митрополиты Милана и Аквилеи заявили о своем выходе из «римской церкви». Начались взаимные отлучения от Церкви. В разгаре этих событий Пелагий умер, и император Юстиниан поспешил издать распоряжение, чтобы после избрания нового папы до его посвящения требовалось, в качестве предварительного условия, императорское утверждение. Тем самым глава западной церкви был приравнен к патриархам восточной части империи.

При ближайших преемниках Пелагия I лангобарды заняли равнину р. По и там обосновались. За исключением Равенны, лангобарды овладели всеми землями севернее Рима. Южнее его они образовали в 573 г. самостоятельные герцогства Сполето и Беневент. Рим оказался почти отрезанным от остальных частей Италии, и в нем свирепствовал голод. Константинополь, занятый войной с Персией, не оказывал помощи Риму. В это время на папский престол был избран Пелагий II (579-590), пытавшийся вступить в переговоры с франкским королем для борьбы с арианами-лангобардами. Союз этот особенно одобрял император Маврикий (582-602), и хотя франкскому королю Хильдеберту II в 584 г. удалось несколько облегчить тяжелое положение Северной Италии, но лангобарды все же продвигались вперед. Тогда римский папа изменил позицию и склонился к мирным переговорам с лангобардами, в то время как императорская власть из Константинополя требовала решительной борьбы с «проклятыми арианскими пришельцами», будучи не в состоянии послать на помощь Италии ни одного солдата.

II

Растущие политические претензии папства имели в своей основе все более укреплявшуюся материальную базу в виде значительных земельных владений, становившихся церковной собственностью. Под высокую руку папы спешили стать те, кто хотел купить себе за земную мзду вечное блаженство на небе. Римская епископия вскоре сосредоточила в своих руках богатейшие земли в разных частях Италии, в особенности в окрестностях Рима и на острове Сицилия.

Но не только Италия одаривала папу своими богатствами; ее примеру следовали Галлия, Далмация и даже далекие Африка и Азия. Дарители, однако, искали не только «небесного спасения», но и земного у того, кто являлся «заместителем Христа». Благодаря своему влиянию и богатству папа мог оказывать помощь тем, кто отдавал ему свою землю, защищать их от чрезвычайных налоговых притеснений императорских чиновников.

Это «покровительство» выражалось, в частности, в том, что попавший в нужду или страдавший от налоговых, военных и других тягот крестьянин обращался за помощью к церкви и за полученную «помощь» должен был превратить свой участок земли как бы в арендованный у церкви участок, с которого отныне он ей платил ежегодно определенную сумму деньгами или продуктами. После смерти крестьянина этот участок земли переходил в руки церкви. Она могла сдавать наследникам крестьянина в аренду «свой» участок. Покровительствуемый церковью крестьянин назывался прекаристом (от латинского слова *praecses* - «просьба»), он «держал» эту

землю на «прекарном» праве. Развитие феодального общества, поглощавшее мелкого крестьянина, толкало его в объятия церкви, и прекаристы стали все растущей прослойкой в раннем средневековье. Сама церковь располагалась огромными землями, сажала прекаристов на свои участки и проявляла большую инициативу в деле «оказания помощи беднякам», поскольку ее земельные доходы целиком зависели от обработки этих земель теми же бедняками.

Многочисленные земельные участки, поступавшие в распоряжение папы, объединились в папскую вотчину (*patrimonium*), большая часть которой находилась на острове Сицилия. Сицилийская вотчина насчитывала 400 крупных земельных участков, которые в свою очередь состояли из более или менее значительного количества мелких хозяйств.

Сложный управленческий аппарат папских вотчин состоял почти исключительно, в особенности в своей верхушке, из лиц духовного звания, возглавляемых ректором, зачастую занимавшим одновременно и какую-либо епископскую кафедру. Постепенно из управленческого аппарата были окончательно вытеснены светские лица, и клирики (духовные лица) разных степеней стали не только ведать вотчинными делами, но и наблюдать за жизнью отдельных епископств и церквей.

Находясь в прямой зависимости от папского назначения, эти лица являлись орудием римского епископа и, организуя папские вотчины, укрепляли вместе с тем власть и значение папы во всем христианском мире. И чем богаче становился Рим, тем больше разбухал его управленческий аппарат, тем шире становилось влияние папы, благодаря находившимся на его службе клирикам, жизненно заинтересованным в материальном могуществе наместника апостольского престола. Эта материальная заинтересованность укрепляла веру в истинность и святость всего, что исходило от Рима, и толкование в вопросах веры, одобряемое папой, получало силу канонического закона. Так папские чиновники становились пропагандистами гегемонии римского епископа, его верховенства, «примата папы».

Папские вотчины обрабатывались крестьянами, в огромном большинстве принадлежавшими к «вечным» полусвободным арендаторам, так называемыми колонами, которые несли натуральные повинности и исполняли барщинные работы. Общая тенденция папского хозяйства сводилась к тому, чтобы избегать посредничества крупных арендаторов и вести обработку земель с помощью этих колонов, а также мелких арендаторов, которые по условиям работы мало чем отличались от колонов. Доля их платежей «навсегда» была зафиксирована папой Григорием I (590-604).

Церковь нуждалась в колонах и противилась их освобождению. Так, собор 590 г. в Севилье запретил священникам освобождать колонов, чтобы не допустить утечки церковной земли. В духе этого постановления Толедский собор в самом конце VI в. объявил лишенными силы все акты освобождения крестьян, если священники при этом освобождении не передали церкви соответственных земельных участков. Мало того, собор в Лериде, подтвердив это постановление и придав ему характер канонического закона, осудил практику дарования священниками свободы колонам, во избежание того, чтобы монахи и священники сами не занимались «неподходящим» крестьянским трудом. Отныне даже богатый священник, имевший возможность компенсировать церковь за освобождение колона, должен был помнить, что церковная земля нуждается в работниках, замещать которых вовсе не к лицу священнику или монаху. Запрещая освобождение своих колонов, церковь сочувственно относилась к тому, чтобы светские лица давали своим людям свободу и тем самым предоставляли церкви необходимые ей рабочие руки. Освобожденные становились под ее покровительство, т. е. подлежали юрисдикции церкви, которая извлекала очень существенную выгоду из этой юрисдикции, в особенности в более позднюю пору, в связи с развитием сеньориального права.

Платежи колонов носили главным образом натуральный характер. Но колоны должны были помимо натуральных повинностей нести и денежную, так называемую пенсию.

Из писем папы Григория I видно, что колоны острова Капри помимо вина и хлеба платили пенсию в размере 109 золотых солидов в год. На платеж пенсии мелкими крестьянами указывают их частые жалобы на действия папской администрации, которая при взыскании пенсии считала 73 золотых солида в фунте вместо 72, обманывая таким образом крестьян на один солид на каждом фунте.

Пенсию должен был платить всякий поселившийся на папской земле, хотя бы он и не занимался земледелием.

Каков был доход папских вотчин, сказать трудно ввиду отсутствия точных данных; приходится ограничиваться лишь случайными сведениями, разбросанными в сохранившихся отчетах и письмах разных ректоров к папам и в ответах последних. Так, в середине VI в. плодородная вотчина в Пиценуме ежегодно давала папству 500 золотых солидов; вотчина в Галлии приносила в следующем столетии 400 таких же солидов. По словам византийского летописца Феофана, император Лев III Исавр (717-741), отняв у папы вотчины в Сицилии и Калабрии, повысил свои доходы на 3,5 золотых таланта. По словам немецкого историка Гризара, 400 сицилийских участков, коими владел папа до конфискации их у него Львом Исавром, приносили государству 1500 солидов в виде налога, а после конфискации они давали казне 25 тыс. солидов.

О больших доходах папского двора свидетельствуют и те расходы, о которых упоминается в документах.

Особенно велики были суммы, выплачивавшиеся папами лангобардским королям. Известно, что за 12 лет своего правления папа Пелагий II внес в лангобардскую казну около 3 тыс. фунтов золота.

Григорий I также расходовал огромные суммы на оборону города от лангобардов и на выкуп захваченных ими пленных. В 595 г. он писал в Константинополь императрице Констанции: «Сколько ежедневно выплачивается римской церковью за то, чтобы иметь возможность жить (городу Риму) посреди врагов, - нельзя и сказать. Коротко могу сказать, что так же, как благочестивый император содержит в Равеннской области при главном войске Италии казначея (sacellarius), который должен производить ежедневные расходы по нужным делам, так же и здесь в Риме я состою императорским казначеем по таким же делам» (*Monumenta Germaniae Historica. Gregorii I Papae Registrum epistolarum. Ed. P. Ewald et L. Hartmann. Berolini, 1891, p. 328*).

По другому известию, этот же папа выдавал ежегодно 80 фунтов золота для 3 тыс. монахинь, насчитывавшихся в это время в Риме.

Огромные средства, которые получала папская казна со своих многочисленных земельных участков, давали папству возможность выступать в качестве важной экономической силы.

Из папских владений в разных частях Италии сухопутным и морским путем доставлялись в Рим огромные партии хлеба и всяких иных сельскохозяйственных продуктов, а также разнообразных товаров, которые складывались в большие церковные амбары, известные под названием «горрей».

Чем больше приходила в упадок императорская власть и чем больше она выпускала из своих рук бразды правления, тем большее значение приобретали папские горрей и тем большую роль играли они в повседневной жизни Рима. 1-го числа каждого месяца из горрей выдавались хлеб, вино, сыр, овощи, мясо, ветчина, рыба, масло, предметы одежды и даже предметы роскоши. Папская канцелярия вела особый список лиц, имевших право на получение продуктов и товаров из горрей, причем в список попадали жители не только Рима, но и других городов Италии. Помимо продуктов папская канцелярия выдавала и деньги.

Паразитический Рим нуждался в «покровителе», и если некогда, при существовании сильной централизованной власти, роль «покровителя», раздававшего за счет покоренных провинций хлеб и устраивавшего зрелища, брало на себя правительство, то теперь государственные функции в Риме все более переходили к папству, являвшемуся наиболее крупной экономической силой, опиравшейся на эксплуатацию папских колонов.

Постепенно папство заменило государственного продовольственного префекта Рима. Гражданская власть уступила папству право взимания натуральных повинностей в целом ряде местностей Италии. В папские горрей стали отныне свозить государственные натуральные подати, и отсюда же получали продукты солдаты и чиновники, которые свыкались с мыслью, что их труды оплачивает и их кормит не государство, а римский епископ. Если в течение некоторого времени параллельно функционировали государственные и папские горрей, то постепенно первые стали вытесняться вторыми. Даже выдача денежного жалованья оказывалась не по силам приходившему в упадок государству, и римский епископ становился своеобразным казначеем, выплачивавшим гражданским и военным чинам причитающееся им жалованье. Нуждаясь в

деньгах, светская власть обращалась к папам за займами, в большинстве случаев полупринудительного характера, взамен чего к папской канцелярии перешло право взимания денежных налогов. Отныне представитель папы исполнял обязанности податного чиновника, и страна все более свыкалась с тем, что римский епископ выполняет функции правительственной власти. В руки папы стала переходить администрация столицы, снабжение города водой, охрана городских стен и т. д. *(Со слов итальянского историка К. Ботта Маркс писал: «...мало-помалу все свыклись с мыслью, что жители Рима были его подданными, и на него стали смотреть как на правителя» (Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1938, т. 5, с. 387)).*

Время от времени папство даже создавало более или менее крупные военные отряды, приходившие на помощь правительственным войскам в их борьбе с многочисленными врагами империи. Нередко папы самостоятельно заключали договоры с враждебными Византии силами или становились посредниками между борющимися сторонами, играя, таким образом, все более значительную политическую роль в жизни дряхлевшей империи *(Маркс отмечает, что в это время начинается «возвышение пап как политической силы» (Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. 5, с. 26)).*

Эту роль папство использовало для упрочения своего религиозного влияния не только внутри Италии, но и далеко за ее пределами. В награду за помощь ряд западных епископов добровольно стал под руководство Рима, и папа приобрел власть, с которой не смог сравниться никакой другой епископ. Представители папы - так называемые викарии - посылались им в Галлию, Англию и Иллирию, и везде голос Рима был слышен при рассмотрении не только церковных вопросов, но и таких, которые имели лишь очень отдаленное отношение к церкви.

Викарий (обычно архиепископ) носил особый белый широкий шерстяной воротник с тремя вышитыми шелком крестами - так называемый паллий, символизировавший пастыря, несущего на плечах овцу. Первый паллий был выдан в 513 г. арльскому епископу. Постепенно установился обычай, что каждый архиепископ должен получать от папы паллий. Об этом было торжественно объявлено в 707 г. папой Иоанном VII. За паллий папа взимал определенную сумму, а получивший его архиепископ или митрополит приносил присягу верности папе. Переход архиепископа с одной кафедры на другую влек за собой необходимость повторной покупки паллия. Вручение папой паллия было внешним выражением той силы - экономической и политической, какую приобрел римский епископ за пределами непосредственно подчиненной ему области.

III

Разложение римского рабовладельческого общества и зарождение феодальных отношений приводили к утрате городами их политического и экономического значения. Город хирел, расцветали поместья и виллы. Занятие городских должностей, некогда привлекавшее знатных и богатых, как ступень к высшей государственной службе, с переносом центральной власти в Константинополь и с прекращением в Риме деятельности сената потеряло для аристократии значение, и началось переселение ее в деревню. Связь между отдельными частями империи рвалась: Восток жил отдельной от Запада жизнью. Зимой сообщение между Константинополем и Римом почти прекращалось; больше двух раз в год трудно было сообщаться новой столицей со старой, и даже утверждение нового папы императором подолгу задерживалось. Так, после избрания Целестина (422- 432) прошло полтора года, пока константинопольский император утвердил нового папу. Не менее заметно рвалась и духовная связь: греческий язык забывался в Италии; религиозные и философские учения Малой Азии не доходили до Рима, и влияние «варварских» германских народов становилось на Западе все заметнее.

Италия, в особенности северная и центральная части ее, с Римом во главе совершенно отрывалась от Византии, а в «лихолетие» осады Рима лангобардами имела место попытка Италии путем восстания отделиться и формально от Константинополя. Попытка эта, по-видимому, исходила от солдат, долгое время не получавших жалованья.

Однако повстанцы, ряды которых состояли помимо солдат из беднейших городских элементов и обезземеленных крестьян, встретили сильнейший отпор со стороны итальянского духовенства с папой во главе. С помощью своих колонов церковь подавила восстание под предлогом, что лангобарды станут хозяевами Италии, если византийская власть будет свергнута.

В действительности же церковь боялась за свои богатства: как раз в момент восстания папа Григорий I требовал неукоснительного платежа крестьянских налогов. Восстание, подавленное не столько силами Византии, сколько римским духовенством, показало лангобардам, давно зарившимся на итальянские земли Византийской империи, ее беспомощность. Неудивительно поэтому, что они продолжали свои завоевания, тем более что население Италии, терпевшее от тяжких налогов империи, не оказывало сопротивления лангобардам. Даже Рим, в лице папы Григория I, неоднократно откупался от лангобардов крупными суммами денег: так, в 598 г. он внес «варварам» 500 фунтов золота - это был далеко не единственный случай подобного спасения Рима от лангобардской опасности. Отдельные императорские гарнизоны, немногочисленные и разбросанные по городам, были совершенно недостаточны для защиты от лангобардов, и в стране стали возникать пограничные военные поселения с маленькими крепостями.

Военные поселения образовывались на земле крупного землевладельца, и последний обычно становился (вначале «выбирался») трибуном, управляющим поселением. Постепенно вся власть - не только военная, но и судебно-административная - перешла из рук византийских чиновников в руки крупных землевладельцев. Так как церковь владела огромными землями, то и епископы становились трибунами, приобретая права и обязанности последних.

Являясь крупными земельными магнатами, владения которых находились во многих местах, папы все более подчеркивали свои притязания на власть во «всей церкви», именуя себя «консулами бога», «рабами рабов божьих», которым передана забота о всех христианах. Это неизбежно сталкивало папу с империей. Григорий I не хотел мириться с привилегированным положением константинопольского патриарха и претендовал на право принимать апелляцию на него. С этой целью он подстрекал антиохийского и александрийского епископов к сопротивлению распоряжениям константинопольского патриарха. Папы отрицали титул «вселенский», присвоенный «вопреки всем законам» патриархом столицы империи, и убеждали византийского императора удалить из церкви этот «безбожный и гордый титул», заявляя, что может существовать лишь титул «верховного епископа», на который законно претендует лишь один римский епископ, являющийся главой всей церкви, в качестве прямого преемника апостола Петра.

Григорий I своими сочинениями и, в частности, своей популяризацией идей «блаженного» Августина оказал большое влияние на средневековую мысль. У Августина папство заимствовало идею о том, что «церковь Христова» целиком и полностью сливается с «истинным Римом» - «мировой божьей державой»; Рим же олицетворяется римской кафедрой, созданной «князем апостолов», который претерпел мученичество в Риме.

В богословских сочинениях Григория I повторяются грубые мистические идеи Августина, его суеверные представления о происхождении мира, о небе, земле и боге. Они были объявлены истинной верой, обязательной для всех христиан, подобно «продиктованному святым духом священному писанию».

Григорий I и его преемник навязывали верующим мысль о том, что церковной службой - мессой - церковь воздействует на бога, помогая людям освободиться от грехов и «спастись».

Это воздействие на бога происходит якобы в силу особой «благодати», которой располагает духовенство. Кроме благодати для спасения нужна еще помощь Христа, ангелов и святых. Посредниками в этом случае являются опять-таки епископы. Нужны также и «добрые дела» самого человека, который за каждый грех должен принести богу «уничтожающую вину жертву». Из добрых дел на первое место папство выдвигало милостыню, т. е. дарения в пользу церкви, чего Григорий I, со свойственной ему исключительной хозяйственностью, никогда не забывал в своих многочисленных проповедях и письмах. В подтверждение действительного умения церкви «спасать грешников» приводились всевозможные «чудеса», которые, особенно со времени Григория I, стали непереманным аргументом и неотъемлемой частью всех католических рассказов и поучений. Многочисленные сочинения Григория I приобрели в зависевших от папства церквях силу божеских законов, и всякое отступление от них сурово каралось - на первых порах преимущественно духовно, а впоследствии - материально и телесно. Церковь воспитывала свою паству в невежестве и рабстве, угрожая за уклонение от церковной догмы самыми страшными мучениями. Более действенным же средством воспитания верующих, чем потусторонние кары,

были кары земные. Жестоко расправляясь с уклоняющимися от церковных догматов, папство все сильнее выдвигало значение духовенства, единственного и исключительного обладателя «благодати», резко отделяющегося от массы мирян, не могущих непосредственно приобщаться к богу, так как они не обладают этой благодатью. Положения Августина, что «нет спасения вне церкви» и что тот, «кто не признает церковь своей матерью, не признает Христа своим отцом», получили новое, расширенное толкование. Жалкая и «испорченная» народная масса, не входящая в состав избранного духовного сословия, обречена на «несчастную необходимость грешить» (*misera necessitas peccandi*). От этой необходимости может спасти лишь церковь в лице духовенства, которому, естественно, и должно принадлежать первенствующее место во всем мире. Претензии на «примат» духовного начала над светским сказываются уже в претенциозных заявлениях VI-VII вв., когда папство еще не чувствовало себя достаточно сильным и считало себя счастливым под игом империи. В письмах даже Григория I еще отражается покорность папства империи, внешним выражением этой покорности было прибавление слова «благочестивый» к имени каждого императора. С течением времени, однако, окрепшие папы вступили во имя своего верховенства в борьбу с императорами и открыто отрицали принцип равноправия духовного и светского начал. Подобно отдельным светским феодалам, дравшимся между собою за власть, за богатство, за первенство, папство подрывает могущество светской власти и с ожесточением ополчается против равноправия двух сил, духовной и светской, которому не должно быть места там, где провозглашена «христианская республика», поглощающая, разумеется, государство.

Ссылаясь на Августина, Григорий I в обращении к императору говорит, что «земная власть служит небесной» и что христианское государство должно быть прототипом идеального царства божьего (*civitas dei*).

Изгнание из «божественного» мирового порядка «двуглавого чудовища» и подчинение всего христианского мира принципу единства становится со времени Григория I главной задачей папства.

IV

Нашествие лангобардов в 568 г. на Италию завершает движение «варварских» племен. Однако, как говорит Энгельс, речь идет об участии в этом завоевании «германцев, а не славян, которые и после них еще долгое время находились в движении» (*Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 448*). Уже в царствование Ираклия (610- 641) Византия стала подвергаться опасности со стороны Балканского полуострова, откуда успешно наступали славянские племена. Почти одновременно восточные окраины империи стали испытывать давление ее восточных соседей, сначала иранцев, а затем и арабов. Непрерывающиеся Дворцовые перевороты, частая смена императоров, религиозная и социальная борьба внутри феодализирующегося общества, порабощение мелких крестьян-собственников и общинников крупными землевладельцами - все это подрывало силы Византии, и к началу VIII в. могло казаться, что она станет легкой добычей арабов. В 716 г. арабы проникли в Галатию и достигли Черного моря, а через год при халифе Омаре II они уже находились у стен Константинополя. Началась его осада. В этот момент государственный переворот поставил во главе империи Льва III Исавра (717-741), выдающегося полководца, сирийца по происхождению. В полусемитических окраинах Византии росло недовольство религиозной политикой империи. Это недовольство приняло форму борьбы с иконопочитанием. В народных массах пользовалась успехами проповедь павликиан, призывавших к борьбе против почитания икон (*Павликианство - еретическое движение в христианстве. Возникло в Армении VII в. Враждебно относилось к феодальной эксплуатации, социальному неравенству, не признавало церковной иерархии*). Главной причиной недовольства была борьба за землю между государственной властью и богатыми монастырями, сильно округлившими свои владения начиная со второй половины VI в. Империя, существованию которой угрожала смертельная опасность, могла найти спасение лишь с помощью новых военных контингентов, что требовало и новых обширных земельных раздач. Ростом монастырского землевладения была недовольна также и часть белого духовенства. Лев III Исавр опасался, что под влиянием этого недовольства крестьяне окраин перейдут на сторону вторгшихся мусульман, так как крестьяне глубоко ненавидели угнетавших их монахов, бывших ядром партии иконопочитателей (иконодулов). Лев III Исавр начал борьбу с иконопочитанием. Не только было убрано множество икон, но преследовались монахи, которых в империи было свыше сотни тысяч.

Монашество в своих огромных владениях пользовалось разными привилегиями, данными им еще при Юстиниане специальными грамотами (в Византии они назывались хрисовулами). Из этих привилегий особый ущерб интересам государства наносило освобождение монастырской земли от податей и так называемая экскуссия, т. е. изъятие из-под его власти тех или иных земельных владений.

Монахи настолько усердствовали в деле распространения икон, что Константинополь, по словам одного иностранца, попавшего в византийскую столицу, представлял собою «ковчег, полный мощей и иных религиозных реликвий».

Официальное объявление эдикта 726 г. против икон повлекло за собою и первых «мучеников» «святотатственной» политики Льва III Исавра. Эдикт запрещал поклонение иконам, считая его идолопоклонством. Через два года Лев III издал новый эдикт, коим предписывалось снять все иконы и изображения святых. Патриарх Герман, отказавшийся исполнить императорское приказание, был смещен. Однако одними религиозными реформами нельзя было бороться против внешнего врага, и правительству пришлось принять ряд других мер, в первую очередь финансовых. Получение налогов из Италии в силу развития в ней феодальных начал сопровождалось большими затруднениями, и правительство, в фискальных целях, решило бороться с наиболее опасными проявлениями сепаратизма. При этом были обложены податями все землевладельцы и была проведена частичная конфискация земель, коснувшаяся прежде всего церкви. Сильно пострадал папа, у которого правительство Льва III Исавра отняло вотчины в Сицилии и Калабрии, где еще сильна была власть Византии. Мало того, из-под власти папы были изъяты Иллирия и Балканский полуостров, и церковная власть над ними перешла к константинопольскому патриарху. Это нанесло папству огромный материальный и моральный ущерб. В ответ папа Григорий II (715-731) осудил Льва III как еретика и стал оказывать помощь всем недовольным мерами императора, а в 732 г. Григорий III (731-741) созвал собор, который осудил иконоборчество. В своей иконоборческой политике Лев III опирался в значительной мере на часть закрепощенного крестьянства. В частности, особенное недовольство выражали германские (и славянские) элементы крестьянства, которые «умели спасти и перенести в феодальное государство осколки настоящего родового строя в форме общины - марки и тем самым дали угнетенному классу, крестьянству, даже в условиях жесточайших крепостнических порядков средневековья, локальную сплоченность и средство сопротивления» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 155).

Кроме крестьян на стороне Льва III оказалась солдатская масса, которая состояла в большей своей части из мелкого и разоряющегося крестьянства и получила в виде вознаграждения в собственность небольшие участки. Особое значение, в смысле привлечения на сторону Льва III полукрестьянских и крестьянских элементов, сыграл сборник законодательных актов «Эклога», регулировавший, в частности, отношения между земельным собственником и арендатором и половником-крестьянином и ограничивавший крупное землевладение. Этот удар по крупному землевладению вызвал страх и среди итальянской знати - одинаково как светской, так и духовной - и поднял ее против правительства Льва III Исавра. Его иконоборческую политику эта знать демагогически использовала для прикрытия истинных причин своего недовольства.

Император Лев III был объявлен святотатцем и еретиком, стремящимся искоренить «истинную религию». Против него призывалась к восстанию Италия. Религиозные лозунги были дополнены и политическим: Италия должна отделиться от чужеземной, святотатственной империи с чуждыми Италии константинопольскими императорами и патриархами.

Снова, как в дни солдатского восстания, организовалась партия, стремившаяся к осуществлению этой задачи. «Национализм» этой партии, однако, не мешал ей вести переговоры с лангобардским королем (менее всего олицетворявшим «итальянский национализм») в целях совместной борьбы против «чужеземной» Византии. Подлинными руководителями движения были папа, епископы и крупные землевладельцы, интересам которых угрожали финансово-политические мероприятия Льва III.

Ряд западных церквей, и в особенности монастырей, занимавшихся изготовлением и продажей разных икон и заинтересованных в энергичном подавлении иконоборческих мер

«святотатственных» императоров, превозносил спасительные действия «римского наместника Христа». Все это подготовляло на Западе благоприятную почву для создания единой западной церкви, находящей своего «естественного» защитника в лице ее главы - римского епископа.

Большое значение имело выступление папы Адриана I на Никейском соборе 787 г., где он добился осуждения иконоборчества. В немалой степени этому способствовало то обстоятельство, что византийской императрицей после кратковременного царствования Льва IV стала его жена Ирина, всецело оказавшаяся под влиянием иконопочитателей. Она охотно подписала принятые собором 787 г. каноны. Ей во всем потворствовал новый патриарх Тарасий, ярый противник иконоборцев. Однако армия, являвшаяся до того опорой императоров-иконоборцев, свергла Ирину с престола. С нею прекратила свое существование Исаурийская династия.

Притязания папы Адриана на возвращение ему отнятых императором Львом III земель были оставлены без внимания. На Западе же авторитет папы в результате борьбы с Византией еще более укрепился.

Церковный престиж папства усилился также вследствие его борьбы с адопцианской ересью, проникшей под влиянием арабов в Византию, на Запад, и в частности в Испанию. Сущность этой ереси состояла в утверждении, что Христос по своей человеческой природе был сыном божьим только по усыновлению (*adoptio*). Во главе адопциан стояли два испанских епископа: толедский Элипанд и вскоре к нему присоединившийся ургельский епископ Феликс.

Адопцианская ересь была воспринята как занесенная арабами в Испанию «зараза». Карл Великий, во владениях которого ересь эта тоже стала заметно распространяться, видел в адопцианах опасный элемент, ослаблявший сопротивление арабским завоеваниям в Европе. Папа, заинтересованный в дружбе с Карлом, резко осудил это еретическое движение. У папы на Пиренейском полуострове были обширные территориальные владения, которые в случае победы адопциан были бы для него потеряны. Потеря эта была бы для папства тем чувствительнее, что оно распоряжалось в значительной степени молодой испанской церковью и собственной властью назначало там епископов. Неудивительно поэтому, что папа Адриан энергичным образом настаивал на созыве собора с целью отлучить от церкви адопциан и разослал послания к итальянским, франкским и испанским епископам, побуждая их не складывать оружия перед врагом.

На соборе 792 г. в Регенсбурге адопцианизм был приравнен к несторианству, и епископ Феликс принужден был отказаться от ереси, сначала перед собором, а потом в Риме перед папою. Однако вскоре Феликс вернулся к ереси; потребовались два новых собора для осуждения адопцианизма. В борьбе против адопциан укрепился союз между папой и франкским королем, и папа приобрел в глазах западного духовенства славу верного защитника «истинной религии». Так папство во второй половине VIII в. завоевало себе прочное положение и предстало одновременно в образе борца за «национальные» интересы Италии и за «чистоту христианской веры».

Несмотря на острую борьбу, разгоревшуюся между Римом и Византией из-за иконоборчества, папство не могло думать о полном разрыве с империей: близкое соседство лангобардов не переставало тревожить Рим. Казалось, что папству необходимо было готовиться к войне против лангобардов. Однако ненависть землевладельческой аристократии и монашеской клики к политике Исаурийской династии была настолько велика, что папы предпочитали вступать в переговоры с арианами-лангобардами, чем идти на какой-либо компромисс с византийскими иконоборцами. Папы Григорий II и Григорий III предпочли внести крупные денежные суммы лангобардскому королю Лиутпранду (712-744) и даже уступить ему часть своей территории. За спиной Константинополя начались тайные дипломатические сношения между Римом и Павией, лангобардской столицей. Когда же папа убедился, что плодами его победы над византийскими силами в Италии может воспользоваться лангобардский король, он вступил в переговоры с Византией. Переговоры умышленно затягивались Римом; он мечтал о том, чтобы создать какую-либо третью силу, которую можно было бы поочередно направлять то на Византию, то на лангобардов и тем сохранить свою собственную независимость, а также интересы крупного землевладения в Италии - как светского, так и церковного. Под сенью такой третьей силы

спокойно жила бы итальянская земельная знать, от имени которой и выступало папство. Такой силой казалась папству франкская монархия.

К франкскому королю Пипину Короткому (741-768), незаконно захватившему власть, отправился папа Стефан III (752-757). По выражению французского церковного историка Дюшена, у этого папы были две души: с одной стороны, он был византийским подданным и должен был защищать интересы своего императора против варваров - лангобардов, с другой - он стремился к освобождению крупного землевладения Италии от всякого вмешательства со стороны Византии и стоял за «независимость» Рима от всякой иноземной власти.

На деле же Стефану III пришлось договариваться с Пипином о защите Рима и от византийцев, и от лангобардов. Эта защита была выгодна и франкским крупным землевладельцам, заинтересованным в том, чтобы не допускать упрочения в Северной и Центральной Италии ни лангобардов, ни византийцев. На совете франкской земельной аристократии в Керси на Уазе идея защиты «дела святого Петра и святой римской республики» была встречена сочувственно. Король Пипин обещал щедрые награды за участие в войне против лангобардов, и в 754 г. при Сузе франки одержали над ними победу.

Между тем папа Стефан III в целях укрепления союза с франками торжественно венчал Пипина королевской короной и запретил франкам на будущие времена под страхом отлучения от церкви выбирать королей из другой семьи помимо той, «которая была возведена божественным благочестием и посвящена по предстательству святых апостолов руками их наместника, суверенного первосвященника».

Отныне Пипин стал «божьим избранником», «помазанником бога». Так начался союз между франкским тронem и алтарем. Трон получил «божественную» основу, алтарь же устами Стефана III требовал за это вознаграждения, франкский король Пипин, одержавший победу над лангобардами, торжественно передал папе отнятые у них земли. Этот «Пипинов дар» (756 г.) представлял собою значительную территорию. В ее состав входили: равеннский экзархат (включавший в те времена также Венецию и Истрию), Пентаполис с пятью приморскими городами (ныне Анкона, Римини, Пезаро, Фано и Сенегалья), а также Парма, Реджио и Мантуя, герцогства Сполето и Беневент и, наконец, остров Корсика. Что касается Рима и его области, то он не был в руках лангобардов, не был, следовательно, отвоеван у них Пипином, не мог быть «подарен» папе, а принадлежал империи. Тем не менее «Пипинов дар» включал и Рим, который и стал столицей папского государства, обычно называвшегося Церковной областью (*К. Маркс писал, что с тех пор папа и «начал вести себя как светский князь» (Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. 5, с. 29))*).

Глава третья

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ПАПСТВА В VIII - НАЧАЛЕ IX в.

I

Щедрый «дар» короля Пипина носил своеобразный характер. «Богопомазанник» давал папе то, что принадлежало не ему, а Византии: ведь Римская провинция со столицей не была завоевана ни лангобардами, ни франкским королем и продолжала формально оставаться по-прежнему во власти Константинополя. Но если Пипин давал то, что принадлежало другому, то папа получал то, чего брать не имел права. Будучи подданным византийского императора и утвержденным им в качестве римского епископа, папа, отправившись к франкскому королю под предлогом защиты императорских интересов, совершал прямую измену по отношению к своему государю и вступал на тот же грабительский путь, по которому шел Пипин.

Подобно тому, как коронация, совершенная папой, должна была узаконить захват королевской власти Пипином, так сфабрикованный папой Стефаном III, или, возможно, кем-то из его приближенных, фальшивый документ о пресловутом «Константиновом даре» имел целью оправдать, узаконить столь выгодный папству грабеж Пипина и использовать его для восстановления будто бы попорченного «божественного права». Этот подложный документ должен был придать вид законности светской власти папы.

«Константинов дар» представляет собою грамоту, якобы данную императором Константином Сильвестру I. Подлинность ее была подвергнута сомнению Николаем Кузанским, а подложность окончательно доказана Лоренцо Валла - гуманистами XV в.

В этой грамоте император за «наставление его в истинной вере» и «исцеление от проказы» предоставлял кафедре наместников апостола Петра власть и почет, равные императорским, а также главенство над всеми христианскими церквями; кроме того, папе давался ряд привилегий, церквам Петра, Павла и Латеранской - богатые дары, а римским кардиналам - звание сенаторов. «А чтобы первосвященническая верхушка не померкла», гласит грамота, папа получает высшую власть над Римом, Италией и всей западной частью Римской империи. Отдав власть над Западом папству, Константин ограничивал свое господство Востоком, «ибо несправедливо, чтобы земной император имел власть там, где небесный император учредил господство главы христианской религии».

Как ни широки были перспективы, открывавшиеся этой подложной грамотой, и как ни злоупотребляли ею папы впоследствии, папство ограничивалось пока «немногим»: оно не только не претендовало на «весь Запад», но даже не говорило обо всей Италии; оно «довольствовалось» землями, которые Пипин отвоевал у лангобардов и которые теперь должны были быть не подарены «святейшему престолу», а «возвращены» ему. До этого времени они-де находились в «чужих» руках, чем была нарушена воля императора Константина, будто бы преподнесшего этот дар некогда наместнику Петра из чувства благоговения перед папством, открывшим ему глаза на божественную истину.

Границы «восстановленного» папского государства носили неопределенный характер. Все, что, так или иначе, могло быть отвоевано у лангобардов или даже у Византии, автоматически «возвращалось» священному престолу.

Столь же неопределенный характер носили отношения между папой и франкским королем. Пипин был не только другом, покровителем и защитником Рима и всех его владений, но получил и титул «патриция римлян» - титул, право дарования которого принадлежало одному только византийскому императору и награждение которым Пипина являлось со стороны папы новым нарушением прав Византии.

Но защитник Рима, по представлению тех времен, становился как бы сувереном Рима, а подзащитный папа - зависимым от короля Пипина, своего рода вассалом. Эти вассальные отношения распространялись, таким образом, и на папское государство.

Разумеется, вассалитет папской области был номинальный. Фактически папские владения, полученные от франкского короля, стали независимым государством.

Если земельной знати выгодно было избавиться от лангобардской опасности, угрожавшей ее землям, то превращение папы в правителя, опирающегося на силы франкского короля и играющего роль настоящего государя в «возвращенных» ему областях, менее всего было в интересах итальянских феодалов, не желавших иметь над собой правителя ни светского, ни духовного. Против государя-папы выступили не только светские феодалы, но и некоторые крупные епископы и аббаты.

Епископ такой крупной епархии, как, например, Равеннской, вовсе не желал быть в подчинении у римского епископа, так же как не желал повиноваться папству какой-либо могущественный светский землевладелец, имевший в своем распоряжении множество зависимых людей и считавший себя ничем не ограниченным владыкою в пределах своего «государства». Общественные условия раннего средневековья с его почти натуральным хозяйством, изолированностью и простотой экономических связей отдельных хозяйственных организмов составляли ту базу, на которой возвышалось такое стремление к «независимости» и «свободе». Стремление папства создать по примеру восточных деспотов более или менее крепкое и сплоченное государство встретило сильнейший отпор и со стороны представителей местных властей. Трибуны, судьи, финансовые и административные лица отказывались принимать назначение из рук папской администрации и платить ей тот *suffragium* (специальный налог), который являлся не только доходной статьей для центральной власти, но и символом как ее суверенных прав, так и вассальной зависимости местной знати.

Это недовольство крупных землевладельцев стало проявляться сразу после образования папского государства. Светская и духовная знать потребовала участия в ближайших папских выборах не только жителей города Рима, как было до того времени, но и всей римской области, полагая, что военные поселки, расположенные вдали от Рима, окажут им нужную поддержку. Это требование было облечено в форму, гласившую, что «тот, кто является государем всех, должен и избираться всеми» (*qui omnibus piae est ab omnibus eligatur*).

Расчет оказался правильным, и на папском престоле, благодаря участию в голосовании военных поселений, очутился ставленник земельных магнатов Константин II (767- 769). Константин не был духовным лицом и не мог быть избранным, а потому он считается антипапой. Хотя епископ Пренест быстро провел Константина через длинный ряд духовных степеней и объявление его папой могло бы считаться «законным», тем не менее папская администрация, материально заинтересованная в усилении централизма, не желала мириться с «военно-поселенческим» папой и вступила в тайные переговоры с лангобардским королем Дезидерием о том, чтобы совместными силами свергнуть Константина. Вступление в переговоры с лангобардами было новой иллюстрацией готовности папского двора на любой маневр ради спасения своих интересов: к совершенным вероломствам (обращение к лангобардам во время иконоборчества и к франкам для похода Пипина) прибавилось еще одно, новое обращение к лангобардам, этому «вековому» врагу Италии.

Блоку из части высшего духовенства и лангобардов удалось овладеть Римом, и на папский престол королем Дезидерием был возведен «свой» папа, готовый прислуживать лангобардам. Это был пресвитер Филипп (768), который также считается антипапой. Дни Филиппа, однако, были сочтены, так как не в интересах римской курии, стремившейся к созданию самостоятельного и централизованного государства, было господство лангобардского папы, проводившего, естественно, политику, проникнутую антиримскими тенденциями. Как только солдаты лангобардского короля покинули Рим, духовная клика свергла Филиппа.

Вооружив народ и указав ему на необходимость избрания «достойного» папы, а не лангобардского «проходимца», организаторы заговора устроили в Риме кровавую оргию. Во время расправы был ослеплен Константин II. При таких обстоятельствах новым папой, после двух антипап, стал приверженец римской иерархии Стефан IV (768-772).

Было очевидно, что новый папа встретит в лице лангобардского короля и римской военной аристократии, опиравшихся на крупных землевладельцев периферии, злейших врагов, и Стефан IV пошел по пути, уже изведанному его предшественниками. Он отправил делегацию к франкскому королю, «патрицию римской республики», прося поддержать его против бунтовщиков, под которыми разумелись и «внешние» и «внутренние» враги.

В 769 г. по совету франкского короля был созван специальный собор (в Латеранской базилике в Риме, с участием двенадцати франкских епископов), который решил, что отныне в папы можно избирать исключительно кардиналов-священников или кардиналов-дьяконов и что светские лица, военные или гражданские, в особенности не жители Рима, будут исключаться из коллегии, избравшей папу. Только после того как избрание папы формально признавалось правильным, лица недуховного звания, проживавшие в Риме, могли своими подписями как бы поддержать уже состоявшееся избрание. Это решение, однако, реальной силы долгое время не имело.

Перед собором с выколотыми глазами предстал Константин II по обвинению в том, что он в качестве недуховного лица принял посвящение в папы. Стоя на коленях и умоляя о пощаде, Константин говорил, что он насильно был провозглашен папой, и что не раз и до него в папы избирались недуховные лица. Собор не посчитался с этим заявлением Константина. Был сожжен акт о его избрании, посвященные им лица были признаны незаконно получившими духовное звание, самого же его избили и заточили пожизненно в монастырь. В заключение собор, желая показать, что ему не чужды и духовные интересы, подтвердил необходимость почитания икон и отлучил от церкви иконоборцев.

Но противниками победителей были помимо военно-земельной аристократии еще и лангобарды, чей ставленник Филипп так быстро был свергнут с престола. Учитывая это, папа Стефан IV просил франкского короля Карла явиться в Италию и наказать лангобардов, наступавших на Папскую область и угрожавших положить конец «дерзкому» поведению Стефана IV - «наместника Христа», успевшего, между прочим, убить лангобардского представителя в Риме священника Вальдиперта.

Так как Карл медлил с оказанием помощи Стефану IV, то последний совершил очередную измену: в 772 г. открыл Дезидерию ворота Рима. Весть о появлении лангобардов вызвала беспорядки в Риме, и Стефан IV бежал в лагерь Дезидерия. Последний, по указанию папы, казнил руководителей антилангобардской партии в Риме. Дезидерий оказался полным хозяином Рима, а Стефан IV - послушным орудием в его руках. Вскоре Стефан IV умер, и состоялись новые папские выборы. С первого же дня Адриану I, избранному папой (772-795), пришлось столкнуться с «дружбой» короля Дезидерия: лангобарды заняли Фаэнцу, Феррару и Коммаччо; угрожала опасность и Равенне, окрестности которой уже были во власти лангобардов. Адриан умолял Дезидерия прекратить захваты, но лангобардский король остался глух к этим увещаниям. Тогда папа решил переметнуться на сторону франков.

Карл не мог допустить чрезмерного усиления лангобардов и, получив паническое послание Адриана I, решил последовать примеру своего отца Пипина. В 774 г. он прибыл в Италию. Папа стал просить его «вернуть» апостольскому престолу чуть ли не всю Италию, за исключением юга, все время остававшегося во власти Византии и не завоеванного ни Пипином, ни Карлом. По-видимому, Карл склонен был создать огромное папское государство, способное существовать без постоянной помощи франков. Но решительные победы над лангобардами дали ему возможность совершенно уничтожить их государство. Карл возложил на свою голову и лангобардскую корону. С этого момента он стал считать Северную и Центральную Италию своими владениями и взял обратно свои щедрые обещания. Папа вынужден был удовлетвориться частью того, что получил в дар от Пипина, впрочем, с дополнительным приобретением Перуджи, Тоди и Амелии. Это подношение никак не могло удовлетворить возросшие аппетиты папской партии. Ведь согласно «Константинову дару» папству отдавался весь Запад, и, во всяком случае, в пределах Италии оно не должно было потерпеть никаких территориальных ущемлений. Однако папа не смел открыто выражать свое недовольство «скаредностью» Карла. Внутри страны часть феодальной знати была в резкой оппозиции к этому возглавленному «римской партией» папскому государству, опиравшемуся на чужеземцев и нуждавшемуся в них лишь для охраны от внутренних врагов. Папство вынуждено было опираться на франков еще и потому, что оно искало поддержки в борьбе против все возрастающего недовольства закрепощенного (в том числе и на территории папских владений) крестьянства.

Все это ставило папское государство в положение своего рода вассала франкского короля, тем более что к франкам имели право обращаться за покровительством и обиженные папой чиновники и вообще римские аристократы. Король имел право вмешиваться во внутреннюю жизнь папского государства, особенно же в дела тех его частей, которые недавно были отвоеваны у последнего лангобардского короля. Папа далеко не везде имел сильный административный аппарат: последний действовал лишь в некоторых папских вотчинах, управлявшихся из самой курии, в других же принцип централизации отсутствовал. Это открывало возможность как для феодального сепаратизма, так и для постоянного вмешательства франкского короля. Присутствие королевского представителя в Риме при избрании каждого нового папы, официальное оповещение короля о результатах выборов и принесение присяги королю папскими избирателями еще более подрывали суверенный характер папского государства и подготавливали почву для столкновений между боровшимися за власть разными группами господствовавшего в стране класса крупных землевладельцев.

Образование Карлом Равеннского церковного государства под патронатом св. Аполлинария, мнимого ученика апостола Петра, вызывало возмущение папы Адриана I. Из этого «государства», охватившего огромную территорию (между прочим, города Болонью, Чезену, Имозу), был изгнан весь папский чиновничий аппарат. Архиепископ Равенны стал в своем государстве считать себя

столь же «законным» светским духовным правителем, как Адриан I в Риме. Протесты папы не действовали на Карла. Не в его интересах было существование какого-либо сильного государства в Италии, которую (за исключением юга) он считал частью своих владений.

Тревога Рима усилилась, когда Сполето, Беневент и ряд городов Кампании «отложились» от Адриана I, а Карл по-прежнему оставался глух к просьбам папы осуществить «Константинов дар» или по крайней мере «дар Пипина».

В обстановке этих непрекращавшихся междоусобиц, столь характерных для эпохи развивавшегося феодализма, шел процесс обогащения одной из крупнейших в Европе феодальных организаций - церкви, которую враждовавшие между собой группировки господствовавшего класса стремились путем богатейших дарений перетянуть на свою сторону.

Вместе с тем та же феодальная знать, которая стремилась в силу своих материальных интересов оторвать от церкви часть ее богатств, была непосредственно заинтересована и в укреплении авторитета церкви, как идеологической организации, освящавшей феодальную систему. Церковь помогала феодалам удерживать в повиновении все более закрепощаемые массы крестьян, внушая идею «божественности» и «святости» установившихся порядков. За это господствующий класс не скупился на «даяния» церкви, принимавшие самые разнообразные формы. От времени Пипина и Карла сохранилось 13 грамот, освобождавших монастыри - эти важнейшие центры эксплуатации крестьянства - от всяких государственных взиманий (иммунитеты). Сын Карла Людовик Благочестивый был особенно милостив по отношению к церкви: он передал ей множество государственных земель с большими поселениями (Бонн, Дюрен и др.); он же первый предоставил право чеканки монеты корвейскому и прюмскому аббатствам. Ряд монастырей получил от Людовика торговые и финансовые привилегии.

Однако не в дарениях и завещаниях лежал основной источник церковного богатства. Значительную часть своих доходов церковь черпала из уже упомянутого так называемого покровительства, оказываемого разоряющемуся крестьянству (прекарий). Собору 813 г. в Туре пришлось оправдываться в злоупотреблениях прекариями перед светскими феодалами, встревоженными быстрым ростом церковных богатств. Собор заявил, что ограбления мелких собственников не может быть там, где «за земные и эфемерные блага приобретается вечное блаженство», прекарное держание земли, как утверждала церковь, вело крестьянина в рай божий.

Насколько в IX в. за счет крестьянских земель обогатилась церковь, видно из того, что к концу этого века в Эльзасе из 435 поселений было 399 церковных; аугсбургский и лионский епископы имели по 1500 дворов, Зальцбург - 1600. Еще богаче были епископы Кельна, Трира, Вормса, Шпейера и Аахена. Документ 813 г. указывает, что в это время маленькой церковью считалась та, у которой было 300 дворов, средняя обладала 3 тыс., а богатая - 8 тыс. дворов. Буржуазные ученые Рот, Ленинг, Кауфман и другие признают, что во франкской монархии от трети до половины всей земли принадлежало церкви, а доход ее превышал в значительной степени половину дохода всей монархии. Труд закрепощенных церковных крестьян в силу изощренной эксплуатации, в особенности в монастырях, приносил большие доходы. К тому же церковь усиленно занималась виноделием, солеварением, разведением красящих трав, а также торговлей и ремеслом. Особым источником обогащения являлась церковная десятина.

Первое упоминание о церковной десятине относится к 567 г., когда епископ Тура, власть которого распространялась и на Анжер, Нант и другие районы, обнародовал послание к верующим, в котором, наравне с необходимостью нравственного усовершенствования «христианского стада», требовал неукоснительного платежа десятой части всего имущества в пользу церкви. Папа всей силой своего авторитета поддержал турского епископа. Десятина в равной степени взималась с бедняков: последним надлежало платить треть солида за каждого трудоспособного сына, чтобы «был снят гнев божий с ныне живущих, а в будущем платящие будут пользоваться всякими благами». В середине IX в. это новое обложение было освящено церковным собором, который, ссылаясь на Ветхий завет, угрожал отлучением от церкви

отказывающегося платить в ее пользу десятину. При Карле Великом десятина получила силу не только церковного, но и государственного закона.

II

Борьба в Риме, внутри феодального класса обострилась немедленно после избрания Льва III (795-816), когда этот папа отправил франкскому королю протокол выборов, ключи от «гроба апостола Петра» и знамя города Рима. Вместе с тем Лев III просил короля прислать своего представителя для принятия от римского населения присяги верности. Это означало, что франкский король становится сувереном Рима, начальником его войска, милиции и укреплений. После уничтожения лангобардского королевства в глазах Льва III не было иного владыки Рима, кроме Карла, и папская канцелярия стала даже датировать свои документы годами вступления во власть короля и папы. Такое признание зависимости папства от франкского монарха не было в интересах той части феодалов, которая стремилась к «полной свободе», и уже в 798 г. Карл стал получать письма о «сынах раздора», которые «сеют тревогу» в Риме. И действительно, через год на Льва III было совершено нападение, его затащили в церковь и избили до крови. После этого в 799 г. папа прибыл ко двору Карла в Падерборн (Вестфалия). Вслед за ним при дворе Карла появились и противники Льва III, обвинявшие его в разврате, нарушении клятв и в других преступлениях. Карл отправил следственную комиссию в Рим, которая установила, что в жизни Льва III было немало авантур уголовного характера. Однако судить «наместника бога на земле» никто не имеет права, и Карл в 800 г. отправился лично в Рим для того, чтобы папа в его присутствии «перед богом, на евангелии очистил себя путем клятвенного заверения от возведенной на него клеветы». Этим «очищением» папство было спасено, а Лев III унижен перед Карлом и превращен в орудие его замыслов. В качестве «жертвы людской злобы» Лев III приговорил к смерти главных руководителей нападения на него, но король сохранил им жизнь, чтобы еще крепче держать папу в своих руках. Лев III, зависимый от короля папа, нужен был Карлу, который в этот момент был на вершине славы. Король расширил далеко на восток границы своего франкского королевства и покорил многие племена. Запад не имел равного ему государя, на Востоке же власть императоров Византии сильно ослабела. Окружавшие короля люди говорили о титуле императора для Карла, как о чем-то совершенно естественном. Об этом титуле мечтал и сам Карл. Но возложить на себя императорскую корону, по представлениям того времени, можно было лишь в Вечном городе, в «истинной столице» мира, в Риме. Этим воспользовался и папа Лев III не только для того, чтобы укрепить свой союз с всемогущим королем, но чтобы и самому возвыситься и занять новую в отношении светской власти позицию. Получая из рук папы императорскую корону, император, казалось, становился в зависимое от папы положение и как бы осуществлял завет «Константинова дара». Папство было заинтересовано в распространении влияния церкви в государстве Карла Великого, во всех завоеванных им землях. В канун рождества 800 г. в Риме состоялась торжественная церемония коронации Карла, провозглашенного императором.

В действительности, однако, император держал в своих руках папу, так как внутри папского государства феодальные распри были настолько велики, что папа мог себя чувствовать спокойно в качестве государя лишь при поддержке Карла.

Римский папа-государь оказался в положении, свойственном феодальному владыке. Вокруг него было множество соперников, желавших усилиться за его счет. Помощь, которую он ждал от императора Карла и его преемников, лишь подчеркивала невозможность существования независимого папского государства, где обычные межфеодальные распри усиливались еще одним особым обстоятельством - частой сменой главы государства, не оставляющего после себя законного наследника. Захват апостольской кафедры каждый раз оказывался предметом ожесточенной борьбы между крупными феодалами, и это обстоятельство не могло не вызвать прямого вмешательства со стороны императора в дела папского государства. Пока император был достаточно силен, он мог играть роль верховного судьи в раздорах римских аристократов и следить за тем, чтобы на апостольском престоле пребывало лицо, приемлемое для франкской империи.

Папство использовало свое сближение с Карлом в целях увеличения собственного авторитета в огромных владениях императора. Сам Карл смотрел на себя как на опору религии и защитника папы в деле насаждения «истинной веры». Этими интересами объяснял он свои далекие походы против соседних языческих народов и покорение их толковал как приращение христианской паствы.

Насильственно обращенные в христианство саксы тысячами отправлялись на обширные монастырские и церковные земли и там работали в качестве крепостных. Огромные безлюдные земли быстро заселялись. Как утверждает летописец, один из каждого трех саксов переправляется на запад, причем не только духовенство, но и светские лица получали от Карла в дар «живые подарки». Соратник Карла Великого и его биограф Эйнгард (770-840) говорит, что 10 тыс. саксов с Эльбы было перебращено к Рейну, причем цифру эту церковный историк Гаук считает сильно преуменьшенной. Отобранные у саксов земли раздавались служилой знати и духовенству. Их заселяли крестьянами, которые шли с запада на восток, привлеченные обещанными им льготами. Эта колонизаторская деятельность Карла совершалась в теснейшем сотрудничестве с сотнями миссионеров и высших представителей церкви, получивших огромные участки земли. Так, епископы Кельна, Майнца, Утрехта, Падерборна, Реймса, Льежа превратились в могущественных земельных владык. На той же почве «расцвели» монастыри Фульда, Герсфельд, Кореей, Верден и др. Эта религиозно-грабительская политика чрезвычайно обострила классовую борьбу. Ряд восстаний вспыхнул в среде свободных саксов, выступивших против закрепощения их франкскими феодалами. Однако часть вождей саксов, предавая народные интересы, выдала Карлу свыше 4 тыс. заложников с целью показать свою готовность прекратить сопротивление. В 785 г. в христианство перешли вожди саксов Видукинд и другие и заявили о своей покорности. Об этом Карл торжественно поставил в известность папу Адриана I, который в 786 г. устроил трехдневный всехристианский праздник по случаю торжества «религии любви» на окраинах монархии Карла. Теперь началось «мирное» насаждение среди саксов новой веры. Под угрозой смертной казни запрещены были языческие обряды и «суеверия». Всякий, кто отказывался креститься, кто приносил жертвы языческим богам, кто не посещал по воскресеньям и праздничным дням церковь, не крестил в течение первого года своего ребенка, не хоронил на церковном кладбище умерших, сжигал их трупы, тот наказывался смертью. Смертью же наказывали и тех, кто оскорбил духовное лицо, похитил духовное имущество, высмеивал христианские учреждения. Кроме десятины саксы должны были с каждого 125 душ населения давать в распоряжение церкви и монастыря одного раба и одну рабыню. Кроме того, они должны были предоставить церквям по одному двору и по земельному участку, равному двум крестьянским хозяйствам. Нарушение этих распоряжений влекло за собою конфискацию земли и имущества виновного.

Все эти жестокости вызвали новое возмущение саксов. Кровопролитные войны Карла Великого и церкви против саксов продолжались 33 года и завершились покорением этого народа в начале IX в. Земли саксов были опустошены и разделены между миссионерами и епископами. Гамбург, Бремен, Мюнстер, Оснабрюк, Гильдесгейм стали центрами миссионерства и религиозного насилия. В начале IX в. земля саксов вошла в состав Франкской империи.

Владыка огромной империи, Карл, стремился унижить Византию, вызвать у нее страх перед Западом. Он поэтому возмущался Никейским собором 787 г., на котором был представлен почти исключительно один Восток, и в 792 г. отправил папе список 85 ошибок, которые были допущены на этом соборе. Главнейшим «грехом» этого собора Карл считал одобрение византийской формулы о том, что «святой дух исходит от отца». Карл настаивал на прибавлении к этой формуле слов: «и от сына» (*filioque*). Так франкский король продолжил старый догматический спор между восточной и западной церквями, известный под названием спора о филиокве. С целью показать недопустимость «греческой» формулы Карл созвал в 796 г. собор в Чивидале и поручил аквилейскому богослову Павлину опровергнуть формулу собора 787 г. Практического значения, однако, этот спор не имел, так как в этот момент отношения между Западом и Востоком были сравнительно мирными. Когда же эти отношения снова обострились, Карл в 809 г. созвал в Аахене собор, на основании решений которого он потребовал от папы Льва III включения в догмат веры слов «и от сына». Лев колебался, просил сохранения старой формулы и поразился

обнаруженной императорскими посланниками энергии в отстаивании «маленькой вставочки». Соглашение с Карлом не состоялось. Лев III протестовал против нововведения императора и поставил в церкви св. Петра две большие серебряные доски, на которых была четко вырезана константинопольская формула «исхождения» святого духа. Но это не произвело никакого впечатления на Карла, считавшего себя полновластным распорядителем церкви в пределах своей огромной империи, где формула «и от сына» (*filioque*) получила всеобщее распространение. За Карлом Великим закрепилось имя «христианского государя».

Богословские споры VIII - начала IX в. о *filioque* были частью более широких противоречий между Западом и Востоком, бывших в свою очередь отражением общих социально-политических противоречий. Стремление поставить под свой контроль все большее число верующих, активизация миссионеров византийской церкви все более углубляли разногласия между Востоком и Западом.

Глава четвертая

ЗАВИСИМОСТЬ ПАПСТВА ОТ РИМСКИХ ФЕОДАЛОВ И ГЕРМАНСКИХ ИМПЕРАТОРОВ (IX-XI вв.)

I

Еще до Карла Великого франкские короли в борьбе с многочисленными внешними и внутренними врагами прибегали в целях вознаграждения своих воинов к конфискации земель - главным образом у монастырей, обладавших несметными земельными богатствами. Конфискация земель, приводившая к разорению церквей и монастырей, оказалась опасной для короля мерой. Земельный фонд возможных вознаграждений быстро таял, а у духовенства, страдавшего от королевских конфискаций, усиливалась вражда к светскому владыке, причем вражда эта приняла острый характер как раз в тот момент, когда Карл, расширяя свои владения к востоку, покорял «языческие» племена и надеялся окончательно подчинить их своему могуществу с помощью насильственного насаждения христианства. Вместо прежней политики, бедной перспективами из-за невозможности продолжительных конфискаций, необходимо было избрать новую, и Карл отказался от дальнейшей конфискации церковной земли и стал привлекать духовенство к несению государственной повинности, в первую очередь воинской повинности.

Отныне церковная земля не подлежала раздаче воинам в виде вознаграждения за верную службу, а должна была стать служилой землей. При военных походах церковь должна была выставлять определенное число воинов, как это делали светские сеньоры, и, например, в одном итальянском походе, уже после смерти Карла, 19 германских епископов и 10 аббатов отправили на театр военных действий 1480 человек, в то время как 20 герцогов, графов и прочих светских сеньоров послали всего 500.

Карл был заинтересован в росте богатств церкви, дававшей ему живую силу для войны, - отсюда введение им обязательной со всех земель десятины в пользу церкви; отсюда - многочисленные торговые, судебные, административные привилегии церкви и дарения ей Карла и его преемников; отсюда, наконец, церковный иммунитет, когда целые области как бы выпадали из-под власти империи и переходили в почти полное распоряжение церкви и отдельных епископов, получавших вместе с землей, разумеется, и массу крепостных крестьян.

В целях лучшего обеспечения верности службы императорская власть взяла в свои руки назначение (формально еще говорилось об избрании) епископов, обязанных гарантировать империи необходимые ей для войны силы. Так «свободный» епископ стал «имперским» епископом, т. е. назначаемым высшей светской властью и вследствие этого зависимым от нее, но в то же время обладавшим рядом привилегий, дарованных ему этой же светской властью.

В самом факте назначения епископов и в превращении их в служилых людей приверженцы старины - «свободной церкви» - видели измену, а рыцарско-разбойничий образ жизни назначаемых светских епископов давал возможность облечь призывы к прошлому в форму возмущения «испорченностью» нравов новых служителей церкви и отступлением от «божьих заветов», от «истинных начал» христианства. Корень всех зол эти приверженцы старины видели в

принципе назначения епископов императорской властью и всячески протестовали против церковной инвеституры, как называлось тогда назначение на церковную должность, сопровождавшееся передачей земельного владения. Эта оппозиция «обмирщению» церкви исходила, с одной стороны, из тех кругов, которые противились развитию феодализма, мечтая о сохранении и укреплении старых патриархальных отношений; с другой стороны, здесь проявлялось брожение «плебейских» масс, мечтавших об осуществлении равенства в рамках «свободной» от «порчи» первоначальной церкви.

Недовольство представителей старины усугублялось тем, что процесс обмирщения церкви не ограничивался одной инвеститурой. Требование государства о поставке воинов Церковной земли принуждало епископов сдавать земельные владения рыцарям на вассальных началах, и епископ назывался на одной из ступенек феодальной лестницы: над ним стоял король или император, чьим вассалом он считался, а под ним был рыцарь-вассал, признававший епископа своим сеньором и, разумеется, имевший своих подвассалов, а также крепостных, являвшихся кормильцами всей феодальной надстройки, всей этой иерархии, начиная с короля и кончая младшим подвассалом.

Так как вассалы, рыцари, подвассалы стремились превратить полученные ими от церкви земельные участки в наследственное владение, то фактически в экономическом и политическом отношении земельно-церковные организации мало чем отличались от тех феодальных институтов, которые были характерны для средневекового общества, тем более что назначавшийся, или, как говорили, «инвестированный», епископ также стремился стать наследственным обладателем своей епархии. Во многих случаях он даже не принадлежал к духовному званию, так как наряду с номинальными епископами, занимавшимися поставкой воинов с церковных земель, появлялись их заместители, удовлетворявшие религиозные нужды «христово стада», но не пользовавшиеся теми привилегиями, которыми наделялись епископы-воины. А подобно тому, как был «заместитель епископа», который служил мессу и исполнял прочие духовные обязанности, так были и заместители городских и сельских священников, которые состояли при рыцарях и подвассалах, получавших доходы с церковной земли и служивших своим сеньорам «материальной службой», но, конечно, совершенно неспособных исполнять какую-либо «духовную службу». Последняя целиком падала на заместителей тех, которые лишь формально считались священниками.

Церковная организация стала двоиться: с одной стороны, существовала прочная материальная база, находившаяся в распоряжении мнимых служителей церкви, номинальных епископов, аббатов, пресвитеров, с другой - были действительные священники и иные церковные служители, экономически немощные, зависевшие от номинальных епископов и их вассалов, фактически исполнявшие те функции, которые входили в круг обязанностей церковного служителя.

Так внутри церкви одни «служили богу» и подчинялись светским владыкам, другие не служили богу и с падением - после смерти Карла Великого - авторитета центральной власти стремились сделаться совершенно независимыми от верховной власти, стать «государями» в своих, подчас миниатюрных, владениях. Те и другие получали назначение сверху, от тех, кого они называли бенефициариями (благодетелями): епископ - от светской верховной власти, его заместитель - от епископа. Обоим, т. е. феодалу, считавшемуся епископом, и его заместителю, действительно исполнявшему роль священнослужителя, давался бенефиций, который означал, по существу, земельное - ввиду отсутствия еще денежного - вознаграждение за определенную службу или услугу. Одни несли эту службу в качестве верных рыцарей, обычных феодалов, другие в виде священников исполняли церковные обязанности, формально являясь заместителями тех, которые жестоко подавляли крестьянские волнения или сражались с соседними феодалами из-за желания захватить новые земли, расширить свою власть над сидевшими на этих землях крестьянами.

В полном соответствии с ходом феодализации средневекового общества церковь не считалась более верховной собственницей церковной земли и стала «держателем» ее на феодальных началах от своего сеньора - центральной власти или иногда от отдельных земельных магнатов. Это давало королям «законное» основание для экспроприации церковной земли, для «секуляризации».

Впрочем, церковь никогда не признавала за королем права на секуляризацию и находила в неопределенности феодальных норм нужные ей аргументы для выступления против «грабительских мероприятий» светской власти, прибегавшей к секуляризации. Так нарастали противоречия между светской и церковной властью: кто является истинным собственником церковной земли, император или церковь,- этот вопрос серьезно затрагивал материальные интересы обеих сторон.

Отдельные крупные сеньоры строили церкви в своих владениях как для себя, так и для своих крестьян. Эти церкви наделялись земельными участками для покрытия расходов на богослужение; часть доходов шла на содержание священника, которого назначал с предварительного согласия высшего церковного начальства сеньор. Хотя в огромном большинстве случаев сеньор отдавал церковь с ее доходами церковнослужителю, иногда, впрочем, светскому лицу, он тем не менее сохранял за собою известные права над нею, продолжал считать ее своей собственностью, исходя из того, что все, находящееся на его земле, принадлежит ему. Получал этот сеньор также часть доходов церкви. Так рядом с королевско-императорскими церквями, т. е. основанными на «казенных» землях, развивались сеньориальные частные церкви, но уже не на «казенной» земле. В этих случаях продажа церковных должностей совершалась уже в самом неприглядном оголенном виде: из-за десятины или другой какой-либо статьи шел ожесточенный спор между епископом и сеньором в первую очередь, а потом еще между священником, с одной стороны, и епископом и сеньором - с другой. Нередко один сеньор покупал у другого церковь, с тем чтобы перепродать ее церковнослужителю. Собственник земли, на которой была построена церковь, постепенно превращался в своеобразного рантье, получателя ежегодных процентов, обычно в натуральном виде.

Понятно, что церковь, все чаще превращая свои владения в предмет торга, вызывала возмущение. Все громче звучал протест по поводу «порчи» церкви, ее обмирщения, забвения старого аскетического духа и особенно купли-продажи церковных должностей, получившей презрительное наименование «симонии».

Но призыв к «возврату», к «чистоте» первоначальной церкви в устах самих представителей церкви служил лишь ширмой, прикрывавшей иные цели: желание быть независимыми от светской власти и феодалов, быть «свободными», как в былые времена, в «раннюю пору христианства». Такая независимость включала и право на землю, на которой была построена церковь, и на доходы с нее.

Между тем, светские сеньоры, в связи с ослаблением центральной власти, захватывали королевско-императорские церковные земли, присваивали себе «чужую» десятину и вступали в настоящую борьбу с государственной церковью. Борьба эта велась под лицемерным лозунгом борьбы за «чистоту» церкви; последнюю обвиняли в том, что она отступает от евангельского учения и сеет кругом семена корысти, злобы и торгашества. «Настоящая» церковь, т. е. не сеньориально-собственническая, со своей стороны также проливали крокодиловы слезы по поводу «безнравственности» тех, с которыми приходилось воевать по поводу десятинных участков. Собор 845 г. в городе Мо угрожал самыми страшными небесными карами тем, которые «претендуют» на десятину, чтобы ею «кормить собак и публичных женщин».

Желая обеспечить хотя бы в незначительной мере независимость священников от сеньора, епископы на соборах требовали, чтобы было запрещено назначать крепостных на духовные должности, чтобы было запрещено сеньорам сечь священников, чтобы оставшееся после смерти последних имущество не переходило целиком к сеньорам и т. д. Однако все усиливавшаяся феодализация общества лишала исходившие от центральной администрации постановления всякой силы, и священники становились в полном смысле слова сеньориальными людьми. Мало того, епископы все более и более теряли власть и над «свободными церквями» (т. е. не принадлежавшими отдельным сеньорам), которые превращались в собственность либо городов, либо сельских общин, ибо наконец, короля, если они находились не на городской или общинной земле, а на королевской. Все это в корне подрывало старую организацию церкви, построенную на централизации в пределах, по крайней мере, епископии.

Церковь все более феодализировалась, проникалась вассальным, рыцарским и мирским духом, рвала со многими традициями, не признавала авторитета епископа и вызывала тревогу преданных старине богословов и церковнослужителей, которым новый порядок был невыгоден: «свободный» церковнослужитель не мог стать легкой игрушкой в руках светского феодала в той степени, в какой был зависимый от него духовный чиновник. В рядах ревнителей старины оказалось значительное количество монахов и целых монастырей.

Отдельные земельные магнаты, города, сельские общины, короли и императоры основывали монастыри, видя в них источник больших доходов. Место настоятеля выгодно расположенного монастыря, наделенного большими торговыми привилегиями, продавалось по дорогой цене, которую иногда уплачивала группа лиц, становившихся таким образом коллективным настоятелем такого монастыря. Купивший эту должность часто вовсе не был монахом и совершенно не был связан с монастырской жизнью: он в монастыре видел лишь доходную статью и становился своеобразным арендатором, эксплуатировавшим «святую братию». Чем сильнее он нажимал на последнюю, тем резче раскалывалась монастырская обитель, страдавшая и от собственника земли, и от его арендатора. Внизу были рядовые монахи, зачастую голодные и принужденные жить аскетической жизнью; наверху находились настоятель и его ближайшие помощники, наезжавшие в монастырь за получением «святой дани» и для выколачивания той ренты, которую должны были приносить вложенные в настоятельскую службу средства. Не без ропота переносили монахи тяжесть «светского» и «чужого» настоятеля. Но в ответ на недовольство низов расширялась власть начальствовавших аббатов и аббатис: они получили право «назначать» монахов и вводить своих людей в общую обитель. В монастырях зародилось брожение, вылившееся в середине XI в. в требование реформировать церковь и прежде всего уничтожить симонию.

Разумеется, сами монахи в значительной степени тоже принадлежали к эксплуатирующим и паразитическим элементам феодального общества и, стремясь к уничтожению симонии, имели в виду сбросить с себя гнет более сильных слоев этого общества и получить свободу действий с целью извлечения благ из своего «монашеского» положения. Другими словами, они хотели быть хозяевами в монастырях, а не слугами, самостоятельно распоряжаться огромными богатствами монастырей, а не служить привеском к ним, молча взирая на то, как другие широко пользуются удобствами жизни, обычно менее всего походившей на «монастырскую» жизнь. Так росло внутри монастырей движение против симонической церкви, т. е. такой церкви, в которой отдельные феодалы пользовались преимущественными правами и продавали эти права проходимцам, имевшим средства и возможность их приобрести и эксплуатировать как «святую братию», так еще в гораздо большей степени тех крепостных, за счет которых жил и монах, и сеньор, обладавший монастырем.

II

Римская земельная знать не соглашалась подчиняться папским чиновникам и зарилась на земельное могущество престола св. Петра. В борьбе с феодальной знатью папство пыталось разьединить силы своих врагов, противопоставляя мелких феодалов, иногда вызванных к существованию самим папством, крупным и знатным. Наделяя мелких феодалов разными привилегиями, делая их «ручными», вербуя их из семей верхних слоев преимущественно римского духовенства, папство создавало почти независимые баронии, где сидели родственники пап. И тут сказалось одно из противоречий феодальной системы: мелкие «племянники», «родственники», облагодетельствованные папой в целях борьбы со знатью и защиты папского могущества, «забывали» свои родственные связи, зачастую соединялись со знатными конкурентами папы и вели против него такую же борьбу, как и старые земельные магнаты. Отсутствие наследственной передачи папского престола исключало возможность появления, несмотря на изобилие папских родственников, более или менее прочной папской династии, которая обеспечивала бы, как в некоторых наследственных монархиях, подобие государственного единства и подавляла бы наиболее враждебные папству децентралистские силы.

Для баронов папа был лишь самым богатым, сильным и крупным феодалом, и в интересах менее сильных феодалов было стремиться подорвать могущество этого соперника и пытаться увеличить за его счет собственное богатство и зиждившуюся на этом богатстве власть. То была общая черта эпохи феодализма - борьба отдельных представителей знати, объединявшейся лишь в интересах более интенсивной эксплуатации крестьянской массы. В процессе внутривфеодальной борьбы поглощались мелкие феодалы и укреплялись более могущественные.

Смерть каждого папы вызывала раздоры в среде родственников и приближенных и влекла за собою распадение папской партии. Выборы же нового папы были обычно новой вспышкой острой борьбы и усугубляли еще больше процесс разложения папского государства. Папа избирался не всеми соперничавшими между собою баронами папского государства, а лишь небольшой группой феодалов собственно Римской области, сообща с частью римского же духовенства и римского «народа». По существу, это были своеобразные приходские выборы, где город Рим и ближайшие местности избирали епископа, который вместе с тем являлся и светским главой целого государства.

Эта избирательная мешанина, где сталкивались противоположные интересы (а их было почти столько же, сколько было избирателей), нередко давала самые неожиданные результаты, менее всего, однако, способствовавшие упрочению государственной власти, даже в ее феодальной форме. Для многих было даже неясно, кого, собственно, они избирают: римского ли епископа или государя Папской области. Летописец Аусилий, описывая избрание одного папы, считает необходимым особо отметить, что «тогда многие руководились исключительно интересами церкви, а не чем-либо иным, как-то имело место во многих других случаях избрания нового папы».

Неясно было не только кто «голова» государства, но и какова его основа: чьими подданными были жители папского государства? Нередко жители этого своеобразного государства датировали какой-либо документ одновременно именем папы и императора. В 808 г. Карл назначил ряд чиновников, которые судили и взимали подати с населения папского государства, как будто дело шло об императорской земле. Позднее папские города областей Равенны и Пентаполиса без ведома и разрешения папы, но с согласия императора заключили договор с Венецией, словно эти области были самостоятельны и вовсе не входили в состав папского государства. Эта неопределенность отношений приводила неизбежно к тому, что папский престол при ослаблении франкской монархии оказался в руках римской аристократии. Наиболее богатые из этой знати стремились захватить папский престол, чтобы еще больше усилить свое могущество и свою власть.

Нередко борьба приводила к одновременному избранию двух пап, и уличные беспорядки, сопровождавшиеся кровопролитием, решали, кому из избранных достанется «престол апостола Петра». Так, папе Сергию II (844-847) пришлось прибегнуть к подавлению восстания мелких феодалов, чтобы закрепить за собой власть. О «правах» же императора на контроль над папскими выборами после смерти Карла Великого заботились менее всего. Слабость империи превращала тесный круг римского «мира» в единственного распорядителя судеб папства. Правление Сергия II отмечено в истории папства как расцвет симонии, продажности церкви и крайнего распутства духовенства, пример чему подавал брат папы Бенедикт, получивший епископство Албано. Грабеж, сильнейшая эксплуатация и открыто совершавшиеся Сергием и Бенедиктом убийства всех недовольных вызвали такое настроение в широких суеверных массах, что в нападении сарацин в 846 г. на Сицилию и Южную Италию люди видели перст божий, мстивший за многочисленные злодеяния, совершаемые под папской эгидой. А когда сарацины подошли к устью Тибра, разрушили крепость Остию и заняли правобережный Рим с огромными богатствами базилики св. Петра и св. Павла, то всю Папскую область охватила страшная паника, и если бы на помощь Риму не поспешили франкские войска, Вечный город очутился бы в руках сарацин.

После этих событий новый папа Лев IV (847-855) начал строительство правобережной крепости Рима. В честь этого папы, с помощью налогов собравшего огромные суммы для возведения новых крепостных стен Рима и соединения их со старыми левобережными, эта часть города получила название Леонины. Рим, окруженный со всех сторон стенами, должен был стать отныне неприступным для «врагов христовой веры». Вокруг почти обезлюдевшей Чивитта-Веккиа были также возведены крепостные стены, она вновь была заселена и переименована в город Льва (Леополис); впрочем, имя это сохранилось ненадолго. Лев IV, несмотря на строительство, не оставил хорошей памяти о себе: как пьявка, высасывал он из народа последние соки и тратил огромные суммы на роскошь и пиршества, которым необузданно предавался.

«Сарацинская опасность» послужила предлогом «невозможности» утверждения далеким императором выборов папы, и в Риме всячески пытались обходиться без императорского утверждения. С другой стороны, в 850 г. император Лотарь I поручил папе Льву IV короновать своего сына Людовика в качестве соимператора - и, таким образом, подряд три императора получили корону из рук папы.

Это отныне становилось уже традицией, папской привилегией. Несмотря на то, что Людовик II получил корону из папских рук, он вступил в конфликт с курией и поддерживал кардинала Анастасия, которого четыре раза лишали сана и даже отлучали от церкви. Так как у Анастасия и в Риме было много сторонников, то после смерти Льва IV приверженцы покойного спешно провели в папы Бенедикта III (855-858) и на этот раз отправили протокол выборов со специальной миссией к императору, с тем, чтобы избежать осложнений со стороны Анастасия. Однако Людовик II отправил в Рим своих представителей, будто бы для проверки правильности выборов, а в действительности для противопоставления Бенедикту III антипапы в лице Анастасия. Императорским представителям удалось по дороге в Рим устроить «избрание» в папы Анастасия, и наиболее ярые сторонники Бенедикта попали в тюрьму. Сам Бенедикт, у которого отняли его папское одеяние, оказался в Латеранском дворце под домашним арестом, а на улицах Рима началась свалка между папистами и антипапистами. В конечном счете, победил Бенедикт III, а ставленник императора Анастасий был отправлен в качестве аббата в монастырь Сайта Мария в Трастевере. Эту победу над слабавольным Людовиком II, при котором быстро прогрессировал упадок распавшейся уже ранее империи Карла Великого, папство праздновало с большим шумом, и к этому времени, очевидно, следует отнести составление так называемых Лжеисидоровых декреталий.

Лжеисидоровы декреталии представляли собою сборник, составленный (более чем наполовину) из подложных документов, сфабрикованный в середине IX в. неизвестным лицом, скрывавшимся под псевдонимом Исидора Меркатора. Основная идея декреталий сводилась к обоснованию независимости епископа от королевской власти и необходимости вставить епископат под опеку римского папы. При этом декреталии не останавливаются и перед утверждением, что папа свободен от ответственности перед людьми. Слабость королевско-императорской власти, вмешивавшейся тем менее во внутренние дела церкви, создала почву для подобного рода подделок: Лжеисидоровы декреталии были лишь одной из таких фальсификаций в ряду других. В эпоху Возрождения великий немецкий гуманист Николай Кузанский (1401-1464) начал критику ряда папских фальшивок, в том числе Лжеисидоровых декреталий. В дальнейшем они подверглись критическому анализу со стороны группы протестантских ученых, написавших в 60-х годах XVI в. большой антикатолический труд под названием «Магдебургские центурии», изданный в Базеле в 13 томах в 1574 г.

Во второй половине IX в. феодальный распад и процесс дальнейшей децентрализации власти быстро усиливались. После императора Лотаря I территория империи раздробилась на ряд самостоятельных феодальных государств. Постоянные междоусобицы феодалов открыли дорогу в страны Западной Европы норманнам с севера и арабам с юга. Те и другие участвовали и усилили свои набеги и опустошения. В это время на папский престол при содействии императора

Людовика II вступил Николай I (858-867). Это был римлянин из знатного рода, честолюбивый и властный, энергично принявшийся за укрепление авторитета папской власти.

Папа Николай I Великий (858-868)

Николай I был ярким выразителем идеи папской теократии. Он выдвинул тезис о том, что права папы божественного происхождения и поэтому никто не может лишать его этих прав. «Сам бог возложил на плечи папы заботу о церкви и сделал его неограниченным владыкою ее». Николай I утверждал: папа - живой закон, его слово - слово божье, его дело - божье дело. Церковь - единый организм, душа которого - папа; недопустимо поэтому вмешательство извне в дела церкви. До Христа, утверждал Николай I, существовало объединение духовной и светской власти в руках государей, но Христос разъединил обе власти, и впредь ни император не станет присваивать себе роли понтифика, ни папа - имени императора. Проведенное якобы Христом разделение властей, по словам Николая I, было сделано с ущербом для светской власти: христианские императоры нуждаются в папе ради вечной жизни, а папы пользуются императорами и королями только ради земных целей. Исходя из такого представления о папстве,

Николай I требовал всеобщего признания своего авторитета. Соборы он превратил в безмолвных свидетелей папских решений, последние, по его словам, обладали непререкаемой силой во всей церкви; I хранит веру и толкует ее догматы, приписывая себе права высшего цензора и присваивая право наложения самых суровых наказаний на отступников от «истинной» веры.

Так папа шел к осуществлению «государства божьего», не останавливаясь перед тем, чтобы угрожать королям суровыми мерами.

При Николае I мощь папства в значительной степени объяснялась слабостью власти ближайших преемников Карла Великого, наследовавших отдельные части его распавшейся огромной империи. Со временем вместе с консолидацией феодальных государств ослабевал и авторитет папской власти.

Николай I вступил в острую борьбу с недовольными его действиями церковными магнатами, и ему удалось подчинить их своей воле. Он не остановился перед тем, чтобы отлучить от церкви архиепископа равеннского, отменить решение архиепископа реймского и т. п. Вмешивался Николай I и в светские дела, добиваясь признания господства духовной власти над светской. Он принудил Лотаря II, брата императора, развестись со своей женой Вальдрадой, брак с которой был до этого признан законным не только двумя архиепископами - кельнским и трирским, но и Аахенским церковным собором, и обязал Лотаря вернуть к себе свою первую жену Теутбергу. Когда же его легаты, будучи подкупленными императором, поддержали решение собора, Николай I отлучил от церкви и архиепископа, и Вальдраду, и самих папских легатов. Император послал свои войска в Рим, но папа сумел и в этом случае добиться своего и принудил Людовика II к примирению. Отправленный папой новый легат ввел Теутбергу во дворец и вывел оттуда Вальдраду. Папа одержал в этой борьбе полную победу.

Еще большее значение имело острое столкновение между папой и византийской церковью. Хотя в ходе этой борьбы нередко все разногласия пытались свести к богословским спорам, в действительности речь шла об интересах чисто политических и территориальных. Папа выступил против константинопольского патриарха Фотия, который противился папской экспансии на Востоке, добивался его низложения, стремился отобрать у византийской церкви Болгарию, где в эти годы стали успешно осуществлять миссионерскую и просветительную деятельность братья Константин (*Более известен под именем Кирилла, которое он получил при принятии монашества*) и Мефодий. Борьба за Болгарию, начатая Николаем I и продолжавшаяся впоследствии, все более усиливала расхождения между западной и восточной церквями и приближала окончательный разрыв между ними.

После Григория I вплоть до XI в. ни один из пап не играл такой активной роли в попытках создания теократической власти, как Николай I. Однако его усилия не были успешными. Теократия при нем выступала лишь в идее, действительность же была от нее чрезвычайно далека.

III

Вследствие внутренних раздоров Рим с конца IX в. переживал пору тяжелого кризиса, во время которого папская тиара переходила от одного папы к другому, смотря по тому, какая из аристократических клик оказывалась сильнее. В 877 г. папа Иоанн VIII (872-882) находился даже в плену у одного феодального владыки, а после своего освобождения покинул Рим и пытался созвать во Франции собор для наказания своих «угнетателей». Однако на собор в Труа явилось мало епископов, и Иоанн VIII пообещал провансальскому графу Бозо императорскую корону, если тот ему поможет укрепить престол апостола Петра. Но римские феодалы не допустили Бозо в Рим, и Иоанн стал искать «хотя бы короля» для защиты прав главы церкви. В лице Карла Швабского он нашел, казалось, такого короля, но вскоре наступило разочарование. «Мы ждали от него света, - писал Иоанн VIII, - а получили тьму». И тогда он обратился за помощью к Византии - «злейшему врагу Рима». Иоанн VIII, по словам монаха - летописца из Фульды, стал жертвой

своей собственной политики: ему дали яд, а так как он сразу не подействовал, то удар молотка по черепу положил конец «бренному существованию Иоанна». То был первый в длинной веренице случаев убийства в средние века «наместника бога на земле». Он дал толчок к еще более ожесточенной борьбе феодалов за овладение папским престолом и за господство в папском государстве.

В начале X в. в Риме играла особенно большую роль знатная семья Теофилактов. Глава этой семьи занимал пост командующего военными силами государства, а также верховного комиссара Равенны. Он считался консулом и сенатором, принимал самое активное участие в выборах папы и, наконец, возвел своего близкого друга на папский престол под именем Сергия III (904-911). Сергий начал свою папскую деятельность тем, что распорядился задушить своих предшественников Льва V и Христофора, насильственно свергнутых с папского престола и брошенных на пожизненное заключение в тюрьму. Официально убийство было совершено «из жалости к обоим бывшим папам», ибо «моментальная смерть менее страшна, чем долгое, пожизненное заключение в темнице». Сам Сергий открыто жил с дочерью Теофилакта, Марозией, которая родила от него сына, ставшего впоследствии папой под именем Иоанна XI. О сожительстве Сергия с Марозией говорит не только летописец Лиутпранд, но и официальное жизнеописание пап «*Liber pontificalis*».

Вскоре после Сергия III престол достался Иоанну X (914-928), известному и тем, что он утвердил архиепископом Реймса пятилетнего мальчика, сына могущественного графа Гуго Вермандуа. Новый папа вызвал гнев Марозии тем, что открыто жил с ее матерью Теодорой Теофилакт. Марозии, владевшей огромными землями и распоряжавшейся многими мелкими феодалами и вассалами, удалось организовать в Риме бунт, и папа Иоанн X (*О правлении этого папы Маркс пишет: «Иоанн X (архиепископ Равенский) стал папой [благодаря Феодоре и ее двум дочерям - Марозии и Феодоре младшей трем девкам...]*» (*Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. 5, с. 54*)) был задушен в тюрьме после того, как на ее глазах был убит его родной брат, префект Рима. Так за короткое время были задушены трое пап.

Убийство Иоанна X, сопровождавшееся шумными проявлениями «народного» возмущения по адресу убитого папы и столь же «народного» восторга по адресу смелой герцогини, еще более укрепили ее могущество в Риме и его окрестностях, и вскоре Марозия, наследница богатейшего Теофилакта и супруга сначала сполетского герцога, а затем тосканского, стала самым влиятельным лицом в курии и фактически избирала папой такого кандидата, который ей казался наиболее удобным.

Именно в эти годы монах горы Соракте на ломаном латинском языке заносил на страницы своей летописи: «Власть в Риме в эту пору оказалась в женских руках, согласно пророчеству: женщины будут править Иерусалимом».

И действительно, эта женщина возводила на папский престол жалких скоморохов, своих любовников, которые были на папском престоле под именами Анастасия III (911-913) и Ландона (913-914). Оба они, по существу, были лишь «временными» папами: Марозия с нетерпением ждала совершеннолетия своего сына, чтобы возвести его на папский престол. Как только она свергла в 928 г. папу Иоанна X, отправив его в тюрьму, где он вскоре умер, и быстро ликвидировав Льва VI и Стефана VIII, она осуществила свой давний замысел. Папой стал ее сын под именем Иоанна XI (931-935), имевший от роду 25 лет. Однако другой сын Марозии, Альберих, поднял в Риме бунт против матери, праздновавшей свою свадьбу с третьим мужем, итальянским королем Гуго. Гуго бежал из Рима, а Марозия вместе со своим сыном - папой Иоанном XI - была заключена в тюрьму по распоряжению Альбериха, фактически ставшего диктатором Рима. Так в тюрьме или в ссылке погибло за несколько лет четверо пап. Эти позорные страницы из истории папства способствовали появлению легенды о женщине-папе, о папессе Иоанне, будто правившей Римом около половины IX в.

IV

Взяв в руки бразды правления в качестве префекта Рима, Альберих, сын Марозии, вскоре сделался полновластным диктатором. Это был первый случай со времен образования папского государства, когда во главе его оказалось светское лицо, представлявшее интересы крупнейших землевладельцев. Казалось, что светскому господству папства наступил конец.

Однако и Альберих не решился совершенно устранить папу от управления государством и создал своеобразное двоевластие, когда за папой были оставлены формальные права, а фактическая власть принадлежала ему, получившему титул «сенатора, патриция и государя всех римлян». Монеты, выпускавшиеся в это время, имели изображения обоих правителей - как Альбериха, так и папы Льва VII (936-939). Точно так же законы и распоряжения исходили в Риме от имени обоих соправителей.

Как диктатор, Альберих не допускал папских выборов, и сменившиеся при нем четверо пап совершенно открыто назначались им. Он намеревался передать своему сыну управление папским государством так, чтобы сын был одновременно и папой и императором. Он даже назвал его символическим именем Октавиана в честь первого римского императора Августа, чье дело должен был восстановить и продолжить сын Альбериха. Незадолго до своей смерти (954 г.) Альберих заставил римскую аристократию дать клятву, что при ближайших выборах папы они будут голосовать за Октавиана, и заявил, что светскую верховную власть он передает ему по праву наследства. Таким образом, в 18 лет Октавиан стал «властителем и сенатором всех римлян», а через полгода сделался папой Иоанном XII (955-964).

Внук развратной Марозии был столь же порочен, как и его бабка. Летописцы подробно рассказывают, как Октавиан (или Иоанн XII) превратил Латеранский дворец в публичный дом, как прятались от него добродетельные женщины, сколько он имел замужних любовниц, какие он устраивал оргии, как он пил за здоровье сатаны, во славу Венеры, как он в конюшне рукоположил своего любимца в епископский сан, сколько им было продано священнических должностей и т. д. Но не в отвращении, которое Иоанн XII внушал к себе, крылась опасность для существования папства. Материальную базу курии подрывали, угрожая основам папского государства, чрезвычайные притязания земельной аристократии, избавившейся после смерти Альбериха от его террора. Крупные представители итальянской знати и духовенства постепенно становились независимыми от папы, и епископы при помощи своих вассалов захватывали области и города, соперничая со светскими магнатами.

Снова обнаружилось, что папское государство не может существовать без королевской или императорской опеки, без сильной руки, карающей децентралистские тенденции внутри государства.

Иоанн XII вынужден был искать светского покровительства. С ослаблением Франции (западной части бывшей Франкской империи) спасителя папского престола можно было искать лишь в Германии, где феодальные порядки не развились еще в такой степени.

В стремлении найти «сильного покровителя» папа Иоанн XII обратился к германскому королю Оттону I. Политика Оттона, щедро раздававшего богатые земли церкви в противовес светскому крупному землевладению, казалась Иоанну XII гарантией бескорыстной готовности короля стать на сторону папства против римской аристократии, подрывавшей единство и без того рыхлого государства. В 960 г. папа Иоанн XII обратился за помощью к Оттону I против римских аристократов. Оттон с большим войском вступил в Рим после того, как навел страх на всю Северную Италию. В Риме 2 февраля 962 г. он был торжественно коронован Иоанном XII в качестве «императора Августа». Сам папа и римская знать принесли новому императору присягу верности на гробе св. Петра и поклялись, что никогда не будут поддерживать врагов императора. Эти события и положили начало тому государству, которое в дальнейшем стало называться «Священной Римской империей». Создание этой империи казалось торжеством идеи прочного союза алтаря и трона. Император должен был защищать «светским» мечом права и власть папы, а папа с «духовным» мечом должен был стоять на страже интересов императора и его могущества.

Корона германских императоров. Папы короновали ею императоров начиная с X в.

Самый факт обращения Иоанна XII за помощью поставил его в подчиненное к императору положение, тем более что Оттон получил не только императорскую корону, но и право контроля над избранием папы. С другой стороны, император гарантировал папе неприкосновенность папского государства и даже несколько расширил его территорию. Однако пребывание императора с большим войском в Италии не могло быть продолжительным, и Оттон вернулся в Германию, закрепив свое положение в Италии раздачей многих привилегий, земель и даже городов отдельным епископам, т. е. действуя в Италии так же, как и в Германии, где он подрывал силу феодалов путем поддержки соперничавших с ними духовных магнатов. В этом и заключался смысл так называемых оттоновских привилегий: духовные магнаты, главным образом епископы, получая из рук императора землю, должны были его поддерживать против притязаний папства. Тем самым наносился сильный удар папской централизации, на страже которой должен был, по расчетам Иоанна XII, стоять Оттон. Между тем результаты мероприятий нового императора были совсем другие. Благодаря значительным земельным приобретениям, полученным от Оттона, многие епископы почувствовали под собой более твердую почву. Отныне помимо светских магнатов все более стали откалываться от папства и духовные. Политика Оттона приносила свои плоды: в его интересы отнюдь не входило чрезмерное усиление папской власти. Оттон получил корону, укрепил авторитет папы, поскольку такой авторитет придавал блеск императорской короне, но и «самый авторитетный» папа должен быть лишь орудием в руках Оттона. Подобным орудием же папа неизбежно становился тогда, когда у себя в государстве он сталкивался с враждебными элементами, рвавшими на части папское государство и не желавшими подчиняться никакой власти. Поняв политику Оттона I, Иоанн изменил присяге императору, вступил в переговоры с врагами Оттона и стал подстрекать венгров, византийцев и даже сарацин напасть на Германию. Оттон снова явился в Рим.

Между его войском и наемными отрядами, которыми командовал сам папа, произошел бой, во время которого Иоанн XII бежал и скрылся за пределами папского государства. Император потребовал от папских избирателей принесения присяги, что отныне они никого не будут выбирать в папы без согласия и указания императора или его сына, и созвал в Риме собор для низложения Иоанна XII. Папа был обвинен в нарушении клятвы, убийстве, святотатстве и кровосмесительстве. Собор под председательством Оттона I подтвердил обвинения, низложил Иоанна и по указанию императора избрал папой Льва VIII (963-965), которого по указанию императора в течение одного дня превратили из светского человека в представителя высшего духовного звания: за восемь часов императорский рыцарь прошел всю сложную иерархическую лестницу, оставаясь по несколько минут в звании низшего и среднего священства, дойдя к концу этой головокружительной «карьеры» до сана епископа.

Однако с уходом Оттона магнаты, стремившиеся к «полной» независимости и видевшие во вмешательстве императора в «избирательную процедуру» удар этой независимости, подняли

бунт. Иоанн снова вернулся и прогнал Льва VIII, бежавшего к императору и оставившего в руках Иоанна XII своих приближенных.

Вторичный понтификат Иоанна начался открытием нового собора, в котором участвовали почти те же епископы, которые за три месяца до того низложили Иоанна XII, а теперь снова его признали достойным папского звания. Второе папство Иоанна XII было крайне непродолжительно: он успел лишь зверски расправиться с епископами, которые пригласили короля Оттона I в Рим, низложил «проходимца» Льва VIII, не приехавшего на собор и угрожавшего участвовавшим в нем епископам различными наказаниями. В ответ на это был организован заговор против Иоанна XII. Его постигла смерть в объятиях любовницы. По мнению летописца Лиутпранда, в смерти папы повинен был... дьявол.

В дальнейшем бунты против назначаемых императором пап подавлялись путем самых кровавых репрессий. В Риме господствовали «саксонцы», т. е. германские императоры, сажавшие на папский престол своих ставленников. Так завершилось обмирщение церкви: руками светских людей, на основе светской инвеституры строилась церковь, начиная с ее «головы» и кончая ее «членами». Духовенство, получавшее инвеституру от земельных магнатов, не только способствовало укреплению могущества феодальной знати, но и придавало эксплуатации широких народных масс господствующим землевладельческим классом ту религиозно-нравственную санкцию, которая должна была как бы увековечить и «обожествить» феодальную систему всеобщего гнета. Являясь вполне феодальным учреждением, церковь все более проникалась мирским духом, принимала активное участие в деле закрепощения крестьянства и представляла собой важнейшую опору феодального класса.

В середине XI в. папство вступило в острый конфликт с Византией. Лев IX (1049-1054) потребовал от византийского императора и константинопольского патриарха, чтобы папству были возвращены земли Южной Италии, указанные в «Константиновой даре», но остававшиеся во владении восточного императора. Папа рассчитывал, что международная обстановка, чреватая опасностями для Константинополя, вынудит императора быть более уступчивым в отношении притязаний Рима, от которого Византия ждала помощи. Однако требование Льва IX, выраженное в резкой, вызывающей форме, угрожавшее Византии материальным и моральным ущербом, встретило отпор со стороны заинтересованного государства и церкви. Папские представители, прибывшие в Византию, предали 16 июля 1054 г. константинопольского патриарха Михаила Керулария анафеме и покинули восточную столицу.

В ответ на это собор, созванный византийским императором, предал анафеме папских легатов и обвинил Рим в том, что с середины IX в. его папы «извратили» один из наиболее существенных догматов веры, примкнув к постановлению Аахенского собора 809 г. о том, что «святой дух исходит не от одного бога, но и от сына» (filioque). Эта прибавка в никейский символ, по заявлению патриарха Михаила Керулария и специально созванного собора, ввергла западную церковь в ересь и сделала невозможным дальнейшее церковное общение Востока с Римом. С этого времени поминание папы при восточном богослужении должно было быть опущено, хотя «извращение» символа имело место уже за 200 лет до этого.

Так произошло в 1054 г. разделение церквей. Обе церкви претендовали на значение вселенской («католической» - по латинскому произношению, «кафолической» - по греческому). Когда наименование «католическая» укрепилось за западной церковью, восточная, греко-кафолическая, стала именоваться также «православной», правоверной (по-латыни - «ортодоксальной»).

Глава пятая

БОРЬБА ЗА «РЕФОРМУ» ЦЕРКВИ

I

В городах Северной Италии с их многочисленным ремесленным и торговым населением было множество врагов светских и духовных феодалов. Чернорабочие, мелкие ремесленники и торговцы, средние и крупные купцы - почти все городское население страдало от привилегий церкви, невероятных притязаний аристократии и постоянных феодальных междоусобиц. С

другой стороны, шел постоянный приток сельского населения в города. Между трудящимся населением города и деревни создавался союз, основанный на протесте против гнета и эксплуатации, осуществлявшихся светской и духовной аристократией. Недовольство проникало и в монастыри, низы которых и материально, и морально терпели от «симонистов». Многие из монахов стали группироваться вокруг Петра Дамиани (1007-1072) - отшельника из Фонтеавеллана (в Италии). Дамиани был противником симонии и требовал ее искоренения. Он, однако, понимал, что отдельным отшельникам или даже целым монастырям не под силу успешно бороться со злом, которое насаждали повсюду всемогущие феодалы, фактически владевшие всеми церковными богатствами. Поэтому Дамиани возлагал свои надежды на папу. Так как германский император также вел внутри своего государства борьбу с притязаниями феодалов, то Дамиани видел в нем естественного союзника в борьбе с симонией, выгодной, по его мнению, лишь крупной феодальной аристократии. Этим объясняется тот факт, что в проповедях Дамиани зачастую говорилось о совместной борьбе папы и императора против земельной знати. Одним из первых Дамиани заговорил о прочном союзе между тронem и алтарем, о необходимости, чтобы духовная власть оделяла светскую «святостью», а светская предоставляла бы духовной «защиту». Король владеет «мирским оружием», святитель «опоясан духовным мечом, словом божьим». В политике императора Генриха II и его преемников, благоволивших сторонникам борьбы с «испорченностью церкви», Дамиани видел подтверждение правильности своих взглядов. Он не замечал, что, по существу, союз церкви со светской властью зиждился на симонии: ведь епископ «покупал» должность за готовность служить интересам светской власти, и как бы Дамиани ни восхвалял саксонскую династию, нельзя было отрицать факта обмирщения церкви, начиная с «головы», поскольку папа был саксонским ставленником, и кончая мелким аббатом, получавшим свой монастырь по благоволению императора.

Вскоре к итальянской группе недовольных монахов, руководимых Петром Дамиани, присоединилась лотарингская, возглавлявшаяся Гумбертом из Муайенмутье (992-1061), автором резкого памфлета «*Adversus simoniacos*». «Скандальному торгу духовными местами должен быть положен конец» - таков был лозунг обоих главных борцов против симонии в церкви. «Нужно желать французскому королю, - восклицает Гумберт, который нападал, в противоположность Дамиани, и на королевскую власть, - этому сыну ужаса, этому антихристу, новому Юлиану, скорейшего исчезновения, чтобы он не мог увековечить своих нечестивых дел и сажать на епископские, священнические и монастырские места своих любимцев-проходимцев». В глазах Гумберта даже такой «лучший» император, как Генрих III, должен попасть в ад, так как он прибегает к симонии, назначая по своему усмотрению епископов и аббатов; тем самым он становится соучастником всех «мерзостей», характеризующих продажную разлагающуюся церковь. «Кто товарищ воров и разбойников, тот и сам становится таковым», - говорит Гумберт по адресу королей, назначающих епископа. Мало того, симонист, по существу еретик, а потому и участник «симонистической инвеституры» должен быть заклеен в качестве еретика. «Нет ничего общего между королем и истинным представителем партии реформы, и ни о каком союзе между ними не может быть речи», - говорит Гумберт, явно направляя эти слова по адресу Дамиани. Объединение короля и священника - зло: как одежда отличает их друг от друга, так разно выступают они в своих действиях, и усилия церкви должны в первую очередь быть направлены против всякого вторжения светской власти в самостоятельную и независимую жизнь церкви, руководимой исключительно и неукоснительно ее главой - папой римским.

Рассуждая таким образом, Гумберт должен был, по существу, дойти до идеи отделения церкви от государства. Однако эта идея была совершенно чужда средневековью. В представлении средневекового автора церковь и государство как бы сливались в нечто единое: ведь исключенный из церкви не находил себе места и в государстве, и Гумберт под независимостью церкви понимал ее господство над государством, беспрекословное подчинение центральной светской власти главе римской церкви. Его возмущает, что король председательствует на соборах и что по его указке решаются самые ответственные вопросы в жизни церкви. «Пусть король удовлетворится предоставленным ему правом выражать свое согласие (*consensus*), а не держит церковь в еще худшем рабстве, чем при лангобардах». «Этот позор церкви начался при Оттоне I и поныне продолжается», - заявляет Гумберт. В возрождении императорского титула Гумберт видел корень зла, которое сторонники Дамиани называли порчей церкви. Так, внутри партии

реформы определились два течения: политическое, требовавшее для церкви независимости от короля, и нравственно-религиозное, стремившееся с помощью светской власти искоренить охватившую церковь «порчу». Гумберт не ограничивался одним разоблачением церковных скандалов, но предлагал нечто более практическое: он требовал, чтобы папа инвестировал архиепископов, а последние - епископов; через архиепископов папа будет, таким образом, держать в своих руках всю церковную иерархию.

Идеи Гумберта встретили сочувствие среди некоторых влиятельных епископов, тяготевшихся зависимостью от короля и императора и стремившихся к сближению с Римом, в котором они видели единственную силу, способную успешно бороться с чрезмерными притязаниями светской верховной власти. Они исходили из того, что далекий Рим не так бдительно будет следить за их жизнью и что под его сенью они смогут жить свободнее и более независимо, чем под крылом близкой империи, постоянно сдерживавшей их стремление к независимости и самостоятельности.

В толщу народных масс, однако, лозунги Гумберта не проникли. Его идеи приобрели лишь отдельных влиятельных адептов среди представителей духовенства. Другое дело в Италии, где Петр Дамиани являлся не столько провозвестником недовольства, сколько лишь одним из его выразителей, притом вовсе не крайним, так как недовольство народных масс шло гораздо дальше критики симонистского духовенства и распространялось на всю феодальную иерархию, без различия между архиепископом и епископом и простым священником-симонистом, фактически также ставленником феодальной знати. Тем не менее «слово божье» монахов, направленное против симонистов, вызвало в середине XI в. крупное народное движение в богатом Милане, славившемся многочисленностью своего духовенства. Все духовенство, владевшее огромными богатствами, было здесь симонистским и гналось за мирскими наслаждениями в не меньшей степени, чем знать Павии, о которой сложилась поговорка: *Pavia in deliciis*, т. е. «наслаждаются, как в Павии».

Руководителем недовольных в Милане был монах Ариальд. Его выступления находили отклик среди горожан Милана. На первых порах за ним шли не только бедняки и средние элементы города, но и крупные купцы и вообще все миланское население, за исключением лишь духовенства и аристократии. Однако частые и резкие нападки Ариальда на роскошь и богатство оттолкнули от него более зажиточную часть купцов, и лишь беднейшие слои Милана остались до конца верны Ариальду в его борьбе против симонии.

Приверженцы Ариальда вскоре получили от своих врагов прозвище «тряпичников» - «патариев», в котором сказывалось презрительное отношение богатых к бедным людям, поддерживавшим Ариальда. Патарии вошли в историю как первое народное демократическое движение в Италии, направленное против феодального, обмирщившегося и шедшего заодно с крупными феодалами духовенства.

Когда в Милане патарии стали грабить крупное духовенство, закрывать церкви, не допускать богослужения, а затем выгнали из города архиепископа со всей его свитой, изгнанные обратились за помощью к папе. К нему же неоднократно являлись и представители патариев со своими жалобами на симонистов. Ненавидевшие мирское духовенство патары предполагали, что папа станет на их сторону. Они не понимали, что резкие подчас выступления папства против симонистов объяснялись желанием Рима оторвать духовенство от феодалов и подчинить его целиком папскому влиянию, обеспечить папству возможность эксплуатировать трудовые массы безраздельно. Разумеется, папство враждебно относилось к демократическим элементам патарского Движения и видело в нем лишь средство подорвать силы тех феодалов, которые путем симонии держали в своих руках значительную часть духовенства и препятствовали усилению влияния римского престола.

Тем не менее папство не могло не встретить с чувством особого удовлетворения обращение патариев за помощью к Риму. Рим - на словах во всяком случае - оказал поддержку патариям. Папа Стефан X (1057-1058) решил использовать патарское движение в интересах укрепления своей власти. При нем стал играть большую роль Гумберт, который был назначен кардиналом и начальником папской канцелярии. Еще большее влияние на папскую политику приобрел субдиакон монах Гильдебранд. Дамиани, наоборот, был отодвинут на задний план, и

восторжествовал девиз: независимость церкви. Стефан X отправил в Милан для расследования субдиакона Гильдебранда (будущего папу Григория VII) и сторонника патариев епископа Ансельма (будущего папу Александра II).

Папские представители явно вели патарскую линию и открыли кампанию против симонии, которая служила источником дохода не только для земельной аристократии, но отчасти и для богатого купечества, строившего в городах церкви и сдававшего их как бы на откуп «своим» епископам. Естественно, что поведение расследователей миланских волнений, которые не скрывали своего враждебного отношения к симонистам, усилило активность участников патарского движения, а с другой стороны, способствовало тому, что даже часть купцов, испугавшаяся агитации против богатства и роскоши, в которой жило не только духовенство, но и многие купцы, объединилась со знатью и выступила единым фронтом против «отребья», поддерживаемого папой. «Наступили, - пишет летописец, - черные дни: все было объявлено зараженным симонией, и хождение в церковь сопровождалось опасностью для жизни». То был голос симонистского духовенства, материально зависевшего от феодалов и всячески поддерживаемого ими.

В марте 1058 г. умер Стефан X, и предстояли выборы нового папы. Итальянская знать и симонистское духовенство провели в папы своего сторонника Бенедикта X, потребовав от него в самой категорической форме искоренить патарскую «ересь», ибо эта ересь своим острием была направлена против симонистского духовенства, а также против тех богатейших представителей церкви, которые чувствовали себя почти независимыми государями и не желали допускать вмешательства папства в свою жизнь.

Против Бенедикта выступили реформисты, требовавшие преобразования церкви. Они использовали при этом лозунги в духе патариев.

Главой реформистов стал Гильдебранд. Вначале он имел мало сторонников, ибо церковная верхушка была насковзь пропитана симонистским духом и состояла в значительной части из «свободолюбивых» честолюбцев, не допускавших и мысли о вмешательстве папы либо его представителя в их церковные дела. Но Гильдебранда поддерживала партия императора, стремившегося опереться в борьбе со светскими крупными феодалами на ту часть духовенства, которая не была симонистской, и на главу церкви. Императорские «антисимонисты» избрали своего папу Николая II в противовес ставленнику феодалов Бенедикту X. Сила оружия должна была решить, который из двух пап останется у власти. Это была борьба, поставившая на карту серьезные интересы: папе и императору, на этот раз объединившимся перед лицом феодалов, соперничавших со светской властью и не желавших признать над собой власти папы, важно было вырвать из рук крупнейших земельных владык фактическую власть над огромным церковным аппаратом. Перед лицом общего врага папа и император не стали пока делить между собой плодов ожидаемой победы. В острой борьбе победили реформисты, а с ними в Милане и в ряде городов Северной Италии считали себя победителями и патарии, которые бурно торжествовали по поводу избрания в папы Николая II (1059-1061).

В глазах патариев папа Николай II был символом борьбы с симонией, с продажностью духовенства и, как им казалось, с эксплуатацией масс. Патарии вкладывали в «реформу» свое демократическое понимание и были уверены, что торжество Николая будет и торжеством их чаяний.

Стремление папы Николая ударить по симонии, т. е. по худшим представителям церковного феодализма, патарии толковали в смысле сочувствия папы демократическому движению. Союз между папством и патариями мог, хотя бы на один момент, состояться только потому, что «демократия» в то время была очень разнородна по своему социальному составу и не имела определенной политической линии.

Вместе с тем папа черпал силу из этого патарского движения. Благодаря ему, он находил отклик в среде, которая по своим классовым интересам могла быть только враждебна папству. Поддерживало патарское движение также и монашество, однако не из-за совпадения интересов монахов с интересами демократических, плебейских элементов средневекового итальянского

города, а из-за стремления монахов сбросить с себя власть симонистского, обмирщавшегося духовенства, которое эксплуатировало монастырские низы наравне с крестьянскими массами.

Императорская партия, проводящая Николая II в папы, совершала как будто несуразность: борясь с симонией и отвергая принцип назначения епископов светскими феодалами, она сама применяла этот принцип к верхушке церковной иерархии - к папству. Николай II, ставший папой милостью императора, был ведь олицетворением симонии, самым недвусмысленным отрицанием принципа независимости церкви от светской власти.

«Несуразность» эта вытекала из противоречий самой жизни: император не мог оставить папу вне сферы светской власти, и если он содействовал освобождению церковного аппарата из когтей светских крупных землевладельцев, то лишь потому, что это было выгодно ему, императору. Из этого не следовало, однако, что император готов был отказаться от собственного господства над церковью, олицетворяемой ее высшим представителем - папой римским.

В деятельности Николая II, руководимого партией реформы во главе с Гильдебрандом, двойственная политика императорской власти вызвала резкую реакцию. Через Латеранский собор 1059 г. был проведен декрет о том, что отныне единственными избирателями папы являются кардиналы-епископы, а не светские земельные магнаты; за императором же остается лишь право утверждения папы, избранного кардинальской коллегией. Этот декрет ударял не только по правам феодалов, но и по императорской власти.

Основанные на принципе полного отделения духовной власти от светской, декреты Николая II отвергали симонию, при которой духовные лица покупали у светских церковную должность или право на доход от церкви; осуждалась и брачная жизнь духовенства, как «противоречащая основам веры». Николай II не удовлетворился санкцией своих декретов Латеранским собором и потребовал от присутствовавших на нем клятвы, что они будут бороться с симонистами и женатыми священниками. Обстановка чрезвычайно обострилась - противники церковной реформы препятствовали ее проведению. В ответ на это в Брешии, Кремоне и Пьяченце начались волнения среди патариев. Они приняли особенно грозный характер, когда стало известно, что император отказался признать декреты Николая II и, созвав специальный синод в Базеле в 1061 г., объявил, что декреты не имеют силы, так как они нарушают интересы императорской власти. Это решение синода свидетельствовало о том, что в распоряжении императора имелось послушное германское духовенство, выступавшее в роли защитника старых, «истинных» основ религии, которым наносился, как они считали, удар приверженцами реформы с папой Николаем II во главе. Постановление базельского синода, на котором шла речь даже о низложении Николая II, грозило сорвать всю реформаторскую политику папы Николая II.

Однако реформа была слишком важна. Ее энергично поддерживала значительная часть монашества, во главе с аббатством Ключи (в Бургундии), и те слои духовенства, интересы которых были более связаны с Римом, чем с отдельными феодальными сеньорами. Так как монахи, имевшие своим центром Ключи, были связаны с многочисленными пунктами Западной Европы, то папство почувствовало, что, опираясь на монастыри, можно с успехом вступить в борьбу с империей, во владениях которой в середине XI в. насчитывалось свыше 3000 монастырей.

Многие из этих монастырей были очень богаты и пользовались значительными привилегиями. Так, Лоршскому монастырю принадлежало право устройства рынков по Рейну, начиная от Базеля до Мангейма; в Бенсигейме, Вейнгейме, Вислохе и т. д. монополия на рынки была исключительно в руках лоршских монахов. У монастыря Прюма (недалеко от Трира) было 265 виноградников и «достаточно леса, чтобы досыта накормить 8296 свиней и дать им возможность свободно пастись». Монастырь Сен-Медар (у Суассона) пользовался привилегией свободно открывать ярмарки в Лотарингии и по всему течению Мааса. Все альпийские проходы, считавшиеся особенно хорошими торговыми путями, принадлежали монастырям. Монастыри Мюнстера, Курвальда, Сен-Галлена и Сен-Дени богатели благодаря тому, что захватили в свои руки все ведущие в Италию пути. Множество монастырей пользовалось правом монопольной продажи соли

и вина. У монастыря Сен-Галлена «не хватало места, где держать вино, и целые бочки его лежали во дворе обители под открытым небом». В дарственной грамоте монастырю Мауэрсмюнстера говорилось, что никто, помимо него, не имел права продавать на рынке вино в течение определенного времени - именно тогда, когда зреет виноград и вино в большом количестве поступает на рынок.

Богатство монастырей побуждало их стремиться к независимости от феодальной знати, которая с завистью смотрела на исключительные привилегии монастырей и вела против них ожесточенную кампанию. Но монастыри тяготились вместе с тем зависимостью и от королевской власти, которая, правда, наделяла их привилегиями из желания создавать себе в монастырях опору против притязаний светской аристократии. Но по мере исчерпания своих земельных фондов и разорения вследствие раздачи выгодных торговых привилегий корона стала отбирать у монастырей их льготы и дарения, чтобы увеличить собственную материальную базу и повести борьбу против тех, кто подрывал силы самой империи.

По существу, это была внутренняя борьба между феодалами, и если монастыри одно время поддерживали императорскую власть, то эта поддержка являлась ответом на многочисленные льготы, предоставленные монастырям центральной властью, и носила условный характер: служба давалась за дружбу - с потерей последней исчезала и первая.

Монахи и представители духовенства уже в начале XI в. стали жаловаться - на первых порах лишь на «скарденность» императорского трона, а затем и на «предательство», на враждебное отношение к церкви. Объединиться с феодальной знатью для совместной борьбы против «изменнической императорской власти» монашество не могло, так как материальные интересы этих двух фракций господствовавшего класса были противоположны. Монашество вкупе с частью духовенства, после неудачной попытки соединиться со светским крупным землевладением, обратило свои взоры на папство.

Стремясь стать общепризнанным главой всей западной церкви, папы видели в императоре и аристократии, проводившей в церкви свое влияние, серьезных соперников и готовы были соединиться с недовольными монашескими элементами, чтобы прежде всего подорвать силу центральной власти. Таким образом, в середине XI в. наметился союз между Римом и монашеством, поскольку везде аристократия овладевала богатствами и обширнейшими землями монастырей.

Однако монашество, оказывая папе помощь, подчеркивало, что оно отныне требует для себя полной независимости и совершенного изъятия монастырей из-под власти не только светского владыки, но и духовного в лице епископа, митрополита или архиепископа. Монашество соглашалось признавать над собой лишь власть Рима и подчиняться только ему одному. Папство с тем большим удовлетворением шло навстречу этому требованию, что оно усиливало его власть во всей Западной Европе и облегчало его борьбу за то, чтобы стать во главе церкви всей Западной Европы.

Упорно и последовательно вел эту борьбу Николай II, потерпевший, однако, поражение в этом деле. Но этим поражением папы вопрос вовсе не был решен. Были задеты материальные интересы не только папской бюрократии, монашества, но и значительной части остального духовенства. Папство стояло как бы на страже «независимой церкви», т. е. такой, которая, эксплуатируя других, не давала бы эксплуатировать себя. Борьба началась с новой силой при преемнике Николая II, клюнийском монахе Гильдебранде, принявшем при избрании на папский престол имя Григория VII (1073-1085).

В 1059 г. Гильдебранд, как выше уже было отмечено, будучи фактическим правителем папского престола при Николае II, осуществил важную реформу, в силу которой право избрания пап закреплялось за коллегией кардиналов - ближайших советников папы, епископов ряда

главных Церквей Рима. Собрание кардиналов, на котором производились такие выборы, стало называться конклавом (лат. *con clave* - с ключом, т. е. закрытый зал).

Взимание пошлины с виноторговли в пользу епископа (Старинная гравюра)

Григорий VII был убежден, что папство может быть сильно лишь в том случае, если оно еще больше укрепит свою экономическую базу. Еще будучи субдиаконом, т. е. папским казначеем, он заботился об ее расширении. С этой целью он всячески увеличивал доходы курии, вводил новые налоги, отстаивал каждую пядь церковной области, следил, чтобы все государства платили церкви десятину, чтобы духовенство не растратывало понапрасну церковного богатства, требовал тяжелых повинностей от крестьян, сидевших на церковной земле. Не без основания Григория VII считают родоначальником той финансовой политики, которая характеризует папство более позднего периода. В отличие от многих своих преемников, он не копил денег ради денег, но видел в них могучее средство осуществить цели, к которым так настойчиво стремился.

Он тратил большие деньги на содержание значительного наемного войска и говорил, что папское государство должно вооруженным путем освободиться от «дьявольских тиранов», которыми кишит Италия. Военные расходы Григория были настолько велики, что миланский летописец Ландульф объясняет ими истощение папской казны в последние годы правления Григория. Немало тратил папа на подкуп римского населения, «столь жадного к деньгам, чья поддержка, однако, необходима каждому новому папе». Так, в 1083 г. Григорий роздал 30 тыс. солидов, с тем чтобы заручиться поддержкой среди римского населения и иметь возможность опереться на него в случае нужды. Даже его поклонник Герхо из Рейхсберга (*Герхо из Рейхсберга (ум. 1169) являлся горячим сторонником реформы церкви и выступал против ставленников светской власти*) упрекает его в потворстве безнравственности римлян и приписывает ему вину за развращение римских воинов, впоследствии отказывавшихся приносить новым папам присягу до получения ими определенной суммы (в дни Герхо сумма эта доходила до нескольких тысяч талантов) (*«Избирательные подарки» стали с тех пор обычным явлением, и когда Луций III отказался «купить» верность Рима, то вынужден был покинуть город*).

Разумеется, стремление укрепить материальную базу церкви требовало введения новых налогов и повышения старых. Папству необходимо было реформировать всю старую церковную систему, при которой огромной частью церковного имущества владели светские лица. Григорий VII исходил из того, что ни отдельная церковь, ни десятинные сборы и вообще никакое церковное

имущество не может принадлежать светскому лицу, не исключая и императора, и должно считаться собственностью бога, т. е. церкви. Всекие притязания феодалов на власть над отдельными церквами и их представителями и на извлечение доходов из этой власти должны быть самым решительным образом отвергнуты. Независимая от светской власти церковь - таков был идеал Григория VII, хорошо понимавшего, какую огромную мощь приобретет папство, если из «окровавленных светских рук» будет вырвано неимоверное богатство, приобретенное «беззаконнейшим путем».

Особенно много от этой «независимости» предстояло выиграть папству в Германии, где императоры в течение столетия одаряли церковь в борьбе с феодалами огромными земельными фондами и разнообразными привилегиями. Так, Генрих I еще в 927 г. предоставил взимание городских поступлений епископу Туля, а Оттон I сделал это в отношении архиепископов Магдебурга, Майнца и Кельна; фрейзингенскому же епископу он отдал доходы даже целого графства Кадоре. Кадорский дар положил начало дарениям церкви целых графств, иногда нескольких одному епископу. На первых порах дарственные записи говорили лишь о доходах; но постепенно епископ вытеснял графа, и епископская «доходная» территория превращалась в судебный округ, в иммунитетную землю. Оттон III применил к ней уже новый термин - *regimen*, т. е. государственное управление. Вскоре этот термин был заменен термином «княжество». Так возникли духовные княжества - не только епископские, но и аббатские (монастырские). В глазах императора епископы и аббаты были князьями, т. е. вельможами, обязанными служить лично и своим имуществом императорской власти. Гамбургский епископ Адальдаг не мог посещать свою епископию в течение пяти лет, так как император нуждался в нем на поле брани или во дворце. Майнцский и кельнский архиепископы должны были посылать на войну по 100 рыцарей. Аббаты Вердена, Льежа, Фульды и Лорха обязывались выставлять на войну по 60 тяжеловооруженных рыцарей.

Епископу, императорскому вассалу, при вступлении в должность император вручал посох как символ власти в духовном княжестве. Эта церемония называлась инвеститурой. Она не являлась частью церковного церемониала. Наоборот, она ему противопоставлялась. Поскольку император подчеркивал значение княжеской власти епископа, вручение посоха приобретало характер ленного пожалования. Кроме посоха император вручал епископу также кольцо и принимал от него присягу феодальной верности. Для лучшего обеспечения епископской службы светская власть стала игнорировать канонические, так называемые свободные выборы и назначала епископов, не считаясь с волей духовенства. Неудивительно поэтому, что в центре внимания Григория VII оказалась, прежде всего, Германия. Здесь среди крупных феодалов было много противников могущественной императорской власти, на которых можно было рассчитывать в борьбе против императора Генриха IV. Это казалось тем более вероятным, что королевские союзники, т. е. значительное число епископов, архиепископов, привыкших в течение долгих лет получать от императора все новые привилегии, готовы были теперь изменить императору, поскольку возможности императорской власти иссякли и у них не было надежды ожидать в будущем новых благодеяний с ее стороны. Естественно, что эти епископы видели теперь в ослаблении верховной власти лучшую гарантию упрочения завоеванного ими положения. Усиление папского могущества не могло беспокоить высших представителей духовенства: папа жил за Альпами, и предполагалось, что его вмешательство в германские церковные дела не может быть особенно активным. «Дальний покровитель» им казался менее опасным, чем близкий. Все это ослабляло позицию Генриха IV в Германии и подталкивало папу Григория VII на решительные действия.

II

Григорий VII, дальновидный политик, основательно подготовил почву для сокрушительного удара: он знал, что внутри Германии император не имеет твердой опоры, и сосредоточил внимание на Италии, где надеялся создать оплот против империи. С этой целью он, во-первых, заключил договор с норманнами, которым уступил часть земель; во-вторых, он поддержал патарское движение в городах Северной Италии, направленное против светских и духовных

магнатов и пугавшее зажиточные слои городского населения; в-третьих, расколол крупную земельную аристократию и связанную с ней верхушку североитальянского духовенства.

Эти меры, несомненно, укрепили позиции Григория VII. После нескольких лет борьбы с Генрихом IV, по-прежнему назначавшим своей властью епископов и архиепископов, папа объявил его отлученным от церкви, низложенным с трона, а его подданных - свободными от присяги и повиновения ему. Григорий VII призывал к борьбе с обмирщением церкви - с симонией, светской инвеститурой епископов, назначением священников с нарушением канонических правил; он требовал строгого соблюдения celibата - запрещения духовенству вступать в брак, что, как он заявлял, ведет к созданию «духовных династий» и к расхищению церковного имущества.

Григорий VII с помощью широкой демагогии сумел, таким образом, использовать в интересах папства и те социальные слои, которые испытывали ненависть к угнетавшему их классу, и некоторую часть представителей самого господствующего землевладельческого класса, которая не желала допустить усиления императорской власти и видела в папстве своего естественного союзника.

В этих условиях Генрих IV не рискнул сразу вступить в борьбу с папой и в 1077 г. явился к нему в замок Каноссу, где тот находился. Здесь Григорий VII заставил его в присутствии аббата из Ключи, олицетворявшего преданное папству монашество, и графини Матильды Тосканской, самого могущественного феодала средней Италии, признать себя неправым, «отказаться от гордыни» и смириться перед церковью. Григорий VII одержал победу над королем и «светским духом», получившую в дальнейшем свое документальное выражение в 27 статьях «Диктата папы» (*«Диктат папы» - приписывается папе Григорию VII и датируется 1075 г. Существует мнение, что подлинным автором этого документа был кардинал Деусдедит, активный церковный деятель при Григории VII. Составление «Диктата папы» имело целью подтвердить примат папы над светской властью.*

Вдохновленный «Лжеисидоровыми декретами» автор «Диктата» провозгласил, что папе одному принадлежит право назначения, смещения и перевода епископов, разрешения важных юридических споров, созыва соборов, суда и наложения на императора и князей церковных наказаний, освобождения подданных от присяги верности «неправедному» императору или князю, возложения на императора его знаков отличия и т. д.; никто не имеет права судить папу, а князья должны целовать у папы ногу в знак всеобщего повиновения тому, кто является наместником Христа и продолжателем дела апостола Петра, бывшего первым римским епископом.

Развивая дальше эти положения, Григорий VII пришел к выводу, что князья являются непосредственными вассалами «апостольской» кафедры, из рук представителя которой они получают на ленных началах княжеское, королевское и императорское право, принося папе ленную присягу вассальной верности (*fidelitas et hominium*).

Мало того, так как ленное награждение не включает в себе наследственного начала, то даже «справедливые короли» не должны передавать своей власти по наследству, если имеются более достойные и лучшие кандидаты на королевский трон, причем в определении степени достоинств кандидата первенствующая роль принадлежит папству.

Осуждением наследственной монархии Григорий VII играл на руку крупным германским князьям, избравшим короля и энергично отстаивавшим принцип выборности высшей германской власти. Однако Григорий настаивал на том, что кандидат в короли может получить высшую королевско-императорскую власть и непосредственно из рук наместника Петра. Этим папство ослабляло королевскую власть, превращаемую в предмет постоянных споров между боровшимися за корону князьями. Стремясь получить опору для дальнейшей борьбы с императором, Григорий VII лично отправился в Капую и заключил союз с норманнскими герцогами Ричардом и Гюискарсом, которые признали себя папскими вассалами. Такую же линию он проводил в Северной Италии и в Саксонии, стремясь оторвать их от империи.

Однако попытки Григория VII заставить германского императора Генриха IV отказаться от инвеституры, т. е. от возможности держать в своих руках верхушку церковного аппарата вместе со всем имуществом, принадлежавшим церкви, не всегда приводили к положительным для папы результатам. Уход из-под власти императора духовных князей с их огромными богатствами довел

бы Германию до полного распада, до совершенного уничтожения государственного единства. В то же время этим уходом была бы полностью подорвана императорская казна, питавшаяся богатствами, принадлежавшими церкви в разных частях империи. В не меньшей степени этой независимостью духовенства была бы разрушена и военная мощь короля, который требовал от инвестированных им высших представителей духовенства военной повинности, пропорционально их церковному богатству. И чем сильнее были духовные князья, отпадавшие или грозившие отпасть от империи, чем большими привилегиями и иммунитетами они награждались на протяжении целого столетия, тем чувствительнее была для центральной власти победа Григория VII и тем разрушительнее она действовала на огромное и без того плохо цементированное здание, какое представляла собою Священная Римская империя.

Пока дело шло о принципе выборности короны, светские князья охотно поддерживали самые коварные папские интриги, имевшие целью ослабить императора. Но как только кто-либо из князей избирался в короли, он сам превращался в защитника сильной центральной власти и отстаивал необходимость инвеституры духовенства, дававшей возможность империи обогащаться за счет церкви. Так, избранный германским королем с помощью папы и противопоставленный им Генриху IV, Рудольф Швабский восстал против требования своего же покровителя Григория VII, стремившегося разрушить материальную основу империи. Рудольф отказался передать в руки папы право назначения епископов. Богатая драматическими эпизодами борьба между Генрихом IV, защищавшим основы феодально-централизованной империи, и папой Григорием VII, стремившимся овладеть огромным богатством империи, сосредоточенным в руках церкви, и подчинить себе светскую власть, приняла затяжной характер и сопровождалась очень острыми столкновениями.

Борьба папы Григория VII с германским императором Генрихом IV и поражение папы (XI в.) (Рисунок из средневековой хроники)

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что борьба эта происходила в недрах феодального общества между различными группировками господствующего класса, не затрагивая, по существу, интересов основного класса производителей - крестьянских масс, которые остались в стороне от этой борьбы между империей и папством. В конце концов, император нашел силы, чтобы объявить слишком притязательного папу Григория VII свергнутым и возвести на его место покорного ему нового главу католицизма - епископа равеннского Виберта, принявшего имя Климента III. Новый папа или, как церковь его считает, антипапа, имевший опору в германском духовенстве, короновал Генриха IV императорской короной, что явилось еще одним поражением Григория VII. Но это не было решением вопроса - восторжествует ли папство над светской властью или победительницей из этой борьбы выйдет империя. Григорий пытался продолжать борьбу. У него оставались еще сторонники, он имел военную опору в лице норманнов.

Претензии папства шли очень далеко. Григорий VII намеревался принудить всех христианских королей принести ему ленную присягу и обязать их к ежегодным денежным взносам в пользу папского престола.

Во всех концах Европы легаты Григория VII вмешивались во внутреннюю жизнь государства. Они смещали епископов и выступали против государей. Григорий требовал, чтобы легатам папы везде и повсюду оказывалось повиновение, как ему самому, как наместнику бога на земле. Венгерскому королю папа писал: «Королевство венгерское принадлежит святому престолу. Король Стефан отдал его блаженному Петру». Во Франции папские легаты своим лозунгом «ругань проходит, деньги остаются» вызвали народные волнения, в которых участвовала и часть среднего и низшего духовенства. В воззваниях, появившихся в Нуайоне и Камбре, о папских легатах говорилось: «под маской религии они хотят ее уничтожить; требуют безбрачия, потому что сами погрязли в позорнейших пороках». А реймский архиепископ Манассий говорил, что привилегия Петра «вязать и решать» прекращается, раз высшие представители Рима поступают несправедливо и безбожно. Манассий вынужден был уйти, но папский легат в Камбре был толпой сожжен живьем. В Туре восставшие разгромили церкви; убийства сторонников Рима стали, по словам летописи, повседневным явлением. Угроза отлучения от церкви заставила французского короля Филиппа I подавить антипапское движение; полностью, однако, Филипп I не поддался требованиям Григория VII: инвеститура осталась во Франции за королевской властью. В Англии же Григорий VII достиг большего: Вильгельм Завоеватель стал платить «вассальную» лепту св. Петра. Авторитет папы достиг большой высоты. Даже далекий киевский князь Изяслав, сын Ярослава Мудрого, изгнанный из Киева, послал своего сына в Рим с просьбой о помощи для своего восстановления на киевском престоле. Григорий VII, по-видимому, пообещал эту помощь при условии, что киевский князь признает себя вассалом римского престола и принесет должную присягу в верности князю апостолов, принесет царство свое в дар св. Петру, приняв его затем как лен из рук папы. Помимо того, папа предпринял демарш в Польше в пользу Изяслава. Польский король Болеслав Смелый, в угоду папе, вел враждебную Генриху IV политику и стремился вытеснить германское влияние из Польши, Венгрии и Чехии. Интересы Болеслава временами сталкивались с притязаниями Григория VII, о чем свидетельствует угроза Рима отлучить польского князя от церкви. Угроза эта была настолько действенна, что, в конечном счете, Болеслав Смелый во всем уступил папе.

С возмущением Григорий VII отвергал, как опасную ересь, мысль, что земная власть может не быть подчинена власти апостола, и утверждал, что кому дана власть закрывать и открывать небеса, тот тем паче может по своему усмотрению решать все земные дела. «Не настолько золото ценнее свинца, - говорил Григорий VII, - насколько власть священническая выше царской». И в другой раз тот же Григорий VII восклицает: «Придите, святейшие и блаженные Петр и Павел, дабы весь мир мог понять и узнать, что если вы можете вязать и решать на небе, то вы также можете делать это и на земле, сообразно с заслугами каждого человека; давать и отнимать империи, королевства, княжества, маркизаты, герцогства, графства и все, чем могут владеть люди».

В писаниях Григория VII духовная власть почти ничем не отличается от политического верховенства. Божья благодать, распоряжаться которой он объявляет своей привилегией, подобно небесному «ключнику» Петру, становится как бы собственностью, вотчиной папы, материализируется, и Григорий VII разъясняет чешскому князю Братиславу II, помогавшему

Генриху IV, что человеческий род разделяется на немногих, призванных к властвованию и обладающих благодатью, и на очень многих, уделом которых является повиновение, так как они не обладают благодатью. «Если вы хотите, - обращается Григорий VII к христианскому миру, - сделать апостола Петра своим должником, жертвуйте в пользу церкви, защищайте ее от врагов ее и служите ей верой и правдой». Когда английский король Вильгельм Завоеватель подарил особую грамоту монастырю св. Стефана, он, по словам Григория VII, сделал апостола Петра своим должником. Божья благодать самым очевидным образом сливается в понимании Григория VII с ленными феодальными отношениями, с обычными сделками средневековья. Однако притязания Григория VII шли слишком далеко. Не считаясь с реальным соотношением сил, Григорий претендовал все более настойчиво на признание папской власти как высшей власти на земле. Это вызывало все возрастающее недовольство, постепенно охватывавшее и его недавних сторонников.

Особое возмущение вызывали его отношения с норманнами. Явившиеся в 1084 г. в Рим по его зову, норманны, прогнавшие Климента III и императорский гарнизон, предали Рим разгрому. Римское население поднялось против папы, и Григорий вынужден был бежать к норманнам снова за помощью. Но не получив ее, он в 1085 г. умер в Салерно, брошенный всеми.

Глава шестая

ВОЗВЫШЕНИЕ ПАПСТВА В XII-XIII вв.

I

Неудачи папства на Западе побуждали римскую церковь искать компенсации на Востоке, где положение Византии вследствие продолжавшихся побед мусульманских народов становилось все более трудным. Дело сводилось для папства, разумеется, не к оказанию помощи Византии, а к усилению своего влияния там, где до того времени оно было ничтожно, в особенности после разделения церквей. Стать твердой ногой на Востоке, внедрить здесь свое влияние, воспользоваться его несметными богатствами и в будущем создать единый христианский мир, в который вошла бы и Византийская империя, - таков был идеал ближайших преемников Григория VII.

В конце XI в. Европа кишела мелкими князьками, вассальными рыцарями, которые теряли почву под ногами ввиду усиления крупных феодалов и князей, захватывавших их земельные владения. Бывшие ранее почти самостоятельными, мелкие феодалы мечтали о возвращении утраченных владений, своей независимости и рады были добыть их, хотя бы и на далеком Востоке. Эти разорявшиеся и терявшие свою «свободу» общественные элементы охотно откликнулись на зов папы идти в «святую землю» для «спасения христианства» от мусульманства. За рыцарями готовы были потянуться и крестьяне, терпевшие от неимоверной эксплуатации со стороны мелкого феодала, эксплуатации, усугублявшейся бесконечными феодальными междоусобицами. Помимо крестьян и феодалов о походах на Восток мечтали и жители средиземноморских городов, которые видели в этом возможность приобщения к торговле с Востоком в гораздо более крупных размерах, чем это имело место ранее, когда связь с Востоком поддерживали лишь некоторые купцы, с большим трудом добившиеся кое-каких уступок от монополюльно державшего в своих руках внешнюю торговлю византийского императора. Таковы были главные социально-экономические причины, вызвавшие крестовые походы, главным вдохновителем которых выступило папство. Возглавив подготовку похода, папство рассчитывало показать, что главенство в Западной Европе принадлежит не германскому императору, отлученному от церкви и отстаивавшему власть против нескольких претендентов на императорскую корону, а папе римскому.

К крестовому походу папу толкал и материальный расчет. Крестоносцы, владевшие землей, отдавали церкви вплоть до «благополучного возвращения из Иерусалима» «осиротевшие земельные участки», и эта «временная» отдача приняла тем более широкий размах, что уходившие в поход феодалы в противном случае рисковали увидеть свои участки в руках крупных землевладельцев, оставшихся в Европе. Отдать церкви - означало при таких

обстоятельствах защитить «осиротелую» землю от рук соперника с надеждой получить ее обратно при возвращении из крестового похода. Таким образом, церковь за годы крестовых походов накопила колоссальные земельные богатства, которые фактически остались в ее руках, так как крестоносцы редко возвращались благополучно обратно. Мало того, даже возвращавшиеся далеко не всегда могли вступить во владение своими участками, так как за время их отсутствия эти участки в качестве выморочных перешли во владение церкви.

Дававшие обет отправиться в поход становились под защиту церкви, пользовались привилегиями служителей церкви и не могли подвергаться преследованию со стороны светской власти. Крестоносцы освобождались и от всяких платежей в пользу светской власти и целиком «защищались», т. е. эксплуатировались, церковью, которая давала им возможность грабить и разорять тех, кто отказывался приносить жертву в пользу освобождения «гроба господня» на Востоке. Жертва эта понималась церковью не только в смысле личного участия в крестовом походе, но и в смысле денежного взноса. В папскую кассу поступало множество «даров» от лиц, откупавшихся таким даром от далекого похода или покупавших себе гарантию против бесчинств крестоносцев. Само собою разумеется, что всякие обязательства крестоносцев в отношении «корыстолюбцев», оставшихся в тылу, были провозглашены недействительными, и масса должников «очищалась» от долгов.

Время было грозное, смутное, и обедневшие рыцари спешили в поход на «врага христовой веры», провозглашенный летом 1095 г. папой Урбаном II (1088-1099). Как снежный ком росла на своем пути с севера на юг армия крестоносцев. Тяжелая эксплуатация, неурожай, голод, все растущая дороговизна жизни гнали в «святую» армию крестьян, городскую бедноту, стариков, женщин и детей. Армия впитала в себя немало профессиональных преступников. Обманщики, воры, тунеядцы, грабители и убийцы, как писал летописец Альберт из Экса, в большом количестве вошли в состав крестоносных отрядов. Походы обещали богатую добычу, а гарантированное Урбаном II вечное блаженство на том свете развязывало руки тем, которые еще колебались идти на прямой грабеж и иные преступления. Особым преследованиям со стороны крестоносцев подвергались евреи, которые не могли стать под высокую руку церкви. В течение мая - июля 1096 г. в прирейнских городах погибло от рук крестоносцев до 3,5 тыс. евреев. Исчезли некогда процветавшие общины Трира, Майнца, Кельна и Вормса.

Окрепнув и разбогатеv, папство снова вступило в борьбу с империей, продолжая требовать для себя исключительного права инвеституры. После долгой борьбы, истощившей обе стороны, одинаково прибегавшие к значительной военной силе, в 1122 г. был заключен так называемый Вормсский конкордат (соглашение).

Вормсский конкордат ввел как бы двойную инвеституру: вновь избранный епископ или аббат «инвестировался духовно и материально». Посвящение в сан епископа и наделение его духовными благами совершалось архиепископом или митрополитом, который вручал новому епископу кольцо и посох, символизировавшие посвящение, духовную инвеституру. Предоставление же мирских благ и материальных привилегий, которыми пользовались высшие представители церкви, совершалось императором, символизировавшим это наделение вручением скипетра и требовавшим от нового епископа присяги в ленной верности и службе. До инвеституры - как духовной, так и материальной - происходили выборы кандидата в епископы. Эти выборы должны были носить «свободный, канонический» характер, т. е. выбирал лишь клир, а «мир» только «одобрял». В Германии выборы епископов производились в присутствии императора или его представителя, который в спорных случаях определял, совещаясь с клиром, какому из претендентов на епископский сан следует отдать предпочтение. Кроме того, в Германии мирская инвеститура предшествовала духовной, и посвящение делалось после того, как избранный епископ был императором уже введен во владение мирскими благами. В Италии и Бургундии, также составлявших владения империи, наоборот, избранный и посвященный в епископский сан в течение шести недель должен был получить мирскую инвеституру.

Нетрудно видеть, что Вормсский конкордат представлял собой компромисс, в котором оставалось немало пунктов, способных привести обе стороны к резким столкновениям. Так, он исходил из того, что инвестированный одной стороной епископ будет инвестирован и другой, и не давал ответа на тот случай, когда угодный одной стороне избранный епископ не будет угоден другой, т. е. когда инвеститура мирскими благами не будет завершена духовной инвеститурой

или, наоборот, когда посвященному в сан не будут даны те мирские блага, без которых немислимо было исполнение функции духовенства.

Неопределенным также оставалось положение императора, в присутствии которого происходило «каноническое» избрание епископа. Правда, конкордат разрешал вмешательство императора только в спорных случаях. Однако совершенно очевидно было, что присутствие императора на выборах могло, при его желании, придать всяким выборам «спорный характер» и сделать императора судьей в деле определения годности или негодности кандидата в епископы. Если конкордат, предвидя возможность злоупотребления со стороны императора, требовал, чтобы последний разрешал спорные вопросы сообща с представителями высшего духовенства данной епархии, то эта оговорка была чересчур туманна и менее всего могла установить объем прав императора в этом вопросе. Вот почему Вормсский конкордат не мог положить конец борьбе папства с империей. По существу, он сводился к тому, что вопрос о назначении епископов зависел от того, кто в данном отдельном случае оказывался сильнее - империя или папство. Сильный император мог проводить тех епископов, которые были ему угодны; наоборот, более сильный папа мог превратить епископский аппарат в орудие своей власти и иметь в землях империи людей, которые служили бы интересам не империи, а папства. Тем не менее, Вормсский конкордат просуществовал несколько веков, хотя действие его было скорее формальным, - реальная сила, а не подписанный в Вормсе документ, регулировала отношения между империей и папством. Лишь в одном вопросе Вормсский конкордат принес большую пользу папству: благодаря «свободным, каноническим» выборам, где главную роль играли архиепископы (митрополиты), непосредственно посвященные папой, епископы потеряли часть своей былой независимости и подпали под власть папы. Мало того, папство постепенно присвоило себе право вмешиваться в епископские выборы под предлогом нарушения «канонических правил». В случае такого нарушения избиратели лишались права вторично участвовать в избирательной процедуре, и выборы епископов фактически переходили к папству.

Само собой понятно, что папство, поставив под свой контроль епископов, извлекало и значительные материальные выгоды из назначений на вакантные кафедры. Именно с этого момента влияние Рима стало особенно сильно ощущаться во всем католическом мире, представители папства начали появляться далеко за пределами Италии с целью подготовки выборов и подыскания приемлемого кандидата. С этого момента завязываются также более тесные сношения между провинциальными церквями и Римом, который перестал быть неопределенным руководителем в отвлеченно-религиозных вопросах, а сделался фактическим вершителем судеб почти всех епископств и крупнейших монастырей. Папство с момента подписания Вормсского конкордата все более становится центром, откуда исходят нити во все углы католического мира: ничто не ускользает от его внимания, и на всем чувствуется его тяжелая рука. Отныне слышен лозунг: «Рим сказал» (*Roma locuta*) - и, следовательно, дело должно считаться решенным. Вездесущий папский агент, легат или викарий фактически приобретал право смещения духовных лиц и их назначения. Папство сетью своей агентуры охватило католический мир и превратилось в могущественную экономическую и политическую силу. Земельные приобретения, сделанные Римом в самых разнообразных частях Европы, давали ему возможность глубоко проникнуть в толщу народа и вовлечь его в орбиту своего влияния.

II

Между тем империи и папству стала угрожать серьезная опасность со стороны ламбардских городов, значительно разбогатевших в XII в. Ряд городов сбросил с себя епископское иго, зачастую наложенное на них при помощи императора, желавшего иметь в Италии опору в лице епископата. Города объявили себя коммунами, т. е. независимыми республиками.

От коммунального движения страдали интересы не только императора, но и папства, которое раздавало за счет городов различные льготы епископам, чтобы вырвать их из-под императорского влияния. Это движение было особенно сильно в торговых центрах, и носителями его являлись купцы и ремесленники. Они были сравнительно слабо представлены в Риме, не знавшем еще в XII в. более или менее широкой торговли и развитого ремесла. Но при дворах крупных феодалов, которых в столице Италии насчитывалось несколько сотен, жило немало мелких торговцев и

ремесленников, исполнявших самую разнообразную работу. Торжество североитальянских коммун привлекало внимание этих слоев, потому что постоянные междоусобицы в Риме тяжело отражались на их судьбе и вносили в их ряды дух недовольства как папой и его сторонниками, так и императором и его партией. Ненавистны были мелкой римской массе и феодальные «роды», т. е. крупнейшая знать, которая превращала Рим в очаг самых ожесточенных столкновений.

Неудивительно поэтому, что Рим не остался в стороне от коммунального движения Северной Италии. В Риме это движение было направлено одновременно и против папы, и против императора, и против феодалов, и даже против немногочисленных крупных купцов. Разумеется, здесь руководителями движения не могли стать крупные торговцы - ими стали представители ремесленников и деклассированной городской среды.

Движение неимущих элементов привело в ужас господствовавшую духовную и светскую земельную знать, зажиточные слои Рима. Забыты были подразделения на папскую и императорскую партии, на гвельфов и гибеллинов (*Борьба гвельфов и гибеллинов (XI-XIV вв.) в начальной своей стадии являлась борьбой сторонников папства против сторонников империи. Однако в дальнейшем политика этих партий, их социальный состав, отношение к папству или империи подвергались изменениям в зависимости от конкретно-исторических условий. Определяющей линией размежевания являлась не борьба между империей и папством, как это до сих пор изображается большинством буржуазных историков, а борьба ранней итальянской буржуазии, часто смыкавшейся с мелкими феодалами, против феодальной знати*), умолкли разногласия между отдельными феодальными родами. Все имущие объединились против бедняков. Между этими двумя лагерями разгорелась в 1143 г. гражданская война, в ходе которой неимущие захватили Капитолийский холм и создали на одной из его вершин сенат, как они стали называть свое управление городом.

Против сената выступил значительный отряд, состоявший из дворян и богатых купцов, под руководством самого папы Луция II. В 1145 г. во время попытки взять приступом Капитолий папа был убит брошенным в голову камнем.

Новый папа Евгений III (1145-1153) продолжал борьбу с революционной оппозицией, вдохновляемой Арнольдом Брешианским (*Арнольд Брешианский (? - 1155) - один из вождей антифеодального и антикатолического демократического движения в Италии*). В целях сделать имя Арнольда ненавистным массе верующих, его объявили еретиком, ссылаясь на то, что Арнольд Брешианский был горячим поклонником знаменитого средневекового проповедника-философа Пьера Абеляра, ратовавшего за усиление позиций разума в теологических вопросах, учение которого было объявлено еретическим.

Однако маневр Евгения III успеха не имел, и арнольдисты, как стали называть приверженцев Арнольда Брешианского, по-прежнему господствовали в Риме. Папа бежал во Францию, где нашел деятельную помощь со стороны Бернара Клервоского (*Бернар Клервоский (1090-1153) - основоположник церковно-мистического направления христианской теологии; реакционер. Утверждал примат духовной власти над светской*), яростно преследовавшего всех учеников умершего в 1142 г. Абеляра. Бернар Клервоский объявил Арнольда опаснейшим «оруженосцем Голиафа» и стал убеждать германского императора предпринять поход против арнольдистов. Однако призывы Бернара не встретили отклика: полагая, что революционное движение, поднятое арнольдистами, нанесет удар соперничавшему с империей папству, император Конрад III не спешил на помощь папе. Последний обратился к норманнам, чтобы они ему помогли в деле искоренения «дикой страсти, овладевшей народом». Норманны должны были получить часть итальянской территории и ряд привилегий за избавление папы от того тяжелого положения, в котором он очутился в результате развернувшегося в Риме народного движения.

Приглашение в Рим норманнов («разбойников», как их часто тогда называли) вызвало возмущение среди широких слоев населения, и новые массы народа перешли на сторону Арнольда. Отдельные крупные феодалы, используя замешательство, захватили богатые области папского государства в виде протеста против папства. Папа потерял ряд городов и вынужден был отказаться от помощи норманнов, возложив все надежды на императора, которого одновременно призывали в Рим и испугавшиеся возможного прихода норманнов революционеры во главе с Арнольдом. Конрад готовился к походу в Рим, чтобы сломить народное восстание и жестоко покарать арнольдистов. Смерть избавила его от похода.

Новый император Фридрих I Барбаросса (1152-1190), подобно своему предшественнику, выступил против римских революционеров и оказал помощь папе в деле борьбы с

приверженцами Арнольда. Плебейскому движению Фридрих I нанес удар прежде всего арестом в Тоскании Арнольда, искавшего у него помощи. Фридрих отправил его закованным в цепи в Рим. Арнольд был сожжен как «еретик» в 1155 г., а прах его был брошен в Тибр, чтобы он не мог стать предметом поклонения многочисленных его приверженцев. Так Фридрих Барбаросса во имя «сохранения общественного порядка» выдал святому престолу того, кто выступал в защиту широких городских масс и стремился свергнуть папское иго. За эту услугу папа короновал Фридриха Барбароссу императорской короной, по-видимому считая, что одержал двойную победу: над революцией и над императором, получившим из его рук корону.

Однако император Фридрих I Барбаросса не для того выдал на смерть Арнольда, чтобы усилить папство, а стремился сам пожинать плоды победы. Поэтому Фридрих заявлял, что отныне выборы епископов будут действительны лишь в том случае, если избранное духовное лицо будет пользоваться доверием, прежде всего императора. Мало того, доходы вакантных епископских мест присваивались императором, несмотря на протесты папских легатов, некоторые из последних были за свой протест даже высланы из Германии. Правда, зачастую эти легаты вызывали общее возмущение. Вот как Бернар Клервоский отзывается об одном из них: «Он похищал из церквей священные сосуды, раздавал духовные места молодым людям, красота которых давала понять всем окружающим, за какие именно «заслуги» они получали легатскую милость; он пролезал в женские монастыри и совершал там позорные вещи; со свойственной мне откровенностью я должен сказать, что вам, святейший отец, следует немедленно очистить дворец от тех гадов, которые в нем ютятся. Мне тяжело об этом писать, но приор монастыря Божья Гора настаивал, и я пишу все же меньше того, что известно всем и каждому».

Удар, который наносил Фридрих папству, усиливался тем, что эта императорская политика проводилась не только в Германии, но и в Бургундии и даже на севере Италии. Фридрих повсюду требовал от духовенства присяги в верности и вассальной службы, создавая себе таким путем значительное феодальное войско. Этот рост могущества императора толкал папство на испытанный путь антиимперских интриг. Церковь стремилась сеять раздор среди князей и вызвать в империи междоусобицы, на подавление которых уходила бы вся энергия имперских властей. Однако маневры папства не удались. Фридрих стал подкупать князей, предоставляя им право инвеституры. Так, саксонский и тюрингенский герцоги стали инвестировать епископов Ольденбурга, Мекленбурга, Раценбурга и Лозанны. Правда, такая передача права инвеституры несколько ограничивала и императорскую власть; но, по-видимому, Фридрих настолько боялся волнения внутри страны, что решался даже на умаление собственных прав, лишь бы не допустить вмешательства папства во внутреннюю жизнь Германии. Борьбой папы и императора воспользовались феодальные правители, которые стали усиливаться в Германии и за счет центральной власти, и за счет папства, у которого, вопреки Вормсскому конкордату, фактически отнималось право назначения высших представителей духовенства. Нужно, однако, заметить, что императорская власть стала находить некоторую опору в городских элементах, и, теряя часть своей власти от передачи инвеституры отдельным герцогам, она выигрывала от укрепления своего положения в городах Германии, видевших в центральной власти некоторый противовес гнету, исходившему от крупных феодалов - духовных и светских.

Неудача папства в деле раздувания внутри Германии децентралистского движения заставила папу Адриана V искать союзников для борьбы с императорской властью в Италии. Опорой папства снова оказались южные ее области, находившиеся во власти сицилийского короля. Помимо сицилийского короля против Фридриха были использованы и другие силы Италии. Многие бароны, раньше дорожившие более всего феодальной независимостью, теперь превращались в папских ленников и, в качестве таковых, держали от церкви свои замки и крепости. Напуганные антифеодальным движением городов, они готовы были идти в бой против городских ремесленников, торговцев и против «всех врагов Христа», во главе которых, как заявлял об этом папа, стоял император Германии.

Объединенная Северная Италия, управляемая германским императором, представлялась папству очень опасным соседом, тем более что на юге Италии выросло большое сицилийское государство, и сравнительно небольшая Папская область легко могла очутиться между двумя жерновами, готовыми ее перемолоть. Неудивительно поэтому, что централистская политика

Фридриха Барбароссы встречала противодействие папства, способствовавшего созданию в ряде итальянских городов антиимператорской партии, впоследствии получившей название гвельфской, в отличие от императорской партии, известной под названием гибеллинской.

Гибеллины выступали против вмешательства папства в жизнь Италии и в германском императоре видели силу, могущую дать отпор этому вмешательству. Они были представителями крупнейшего феодального землевладения и не желали делиться с папством плодами эксплуатации, как своих крестьян, так и живших в «их» городах мелких торговцев и ремесленников. «Далекий» император, живший за альпийским барьером, казался им менее опасным претендентом на участие в грабеже населения, чем «близкий» папа, не выезжавший из Рима. Наоборот, гвельфы, по существу такие же феодалы, как и гибеллины, опасались «итальянской свободы», которую они не без основания отождествляли с господством крупнейшего землевладения, и видели в папе противовес, как гибеллинам, так и императору, который мог оказаться союзником гибеллинов в деле угнетения всех слоев итальянского общества, включая и феодалов средней категории. Гвельфы были, таким образом, представителями папской партии, в которую входили менее сильные феодалы, а также торгово-ремесленные элементы.

Гвельфы господствовали в богатом Милане, где велась сильная агитация против «тиранических замыслов» Фридриха I, который решительно выступал против коммунального движения, превращавшего Северную Италию в ряд самостоятельных и независимых республик. Папство избрало Милан в качестве опорного пункта против Фридриха I и энергично агитировало за объединение городов в союз для борьбы с Фридрихом I. Союз опирался не на одни грозные анафемы папы по адресу императора. Были привлечены к общей борьбе с Фридрихом также сицилийский король и византийский император.

Экономические интересы союзников никак не могли быть согласованы: Византия, центральный склад восточных продуктов, претендовала на монополию торговли ими в Европе, в то время как торговые города Италии стремились к уничтожению этой монополии Византии. Сицилийский король мечтал о распространении своей власти на Восток, но наталкивался на противодействие этим планам со стороны Византии. Наконец, отдельные города, входившие в ломбардский союз, соперничали между собой.

Однако большинство итальянских городов ненавидело деспотизм империи. Горожане большинства городов Северной Италии, возглавленные частью купечества, опираясь в известной мере и на папство, и даже на Византию, выступали сомкнутыми рядами против императора. При Леньяно 29 мая 1176 г. они нанесли решительное поражение армии Фридриха Барбароссы. Торжество гвельфов было полным. Империя вынуждена была идти на сравнительно тяжелые условия мира. Император должен был отказаться от дальнейшего вмешательства в избрание пап. Отныне выборы папы должны были протекать в атмосфере «свободы», т. е. кардинальская коллегия без всякого участия представителей светской власти проводила в папы того, кто собирал в коллегии две трети голосов. Кроме того, император терял право оказывать влияние на назначение других представителей духовенства в Италии. Все было передано в безраздельное распоряжение папства. Что касается Германии, то, ввиду сильных позиций в ней Фридриха, папство должно было пойти на уступки. Здесь были сохранены условия Вормского конкордата. Император фактически назначал собственной властью епископов. Папа Александр III (1159-1181) демонстративно праздновал победу над императором и всячески выражал свое превосходство над «жалкой» империей. Это, разумеется, обостряло отношения между папством и империей даже после «прочного» мира, заключенного в результате победы над Фридрихом при Леньяно.

Вскоре папство увидело недовольство, охватившее выросшие и окрепшие в Италии города. Эти города повели ожесточенную кампанию против церкви, которая в силу своей феодальной власти претендовала на господство и эксплуатировала целый ряд городов. В процессе этой борьбы обычным в среде горожан стало противопоставление первоначального христианства, якобы проповедовавшего бедность и нищету, современной церкви, богатевшей благодаря неимоверным поборам, ложившимся на городское население.

Это противопоставление древней церкви новой и все громче раздававшиеся требования вернуться к первоначальному христианству дали возможность папству скрыть настоящий характер недовольства церковью и отождествить его с еретическим движением - катарской

ересью (Катары - еретическая секта XI-XIV вв. в Западной Европе. Отвергая светскую власть и ее законы, проповедовала аскетизм, безбрачие, непротивление злу. Преследовалась как церковными, так и светскими властями), которое отказывалось признавать духовенство, погрязшее в мирских наслаждениях. С помощью суровых преследований ереси церковь и папство стремились сохранить свое социально-политическое и духовное господство в Италии. Так, когда в небольшом городе Витербо возникла сильная партия, боровшаяся за освобождение коммун из-под власти феодальной церкви и вытеснявшая представителей духовенства из городских должностей, папа Александр III поспешил объявить город Витербо еретическим. «Сыновья Велиала (*Велиал, Белиал, Велиар - дьявол*), - гласила папская булла, - осмелились избрать консулами еретиков и не остановились перед тем, чтобы назначить даже городским казначеем ересиарха, сына погибели, Тиньози, который в силу своих злодеяний еще до сих пор связан, по нашему повелению, оковами отлучения и все еще, несмотря на это, упорствует в своем неповиновении».

Между тем «сыновья Велиала» и «ересиарх» Тиньози были в первую очередь политическими врагами церкви и стремились вырвать Витербо из когтей духовных феодалов. Подтверждают это летописцы, рисуящие Джованни Тиньози в качестве борца против феодалов и церковников. Тиньози был, согласно данным летописцев, сторонником гибеллинской партии и видел во вмешательстве императора в дела итальянских городов единственное средство освобождения их от папского гнета. Хорошо зная Тиньози, летописцы совершенно не упоминают о его еретических взглядах и о создании им нового религиозного учения, чего, естественно, следовало бы ожидать от «ересиарха», как его называет папская булла.

Случай с Витербо не был эпизодическим явлением, он - типичная иллюстрация того, как папы превращали противников церковного господства в городах в еретиков, с которыми, по понятиям того времени, церковь должна бороться всеми средствами. Само собою разумеется, что в рядах гибеллинов было немало еретиков, т. е. людей, разделяя политические воззрения гибеллинской партии, проповедовали в то же время религиозные взгляды, шедшие вразрез с установленными католической церковью догмами. Такое сплетение политики с религией затрудняет, между прочим, определение размеров катарской ереси в Северной Италии: здесь не было резкой грани между противниками светского господства церкви и религиозными новаторами, тем более что последние выступали большей частью против папской власти - как светской, так и духовной. Но так как папству выгодно было преувеличивать религиозную опасность, оно умышленно объединяло в одну группу политических и религиозных противников и настаивало на необходимости искоренять зло любыми средствами. Не без злого умысла церковь превращала гибеллина и еретика в тождественные понятия. Переплетение двух форм социально-политической оппозиции превращало ересь в большую общественную силу. С выходом ереси на широкий путь политики, когда ересь становилась выразительницей революционных политических настроений определенных общественных классов, еретическая мысль приобретала жизненную мощь и энергию. «Божье слово» стало находить отклик в широких слоях общества и, передаваясь из уст в уста, вербовало сторонников, готовых бороться за осуществление в жизни «слова божьего».

Церковь почувствовала в «новом манихействе» серьезную опасность, и папство, только что победившее императора Фридриха I, предложило ему «крепкий союз» на почве преследования «врагов христовой веры».

В лагере «врагов христовой веры» участвовали разнообразные социальные группы с различными интересами. Однако их объединяло одно - ненависть к римскому гнету. Путем возврата к «истинному христианству», под которым каждое еретическое течение разумело нечто свое, все они старались достигнуть своих различных целей. Главные кадры еретиков составляли, по-видимому, мелкие ремесленники и торговцы. В Тулузе, например, ткачи в огромном количестве примыкали к еретикам, о чем свидетельствует обозначение катаров «тиссеранами» (франц. *tisserand* - ткач). Римский инквизитор псевдо-Райнерий с презрением говорил о еретиках, учителями которых обычно бывают башмачники и другие ремесленники.

Еще II Латеранский собор в 1139 г. лицемерно заявлял, что церковь не жаждет крови, но что в деле истребления еретиков она возлагает все свои надежды на светскую власть, к которой обращается с настоятельной просьбой о деятельной помощи. Тем самым был придан, так сказать, государственный характер сожжениям еретиков, и без того усилившимся с момента предания в

1124 г. костру Петра из Брюи (*Петр из Брюи (?-1124) - яркий представитель революционной оппозиции феодализму, выступившей в форме религиозной ереси (петро-брусианство). Последователи Петра из Брюи отвергали основные догматы христианской церкви, требовали упразднения церковной иерархии*) в городе Сен-Жиль. Впоследствии эти сожжения стали совершаться от имени императора, купившего за эту «честь и милость» молчаливое согласие папства на новое укрепление позиций империи. Так на пепле сожженных еретиков выросла неожиданно «дружба» между Фридрихом I и папством после ряда лет столкновений и войн.

По существу, «дружба» эта превращала Фридриха I в прислужника церкви и увеличивала мощь и значение папства. Под предлогом поисков «еретической заразы» папство далеко простирало свои цепкие когти и прибирало к рукам и такие территории, которые еще продолжали находиться вне влияния Рима. Так искоренение катарской ереси послужило усилению господства папства. Для империи же оно могло иметь лишь отрицательные последствия: усиление церковной власти, претендовавшей на исключительное господство в мире, ослабляло шансы того, кто сам стремился к абсолютной власти в пределах своего государства.

Союз с императором на почве преследования еретиков особенно окреп при папе Луции III (1181 -1185), яром враге еретиков. По решению созванного Луцием собора кости умерших еретиков, как оскверняющие христианские кладбища, подлежали вырытию и сожжению, их имущество, если оно сохранилось и попало в чьи-либо руки после смерти еретиков, «по недоразумению погребенных по-христиански», должно было быть конфисковано.

Фридрих I поддерживал силой своей власти эти мероприятия Луция и обещал даже отправиться в крестовый поход в «святую землю», чтобы во имя славы католицизма искоренить и на Востоке «врагов веры». Готовность Фридриха помогать папству в деле истребления еретиков требовала от него «государственных» уступок - в первую очередь отказа от соединения Сицилии с Северной Италией и империей. На это император согласиться не мог. В ответ на стремление императорской власти защищать «великую Германию», в которую входили бы Сицилия, Северная Италия и Германия, папство прибегло к старой политике - разжиганию междоусобной войны в Германии, усилению того сепаратизма, которому так легко поддавались германские князья.

III

Новая страница в истории папства открывается с XIII в. правлением папы Иннокентия III (1198-1216).

Как только Иннокентий был избран, он обратился с посланием к ряду итальянских коммун и областей на тему о «зверской» расе («германской»), которая стремится к господству над Италией. Особенно подробно папа описывал зверства Генриха VI, сына Фридриха Барбароссы, в Сицилии (1190-1197), где, по его словам, нет ни одной семьи, которая «не стала бы жертвой этого тирана». Мало того, желая показать, до каких жестокостей доходил этот император, папа собрал в Рим многих сицилийцев и северян-итальянцев, у которых были выколоты глаза и отрезаны уши по распоряжению Генриха. Вид этих искалеченных должен был отбить охоту у итальянцев вернуться под покровительство империи. Возбуждая народные массы против Германии, Иннокентий не допускал, однако, мысли о независимости отдельных коммун и хотел заменить господство Германии своим собственным. Он подавлял всякую попытку к независимости на севере Папской области, в так называемой Римской Тоскане, и жестоко наказал пограничные города Ратикофани и Аквапенденте, не только навязав им своих правителей, но и взыскав с них тысячные штрафы. Под предлогом, что в городе Орвието будто бы выбирают должностных лиц из еретических сект, Иннокентий III наложил на город интердикт и запретил в нем богослужение. Вскоре туда им был отправлен легат, который разрушил много домов, казнил сотни людей и подверг публичной порке всех «еретиков», успевших заблаговременно раскаяться и спасшихся таким образом от верной смерти. Ожесточенные орвиетцы убили папского агента. Летописец не указывает, сколько людей стало жертвой этого кровавого агента Иннокентия III, зато он подробно перечисляет чудеса, будто имевшие место у гроба этого изувера, впоследствии объявленного церковью святым мучеником.

Смерть этого «святого» Иннокентий сумел использовать для подавления движения ряда городов к независимости. Эти города объявлялись очагами ереси, и папа самым жестоким

образом расправлялся с торгово-ремесленными слоями, не желавшими подчиняться тяжкому игу Рима. Под ударами Иннокентия III наиболее зажиточные элементы покинули ряды еретического движения.

Папа Иннокентий III (1198—1216) с теологами Бонавентурой и Фомой Аквинским (Фреска Рафаэля в Ватиканском музее)

Участниками дальнейшей борьбы оставались почти исключительно бедняки - как в городе, так и в деревне. Летописцы их называют «безграмотными», «людьми низкого звания», «сапожниками и ткачами». В Лукке, например, секта фратичелли состояла исключительно из ремесленников - «низкого сословия»; много было также «деревенщины». Современник этих событий Монета из Кремоны пишет: «Среди бедняков было много таких, которые умирали с голоду и которых приводили в ужас и возмущение несметные богатства церкви. С напряженным вниманием и с внутренним волнением слушали они «слово божье», исходившее из уст еретиков, требовавших отказа церкви от мирских наслаждений и возврата к временам, когда бедность считалась величайшей добродетелью. Что же удивительного в том, что городская голь шла в секту катаров и другие еретические секты и пополняла их ряды свежими силами?» Эта вражда к церкви гнала бедняков в императорскую, гибеллинскую партию, хотя она, разумеется, так же мало соответствовала их классовым интересам, как и папская, гвельфская партия. Классовое сознание неимущих элементов как городского, так и сельского населения было настолько низко, что вне существующих группировок - гибеллинов и гвельфов - они не видели для себя места. Тем не менее, эти неимущие элементы сочетали религиозную ересь с социальными мечтами, связывали ее с надеждами на лучшее будущее.

К мелким горожанам примыкали и крестьяне. Густота сети североитальянских городов и раннее освобождение крестьян в Северной Италии создавали постоянный контакт между городом и деревней и стирали ту резкую грань, которая существовала между ними в средние века в менее развитых в экономическом отношении странах. Итальянский крестьянин, подобно горожанину, знал подлинную жизнь духовенства, чувствовал его гнилое дыхание и испытывал его гнет и эксплуатацию. Он ненавидел церковь и ее главу так же, как и городской черноработчий и ремесленник, которые сами недавно вышли из крестьянской среды и с которой не совсем разорвали нити. Эта тесная связь между городом и деревней придавала особую силу еретическим проповедям. Всасывая в себя, разнородные политические и социальные элементы, еретическое движение принимало характер серьезной опасности для богатства и мощи церкви.

Папство напрягало всю свою энергию для борьбы с ересью и тратило огромные суммы на борьбу за «чистоту» веры, а также и для искоренения императорского влияния в Италии. Летописец Урсберга отмечает, какие огромные суммы требовались Риму, чтобы расправиться со всеми недругами; даже человеческие пороки, прибавляет он, служили источником обогащения Рима, и папство черпало деньги из этого источника: «Не религиозность и не чистота совести толкают людей к тебе, Рим, а совершенные преступления, желание искупить их и стремление путем денег выиграть какой-либо затянувшийся процесс». Английский историк Матвей Парижский (1197-1259) *(Правильнее - Мэтью Пэрис. Такова была его фамилия)* с возмущением рассказывает, как аббат Сент-Албанса, имевший несчастье предстать перед Иннокентием III, не был выпущен из Латеранского дворца, пока не уплатил 100 марок. Аббат вынужден был сделать заем у папских ростовщиков: ему оставалось лишь утешаться тем, что прочие прелаты оказались в том же положении. Знаменитый немецкий поэт XII в. Вальтер фон дер Фогельвейде восклицает в сердцах: «Пастырь, которого избрал небесный повелитель, стал волком для своих овец».

Крупные средства извлекал Иннокентий III и из императорских владений в Италии. В связи с коммунальным движением и народным брожением, охватившим Северную Италию и принявшим грозный для империи характер, многие части Италии ускользнули из-под непосредственного влияния империи. Этим ослаблением императорской власти воспользовался Иннокентий III, который стал захватывать отдельные местности под тем предлогом, что «иностранный монарх» не может владеть в Италии землей. Однако Иннокентий III стремился не только вытеснить императорскую власть из пределов Италии, не только не допустить объединения Сицилии и севера Италии под властью императора, но и подчинить последнего власти церкви, добиться санкционирования папой избрания императора.

Папство должно было стать последним судьей в вопросе о том, годится ли избранный германскими князьями кандидат в императоры или нет, т. е. от воли папы должно было зависеть избрание германского императора.

Для достижения этой цели Иннокентий углублял княжеские междоусобицы, возникшие в связи с вопросом об избрании нового германского императора после смерти Генриха VI. Папа «освобождал» князей, епископов и даже отдельных горожан от присяги императору и призывал всех поддерживать лишь того кандидата, который признает за папством право утверждения и даже избрания германского императора. Одним из аргументов Иннокентия III против брата Генриха VI - Филиппа Швабского, избранного князьями императором, служила «забота» папства о «свободе» германского народа. Если Филипп станет императором, утверждал Иннокентий, то этим путем упрочится в Германии династия Гогенштауфенов *(Гогенштауфены - династия германских императоров (1137-1268). Вели упорную борьбу как с усилившимися владетельными князьями в самой Германии, так и с североитальянскими городами, отстаивавшими свою независимость, а также с папами, которые (в своих интересах) поддерживали эти города. В итоге Гогенштауфены не только потерпели полное поражение, но и были физически истреблены по распоряжению папы Климента IV)* и «свобода Германии», заключающаяся в праве князей избирать по собственной воле императора, погибнет и уступит место наследственной монархии, что явится смертельным ударом для германской свободы. После долгих лет смуты и интриг князья уже после смерти Иннокентия III провозгласили императором Фридриха II Гогенштауфена, сына Генриха VI, который еще досвоего избрания в Германии был уже сицилийским королем. Под властью нового императора, таким образом, оказались не только Германия, но и Северная Италия и Сицилия, чего более всего опасался Иннокентий III. Папская область оказалась окруженной враждебными силами.

Однако еще Иннокентию III удалось получить от Фридриха II ленную присягу в отношении Сицилии. Мало того, Фридриху пришлось уступить папству и ряд привилегий в нарушение Вормсского конкордата. Отныне папа мог заявить, что в Германии избрание епископов совершается «исключительно свободно», т. е. без вмешательства светской власти. Между тем епископы представляли в Германии огромную силу: они были не менее могущественными, чем самые сильные князья. На их землях в Майнце, Кельне, Трире, Зальцбурге, Вюрцбурге и т. д. сидели сотни и тысячи вассалов и сотни тысяч крепостных и зависимых крестьян. В те времена земля «служила», и в распоряжение духовных князей поступали материальные средства и военные силы. Обширнейшие архиепископские и монастырские земли выпадали из-под власти императора и в военном смысле, и в финансовом. Поэтому предоставление папе права назначения духовных князей равносильно было подрыву императорской мощи и созданию грозной опасности внутри империи со стороны зависимых от папы прелатов церкви.

Борьба с империей не мешала Иннокентию III подавлять еретические движения, охватившие Южную Францию и итальянские города. Стремившиеся к независимости итальянские города-коммуны отвергали не только императорскую власть, но и папскую, и Иннокентий подвел это движение под категорию ереси, опасной для католической веры. Ряду городов была объявлена война, и если она не приняла в Италии широкого размаха, то лишь потому, что папа вынужден был считаться с возможностью обращения городов за помощью к императору. Иначе обстояло дело на юге Франции, где значительная часть крупных землевладельцев была вовлечена в торговые обороты с Востоком и где создалась богатейшая земельно-торговая знать, стремившаяся к полной независимости как от французского короля, так и от римского папы. Здесь Иннокентий мог без всякой оглядки действовать против «еретиков», получивших название «альбигойцев», от имени города Альби, одного из главных центров ереси катаров.

Альби входил в состав обширного Лангедока со столицей Тулузой и такими большими и цветущими городами, как Монпелье, Нарбонна, Ним, Безье и др. Все эти места славились своим богатством и культурой. Даже арабы и евреи пользовались здесь веротерпимостью и служили торговыми посредниками между Востоком и средиземноморским побережьем Лангедока. Лангедок успешно конкурировал с итальянскими коммунами и, подобно им, с ненавистью относился к попыткам церкви вмешиваться в торговую жизнь страны. Местная земельная аристократия рано сумела оценить значение «левантийской» (ближневосточной) торговли. Нередко феодальные замки служили местом совершения коммерческих сделок, и сами феодалы зачастую руководили крупными торговыми предприятиями. Зараженные лихорадкой наживы, в погоне за барышами, феодалы конкурировали с духовными магнатами. Светские конкуренты обвиняли своих духовных соперников в измене основам учения Христа, в уклонениях от идеала бедности и нищеты. Духовенство же проклинали светскую власть, как носительницу ереси, распространительницу опаснейших для церкви учений. Обострение отношений между церковью и светской землевладельческой знатью побудило папство вмешаться в раздоры в среде господствующего класса, чтобы извлечь для Рима определенные - политические, материальные и религиозные - выгоды. Папа Иннокентий III потребовал от тулузского графа, чтобы он вместе со всей лангедокской знатью вернул церкви захваченное у нее добро. По словам папы, знать Тулузы и других местностей Лангедока богатеет благодаря тому, что она безнаказанно в течение ряда лет грабит католическую церковь. Этому преступлению, торжественно заявлял папа, должен быть положен немедленно конец, тем более что вся знать «исповедует еретические бредни». Действительно, сеньоры города Монпелье «обожали» катаров, сеньор Пьер де Сен-Мишель завещал последним часть своего имущества; в семье Дюрфор три поколения принадлежали к еретикам, а сеньоры Тоненкс дали даже четыре еретических поколения.

В несравненно большей степени, нежели среди феодалов, ненависть к церкви проявлялась в широких массах народа. В городах Лангедока была сильна ненависть ремесленников, в частности ткачей, к многочисленным монастырям. Нередко ткачей отождествляли с еретиками. Ненависть к «разжиревшей» церкви находила широкое распространение и среди крестьян, страдавших от чрезвычайно тяжелых церковных повинностей и с озлоблением относившихся к тунеядству церкви, жившей в роскоши и довольстве. Альбигойская ересь содержала элементы «крестьянско-плебейской ереси», представляла оппозицию против феодального строя, выступавшую под

флагом оппозиции церковному феодализму. Опасность для церкви и папства была тем сильнее, что ненависть охватывала все слои населения. Писатель XIII в. Гильом де Гилауренс констатировал, что население Лангедока относилось к духовенству хуже, чем к евреям и арабам. Целые местности были поголовно объаты чувством злобы по отношению к церкви. Так, священник из Камбиака заявлял, что в его приходе лишь четыре человека остались верны католицизму. В Кастельнодари в церкви публично распевались еретические гимны, а в Мирпуа на собрании еретиков в 1206 г. присутствовало свыше 600 человек. Монпелье был настоящей еретической крепостью, оказывал упорнейшее сопротивление всякому наступлению на него церкви и готовился, в свою очередь, предпринять обширное наступление на церковь. Летописцы зачастую повторяют: «Народ стоит за еретиков, отворачиваясь от богатых клириков; епископы, собиратели сокровищ, не нравятся народу». Каноники писали трактаты, опровергающие «бессмысленные и бессовестные лжеучения еретиков» (*«Таким образом, в южнофранцузских городах наблюдаются вольность и независимость, неизвестные еще нигде в Европе», - отмечает К. Маркс (Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. 5, с. 233))*).

При этих обстоятельствах папство и решило организовать крестовый поход против Лангедока. За участие в походе, за готовность беспощадно истреблять «врагов христовой веры» папство обещало всякого рода земные и небесные блага. По призыву Иннокентия III в Лангедок устремились из разных концов Франции жадные до грабежа рыцари, всякие социальные отщепенцы, толпы фанатиков, бывших во власти священников и монахов.

Богатейшие города и селения были разгромлены и уничтожены крестоносцами. В один день в церкви Магдалины в Безье было перебито 7 тыс. человек, большинство которых состояло из женщин, детей и стариков. Из ряда городов были изгнаны поголовно все жители, а их имущество было роздано крестоносцам. В награду за свои подвиги грабители были приравнены к тем, кто шел освобождать «гроб господень» в Иерусалиме. Следом за крестоносцами шли представители духовенства, чтобы среди оставшихся в живых искоренять дух ереси и безверия. Так, в замке Минерва, разрушенном крестоносцами, «благочестивые служители бога» нашли 140 еретиков и почти всех их сожгли на огромном костре. Только три человека, отрекшиеся от своих верований, не были брошены в пламя. Такие же действия имели место по всей Южной Франции. Католический монах Пьер де Во из Серне с чувством особого удовлетворения описывал ужасающие сцены, происходившие в первые годы XIII в. в богатейшей части Франции, обреченной папством на гибель. В награду за свои деяния папство обложило налогом все дома еретической провинции; деньги эти должны были взиматься светской властью и передаваться парижским банкирам для папы. Кроме этой ежегодной дани Лангедок должен был единовременно внести в ту же кассу тысячу марок. В дальнейшем римская курия предъявила претензии и на земли.

Графство Мельгейль было присоединено к владениям св. Петра. Оно должно было служить вознаграждением за оказанную югу Франции «помощь» со стороны Рима. По-видимому, управление из далекого Рима оказалось маловыгодным предприятием, и папа сдал эту область в аренду епископу Магелонны. В 1273 г. французский король за окончательное подавление папством альбигойской ереси подарил папе Венессенское графство, куда входили такие города, как Карпантра, Завайон, Вэзон и др. К этим папским владениям на французской территории прибавился в 1348 г. город Авиньон, проданный папе Клименту VI королевой Иоанной (*Иоанна была неаполитанской королевой, но за участие в убийстве своего мужа была изгнана из Неаполя*), надевавшейся дешевой продажей святому престолу искупить перед богом свои многочисленные грехи. Таким образом, с середины XIV в. папство стало обладателем во Франции территории, составлявшей около 3,5 тыс. квадратных километров.

Папство смотрело на свои обширные и богатые французские владения исключительно с финансовой точки зрения и сдавало все графство на откуп, приносящий значительный доход. «Верховным» откупщиком обыкновенно являлся епископ или архиепископ, который распределял эти земли среди мелких откупщиков, по преимуществу духовных лиц. Из финансовых соображений духовенство проявляло веротерпимость. Так, после изгнания евреев из Испании и Португалии здесь, наравне с Голландией, было оказано гостеприимство изгнанникам. Это обстоятельство немало способствовало экономическому расцвету Авиньона, Карпантра и других городов в папских владениях на юге Франции.

Благословение святым Домиником массовой резни «еретиков» на юге Франции

Дальнейшая «забота» папства о Лангедоке выразилась в предоставлении монаху Доминику (1170-1221), родом из Испании, чрезвычайных полномочий в борьбе с ересью, причем Доминик создал с этой целью в 1215 г. в Тулузе специальный орден доминиканцев, утвержденный папой Гонорием III в 1216 г. (*К. Маркс писал: «Преследование еретиков усиливается с тех пор, как к папским легатам присоединяются почтенный «святой» (пес) Доминик (основатель доминиканского ордена) и другие фанатичные испанские духовные лица» (Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. 5, с. 235)).* Доминиканцы быстро расширили пределы своей деятельности и охватили ею значительную часть Западной Европы. Через каких-нибудь 15 лет после основания своего первого монастыря доминиканцы уже располагали 60 монастырями. Папство взяло под свое особое покровительство основанный Домиником монастырь в Пруле близ Каркасона (Лангедок) и предоставило доминиканцам привилегию принимать исповедь и вне пределов их диоцеза. «Забота» о душах и борьба с ересью проводились доминиканцами с железной настойчивостью и жестокостью. Доминиканцы требовали предоставления им строжайшего надзора над всем

образованием. Они прибирали к своим рукам обучение богословию и схоластике и не допускали никакого «вольномудства». Их деятельность в Монпелье и Париже, Кельне и Праге, Болонье и Падуе, Саламанке и Оксфорде пользовалась исключительным вниманием Рима. Борьба доминиканцев с новшествами в деле постановки образования восхвалялась папством как величайшая добродетель истинно преданных сынов церкви. Из доминиканских школ вышло немало известных инквизиторов; еще в большей степени орден являлся поставщиком низшего и среднего персонала инквизиционных судилищ (*Инквизиция - трибунал католической церкви, созданный в XIII в. для борьбы с ересью. Действуя на протяжении столетий почти во всех католических странах, инквизиция расправлялась с противниками папства, феодальных порядков, преследовала поборников гуманизма, ученых, деятелей культуры. Общее число жертв инквизиции исчисляется сотнями тысяч).* Доминиканцы гордились своей рабской угодливостью и «собачьей» верностью папскому престолу и, используя созвучие слов, называли себя «псами господними» (*Domini canes*). Вся деятельность доминиканцев была направлена на «более успешную борьбу» с ересью. Орден доминиканцев выступал как нищенствующий, однако в действительности он обладал большими богатствами, и погоня за подношениями была у доминиканцев поставлена на широкую ногу. Борьба с ересью требовала больших средств. Еще больше средств поглощала их миссионерская деятельность. Так, в 1247 г. они отправились с религиозной миссией к татарам, в 1249 г. - в Персию, а через несколько лет - даже в Китай. Пользуясь исключительной благосклонностью Рима, доминиканцы мало церемонились с отдельными представителями церкви на местах и нередко вмешивались в распоряжения даже виднейших епископов, не останавливаясь перед угрозами по их адресу. С возникновением инквизиции орден часто прибегал к ее содействию и за малейшее сопротивление своим требованиям привлекал к инквизиционному трибуналу, опираясь при этом на Рим. В общем, роль доминиканского ордена в XIII-XIV вв. в деле усиления влияния папства была огромна. Через доминиканцев папство держало под неослабным контролем самые отдаленные

части католического мира, беспощадно устраняло всякую оппозицию, подавляло всякое уклонение от раз установленных догматов, повсюду назначало послушных и покорных своей воле людей. Доминиканцы были верными слугами папства, и недаром ряд их деятелей занимал папский престол. Доминиканцами были папы Иннокентий IV, Пий V и другие.

*Надгробный камень на могиле папы Иннокентия III
(фото добавлено – в оригинале его нет)*

Из недр доминиканского ордена вышли средневековые католические философы и проповедники Альберт Великий (1206?-1280) и Фома Аквинский (1225-1274). Оба они стремились поставить науку на службу католической религии. Эта последняя обладала в их глазах безусловной, абсолютной истиной, и дело философа сводилось к тому, чтобы черпать из учения Аристотеля логические аргументы для защиты догматов веры. Однако там, где догматы веры никак не поддавались истолкованию с точки зрения Аристотеля, несмотря на все схоластические ухищрения, Альберт Великий, а за ним Фома Аквинский объявляли эти догматы недоступными человеческому разуму, который в таких случаях должен покорно подчиняться учению церкви: «религиозная истина не может быть уязвима со стороны философии». Тем самым вновь подтверждалось традиционное отношение христианства к науке: «наука - служанка теологии».

Следуя Аристотелю, Альберт и Фома рассматривали материю как пассивное начало. Форма образует материю и придает ей реальность. Душа есть такая форма, высшей же формой является бог, первоначальный и конечный принцип всех вещей. Фома Аквинский в своей теологии отводил особое место дьяволу, этому «главе демонского царства», который обладает силой портить погоду, приносить людям всякое зло и мешать находящимся в браке выполнять их супружеские обязанности. Этот «князь теологов», как обычно церковь называет Фому, в «Сумме против язычников» и в «Сумме теологии» останавливается на всяческих «ухищрениях дьявола». Фома заявляет, что ошибочно и даже преступно отрицать веру во всемогущество дьявола. Вера в дьявола так же свята, заявляет он, как все, чему учит католическая церковь.

Учение Фомы Аквинского получило всеобщее признание в католическом мире не только в средние века, но и в новое время, вплоть до наших дней. Папа Лев XIII в 1879 г. разослал «всем патриархам, примасам, архиепископам и епископам католического мира» специальную энциклику, в которой учение Фомы Аквинского объявлялось обязательным и непререкаемым для всех католиков. В 1889 г., через 100 лет после Великой буржуазной французской революции, по

распоряжению папы вновь были напечатаны сочинения Фомы Аквинского (*Учение Фомы Аквинского лежит в основе одного из самых реакционных философских течений нашего времени - неотомизма, усиленно проповедуемого и разрабатываемого католическими церковниками, в особенности иезуитами*).

Почти одновременно с Фомой о деяниях дьявола, о ведьмах и колдунах, вступающих с ним в договорные отношения, о том, какой вред они приносят окружающим, говорил и папа Григорий IX (1227-1241). Интересно отметить, что его выступление в защиту тезиса о существовании дьявола было вызвано вполне конкретными мотивами. Началось с того, что жители округа Штединга, зажиточные крестьяне, не желавшие платить десятину и нести другие повинности, имели частые столкновения с бременским архиепископом. Так как упорство штедингцев наносило ущерб интересам бременской епархии, то архиепископ испросил разрешение папы предпринять крестовый поход против «еретиков». Папа счел отказ от установленной церковью десятины достаточным основанием для объявления такого крестового похода. Однако крестьяне оказались упорными и храбро отразили врага. Крестоносные отряды терпели неудачи. Тогда папа Григорий IX опубликовал 13 июня 1233 г. буллу на имя епископов Майнца и Гильдесгейма, в которой излагались «неслыханные и невиданные по своей гнусности дела» крестьян округа Штединга. Булла Григория IX с «ужасом» передавала все подробности «обрядов», якобы совершавшихся штедингскими крестьянами. В заключение папа восклицал: «Кто может не разъяриться гневом от всех этих гнусностей? Где рвение Моисея, который в один день истребил 20 000 язычников? Где усердие первосвященника Финееса, который одним копьём поразил иудеев и моавитян? Где усердие Илии, который мечом уничтожил 450 служителей Валаама? Где рвение Матфея, истреблявшего иудеев? Воистину, если бы земля, звезды и все существующее поднялись против подобных людей и, невзирая на возраст и пол их, целиком истребили, то и это не было бы для них достойной карой. Если они не образумятся и не вернутся покорными, то необходимы самые суровые меры, ибо там, где лечение не помогает, необходимо действовать мечом и огнем. Гнилое мясо должно быть вырвано» (*Monumenta Germaniae Historiae. Epistolae saeculi XIII et regestis pontificum romanorum sefectae per D. H. Pertz, ed. C. Rodenberg, Berolini, 1883, t. I, № 537, p. 432-434*).

Эта булла, известная под названием «Голос в Раме» (первые слова буллы), призвала к вмешательству «светского меча», к крестовому походу против штедингцев. Призывы папы возымели свое действие: со всех концов Германии стали стекаться крестоносцы, чтобы идти на «богоугодное дело» в Штединг.

25 мая 1234 г. 40-тысячное войско напало на «еретиков». 6 тыс. крестьян были убиты у деревни Альтенеш. Папа Григорий IX, опасаясь, что рядом с трупами еретиков мертвым сном покоятся и праведники из крестоносной армии, распорядился снова освятить церкви и кладбища близлежащих местностей и воздвигнуть особый крест в память события, ежегодно воспеваемого в Бременском соборе при торжественных процессиях как избавление долины Нижнего Везера от страшного зла. Жертвующему в «день Альтенеша» милостыню дается 20-дневное отпущение грехов. Еще в 1511 г. бременское духовенство напоминало своей пастве о необходимости празднования дня победы над штедингцами.

Так крестьянское восстание, начавшееся отказом платить церковную десятину, было подведено папством под ересь, объявлено дьявольским наваждением и было потоплено в море крови.

Еще ранее доминиканского ордена был создан и другой орден, получивший название францисканского, по имени его организатора Франциска Ассизского (1182-1226). Осуждая в своих «Правилах жизни» деньги, торговлю и всякие материальные блага, Франциск проповедовал добровольную нищету и потому на первых порах встречал недоброжелательное к себе отношение со стороны многих представителей духовенства. Так, бенедиктинский монах-летописец Матвей Парижский говорил по адресу Франциска: «Проповедуй твои «Правила» свиньям; людям они не нужны». Матвей называл Франциска «божьим дурачком». Однако Иннокентий III, понимая, какой популярностью среди бедняков пользуется проповедь нищеты, не отвернулся от Франциска и решил поставить его деятельность под папский контроль. Под предлогом, что «апостольский образ жизни» нуждается в «приличном ему платье», Иннокентий III одобрил мысль о создании специального ордена и поручил кардиналу Гуго (будущему Григорию IX) выработать для него устав. «Правила жизни», составленные Франциском, были смягчены: обладание имуществом принципиально больше уже не отвергалось; дом, в котором поселялись францисканцы, объявлялся собственностью церкви, но предоставлялся в постоянное пользование членам ордена.

Финансовые сделки, совершавшиеся организациями ордена, оформлялись не от имени францисканцев, а как бы от имени жертвователей, в дальнейшем отказывавшихся в пользу ордена от результатов этих сделок. Эти оговорки привели к тому, что вскоре францисканцы стали во многом напоминать доминиканцев. Отказываясь формально от мира и его благ, они «в интересах лучшей пропаганды своего учения» оставались жить в этом «полном греховности и соблазна мире». Францисканцы появились в таких богатых городах, как Аугсбург, Регенсбург, Зальцбург; завели там свои церкви, кафедры, дома; вербовали последователей среди светских людей и стремились быть ближе к народным массам, чтобы легче на них влиять, эксплуатируя религиозное суеверие. Они распространились в Англии, Франции, Испании и других странах.

Идеализация Франциском Ассизским нищеты преследовала цель успокоения той массы недовольных бедняков, которые в основном были участниками еретических движений. Чем шире разливалось море ересей, тем упорнее искала церковь средства борьбы с ними, и если меч и огонь были наиболее излюбленными ее орудиями, то это не исключало иные методы лечения «страшной еретической язвы», действительной причиной которой было прежде всего тяжелое материальное положение крестьян и деклассированных городских элементов средневекового общества. Франциск Ассизский выдвинул свой способ лечения этой «язвы» -возвращение к идеалам ранней церкви, еще не располагавшей никаким имуществом. Францисканский метод тем больше казался удачным, что он имел характер той «первоначальной, истинно христианской церкви», о восстановлении которой так упорно ратовали еретики. Раздавая милостыню нищим и убогим, что в эпоху натурального хозяйства с его небольшими торговыми оборотами мало отражалось на имущественном положении церкви, францисканцы за это подаяние приобретали популярность в народе и местами успешно боролись с еретиками и с выступлениями против жадности, корысти и сребролюбия духовенства. Папа Григорий IX оценил эту сторону проповеди францисканцев, в 1228 г. канонизировал незадолго до того умершего Франциска и умело использовал орден в интересах Рима. Однако, подобно Иннокентию III, он отрицательно относился к требованию сурового соблюдения идеала нищенства и всячески смягчал его, диктуя ордену вносить новые поправки в устав, и без того смягченный при Иннокентии III.

Периодические изменения этого устава вызывали внутри ордена крупные разногласия. Снова и снова приспособленцы брали верх над странниками с нищенской сумой. Когда генералом ордена стал Илья Кортонский, ревнители строгого соблюдения заветов Франциска даже подвергались преследованиям. Так, Антония Падуанского, впоследствии ставшего одним из самых популярных «святых», бичевали до крови и заковали в цепи; точно так же за «кривое» истолкование учения Франциска был посажен на два года в тюрьму член ордена некий Цезарь.

Преследование блюстителей строгого идеала нищенства, так называемых спиритуалов, приняло массовый характер; обвиняли их в том, что они исповедуют «ересь» Иоахима Флорского, осужденную еще в 1215 г. IV Латеранским собором. Идеалы «нищенствующего» монашества были очень выгодны для целей пропаганды, для одурманивания трудящихся, и церковь открыто не выступала против них. Однако она отнюдь не была заинтересована в осуществлении на практике францисканских заповедей. Они должны были служить лишь удобной ширмой для прикрытия алчности церкви, эксплуатации духовенством во главе с папством широких масс населения.

Особенно жестокие репрессии постигли спиритуалов, когда в Париже появилась в 1252 г. книга францисканца Джерардино из Борго-Сан-Донино под названием «Введение в вечное евангелие». В книге говорилось, что Ветхий и Новый заветы потеряли свое значение и должны уступить место «Вечному евангелию». Далее говорилось, что перед тем, как Новый завет перестанет играть свою роль в жизни человечества, «мерзостью запустения будет править папасвятокупец», который вступит на престол к концу шестого десятка этого века. Против этой книги ополчился генерал ордена францисканцев Бонавентура, пользовавшийся большим авторитетом, которого церковь прославила за составленную им биографию Франциска, объявленную канонизированной книгой. Сам Бонавентура впоследствии был поставлен рядом с «ангельским доктором» Фомой Аквинским, получив звание «серафического доктора». Бонавентура требовал жестокого преследования почитателей «Вечного евангелия», так как видел в нем протест против алчности церкви во главе с самим папой. С благословения папы начались преследования спиритуалов инквизицией. Доносы и публичные выступления против спиритуалов щедро

награждались. Епископ Акро Флорент, например, за обвинение своих бывших друзей получил арльскую архиепископию. Многие были вознаграждены денежными суммами. Широкая полемика против спиритуалов сопровождалась громкими процессами и вызывала среди религиозно настроенных людей огромное возбуждение. Канун 1260 г., когда, согласно «Вечному евангелию», должна была наступить «мерзость запустения», был отмечен массовым психозом, бегством иступленных фанатиков в леса, самоубийствами. Наконец, наступил роковой 1260 год - он прошел, а пророчество не исполнилось. И все же религиозные фанатики продолжали по-прежнему верить в «пророчество», отодвигая лишь дату ожидаемого пришествия святого духа и утверждения «Вечного евангелия». Это было своеобразной формой поддержания упорной надежды на грядущее социальное освобождение народных масс.

Надежда эта с новой силой вспыхнула накануне нового, XIV в., когда церковь, заинтересованная в том, чтобы держать паству в вечном страхе, снова и особенно настойчиво предсказывала «светопреставление». Папство с ужасом констатировало «волну благочестивого нищенства», противопоставлявшего себя роскоши тунеядцев Рима. Бонифаций VIII разослал епископам приказ заставить нищенствующих бродяг или отшельников либо изменить образ жизни, либо вступить в какой-нибудь признанный орден. Инквизиции было приказано доносить епископам обо всех подозрительных лицах, а в случае небрежного отношения прелатов к этим предписаниям инквизиторы должны были сообщить об этом святому престолу. Вскоре Бонифаций VIII поручил францисканцу-инквизитору Маттеони из Кieti лично посетить Абруццо и Анкону и выгнать оттуда всех нищенствующих, «заражающих» страну. Во Франции многих заковывали в цепи и держали подолгу в тюрьмах.

Впоследствии спиритуалы были приравнены к еретикам. Их книги сжигались, имущество конфисковывалось, а сами они десятками и сотнями погибали на кострах.

В разгар крестового похода в Лангедок папа Иннокентий III созвал IV Латеранский собор, который сурово осудил всякие ложные еретические учения и требовал для еретиков тяжких наказаний. Здесь впервые говорилось об инквизиции как об учреждении, задачей которого является расследование по поводу ереси с целью наказания виновных в ней. При этом указывалось, что представители власти обязаны ежегодно давать духовенству все необходимые сведения о тех, которые «не живут, как все прочие граждане». Граф тулузский, в землях которого с такой силой свирепствовала альбигойская ересь, должен был взять на себя обязательство уплачивать определенную сумму денег за поимку каждого еретика и основать в Тулузе университет для пропаганды «истинного католицизма». Папа Григорий IX приказал графу тулузскому в сопровождении епископа отправиться в горы на поиски еретиков. В первый же день ими было захвачено 19 человек, которые были сожжены. Однако папство вскоре разочаровалось в эффективности этих методов борьбы с еретиками. Оно признало эту совместную работу графа и епископа слишком «вялой» и пришло к выводу, что от светской власти нельзя было ждать особого рвения, епископы же по своему происхождению и интересам были большей частью связаны с феодалами, зараженными ересью. Григорий IX, поэтому решил поручить искоренение ереси доминиканскому ордену. Так в 1233 г. Римом была организована *монашеская инквизиция*. Первые инквизиторы были отправлены в Тулузу, Альби, Кагор и Нарбонну. Еще до официального установления монашеской инквизиции доминиканцы по собственной инициативе, игнорируя епископскую власть, начали борьбу с ересью. Так, доминиканец Роланд, преподававший во вновь устроенном Тулузском университете богословие, возмущался вялостью борьбы с ересью в Южной Франции и открыто обвинял городскую власть в попустительстве катарам. Вскоре ему представился случай проявить собственную энергию. В Тулузе разнесся слух, что над каноником церкви св. Сернена на смертном одре был совершен еретический обряд. Тогда Роланд, никем не уполномоченный, вырыл с помощью монахов тело еретика и сжег его на глазах у всех. Декрет о введении инквизиции прошел почти незаметно, и летописец Гильом Пелгисо, восторженный сторонник инквизиции, лишь мимоходом упоминает о том, что его святейшество впервые назначил инквизиторов в Лангедок.

Народ же реагировал на введение инквизиции крупными волнениями в Тулузе, Альби, Нарбонне, Авиньоне, Каркасоне, Кагоре и т. д. В ряде мест эти волнения сопровождалось убийством наиболее жестоких инквизиторов. В ответ на это запалили костры инквизиции на обширном пространстве Южной Франции.

Дать сведения о количестве погибших в эти кровавые годы нет возможности: инквизиция, по-видимому, умышленно уничтожила эти материалы, и приходится ограничиваться отрывочными сведениями и случайными документами.

Расходы по содержанию инквизиции покрывались из сумм, конфискованных у еретиков. Каково бы ни было наказание еретика, конфискация его имущества была неизбежна. Если у еретика, приговоренного к пожизненному тюремному заключению, не было денег, то содержание его падало на городскую власть, которая нередко протестовала против траты денег на «чужого» преступника. Инквизиция видела в этом попустительство ереси, и на этой почве происходили «еретические» процессы против городских властей. «Не трудно себе представить, - говорит историк инквизиции Ли *(Ли Генри Чарльз (1825-1909) - американский историк, автор четырехтомной истории испанской инквизиции, а также ряда трудов по средневековой истории папства и католической церкви)*, - как тяжело было положение заключенных, когда их грабители торговались о том, кому из них давать им хлеб и воду». Впрочем, спорившие вскоре примирялись: заключенные предавались сожжению, и не было больше нужды в расходах. В связи с крестовыми походами и еретическим движением потребность папства в деньгах была, однако, так велика, что средства, достававшиеся от конфискации имущества еретиков, оказывались недостаточными, и папство вступило в тесные сношения с итальянскими ростовщиками. Получая от ростовщиков займы под сравнительно невысокие проценты, папство позволяло банкирам брать с других клиентов до 30% и выше, а также предоставляло свою защиту ростовщикам. Мало того, папство преследовало епископов и аббатов, которые оказывались неаккуратными плательщиками ростовщиков, и заставляло их вносить заимодавцам высокие проценты, хотя это и запрещалось каноническими законами. Убедившись в прибыльности ростовщических дел, римская курия вскоре сама сделалась своеобразной банковской конторой, оплачивала и переучитывала разные денежные бумаги и участвовала во многих денежных и торговых операциях. Погоня за наживой ярко проявилась в эпоху крестовых походов. После третьего похода папство стало вводить специальные налоги, видя в них хорошее средство обогащения. Но в качестве «духовной силы» оно не могло ограничиться мирскими способами заgreбания денег и прибегало также к «небесным средствам». Было провозглашено учение о том, что папа может по своему желанию разрешать то, что запрещено каноническими законами, а с соответственной мотивировкой ему предоставляется право разрешать и то, что запрещают «божеские» законы. Таким образом, можно было получить разрешение на совершение любого греха или преступления, нужно было только внести определенную сумму в папскую казну. Эта искупительная сумма освобождала преступника от покаяния, ибо папа, согласно этой теории, очищает не только от наказания (poena), но и от вины (culpa). Исходя из этого учения, папа Климент VI (1342-1352) издал буллу, в которой «предписал» ангелам рая переправить немедленно освобожденных им преступников из ада в рай: в аду должны были оставаться лишь те, которые не внесли «святой лепты» в папскую кассу. Лишь богатые, как позже утверждалось в папской «Таксе» отпущения грехов, могут стать чистыми и невинными голубями; бедняки лишены этой возможности, ибо они не обладают необходимыми средствами для своего искупления.

Такое искупление грехов давалось на основании особого разрешения - папской индульгенции. Схоластика разработала целое учение об индульгенциях. Изображая индульгенцию как милость церкви к грешнику, авторы этого учения в то же время подчеркивали, что эта «милость» не может предоставляться безвозмездно. Индульгенция должна была давать богу следуемое ему удовлетворение (satisfacito) за совершенный грех за счет «добрых дел», которые накопились в большом числе в папской сокровищнице благодаря Христу, апостолам и святым. Из этой сокровищницы папа и мог черпать «добрые дела», очищая и освобождая человека от грехов. Индульгенция «очищала» не только уже совершенные преступления, но и задуманные. По существу, индульгенция была торговлей преступлениями, и папские агенты, распространяя по всему «христианскому миру» индульгенции и зазывая в свою лавочку покупателей, тем самым фактически поощряли всякие преступления. «Если кто убьет отца, мать, брата, сестру, жену или вообще родственника, он очистится от греха и преступления, если уплатит 6 grossов». «Если один человек участвует в нескольких убийствах в одно и то же время и по одному и тому же случаю, он может очиститься от вины, если уплатит 30 турских ливров». «Кто убил свою жену с целью жениться на другой, может получить отпущение, уплатив 8 турских ливров и два дуката».

Отпущение кровосмешения предоставлялось за 4 турецких ливра. Содомский грех и скотоложство оценивалось в 36 турецких ливров. Отпущение всякого рода грехов, «совершенных клириками с монахинями, в монастыре или вне его, с родственницами, свойственницами, духовной дочерью или какой-либо другой женщиной», оплачивалось согласно таксе. Индульгенция, выдаваемая на три года, стоила 20 карлинов, на 5 лет - 40, на 6 лет - 50 и т. д.

Индульгенции изготовлялись в массовом количестве; они были стандартны и безымянны и продавались оптом. Большими пачками, корзинами и сундуками рассылались они почти по всей Европе и зачастую отдавались на откуп светским хищникам и эксплуататорам. Одновременно с безымянными, предьявительскими индульгенциями, папская курия изготовляла специальные, индивидуальные, именные. То были индульгенции для привилегированных, для духовенства и знати. Эти индульгенции составлялись особыми специалистами, писались высоким стилем, каллиграфически, проверялись чинами всяких рангов, редактировались церковным начальством.

С целью шире организовать это выгодное для папства дело, папская канцелярия разработала целый каталог преступлений и преискурант отпущений за них. Результатом этой огромной работы явилась «Такса святой апостольской канцелярии», памятник гнуснейшего обмана, хищничества, преступности одних, безумия, темноты и фанатизма других. Этот официальный документ, называвшийся коротко «Такса», не дает возможности папству отпереться от своих злодеяний. Мало того, переусердствовавшие друзья католицизма постарались разрекламировать этот документ по всему миру. Так, в XV томе известного трактата «Океан права», вышедшего в Венеции в 1583 г. под редакцией Цилеттуса, полностью помещена эта «Такса» и написано специальное посвящение к ней, адресованное папе Григорию XIII, который был чрезвычайно тронут этим посвящением и высоко оценил работу Цилеттуса.

Со времен крестовых походов внимание папства все больше сосредоточивалось на выкачивании денег из всех «провинций христианского мира». Все увеличивался финансовый аппарат Рима в лице коллекторов - сборщиков взносов в папскую камеру. К XIII в. коллекторы развили такую деятельность, что оказалось необходимым расширить папскую камеру, и она стала превращаться в настоящее государственное казначейство.

Все поступления из провинций широким потоком стекались в Рим. Для регулирования, усиления и подытоживания поступавших средств необходимо было поддерживать постоянную переписку с финансовыми агентами. Так папская камера сплелась с папской канцелярией, где изготовлялись, отправлялись и получались целые груды бумаг, где в поте лица трудилась над ними масса писцов, копиистов, редакторов, архивариусов, регистраторов, прокураторов, секретарей и т. д. Трудно даже представить себе, сколько бумаги было исписано этими бесчисленными чиновниками папской канцелярии: достаточно упомянуть, что, когда Наполеон I перевез в 1810 г. из Рима в Париж один лишь регистр тайного архива департамента покаянных дел, в ведении которого находилась торговля индульгенциями, то этот регистр составил 4256 объемистых томов.

Помимо финансовых вопросов папская канцелярия занималась все больше вопросами политическими. Стремясь во всех государствах ограничить значение центральной власти, в которой Рим видел всегда соперницу своего могущества, папы стремились быть в курсе всех политических событий и всяких государственных интриг, стараясь направить их в выгодную для себя сторону. Папская рука выдвигала различных претендентов, которых она же нередко сталкивала между собой, заставляя то одного, то другого оспаривать земли, богатства и власть. Рим продавал любому проходимцу «законные права» на княжеское, королевское и императорское достоинство и превращал в предмет торга «законность» рождения того или другого претендента на отцовский престол. В поисках новых источников обогащения папство отняло у епископов право эпитимии (наложение на исповедующегося «добровольного» наказания) - правильное, эпитимия была превращена в денежную повинность и, составляя очень выгодную статью дохода, сделалась почти монополией папы, в особенности когда денежный штраф принимал крупные размеры и «очищал» богатого человека. Папская канцелярия брала на особый учет подобных штрафников, вела с ними переписку, торговалась и тщательно регистрировала имена преступников на случай рецидива, наказуемого особенно высоким штрафом.

Папство присвоило себе право раздачи бенефициев (доходных церковных должностей). При этом вовсе не требовалось, чтобы лицо, получившее тот или иной бенефиций, действительно

выполняло связанные с этим церковные обязанности: бенефициат мог даже не являться в свой приход.

Практика раздачи папством бенефициев вскоре приняла широкие размеры, к ужасу части духовенства, тщетно указывавшего, что нарушается постановление об обязательном пребывании духовного лица на месте его службы в течение шести месяцев и о недопустимости совмещения Духовных должностей.

Особое негодование вызывала раздача бенефициев папским чиновникам, всяким фаворитам и родственникам папы. При этом прямо заявлялось, что «справедливо предоставлять своим родным те преимущества, в которых не отказывается даже чужим». Развилась практика диспенсации, т. е. право отмены церковных запрещений по личному усмотрению папы.

Чтобы иметь запасные должности для раздачи любимцам и продажи их проходимцам, Гонорий III (1216-1227) предписал церквам и монастырям держать для непредвиденных случаев часть бенефициев в распоряжении папы, причем использование поступлений от этих бенефициев зависело всецело от римской курии.

Рим не только присвоил себе право толкования канонов, но и поставил себя выше церковного собора. Папа стал считать себя источником права, высшим законодательным органом христианского мира. Особенно много внимания юридическому обоснованию папского всемогущества уделили в первой половине XIII в. Иннокентий III, Григорий IX и Иннокентий IV. Никакая светская власть не в состоянии была противопоставить что бы то ни было грандиозному папскому юридическому монументу, каким был «Корпус канонического права», собравший сильнейшие аргументы в защиту тезиса о гегемонии папства и о подчинении ему императорской власти.

Составление этого «Корпуса» было поручено Григорием IX кардиналу-доминиканцу Раймунду Пеннафорте (канонизирован в 1601 г.). В основу опубликованного в 1234 г. «Корпуса» были положены декреталии самого Григория IX и сборник разных папских постановлений, собранных болонским монахом Грацианом. Позже «Корпус» дополнялся, и при папе Клименте V (1305-1314) в него вошли новые статьи - «климентины».

IV

Борьба папства в XIII в. за усиление своего могущества наталкивалась на ожесточенное противодействие империи.

На IV Латеранском соборе, в 1215 г., было решено, что крайний срок отъезда Фридриха II в крестовый поход назначался на 1 июня 1216 г. Однако этот отъезд не состоялся. В империи обострялась сепаратистская борьба духовных князей против императорского централизма, и Фридрих вынужден был отказаться в пользу князей от многих своих привилегий: права чеканить монету, устанавливать пошлину, открывать рынки и строить города. В 1220 г. после долгого торга с князьями Фридрих II отправился в Рим, где был коронован Гонорием III в императоры и дал торжественный обет в 1221 г. уже быть в Малой Азии. Предварительно он издал крайне суровый закон против еретиков, являвшийся как бы платой за отсрочку крестового похода. Однако беспорядки в Северной Италии и Сицилии, вызванные деспотическими мерами Фридриха II, вновь задержали его, на этот раз в Италии до 1227 г. Новый папа Григорий IX (1227-1241) решительно потребовал немедленного отъезда императора на Восток. Показывая свое «крестоносное» рвение, Григорий IX стал собирать для похода средства и обложил духовенство 5%-ным налогом с их дохода в течение трех лет, а с кардиналов и других высших представителей церкви потребовал 10%. Он показал и свою «щедрость», пожертвовав для похода некоторую наличную сумму. Однако сборы на поход поступали туго. Многие отказывались вносить деньги. Отправлявшиеся курией для взимания этих денег коллекторы часто злоупотребляли своими полномочиями, и папская касса в связи с огромными расходами нередко пустовала. Франция к 1221 г. дала всего 16 тыс. марок, между тем из этой страны папа намеревался получить чуть ли не половину всех своих доходов, а на подготовку крестового похода к этому году было израсходовано 58 тыс. марок и еще около 40 тыс. унций золота (унция - 60 марок). Папская курия собиралась ввести новый налог - «одну марку с каждого дома во всем христианском мире», однако это намерение папы повсюду встречало сильные возражения.

Презрительно относившийся к папским наемным армиям, Фридрих все время откладывал поход и предлагал, чтобы сначала отправились в «святую» землю князя, обещая пойти вслед за ними. Это требование императора вызывалось тем, что он опасался, как бы князя не остались в Германии и не выпроводили его одного в Палестину.

Однако под угрозой отлучения от церкви Фридрих вынужден был отправиться в крестовый поход. Летом 1227 г. он собрал в Бриндизи (на юге Италии) огромную армию в 60 тыс. рыцарей и крестьян. Император взял обязательство содержать в «святой земле» в течение двух лет тысячу Рыцарей (платя по 50 серебряных марок за каждого недостающего), бесплатно перевезти на театр военных действий 2 тыс. рыцарей и предоставить на два года в распоряжение крестоносцев 150 судов (или соответственную денежную сумму); кроме того, к августу 1227 г. он должен был передать христианским властям в Иерусалиме 100 тыс. унций золота.

Все эти обязательства Фридрих принял как король Сицилийского королевства, и всякий сицилийский король (в случае смерти Фридриха или передачи короны другому) должен был реализовать присягу Фридриха, неисполнение которой влекло за собой потерю королевства и отлучение от церкви. Сицилийское королевство считалось «заложным» королевством, папа признавался его верховным владыкой, а Фридрих в отношении своих сицилийских владений - лишь ленником, поскольку император не имел права объединить Сицилийское королевство с империей.

Собравшись в 1227 г. в поход, Фридрих вскоре, однако, вернулся обратно с пути в Иерусалим, ссылаясь на эпидемию лихорадки, из-за которой его армия сильно поредела. Григорий IX, не желая принимать этих объяснений, торжественно отлучил императора от церкви за нарушение обета совершить поход в «святую землю». В ответ Фридрих II завязал тайные сношения с противниками папы в Папской области, а когда Григорий IX вторично проклял императора, то сторонники этого последнего подняли в Риме бунт, и Григорий IX вынужден был в 1228 г. тайком бежать из столицы. Под угрозой интердикта (*Интердикт - в католицизме полное или частичное (без отлучения от церкви) временное запрещение папой римским совершать богослужение и обряды. Применяется в качестве церковного наказания по отношению к отдельным людям и к целым территориям и странам*) он потребовал от жителей Сицилийского королевства выдачи ему императора. Фридрих со своей стороны грозил Григорию свергнуть его с папского престола и «избрать» нового папу.

Несмотря на то, что Григорий отлучил императора от церкви, запретил населению платить ему налоги и нести всякие повинности и даже проклял «святое дело, проводимое в жизнь вероотступником», Фридрих отправился в крестовый поход и путем дипломатических переговоров с мусульманскими властями достиг, несмотря на противодействие папских представителей, очень почетного мира и выгодных условий. В силу соглашения 18 февраля 1229 г. Иерусалим (за исключением мечети), Назарет, Вифлеем, Сидон и вся местность, через которую пролегла пилигримская дорога от Яффы к Иерусалиму, были переданы султаном Фридриху, и свобода богослужения была предоставлена во всех этих местах, как христианам, так и мусульманам. Папа не хотел и слышать о мире, в котором признавалось равенство «неверных» с христианской церковью, наложил, поэтому интердикт на Иерусалим и запретил пилигримам посещать «святые места».

Фридрих II поспешил вернуться в Европу, тем более что в его отсутствие папа стал возбуждать недовольство против него как в Сицилии, так и в Ломбардии. Мало того, папа двинул в Сицилию три армии, солдаты которых получили название «солдат-ключей» (на их знаменах был изображен «ключ от неба»). Под руководством жестокого воина Иоанна Бриенского и кардинала Пелагия из Альбано они стали теснить сицилийцев. Несмотря на первые успехи и на то, что, на призыв участвовать в этом своеобразном крестовом походе откликнулись церкви во Франции, Англии и Португалии и стали посылать папе деньги и воинов, «солдаты-ключи» терпели поражение. Фридрих II к концу 1229 г. очистил от папских наемников не только Северную и Центральную Италию, но и южную часть страны. Победа эта привела к тому, что с Фридриха была снята анафема, и он был возвращен в лоно церкви. В 1230 г. в Сан-Джермано между папой и императором был заключен мир. Материальных выгод Фридрих II от своей победы не получил и даже вынужден был вернуть захваченные им земли в Папской области, возместить убытки защитникам папы и уплатить штрафную сумму. Кроме того, он взял на себя обязательство не облагать в дальнейшем духовенство, не судить королевским судом представителей духовенства и не оказывать давления на исход выборов епископов и аббатов. Казалось, это было торжеством

папства над империей, несмотря на то что последняя одержала над папством военную победу. Однако папство торжествовать не могло. Фридрих стал твердой ногой в Северной Италии и создал вокруг Папской области кольцо имперских владений. Папа стал призывать северные города к борьбе против «иностранныго ига». В 1239 г. он снова отлучил императора от церкви, обвинив его в нарушении церковной свободы, обложении духовенства, вмешательстве в епископские выборы, захвате папских владений, в невыполнении обязательства по организации крестового похода и т. п. В обвинении против Фридриха говорилось, что повиновение церкви требует отказа от послушания императору и что папа с божьей помощью сделает все, что от него зависит, для замены Фридриха на престоле другим и восстановления попранного права и справедливости. В Германию были отправлены легаты для борьбы с Фридрихом и подыскания нового императора. При этом многие города, князья и епископы были отлучены от Церкви за нежелание изменить Фридриху. Императорская корона была предложена папой брату французского короля и некоторым другим иностранцам. Ради «спасения христовой веры» папа сносился не только с английским и французским королями, но и с татарами, добиваясь, чтобы они из Венгрии вторглись в империю и нанесли удар Фридриху. Дело шло не только об удалении этого «еретика», но и о недопущении к власти сына его Конрада, об окончательном устранении династии Гогенштауфенов, в крови которой якобы течет ненависть к церкви.

Смерть Григория IX лишь на короткое время отсрочила дальнейшее обострение борьбы.

На соборе 1245 г. в Лионе был обнародован декрет о лишении Фридриха престола ввиду того, что он клятвопреступник и еретик, совершил святотатство и вероломство. В Италии и Германии в среде духовенства против императора возникли заговоры, в которые сторонникам папы удалось вовлечь ближайших советников императора. Во время раскрытия одного из этих заговоров арестованные в свое оправдание ссылались на авторитет папы.

Провал этих заговоров побудил Иннокентия IV предложить духовным и светским князьям Германии избрать нового короля при жизни старого. С этой целью из Рима были отправлены огромные суммы королевским выборщикам с указанием, чтобы они немедленно голосовали за ландграфа Генриха из Тюрингии, известного под именем Распе. За это избрание Иннокентий IV обещал простить все совершенные избирателями грехи. Представитель папы, явившийся с этим поручением в Германию, угрожал духовным князьям лишением должности и бенефициев, а также всякого рода духовными и светскими карами, если они откажутся выдвинуть кандидатуру Распе и провести его в короли, а затем и в императоры. Напуганные угрозами и соблазненные подарками, духовные и светские князья империи 22 мая 1246 г. избрали королем Распе; не голосовавшие за него были отлучены от церкви и должны были предстать в Риме перед папой. Против Фридриха и его сторонников провозглашался крестовый поход, участникам которого обещаны были те же «божеские и земные льготы», что и крестоносцам в «святую землю». Мало того, главному вербовщику крестоносцев в Палестину, епископу Оттону из Фраскати, было приказано приостановить вербовочную кампанию, так как потребовались крестоносцы для похода против «антихриста» Фридриха II и его сторонников. Когда в 1247 г. папский «король» Генрих Распе умер, папа обратился с призывом к германскому, польскому и датскому духовенству с требованием, чтобы отлучение от церкви «бывшего» короля-императора Фридриха и его сына Конрада строго проводилось в жизнь, чтобы все их сторонники бойкотировались верующими. Иннокентий IV предлагал королевско-императорскую корону всевозможным проходимцам, даже иностранцам. Через восемь месяцев после смерти Распе прирейнские епископы избрали германским королем графа Вильгельма Голландского. «И на этот раз главную роль играли деньги», - откровенно писал летописец. В письмах к светским князьям папа, однако, объявлял избрание Вильгельма актом, продиктованным свыше, указанием божьего перста.

И снова была провозглашена анафема против всех сторонников Фридриха, опять было собрано «крестовое» войско, которое штурмом овладело Аахеном, чтобы там короновать короля.

Во время этой войны в 1250 г. умер Фридрих II. Германией должен был управлять его сын Конрад, а Сицилийским королевством - другой его сын, Манфред. После смерти Конрада в 1254 г. Манфред продолжал борьбу с папой, и ему удалось нанести ряд чувствительных ударов папской партии. Казалось уже, что Гогенштауфены выйдут победителями из этой длительной, ожесточенной борьбы с папством, тем более что богатые немецкие города решительно стали на их сторону против хищнических действий папы Иннокентия IV и его преемника Александра IV

(1254-1261). При последнем даже Северная Италия с ее многочисленными богатыми коммунами, не желая менять германское иго на еще более тяжелое папское, перешла в лагерь Гогенштауфенов и угрожала папству увлечь за собой Сицилию и весь юг Италии, где у Александра IV было также много противников. При таких условиях у Манфреда и у внука Фридриха II, малолетнего Конрадина, были большие шансы на решительную победу над папством. Однако на спасение папы явился французский принц Карл Анжуйский, с которым папство давно вело тайные переговоры. В 1266 г. при Беневенте произошла битва между рыцарями Карла Анжуйского и императорскими войсками, а в 1268 г. в новом сражении при Тальякоццо внук Фридриха II Конрадин потерпел полное поражение и сам оказался в плену. Папа Климент IV (1265-1268) потребовал поголовного истребления рода Гогенштауфенов: обезглавлен был 14-летний Конрадин, убиты были и другие члены этой «еретической семьи». Французский принц Карл Анжуйский стал королем Сицилийского королевства и при благосклонном содействии папства установил тиранический режим, который послужил причиной мощного восстания с почти поголовным истреблением ненавистных населению французов, происшедшего в 1282 г. и известного под названием «Сицилийской вечерни».

После истребления династии Гогенштауфенов папство торжествовало. Оно присвоило себе право непосредственного распоряжения императорским престолом. Папа использовал свое «право» коронования императора и повлиял на избрание в 1273 г. австрийского графа Рудольфа Габсбурга. Рудольф еще до того обещал Григорию X предпринять крестовый поход, не покушаться на папскую территорию и не воевать против папских вассалов. Однако, когда Рудольф потребовал присяги от жителей Романии, Этрурии и Ломбардии, папа заявил свой протест и не разрешил королю явиться на коронацию в Италию. Он потребовал от него также примирения с Карлом Анжуйским, «вечного» отказа от притязания на Неаполитанское королевство и признания за Римом Сицилии, Сардинии и Корсики. Рудольф остался лишь королем и до самой смерти не был коронован в императоры.

Папство считало окончательно решенным тянувшийся в течение трех веков спор между светской и духовной властью. Папа Бонифаций VIII (1294-1303) отказал Альбрехту I не только в императорском, но и в королевском титуле, потребовав в виде предварительного условия, чтобы Альбрехт обязался не назначать в течение пяти лет неугодного папе наместника в Ломбардии и Тоскане, лично являться на войну против врагов папы, торжественно заявить, что папство возложило императорскую корону на Карла Великого и предоставило право выбора императора курфюрстам. Наконец, Альбрехт должен был принести формальную присягу в верности папе. В 1308 г. трирский архиепископ Болдуин предложил курфюрстам избрать императором своего брата Генриха Люксембургского, который был единогласно провозглашен императором под именем Генриха VII. Окончательного утверждения, однако, папа не дал и ему, и, подобно своим предшественникам Рудольфу I и Альбрехту I, Генрих VII не был коронован папой в императоры. С ликвидацией германской проблемы для папства возникла новая - французская. Экономические условия Франции к началу XIV в. создали благоприятную почву для развития там централистских тенденций. Естественно, что папство, отстаивавшее везде свое неограниченное господство, не допускало образования сильной власти, могущей оказать сопротивление притязаниям Рима. «Забота» о Франции с этого времени становится в центре внимания папской политики.

Глава седьмая

ПАПСТВО В ПЛЕНУ У ФРАНЦИИ

I

Передача папством владений сицилийской короны Карлу Анжуйскому вызвала недовольство арагонского короля Педро III, опасавшегося чрезмерного усиления Франции в Южной Италии. «Сицилийская вечерня» 1282 г. была использована им как предлог для войны с Францией. Тогда папа Мартин IV (1281 -1285) объявил Педро низложенным с престола и освободил его вассалов и подданных от верности ему; Мартин «передал» французскому принцу арагонскую корону и призвал к организации крестового похода на Арагон. Крестоносцы подвергли мечу и огню все

побережье Арагона, но папско-французский крестоносный флот был уничтожен в морском сражении у Палермо, и сухопутная армия, дошедшая почти до Барселоны, из-за недостатка снабжения вынуждена была отступить. В это время умер французский король Филипп III. Был заключен мир, по которому папско-французская коалиция понесла большие потери: Неаполитанское королевство распалось на две части -остров Сицилию, доставшийся Арагону, и Южную Италию с Неаполем, оставшуюся в руках французов.

Однако дружба между папством и Францией была непродолжительной. Французский король Филипп IV, вступивший в 1294 г. в войну с Англией, потребовал для покрытия военных расходов введения специального налога, который он распространил и на духовенство. Тем самым Филипп IV подчеркнул, что отныне требовавшееся ранее согласие Рима на обложение налогом духовенства и церковных земель отменялось. Папа Бонифаций VIII в специальной булле «Clericis laicos» (1296) резко выступил против мероприятий Филиппа IV, запретил обложение духовенства без разрешения курии, отменил все сделанные его предшественниками уступки в этом вопросе и угрожал церковными карами тем, кто будет взимать или платить не разрешенные папой налоги. В ответ на это король запретил вывоз из Франции золота, серебра и всяких драгоценностей за границу, и Бонифаций лишился возможности получать средства из Франции. Бонифаций VIII, дороживший французскими поступлениями, заметно смягчил буллу «Clericis laicos», резко порицавшую короля Франции, изданием новой буллы (Булла «Romana Mater» (1297 г.) говорила: «Мы даем разрешение отдельным духовным представителям во Франции добровольно платить и в чрезвычайных случаях не будем настаивать на своем разрешении»). Вскоре Бонифаций VIII нашел новый источник средств: 1300 год был объявлен юбилейным годом (*Юбилейные (святые) годы - торжественно отмечаемые с 1300 г. юбилеи христианской церкви. Сначала предполагалось отмечать их раз в сто лет, но уже в XIV в. интервалы между юбилейными годами были сокращены до 50, а позже - до 25 лет. Использовались католической церковью для укрепления авторитета папства и пополнения папской казны*), и всякий грешник, прибывший в Рим на 15 дней и ежедневно произносивший там молитвы в храмах св. Петра и св. Павла, не только очищался от всех своих грехов, но и приравнялся к крестоносцу, пользующемуся особыми милостями церкви. Желание освободиться от ответственности за различные преступления и попасть в категорию крестоносцев, было в тогдашней Европе настолько велико, что за сравнительно короткий срок в Риме перебивало 2 млн. человек. Разумеется, эти пилигримы приходили в столицу мира не с пустыми руками: церковь и хозяева постоялых дворов собирали с них огромные суммы.

Папа Бонифаций VIII объявляет 1300 год святым, юбилейным годом
(справа рисунок добавлен – его нет в оригинале)

Юбилей настолько пришелся по вкусу папству, что Климент VI установил юбилей уже через каждые 50 лет, Урбан VI - каждые 25 лет; Бонифаций IX за свой сравнительно короткий понтификат (1389-1404) праздновал два юбилейных года: в 1390 и в 1400 гг. Им было продано много отпустительных булл, причем цена их в 1400 г. была гораздо выше таксы 1390 г., что

мотивировалось близким концом мира, когда людям вообще не нужны будут деньги, вследствие чего имеющиеся деньги без ущерба для жертвователей могут быть отданы папству на «добрые дела».

Между тем в Рим приходили все новые известия о том, что во Франции духовенство облагается большими налогами, и что король распоряжается так, как будто бы «на свете не существует папы». Бонифаций VIII снова резко выступил против короля, запретил ему взимание с духовенства налогов и вызвал в Рим некоторых прелатов, чтобы с ними обсудить меры борьбы против королевской политики, наносящей церкви ущерб. В поведении папы французское правительство усмотрело попытку «превращения Франции в папский лен», и началась горячая полемика между сторонниками «незыблемой королевской власти» и «неограниченного господства церкви». Во Франции снова был запрещен вывоз золота и серебра за границу, и были созваны представители разных сословий, с тем, чтобы они поддержали «авторитет» короля в его борьбе против «чрезмерных притязаний» папства. В ответ на это появилась пресловутая булла «Unam Sanctam» (18 ноября 1302 г.), в которой говорилось, что существует единая святая католическая церковь, которая имеет лишь одно тело и одну главу - Христа и его заместителя - Петра и преемников последнего на папском престоле. Во власти папы находятся два меча: «один, подчиняющийся другому, светский - духовному». «Духовная власть, правда, передана человеку, но она не человеческая, а божеская, и кто не повинуется ей, противится воле господней и подлежит принудительному спасению». Далее было сказано, что «короли должны служить церкви по первому приказанию папы (*ad nutum*). Папе принадлежит право карать светскую власть за всякую ошибку. Светской власти это право не дано». В булле еще раз повторялась мысль о верховенстве папской власти: «Церковь не чудовище с двумя головами; во главе церкви папа - единый, как един бог». Заключительные слова буллы гласили: «Мы торжественно заявляем, определяем и утверждаем, что подчинение римскому первосвященнику есть для каждого человеческого существа необходимое условие его спасения» (*omnino esse de necessitate salutis*).

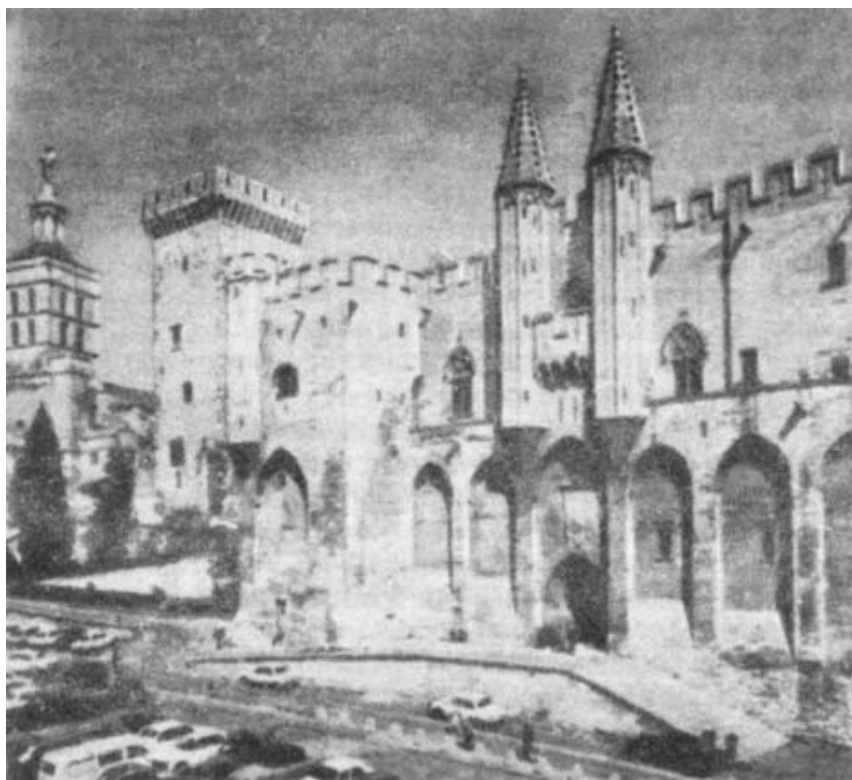
Решительный тон Бонифация VIII объяснялся отчасти тем, что французский король в это время потерпел поражение в борьбе с Англией и папа надеялся на его вынужденное смирение; кроме того, Бонифаций VIII рассчитывал найти союзника в лице Альбрехта Австрийского, которому он предлагал императорскую корону, хотя незадолго до того называл его разбойником. Теперь Альбрехту предлагалось стать главой империи, в состав которой должна была войти и «преступная» Франция. Новому императору надлежало, по указанию папы, «стоять на страже созданного богом порядка». Отныне французский король - уличный мальчишка, который забывает, что папа - это тот, кому Христос сказал: «Управляй народами лозою железною и разбей их, как сосуд глиняный». Французы этого заслуживают, так как, по словам папы, они «собаки». Расчет Бонифация VIII оказался ложным: Альбрехт вовсе не рвался к борьбе с французским королем, а последний, несмотря на поражение, не намеревался идти на капитуляцию перед Бонифацием VIII и вступил с ним в решительную борьбу. Государственный совет Франции по инициативе ближайшего советника Филиппа IV - Гильома Ногаре обвинил Бонифация VIII в том, что он противозаконно занимает папский престол, и вынес решение о немедленном созыве церковного собора, который осудил бы папу как еретика, симониста и чудовищного преступника. В то же время королевские чиновники начали сильнейшую агитацию по всей стране против Бонифация VIII и о необходимости спасти Францию и церковь от угрожающей им опасности со стороны преступника папы.

По поручению Филиппа IV Ногаре отправился в Италию, организовал противников папы в небольшой отряд, подкупил многих и вместе с двумя кардиналами, которых Бонифаций VIII преследовал по личным мотивам, настиг папу в его резиденции - Ананьи, арестовал и избил его. Однако в Ананьи начались манифестации «против иностранцев», а вскоре из Рима прибыли для спасения сошедшего с ума Бонифация VIII 400 всадников, с которыми 86-летний папа перебрался в Рим, где через месяц (11 октября 1303 г.) умер. Начались долгие поиски кандидата в папы. Общая растерянность привела к тому, что избран был безвольный монах Бенедикт XI (1303-1304), который должен был все и всех простить, за исключением Ногаре и некоторых других «прямых виновников чудовищного преступления, совершенного разбойниками». Однако «разбойники» не предстали перед судом, ибо некий молодой человек, одетый в монашеское платье, предложил Бенедикту XI от имени одной аббатисы несколько свежих винных ягод, от которых тот и умер.

Снова начались лихорадочные поиски нового папы. В течение 11 месяцев велась борьба вокруг кандидатов; одни жаждали мести за поругание Бонифация VIII, другие настаивали на примирении с Францией. Филиппу IV мало было примирения - он требовал полного подчинения, а Ногаре угрожал сторонникам Бонифация суровыми карами. Франция определяла дальнейшую линию папской деятельности, и бесцветный, никому не известный гасконский прелат Бертран де Го стал папой Климентом V (1305-1314), открыв новую эпоху в истории папства, известную под названием «авиньонское пленение пап».

Новый папа, которому был предоставлен для постоянного пребывания город Авиньон, прежде всего, назначил в кардинальскую коллегию несколько французов и тем обеспечил избрание и в будущем «французских» пап. Сняты были отлучения, провозглашенные Бонифацием VIII. Усердие Филиппа IV в деле Бонифация VIII было объявлено «добрым и справедливым», а сам король - «чемпионом религии»; не исключен был из списков «новых поборников церкви» и Ногаре, о котором тогда говорили, что он дал пощечину Бонифацию VIII, оказавшуюся для него смертельной. Все это казалось требовательному королю недостаточным. Папство вынуждено было принести в жертву ему орден храмовников.

Орден этот был очень богат, занимался ростовщичеством и не раз за высокие проценты предоставлял займы французскому королю и прочим высокопоставленным лицам. Аббат Иоанн Триттенгейм категорически заявляет, что орден храмовников был самым богатым орденом, владевшим не только огромными деньгами, но и землями, городами, замками, разбросанными по всей Европе. Вильке определяет доход храмовников в 20 млн. золотых талеров и утверждает, что в одной лишь Франции храмовники могли выставить армию в 15 тыс. всадников. Отто Цеклер приводит еще большие цифры и говорит о 54 млн. талеров и о собственном войске ордена, насчитывавшем 20 тыс. всадников. Гавеман утверждает, что храмовники по своему могуществу и богатству могли соперничать с сильнейшими князьями своего времени. В их храмах, напоминавших настоящие крепости, хранилась масса золота и драгоценностей, и даже короли часто прятали там свои сокровища: в то время не было лучшего запора, чем вывеска храма ордена. Так, в 1261 г. на десять лет была положена в парижский орденский храм английская корона, так как при том недовольстве, которое охватило тогда часть английских баронов, король боялся держать ее в Лондоне. Оригинал договора 1258 г. между Англией и Францией хранился у парижских храмовников, равно как образцовый золотой ливр (фунт), служивший идеальной монетой для французского королевства.

Авиньонский замок (Франция), резиденция пап с 1309 по 1377 г.

Авиньонский замок (Франция), современное состояние – рисунки добавлены!

Так как храмовники не занимались тем делом, которое служило поводом к организации в начале XII в. этого ордена, - борьбой за освобождение «святой земли» от мусульман, то желание короля воспользоваться богатством храмовников встретило сочувствие со стороны многих сеньоров, рассчитывавших получить при этом некоторую долю для себя. За конфискацию имущества храмовников стояло и купечество, видевшее в ордене конкурента, занимавшегося, как и они, ростовщическими и иными коммерческими операциями. Кроме того, они были заинтересованы в усилении королевской власти. В целях создания моральной атмосферы, благоприятной для нанесения удара ордену, были пущены компрометирующие его слухи: говорили, что храмовники впали в ересь, занимаются чернокнижием, водятся с дьяволом, развратничают, прибегают к содомскому греху. На такой, в духе средневековья, хорошо подготовленной почве нетрудно было получить разрешение папы пустить в ход против храмовников и инквизицию.

В результате инквизиционного расследования 54 храмовника были сожжены, другие были подвергнуты тяжким наказаниям, а все их имущество было конфисковано в пользу короля; это было признано богоугодным делом, получившим одобрение папы. Мало того, папа согласился объявить правильными действия французского короля в отношении умершего папы Бонифация VIII, снял с короля провозглашенную Бонифацием анафему и уничтожил в папской канцелярии все свидетельства, которые в какой-либо мере порочили «доброе имя» французского короля. С благословения папы инквизиция начала аресты и пытки храмовников в Англии, Испании, Италии, Германии и на острове Кипр.

Когда английский король стал колебаться в целесообразности столь строгих мер в отношении ордена, на знамени которого значился лозунг «освобождение гроба господня от мусульман», папа Климент V поспешил предупредить его, что королевское запрещение применять пытки к арестованным равносильно ограничению свободы действия канонических законов и что, согласно церковным установлениям, лица, мешающие деятельности инквизиции, подлежат самому суровому наказанию. Папа советовал английскому королю серьезно подумать, отвечает ли его

поведение достоинству и интересам королевства, а также требованиям религии, и обещал ему отпущение всех грехов, если он не будет мешать применению пыток в отношении храмовников, виновных в ереси.

Перед такой решительностью и энергией папы английский король должен был отступить. Он разрешил применять в самых широких масштабах «церковный закон», отметив, что делает это из уважения к святому престолу. Король разрешил и пытку, хотя законы Англии не давали ему на это права. Однако королем, по-видимому, руководило не столько уважение к святому престолу, сколько желание получить отпущение грехов столь легким путем (нельзя не согласиться с мнением Г. Ч. Ли, который говорит, что перед нами в данном случае одна из наиболее своеобразных индульгенций, какие только знает история).

Подчиняясь во всем Франции, из пределов которой они не выезжали, папы стремились, однако, не допустить усиления влияния империи в Италии. Они поддерживали Неаполитанское королевство, в котором видели противовес политике империи. Используя борьбу партий внутри Германии за императорскую корону, папы присваивали себе «временное» право над входившими в состав империи землями в Италии, смещали императорских чиновников и не остановились перед объявлением крестового похода против миланского наместника Висконти, проводившего политику императора. Эта борьба требовала огромных средств, между тем пребывание папства вне Рима затрудняло добывание их обычным путем, путем обложения налогами крестьянских и городских масс, и папство стало изыскивать всякие дополнительные доходы.

Виртуозом в этом деле оказался папа Иоанн XXII (1316-1334) (*К. Маркс писал о нем: «Иоанн XXII больше всего прославился своими смелыми спекуляциями и умением изобретать новые доходы для папской казны; он первый ввел канцелярские поборы папского двора, так называемые аннаты, или взимаемые в пользу папы доходы епископов за первый год их епископства, а также другие способы выжимания денег; он, (по свидетельству) своего родственника, оставил после своей смерти 17 миллионов золотых гульденов, по другим источникам, сверх того еще на 7 миллионов серебряной посуды и драгоценных камней; он был достойным сыном Кагора - города ростовщиков» (Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. 6, с. 28)).* За время своего понтификата он успел накопить 18 млн. золотых флоринов, не считая драгоценностей более чем на 7 млн. флоринов. Деньги эти предназначались будто бы на организацию крестового похода. Однако, хотя Иоанн XXII жил до 90 лет, он «не успел» осуществить этот поход, в связи с чем один современник не без иронии задавался вопросом, сколько же лет собирался жить папа, чтобы осуществить задуманный поход. Немало денег дало папству широкое применение им права диспенсации и резервации. Под диспенсацией разумелось право отменить канонический закон. Резервация же давала папе право распоряжаться по собственному усмотрению определенными церквами и монастырями, число которых очень расширилось при Иоанне XXII, раздававшим «резервативные» места тем, кто ему больше платил. Так как доходной церковной должностью, так называемым бенефицием, мог владеть и отсутствующий («*sine cura*» - синекура), то одно лицо могло стать обладателем нескольких «бенефициев». «Если одной и той же грамотой жалуются несколько бенефициев, то уплачивается более высокая сумма», - гласила одна из статей пресловутой «Таксы» папской канцелярии. При этом часть полученной суммы шла в пользу канцелярии, а другая предназначалась лично папе. Широкий размах получила при Иоанне XXII торговля индульгенциями. Так, индульгенция давалась всем, бравшим на себя «крест похода против врага церкви». Индульгенции раздавались целыми пачками сначала посредникам, которые уже продавали их всем жаждущим «очиститься от грехов». Торговля отпущением настоящих, прошлых и даже будущих злодеяний быстро обогащала кассу Иоанна XXII. Он сумел еще больше увеличить свои богатства введением аннатов, т. е. передачей в папскую казну церковных доходов в течение первого года со многих духовных бенефициев. При этом Иоанн XXII всегда действовал путем особых распоряжений, не подлежавших кодификации и основанных на неограниченной власти папы. Его «законы» поэтому получили меткое определение: «*Supra legem*» - надзаконие, а его самого называли «*legibus absolutus*» - освобожденный от законов. Летописные известия ясно говорят о ненависти и презрении, которые внушала его деятельность большинству современников. Папа печется о деньгах и о кошельках в гораздо большей степени, чем о душах (*recuniam quam animas magis piscans*) - таков основной тон характеристики Иоанна XXII, оставленной его современниками - Данте, Адамом Муримутта, Матвеем из Нейенбурга и другими.

В народе, однако, был распушен слух, что накопленные деньги папа употребит на народные нужды и что он облегчит те огромные повинности, которые таким тяжелым бременем ложились на широкие массы. Но народу очень скоро пришлось разочароваться: папа поддерживал самый тесный контакт с королевской властью в эксплуатации народа и оказывал королю Франции большие услуги. Так, в 1316 г. папа предоставил французскому королю, нуждавшемуся в деньгах для борьбы с недовольными в стране, десятину и аннаты на четыре года. Это было далеко не единичным случаем: летописи пестрят такого рода указаниями со ссылками на расходы по крестовому походу, который так и не состоялся. Характерен следующий случай: в 1326 г. папа потребовал от духовенства «добровольного взноса»; король возмутился корыстолюбием Иоанна XXII и запретил такой взнос. Тогда папа применил испытанный прием: «я даю, чтобы и ты дал» («do ut des»). Он предоставил королю часть этой суммы и получил необходимое разрешение. Аналогичные явления происходили в Кастилии, Англии, Австрии, Венгрии и Швеции. Подобные факты заставили летописца Гильома де Нанжи из Сен-Дени констатировать, что отношение между папством и светской властью таково: один стрижет паству, другой сдирает с нее шкуру, и нет никого, кто бы этому помешал.

Ярче и сильнее выражается по этому случаю английский летописец: «Папа и король ведут торг о церкви, как о быке или об осле». Правда, не Иоанн XXII был инициатором такой грабительской политики. На самом деле строгая централизация духовного аппарата, установление диктатуры Рима в делах веры и в назначении на духовные должности, накопление огромных материальных средств самым неблагоприятным путем для господства и над светским обществом - таковы были лозунги и политические меры папства, последовательно проводимые на протяжении веков - и ранее и позднее Иоанна XXII.

Так, продажа епископских мест, которые могли освободиться только в будущем, практиковалась уже в XII в. (это называлось экспектацией). К концу XIII в. экспектация становится важной статьей папских доходов.

Точно так же раздача вакантных мест применялась папством задолго до Иоанна XXII, и уже булла 1265 г., изданная Климентом IV, оставляет за папой право «постоянного» распоряжения епископскими кафедрами, если обладатели их умерли в Риме, при папском дворе. Булла 1265 г., по существу, лишь санкционировала старый обычай. Она получила одобрение на Лионском соборе 1274 г. и была внесена в шестую книгу декреталий. Выражение «смерть в Риме» понималось своеобразно и подлежало широкому толкованию еще задолго до буллы Климента IV. Это видно из того, что в 1246 г. английский король горько жаловался на то, что английские епископские кафедры переходят от одного «итальянца к другому» без намека на юридическое основание, а летописцы утверждали, что в Англии «итальянцам их бенефиции приносят ежегодно 60 тыс. марок», т. е. сумму, превышающую государственный бюджет Англии в середине XIII в. В 1253 г. король указал папе, что иностранцы извлекают из его страны ежегодно 60 тыс. марок, причем английский летописец Матвей Парижский, сообщавший об этом, считал эту сумму уменьшенной и говорил, что на самом деле итальянцы кладут в карман не менее 70 тыс. Разумеется, Англия не представляла в данном отношении исключения. Так, в Констанцской области из 200 бенефициев в 1248 г. 17, согласно официальным данным, были заняты в силу папского распоряжения «посторонними лицами», а 14 «столь же посторонних» человек ждали очереди занять места в Констанце. Папа Александр IV, видя бесконечный наплыв ходатайств, исходивших от жаждущих занять теплые епископские места, решил в 1255 г. установить норму для считающихся «свободными» мест, и на некоторое время действительно был положен предел числу епископов в ряде областей (до того времени, ввиду стремления делить доходы между несколькими лицами, количество мест не было ограничено). Анжерский епископ на соборе в Вьенне в 1311 г. с возмущением заявлял, что он за 20 лет своей службы при 40 вакансиях лишь дважды мог применить свое епископское право, в остальных случаях освободившиеся должности распределялись папой или его любимцами.

Из принципа назначения духовенства вытекала сервисия, т. е. обязательный взнос в пользу папы за оказанное благодеяние, и этот источник доходов также существовал задолго до Иоанна XXII, как это видно из документа 1326 г., когда с Сент-Албанского аббатства потребовалась сервисия в размере 3600 франков, соответствовавших «старому взносу» в 720 франков. Точно так же при назначении аббата Сент-Эдмундсбэри в 1248 г. было уплачено 800 марок. Матвей

Парижский, правда, говорит о «нововведении», рассказывая о сервисии монахов, но из этого не следует, что сервисия в отношении епископов ему не была известна.

Нужно отметить, что жалобы отдельных лиц на злоупотребления курии несколько не разделялись высшими церковными авторитетами: и Фома Аквинат, и Бонавентура, и другие подчеркивают полноту власти (*plenitudo potestatis*) папы и не останавливаются ни перед какими выводами из этого положения. В авиньонский период папские поборы, налагаемые на духовенство и население, становятся все более невыносимыми. Уже Климент V, первый авиньонский «пленник», добыл около миллиона золотых гульденов под предлогом их употребления на крестовый поход, а в действительности для привлечения на свою сторону королей и других сильных мира сего.

Многочисленные источники рассказывают о злоупотреблениях Климента V. Так, приор Дюргама за признание своего избрания уплатил папе 1 тыс. марок, но сейчас же после уплаты денег умер. Папа назначил немедленно другого и с него взял 3 тыс. марок в свою пользу и 1 тыс. в пользу кардиналов. В 1313 г. за назначение архиепископа Кентерберийского папа получил 32 тыс. марок, а за утверждение архиепископа Йоркского - 9500. Требования папы были так велики, что из-за невозможности их удовлетворить кандидатам в епископы приходилось нередко отказываться от должности. Богатейшие епископии из-за дороговизны «сделки» при назначении впадали в неоплатные долги, которые выплачивались в течение многих десятилетий преемниками того, кто выдал обязательство вернуть взятую у «папских фаворитов» солидную сумму. С другой стороны, по словам летописца Толомео из Лукки, Климент V получил от французского короля Филиппа IV Красивого 100 тыс. гульденов за хлопоты по процессу, связанному с ликвидацией ордена храмовников.

Иоанн XXII оставил в наследство своему преемнику свыше 750 тыс. флоринов. Эта сумма за восемь лет правления скупого Бенедикта XII превратилась в 1,5 млн. и вызвала после его смерти восторг кардиналов, рассчитывавших, что они смогут снова зажечь, как при Клименте V. Радость их оказалась напрасной: новый папа столько тратил на себя, что вынужден был прибегать к постоянным займам, а войны из-за Италии поглощали такие суммы, которых ни один авиньонский папа, несмотря на верность традициям Иоанна XXII, не мог покрыть обычным путем, и каждый прибегал к чрезвычайным мерам, разорявшим особенно те страны, которые не могли оказать достаточного сопротивления папскому вымогательству.

II

Отпор своим притязаниям папство встречало во многих случаях со стороны широких масс народа. Так, в Неме были убиты два папских сборщика. Аналогичные события разыгрались в Кагоре. В 1343-1349 гг. в ряде городов Германии сборщики были брошены в тюрьму, причем некоторые из них были убиты. В 1358 г. представители власти Вюрцбурга бросили в реку одного из папских сборщиков. Архиепископ города Грана отказался собирать аннаты, боясь вызвать против себя народное негодование, а в ряде германских общин с трудом собиралась и десятина; недоимки росли с каждым годом, несмотря на деятельность отправленного в Германию папского делегата Филиппа Кабасола. Мало того, в 1372 г. приходы Кельна, Бонна, Ксанта, Зоэста и Майнца заключили между собой обязательство не платить никаких налогов папской курии, и только вмешательство королевской власти, получившей часть десятины, заставило эти приходы подчиниться воле папства. Характерно, что возмущенные налогоплательщики считали себя хорошими католиками.

Во Франции, однако, папство чувствовало себя гораздо увереннее за спиной королей, которые фактически назначали пап и которым благодарное папство предоставляло разнообразные льготы. Французский король имел в своем распоряжении 750 бенефициев и даже мог назначать архиепископа. И не без основания современники говорили, что «фактически Париж диктует свою власть Авиньону, и потому всякий, домогавшийся какой-либо милости у папы, должен, прежде всего обращаться к королю». Это подтверждает и Николай из Клеманжа, называющий авиньонского папу «рабом рабов французских принцев». Всякая попытка оказать сопротивление королевской политике отвергалась самым решительным образом, и когда папство отказалось санкционировать захват французской короной Прованса, то немедленно был выслан из пределов

Франции главный сборщик папских податей, и их дальнейшее взимание было воспрещено. В 1385 г. королем была опубликована «Прагматическая санкция» в «защиту» монастырей и церквей, эксплуатируемых «ненасытной жаждой» папы и кардиналов, не довольствующихся предоставленными им бенефициями во Франции и доводящих до нищеты и бедности главнейшие французские монастыри и церкви. Королевским чиновникам был дан приказ следить, чтобы церковные здания были в полном порядке и чтобы духовенство не страдало от чрезмерных притязаний папства и кардиналов.

«Французской» курии постепенно отказывали в платежах: так, в 50-х годах XIV в. арагонский король прекратил ленные платежи за Сардинию и Корсику. Англия с 1333 г. совершенно не платила своего ленного взноса в тысячу марок. Точно таким же образом вела себя Польша, а турецкий крестовый налог едва дал шестую часть намеченной суммы. В 1345 г. Германия ничего не внесла в его счет; только одна Чехия продолжала с перебоями вносить свою лепту. Богатые Нидерланды полностью бойкотировали папские требования. За Ригой и Бременом по статье «аннаты» числились недоимки в сумме 680 марок; в Кельне за четыре года с трудом было собрано 3024 гульдена, в Венгрии - всего 750, а в Праге и Льеже - до того «ничтожные суммы, что о них не стоит говорить». Мало того, в 1325 г. в Арагонии у папских сборщиков

было конфисковано 200 тыс. гульденов, а в Португалии собранные для крестового похода деньги были употреблены королем на цели, не имевшие никакого отношения к церкви. При таких обстоятельствах французский король Филипп Красивый мог лишь «от удовольствия потирать руки», что успел вовремя «одолжить» у папы 562 тыс. гульденов, 102 тыс. ливров и несколько тысяч экю. Впрочем, один из его преемников получил «взаймы» более внушительную сумму: свыше 3,5 млн. золотых флоринов (*Экю (франц. - еси) - старинная французская монета весом в 4,5 г золота: серебряная монета экю стала чеканиться с 1660 г. и имела вес в 19,9 г. Флорин впервые стал чеканиться во Флоренции с середины XIII в. и был золотой монетой весом в 3,5 г. Почти одновременно с Флоренцией Генуя и Венеция стали чеканить золотую монету, получившую название «дукат» и имевшую приблизительно такой же вес, как и флорин. В Германии флорины и дукаты получили название гульденов).*

Своеобразную помощь оказывало авиньонское папство французской аристократии в виде назначения на кардинальские и иные хорошо оплачиваемые духовные места почти исключительно одних французов. Насколько кардиналы обогащались из папских источников, показывают подарки, преподносимые каждым новым папой при избрании. Так, Бенедикт XI, пробывший на папском престоле всего около девяти месяцев, роздал 46 тыс. золотых гульденов своим 17 кардиналам. Иоанн XXII подарил своим избирателям - 22 кардиналам - половину наличия папской кассы, в момент избрания равной 35 тыс. гульденов, и половину всех доходов первого года правления, т. е. еще 100 тыс. Климент VI ассигновал 17 кардиналам-избирателям 108 тыс. гульденов. Тот же папа устроил по поводу своего избрания шумный бал, обошедшийся курии в 14 тыс. гульденов, причем денежные подарки были розданы ряду французских аристократов. Столь же щедрыми были Иннокентий VI и Климент VII; последний дал каждому кардиналу по 4 тыс. гульденов. За весь авиньонский период аристократия Франции в лице кардиналов получила 620 тыс. гульденов. В эту сумму не входит «самый щедрый дар, какой только знает мир», а именно: половина всех доходов католической церкви, предоставленная Климентом VI кардинальской коллегии, и половина доходов от чрезвычайных поступлений, выманивавшихся у населения под разными предлогами папской курией. Подавляющее большинство кардиналов в годы «авиньонского пленения» были французы. Так, из 134 кардиналов итальянцев насчитывалось 13, испанцев - 5, англичан - 2, швейцарцев - 1, французов же было 113. Так как кардиналы руководили папской политикой, то их всячески подкупали иноземные государи. Так, император Карл IV выдавал кардиналу Пиетро Корсики ежегодную ренту в 1 тыс. флоринов, и тем не менее Германия не могла добиться ни одного места в кардинальской коллегии. Флоренция в 1354 г. обязалась ежегодно выдавать по 3 тыс. флоринов Бертрану, Орсини и Дэ, чтобы они поддерживали в курии интересы Флоренции. Герцог Ланкастерский и король Наваррский содержали на свой счет 4-5 кардиналов. Жили кардиналы на очень широкую ногу. Так, свите Арно д'О в 1316г. было отведено 32 дома, Бернара де Гарва - 51; кардинал Петр из Бангака имел 10 конюшен для своих рысаков. Это, однако, не мешало кардиналам обкрадывать папскую казну, и авиньонские папы на смертном одре обычно прощали своим кардиналам «совершенные ими кражи», если они не превышали 100 гульденов; последний авиньонский папа Григорий XI увеличил эту сумму до 600 гульденов.

Как бы ни были обострены в течение нескольких лет отношения между папством в Авиньоне и английским королем из-за громадных его недоимок, последние как бы забывались, когда дело касалось какого-либо народного движения, направленного против реакционной королевской политики. В течение первой половины XIV в. с благословения папства и даже при его активной поддержке в Англии было проведено несколько походов с целью подавления крестьянских и городских волнений. Когда короли нарушали данную ими присягу Великой хартии вольностей, папство освобождало их от ответственности, давая такое толкование присяги, будто она при народных волнениях теряет свою силу и что ее нарушение в этом случае скорее является богоугодным делом, чем святотатственным. Точно так же папство не раз оказывало поддержку английскому королю, когда дело шло о подавлении крестьянского и даже феодального восстания в Шотландии. За «неисчислимыя милости и благодеяния» английские короли вознаграждали папскую курию. Много данных свидетельствует об этом трогательном единении церкви и светской власти в деле эксплуатации и ограбления английского народа. Папа Климент V открыл широко перед королем свою кассу и предоставил ему трехлетнюю десятину, не забыв, впрочем, присвоить себе четверть этой суммы; кроме того, он в качестве частного лица дал займы королю 160 тыс. флоринов. В ответ на эту щедрость папы король возобновил выплату своего старого забытого долга, давно уже числившегося лишь на бумаге и достигавшего в 1300 г. суммы в 33 тыс. марок. Кроме того, назначения на епископские места отныне стали совершаться королем и папой любовно. Выборы, практиковавшиеся ранее, были окончательно отменены, аннаты широким потоком потекли в Авиньон из английских епархий, отчасти обогащая также и английский трон. Обычно за назначение приходилось уплачивать курии от 3 до 6 тыс. марок; аннаты исчислялись приблизительно в половинную сумму. Впрочем, суммы были очень разнообразны: крупные епархии оценивались в 10 и более тысяч; кроме того, вновь назначенный должен был урегулировать долги своего предшественника, вернее, ряда предшественников.

Однако, как ни подкупал папа английского короля крохами со своего авиньонского стола, дела папства складывались в Англии далеко не благополучно. С середины XIV в. все чаще и чаще палата общин выступает против «разорения Авиньоном страны», доказывает вред от отлива золота за границу, возмущается привилегиями иностранцев и утверждает, что нарушается Великая хартия вольностей, один из пунктов которой говорил о свободе выборов духовных лиц, а не об их назначении совместным постановлением папы и английского короля. В результате постоянных нападков палаты общин на «авиньонские порядки» было решено отнять все бенефиции, подаренные папой кардиналам, любимцам и всяким проходимцам, а также иностранцам, под которыми разумелись преимущественно итальянцы и французы, в большом числе назначаемые папством. Еще до окончательного решения палаты общин папа угрожал королю анафемой, а всей стране - интердиктом, если Англия примет какие-либо меры, враждебные курии. Отношения между папством и английским правительством тем сильнее обострялись, чем резче палатой общин подчеркивалась зависимость авиньонских пап от Франции. Однако угрозы по адресу папства не всегда осуществлялись. По-видимому, парламентские постановления слабо проводились в жизнь; в 1362 г., например, папству удалось взыскать в Англии десятину в размере 100 тыс. флоринов; впрочем, к этому времени относится решение парламента, гласившее, что король Иоанн Безземельный в свое время не имел права сделать Англию леном папского престола и что поэтому ленная зависимость с настоящего времени должна считаться отмененной на вечные времена. «Если папство будет защищать свои давние несправедливые притязания насильственными мерами, то страна сумеет оказать должное сопротивление» - так гласил статут 1365 г. И это постановление парламента, быть может, осталось бы только на бумаге, если бы в 1368 г. не возобновились военные действия между Англией и Францией, протекавшие неблагоприятно для Англии. Парламент настойчиво и в категорической форме выступал против того, чтобы деньги уходили из Англии в карманы тех, кто поддерживал Францию, указывая, что война против Англии ведется фактически на английское золото: «канал, через который текут эти деньги, находится в Авиньоне».

На этот раз недовольной оказалась и значительная часть английского духовенства, которое облагалось авиньонской курией чрезвычайно тяжелыми налогами. Эти налоги чувствовались тем сильнее, что духовенство страдало и от поборов, которые в это же время вводились королевской властью. В парламенте со скамей духовных депутатов раздавались голоса против «греховного»

Авиньона. Говорили о том, что церковь владеет огромными землями - третью всей английской территории и что богатства страны уходили в дырявые карманы различных иностранных авантюристов, а также преступников как английского, так и иного происхождения. Палата общин настаивала на том, чтобы богатства церкви оставались в Англии и употреблялись на благотворительные и богоугодные цели. Парламент указывал, что церковь во многих местах пользуется монополией вывоза шерсти за границу и эта монополия причиняет огромный ущерб торговцам и крупным землевладельцам. Широкие народные массы были недовольны тем, что монастыри владеют обширными пастбищами, что церковь разоряет крестьян, превращая их в безземельных людей. Возмущались и городские ремесленники, товары которых не в состоянии были конкурировать с дешевыми изделиями, производившимися в монастырях как монахами, так и монастырскими крепостными крестьянами. Наконец, парламент обратил внимание на появление в Норвиче «опасной секты», известной под названием беггардов или лоллардов (*Беггарды (муж.), бегинки (жен.) - члены религиозных общин, возникших около 1170 г. в Брабанте и распространившихся в Нидерландах, Германии, во Франции, в Северной Италии, Польше, Богемии. Беггарды в основном были выходцами из ремесленников, проповедовали бедность, общность имущества, безбрачие (хотя и могли вступить в брак, выйдя из общины), отрицали церковную и светскую власть, помогали больным, старикам, детям-сиротам. Были связаны с еретическими движениями амальрикан и лоллардов. В XIV в. общины беггардов были запрещены, а сами они подвергались преследованиям инквизиции*).

Эти речи в парламенте звучали тем громче, что уже виднелась фигура Джона Виклифа (1320-1384), профессора богословия в Оксфорде, провозглашавшего необходимость уничтожения всей папской системы и секуляризации монастырско-церковной земли. В воздухе запахло грозой, и король приказал всем духовным лицам - англичанам, находившимся в Авиньоне и замышлявшим, как дошло до его слуха, какие-то козни против законов страны, под страхом смертной казни немедленно вернуться в Англию. Приказ был настолько категоричен, что, по выражению летописца, услышавшие гром поспешили в Лондон, чтобы избежать молнии.

Но «молния» тем не менее ударила по папству: Англия пошла по пути, о котором менее всего могло думать папство, извлекавшее из этой «ленной» страны огромные материальные средства.

«Английская болезнь» вскоре перешагнула границы одного государства и стала распространяться далеко за его пределами. В выступлениях Пьера Леру и Жилия Дежана по поводу того, что Франция беднеет от утечки золота за границу, что богословская наука чахнет вследствие произвольных папских назначений, что студенты-теологи не получают достаточных средств к жизни и потому плохо успевают, что церкви приходят в разрушение, а мораль гибнет, слышится эхо речей, произносившихся так часто в палате общин. Французские ордонансы 1375 и 1407 гг. сильно напоминали некоторые статьи главнейших биллей, направленных в Англии против папства.

И тем не менее между галликанизмом и англиканизмом, т. е. между стремлением к созданию национальной французской и национальной английской церкви, имеется существенное различие, вытекавшее из неодинакового тогда положения этих стран и дававшее поэтому иное направление, казалось, одному и тому же движению.

Папа не был иностранцем для Франции в такой степени, в какой он был им для Англии, и французское недовольство папством исходило не столько от буржуазии и дворянства, подвергавшихся сильным поборам больше всего со стороны короля, сколько от высшего духовенства, которое стремилось к свободе от папского надзора, к созданию автономной французской церкви, не подчиняющейся слепо папским приказам. Вот почему во Франции большого волнения не вызывал вопрос о том, кому должны принадлежать церковные земли: папе или королю, вопрос, который очень волновал палату общин в Англии. Самый факт пребывания папы на территории Франции и беспрекословного его подчинения распоряжениям короля как бы снимал с очереди этот вопрос, и полемика против папства носила во Франции зачастую характер полутеоретический: центральным пунктом являлось требование о реформе верхушки церкви (*reformatio in capite*), о борьбе с абсолютистскими тенденциями папства в церковных вопросах, о периодическом созыве соборов, решения которых должны быть выше папских декретов, и т. п.

Реформировать папство, с тем чтобы ограничить его всемогущество и единовластие и расширить компетенцию местной национальной церкви, - таков был лозунг французского антипапского движения, носителем которого было по преимуществу высшее духовенство, мечтавшее о былой широкой епископской власти. Этот лозунг был чужд Англии: соборность или

единоначалие, правильность истолкования того или иного догмата - такие проблемы существенного значения для английского церковного права, выработанного парламентом и санкционированного королем, иметь не могли. Английские крупные землевладельцы и крупные купцы прежде всего не желали мириться с тем, что «к национальному» богатству приобщались иностранцы - лица в духовном звании, назначенные папой, и итальянские ростовщики, снабжаемые папскими привилегиями и конкурировавшие с английскими купцами и банкирами. Если во Франции духовенство говорило, что право эксплуатации населения принадлежит французскому духовенству, а не папе, то в Англии требования торгового и землевладельческого класса сводились к тому, что обогащение господствующих слоев общества есть монополия «туземцев», а не иностранцев.

Но как ни отличны были основные положения галликанизма и англиканизма, оба эти движения не сулили папству ничего хорошего в будущем, а в настоящем они дали серьезный толчок антипапской и даже антикатолической литературе. XV век открывал перед церковью неблагоприятные перспективы, так как «великий раскол» именно в эти годы особенно усилился. Само собой понятно, что основная причина неблагоприятных для папства перспектив крылась в общественном развитии передовых стран того времени. Усилившаяся в Англии и Франции национальная буржуазия не могла мириться с феодальным и антинациональным характером папства. Между этими двумя общественными силами столкновение было неизбежно. Папство не собиралось сдаваться. Оно пыталось бороться за свои феодально-антинациональные интересы. Его естественным союзником в этой борьбе выступал землевладельческий класс, интересы которого требовали сохранения феодализма, раздробленного государства и «полной независимости» от центральной власти. Идеология этого класса находила свое отражение в католицизме, возглавлявшемся папством.

Глава восьмая

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПАП В РИМ И ВЕЛИКИЙ РАСКОЛ

I

Папы, перекочевавшие из Рима в Авиньон, продолжали настаивать на том, что без их согласия никто не может стать ни императором, ни королем Германии и что итальянский наместник должен назначаться папой, а не императором.

Особенно обострились отношения между империей и папством во время выборов 1314 г., когда в коллегии курфюрстов за Людвига Баварского было подано пять голосов, а за Фридриха Габсбурга - два голоса. Сторонники Людвига провозгласили его избранным и короновали его в «законном» Аахене; друзья Фридриха считали его избранным и короновали его в «незаконном» Бонне. Налицо оказались два императора, ожидавших возложения папой императорской короны. Папа Иоанн XXII, избранный в 1316 г., ввиду «отсутствия законного императора» сам назначил наместника в Италии и в имперских ее владениях посадил своих чиновников. Победа Людвига над Фридрихом в сражении при Мюльдорфе (1322) лишила папу возможности по-прежнему игнорировать «германскую» власть, тем более что, явившись в Италию, войска Людвига нанесли папскому гарнизону в Милане поражение, и в ряде североитальянских городов гибеллинская партия громко приветствовала императора Людвига. При таких обстоятельствах Иоанн XXII в 1323 г. выдвинул обвинение против Людвига «в незаконном присвоении титула римского короля, императорских прав и в оказании помощи миланскому еретiku Висконти». Под угрозой отлучения от церкви Людвиг в течение трех месяцев должен был оправдаться в своем поведении перед папой. Когда же Иоанн XXII отказался принять от императора письменное разъяснение, то началась резкая полемика между папой и Людвигом, апеллировавшим к церковному собору и опиравшимся внутри Германии на те слои населения, которые особенно угнетал «франко-папский режим». В этом отношении главную роль играли города, недовольные разжиганием гражданских войн внутри империи и финансовым гнетом Иоанна XXII. Соппротивление папским сборщикам находит отражение в политике папы, который усиливает борьбу против религиозных течений, проповедовавших «святость нищеты».

Особенно жестоко, используя инквизиционные трибуналы, Иоанн XXII преследовал спиритуалов, которые проповедовали нищенство, ссылаясь при этом на Христа. Буллой 1321 г. был запрещен спор о том, как относился Христос к вопросу о нищете и частной собственности. Мало того, в 1323 г. Иоанн объявил, что всякого рода ссылки на Библию с целью «идеализировать» нищету и бедность являются ересью. Под буллу 1323 г. подпал генерал францисканского ордена Чезена, сбежавший в 1327 г. к Людвигу Баварскому. Преследования инквизиции с особенной силой обрушились в 1329 г. на «левых» францисканцев.

Так политическая борьба сплелась с религиозной и вызвала значительное брожение умов: появились яркие произведения Марсилия Падуанского (*Марсилиус Падуанский (между 1278 и 1280 - ок. 1343) - итальянский политик и философ. В своем произведении «Защитник мира», написанном совместно с Жаном Жанденом, выступал против папства. Сторонник объединения Италии. Был отлучен от церкви и заочно приговорен к смерти*), Уильяма Оккама (*Уильям Оккам (ок. 1285-1349) - английский философ, крупнейший представитель номинализма. Отвергал притязания папства на светскую власть, отрицал церковную иерархию*) и Жана Жандена. В них звучали совершенно новые для того времени идеи и мысли. В книгах этих мыслителей говорилось о возможности благополучного существования церкви без папства, о христианской общине, выражающей свою волю в соборе и являющейся высшим духовным органом, диктующим свои законы даже святому престолу. Доказывалось также, что папы не могут считать себя наместниками апостола Петра в Риме, что единственным достоверным источником знания является Библия и что менее всего на значение подобного источника могут претендовать папские буллы или постановления. Не папе, а светскому главе государства, являющемуся верховным законодателем страны, должны, по мнению этих публицистов, все повиноваться, поскольку он является «уполномоченным» народа, осуществляющим его чаяния и стремления. Впервые в произведениях Марсилия Падуанского и ряда его современников, проникнутых антипапским духом и защищающих принцип всемогущества светской власти, упоминалось и о новом суверене, каковым являлся народ, причем авторы этих памфлетов и политических трактатов говорили не религиозным языком, а политическим, употребляя, впрочем, слово «народ» в неопределенном смысле. Язык памфлетов увлекал народную массу, страдавшую от гнета церкви и господствующего класса. Даже мистические последователи Иохима Флорского (*Иоахим Флорский (1132-1202) - итальянский мыслитель; монах. Призывая церковь отказаться от светской власти, проповедовал аскетизм, отказ от собственности. Преследуемое церковью, учение иохимитов оказало влияние на гуситов и другие еретические течения позднего средневековья*) оказались до известной степени под влиянием политических лозунгов приверженцев Марсилия Падуанского и Уильяма Оккама. Эти лозунги, яркие по своей новизне, тем легче вербовали сторонников, что среди борцов во имя «народа» выступал великий автор бессмертной «Божественной комедии» - Данте. На мистико-политическое течение, бывшее своеобразным проявлением оппозиции против феодализма, папство ответило усиленной деятельностью инквизиции, и в Германии, как за сто лет перед тем во Франции, запалили костры. До этого времени в Германии преследованием еретиков занимались епископы, и лишь в 1336 г. здесь стала функционировать папская инквизиция. Августинский монах Иордан получил полномочия инквизитора Саксонии и сразу же нашел в Агнермюнде гнездо еретиков-люцифериан (*Люцифериане - одна из мистических сект XIII в. Ее последователи включили в число эманации бога и сатану (Люцифера)*). Отсюда их название. Люцифериане считали, что сатана должен в конце концов соединиться с богом; они отрицали все церковные таинства и службы). 14 человек здесь было сожжено, после чего Иордан поспешил в Эрфурт, где некий Константин утверждал, что он сын божий и воскреснет через три дня после смерти. Иордан подверг и его казни и стал разыскивать в окрестностях Эрфурта приверженцев Константина. Вскоре Иордан стал в Германии таким же пугалом, каким за сто лет до него был Конрад из Марбурга, которого церковь считала «своим лучшим апостолом», хотя после двухлетней усиленной деятельности он был убит возмущенным народом.

Папство особенно давило на Германию, выжимая из нее все соки, чтобы компенсировать потери, понесенные им в Италии, Франции и Англии. Эта усилившаяся эксплуатация папством вызывала глубокое народное недовольство в Германии. Даже в монастырях чувствовалось озлобление против «авиньонца» на почве его постоянных денежных требований.

Неудивительно поэтому, что папа быстро терял свой авторитет в Германии.

Разумеется, и купечество относилось враждебно к Авиньону. В этой борьбе впереди шел Страсбург, где городские власти принудили священников, выполнявших папские приказы,

удалиться из города. Город Цюрих не терпел в своих стенах с 1331 г. никого из папских чиновников. В Констанце магистрат потребовал от духовенства, чтобы оно опять принялось за исполнение своих обязанностей и не бездельничало больше. В Рейтлингене городской совет провозгласил, что никто, под страхом штрафа в 15 фунтов, не должен принимать священника, оказывающего папе повиновение. Против эксплуататорских приемов папства сильнее всех в городах протестовали демократические слои. Так, в Нюрнберге, где городские олигархи одно время шли заодно с римским клиром, цехи вступили в борьбу против этого и добились успеха. Вообще можно заметить, что немецкие города, в которых управление не принадлежало богатой верхушке, были противниками папства и сторонниками императора Людвига Баварского.

Людвиг Баварский сам нуждался в средствах и не был склонен делиться ими с папой. Исходя из того, что с одного вола двух шкур драть нельзя, Людвиг выступал против политики авиньонского папства. Естественно, что при таких условиях могли почти беспрепятственно развиваться ереси (беггардская, люциферианская, свободного духа, братская и т. д.).

«Ересь городов, - писал Ф. Энгельс в «Крестьянской войне в Германии», - а она собственно является официальной ересью средневековья - была направлена главным образом против попов, на богатства и политическое положение которых она нападала... Средневековые бюргеры требовали прежде всего *église à bon marché*, дешевой церкви. Реакционная по форме, как и всякая ересь, которая в дальнейшем развитии церкви и догматов способна видеть только вырождение, бюргерская ересь требовала восстановления простого строя раннехристианской церкви и упразднения замкнутого сословия священников. Это дешевое устройство устраняло монахов, прелатов, римскую курию - словом, все, что в церкви было дорогостоящим. Города, бывшие сами республиками, хотя и находившимися под опекой монархов, своими нападениями на папство впервые выразили в общей форме то положение, что нормальной формой господства буржуазии является республика... То обстоятельство, что оппозиция против феодального строя выступает здесь лишь в виде оппозиции против церковного феодализма, объясняется довольно просто тем, что города уже всюду были признанным сословием и имели достаточно возможностей для борьбы с светским феодализмом, опираясь на свои привилегии, с помощью оружия или в сословных собраниях» (*Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 361-362*).

В 1328 г. Людвиг отправился в Рим и на народном собрании заставил провозгласить папой французского монаха Петра из Корбары, принявшего имя Николая V («антипапа»). Иоанн XXII был объявлен еретиком и преступником, не имеющим права занимать святой престол. Вновь «избранный» папа короновал Людвига в Риме императорской короной и стал принимать меры к предотвращению вмешательства со стороны Авиньона. Однако папство Николая V было крайне непродолжительным: как только Людвиг Баварский покинул Рим, папа Николай V остался без покровителя. Брошенная им жена, с которой он прожил пять лет, потребовала выдачи ей мужа, оказавшегося на папском престоле. Епископский суд решил удовлетворить требование покинутой жены. Николай V бежал в Пизу и скрылся у графа Доноратико. Под страхом отлучения от церкви Доноратико должен был выдать бежавшего папу, который покаялся перед пизанским архиепископом, а потом и в Авиньоне перед Иоанном XXII и кардиналами. Он был заключен в тюрьму, где вскоре и умер. Людвиг же вторично был отлучен от церкви, и еще до его смерти папство выдвинуло в императоры другого кандидата.

После смерти императора Людвига Баварского папская курия напрягла все усилия, чтобы поставить во главе империи преданного интересам Авиньона человека, и встретила в этом вопросе энергичную поддержку Франции. Благодаря совместному давлению на избирательную курфюршестскую коллегия и большим суммам, истраченным на подкуп, германские курфюрсты избрали в 1346 г. Карла IV, этого «поповского императора», как его называли современники. При нем расцвела в Германии инквизиция в такой степени, что через 50 лет инквизитор Петр Пилихдорф с торжеством заявлял, что ему удалось окончательно искоренить в Германии всякую ересь. Разумеется, в словах Пилихдорфа было много бахвальства: ересь окончательно истреблена не была, но костры инквизиции действительно унесли немало жертв, и число еретиков заметно упало к тому моменту, о котором говорил Пилихдорф.

Особенно много жертв понесли спиритуалы, отрицавшие за папой право отменять обеты, в особенности обеты нищеты и целомудрия. Целые округа подвергались обыскам, и инквизиторы

повсюду искали противников папского всемогущества, ссылавшихся на самых авторитетных учителей церкви, не исключая Фомы Аквинского.

На юге был сожжен «еретик» за утверждение, что не послушается папы в том случае, если последний прикажет ему взять женщину или принять пребенду (*Пребенда (бенефиций) - материальные средства, получаемые католическим духовенством (в виде земельных владений, домов, церковных доходов, денежного жалованья)*), раз он дал обет целомудрия и нищеты. Спаситься от смерти можно было лишь путем публичного принесения следующей клятвы: «Клянусь, что я верую в своей душе и совести и исповедую, что Иисус Христос и апостолы во время их земной жизни владели имуществом, которое приписывает им священное писание, и что они имели право это имущество отдавать, продавать и отчуждать».

«Еретики» объявляли Иоанна XXII олицетворением антихриста и противопоставляли плотской папской церкви - «вавилонской блуднице, опьяненной кровью святых», - свою церковь - «церковь святого духа», которая вот-вот осуществится и водворит мир и благоденствие с помощью императора Германии или сицилийского короля. Когда в 1348-1349 гг. над Западной Европой пронеслась «черная смерть» - страшная чума, унесшая во многих странах миллионы людей, люди впали в тем большее отчаяние, что в лице папы видели главного виновника божьего гнева и кары, разразившейся над миром.

В массах суеверных людей распространялось убеждение, что если сам папа - еретик, если высшее духовенство погрязло в болоте, то дело смягчения бога, возмущенного людской испорченностью, должен взять в руки сам народ путем наложения на себя какого-либо наказания. Зараза флагелланства (самобичевания) овладела огромными массами народа в разных странах Западной Европы. Люди стегали себя ремнями с железными остриями с такой силой, что иногда приходилось с трудом извлекать острие из тела.

Самобичевание, начиная с X в., вошло в употребление среди верующих в качестве средства искупления грехов и особенно рекомендовалось нищенствующими орденами. Даже короли прибегали к этому средству очищения, и широкую известность, например, приобрело самобичевание английского короля Генриха II на могиле архиепископа Бекета. Первое крупное массовое самобичевание имело место в начале XIII в., когда толпы народа в Северной Италии под влиянием агитации францисканца Антония Падуанского совершили публичные процессии самобичевания. С того времени в тревожные общественные моменты верующие фанатики пускали в ход это средство очищения от грехов. В «черную годину» 1348-1349 гг. процессии бичующихся приняли небывалые размеры. Церковь, видевшая на первых порах во флагелланстве выгодное ей средство одурманивать людей и держать их в страхе божием, постепенно стала относиться к нему враждебно. Как явление массовое, процессии флагеллантов пугали ее: в процессиях определенно сказывались аскетические тенденции, шедшие вразрез с сытой и богатой жизнью паразитического духовенства. Под крайне реакционной формой ересь флагеллантов боролась не только против греховной церкви, но и за возврат к мнимому христианскому равенству. Многие процессии бичующихся совершенно открыто выражали свою ненависть к церкви, в особенности к папству. В гневе на всех «виновников» божьей кары они уничтожали церковное имущество, даже нападали на представителей церкви.

Чтобы отвести народное возмущение от духовенства, церковью была пущена легенда, что распространением «черной смерти» мир обязан заговору евреев, будто бы замысливших истребить христиан путем отравления колодезев, и целые еврейские общины были вырезаны. Вот как описывает летописец Диссенгофен события черной годины: «В течение года были сожжены все евреи от Кельна до Австрии... можно было бы думать, что наступил конец всему еврейству, если бы уже завершилось время, предсказанное пророками». Массовое уничтожение евреев перестало быть делом одних лишь флагеллантов, и современник этих событий Генрих Герфордский, вскрывая подлинную суть событий, проводит параллель между истреблением евреев и ограблением ордена храмовников французским королем: «В том и другом случае, - говорит он, - целью нападения были деньги, имевшиеся у истребляемых жертв».

Папство, однако, не могло допустить ускользавших из-под его руководства флагеллантов, очищавших себя от грехов и отрицавших за папой «предоставленные» ему Христом права и привилегии. Что сделается с самым прибыльным делом святого престола - с продажей индульгенций, если люди будут в состоянии путем бичевания сами себя очистить от грехов, не прибегая к посредничеству церкви и папства - тому посредничеству, которое составляло

главнейшую материальную и моральную силу духовенства? И папа Климент VII в 1349 г. в особой булле резко осудил флагеллантов, называя их крайне опасными еретиками, подлежащими суду инквизиции. Начались кровавые преследования бичующихся, многие из них погибли в огне. Однако в конце XIV в. на почве новых стихийных бедствий процессии бичующихся возобновились под руководством «чудотворца» Висенте Феррера. Висенте возвестил конец мира в 1400 г., при этом он с такой выразительностью описывал муки ада, что два преступника, спрятавшиеся под его кафедрой, сгорели, согласно молве, от угрызений совести. Так как конец мира не наступил в 1400 г., то верующие пришли к выводу, что Висенте силой своего апостольского служения добился от бога отсрочки конца света!

II

Пребывание пап в Авиньоне печально отражалось и на папских делах в Италии. Отдельные могущественные феодалы и небольшие республики рвали на части Папскую область и присоединяли к себе все, что плохо лежало в «покинутой своим господином» стране. Внутри города Рима не прекращалась борьба за власть между отдельными военно-феодальными группами, разорявшая городскую ремесленную массу. Приток странников и авантюристов, вокруг которых кормилась в Риме масса деклассированных элементов, приостановился ввиду отъезда папы в Авиньон. Это было по тем же несостоятельным слоям римского населения.

Наряду с этим в широких кругах римского населения распространялись произведения Данте и Петрарки, обличавшие авиньонских пап и призывавшие к восстановлению былого величия Рима. В полных гнева выражениях Петрарка разоблачал вечно пьянствовавшего папу Бенедикта XII (1335- 1342), не желавшего выехать из Авиньона, где под крылышком французского короля можно было спокойно тянуть «рюмку за рюмкой», не заботясь ни о чем, и не слышать голоса волнующегося Рима. Но если Бенедикт XII заслуживал лишь презрения, то Климент VI вызывал возмущение, и Петрарка в «Письмах без адреса» клеймил того «циника», который любовь к церкви заменил любовью к «эпи» (эпикурейству), возненавидел жизнь в скучном Латеране и чувствует себя уютно в веселом Авиньоне, где раздаются песни любви его «племянницы» Сессии Сирамис. Будущий папа, предсказывает Петрарка, будет последовательнее своих двух предшественников и перенесет свою резиденцию из Авиньона в Багдад. Следующий папа, Иннокентий VI (1352-1362), обвинил Петрарку в колдовстве за то, что тот часто цитировал латинского поэта Вергилия. Петрарка вынужден был бежать из Южной Франции.

Своеобразной формой протеста против тяжелого состояния Рима, в частности против хозяйничавшего в нем дворянства, явилось выступление в 1347 г. римского трибуна Кола ди Риенцо, встреченное с радостью Петраркой. Кола ди Риенцо, выдающийся оратор, призывал к обузданию феодалов вооруженной силой, к отстранению их от городских должностей и принятию суровых мер против виновников постоянных распри в городе. Его призывы находили отклик в массах населения Вечного города, и с 1340 г. он стал пользоваться большой популярностью. Когда папой был избран Климент VI, то городской совет отправил к нему делегацию во главе с Кола ди Риенцо, чтобы просить папу посетить Рим. Климент дал неопределенное обещание и назначил Кола ди Риенцо римским нотариусом. В 1347 г. Риенцо захватил Капитолийский дворец (резиденцию сената) и был провозглашен трибуном Рима. Он отнимал крепости, замки и вооружение у феодалов, обложил их тяжелыми налогами, обязал охранять дороги и снабжать Рим продовольствием. Вскоре Кола издал приказ об отмене сеньората: «папа и церковь - единственные сеньоры на территории Римской области». Отменены были все гербы, за исключением гербов папы и города Рима. Хотя Кола ди Риенцо делал как будто все в угоду папе, последний, однако, был недоволен ходом событий. Против трибуна единым фронтом выступили дворянство и духовенство - по указанию самого папы, проводившего лицемерную, коварную политику. Он был не прочь руками Риенцо обуздать политические и социальные притязания феодалов, но боялся мероприятий и лозунгов трибуна, мечтавшего о создании большого демократического союза из отдельных частей Италии. Это настолько испугало Климента VI, что в октябре 1347 г. он писал своему представителю в Рим: «Посмотри, не найдешь ли ты повода для обвинения Николая (Риенцо) в ереси или покровительстве еретикам; в таком случае не упуси возможность повести процесс против него: глупый не исправляется словами, а укрощается

розгами и бичами». Климент VI использовал первые вооруженные выступления феодалов и 3 декабря 1347 г. опубликовал буллу «*Quamvis de universo*», в которой говорилось: «Николай Риенцо - предтеча антихриста, сын дьявола, враг справедливости, чудовищный зверь... не давайте ему ни помощи, ни расположения, да исторгнется он из вашей среды, как паршивая овца, могущая заразить все стадо, ибо его злоба ползет, как змея, жалит, как скорпион, заражает, как яд». Булла возымела свое действие, тем более что Кола ди Риенцо начал терять свою популярность в народе в тот момент, когда феодалы, подстрекаемые папским легатом, все более энергично стали выступать против трибуна. Кола ди Риенцо тайком бежал в Неаполь; заочно его дважды судили по обвинению в ереси. В 1348 г. он очутился в Абруццах, где, как он сам писал, жил жизнью отшельников, «нищих духом, мертвых для мира, ищущих пустыни». Но папа не забывал про Риенцо: папские шпионы напомнили Клименту VI о близком юбилейном 1350 годе и писали, что необходимо принять все меры к тому, чтобы «зачумленный не явился в Рим». Между тем, ведя долгие беседы со спиритуалами и иоакимитами (приверженцами Иоахима Флорского), вынужденными, как и он, искать убежища от преследований папской церкви, Кола ди Риенцо все больше проникался мыслью, что его ждет великая миссия и что ему не следует прозябать в уединении в Абруццах. В середине июля 1350 г. он появился в Праге под чужим именем и просил аудиенции у императора Карла IV, чтобы уговорить его оказать помощь римскому народу против дворянства и духовенства. Но «поповский» император увидел в поведении Риенцо «значительные семена ереси», и Кола был арестован. Из тюрьмы он писал Карлу IV, что в Авиньоне «рады его аресту больше, чем если бы забрали в плен кучу турок и арабов», но рады только папские чиновники и разбойники, «люди из народа, купцы, крестьяне и прочие, которые хотят в поте лица есть свой хлеб, одобряют и любят меня, они надеются, что опять после тьмы будет свет». В марте 1352 г. Карл отправил узника в Авиньон. «Император подарил его папе, - воскликнул Петрарка, - я не смею назвать настоящим словом эту недостойную сделку... Он мог пасть со славою в Капитолии; он предпочел позор - быть арестантом императора и папы. Его осуждение будет для него почетной наградой в глазах потомства».

Преемник умершего вскоре Климента VI Иннокентий VI (1352-1362) решил использовать популярность, которой Риенцо обладал в широких слоях общества, назначил его «сенатором» и отправил в Рим, дав ему «в помощь» кардинала-воина Альборноса с большим наемным войском для присоединения к Папской области ряда отпавших от нее итальянских городов. Кола ди Риенцо, который ввел тяжелые налоги и не понял опасности, грозившей ему от его «помощника» Альборноса, был убит в 1354 г. за свою тягу к «тирании», а Альборнос свыше 10 лет устанавливал «порядок» на территории папского государства обычными для кардинала-солдата средствами.

Гнев народный разразился в полную силу, как только умер Альборнос. Во многих местностях вспыхнули народные волнения, направленные против жестокого папского режима, олицетворением которого являлся Альборнос. Этим воспользовались мелкие и крупные тираны в соседних с Папской областью городах-государствах. Медичи во Флоренции, Бентивольи в Болонье, Сфорца в Милане, Эсте в Ферраре и Больони в Перуджии начали «освобождать» отдельные части папского государства от папской зависимости и присоединять их к своим владениям. Особенно энергично выступала Флоренция, которая присоединила восставшие против Рима города Витербо и Нарни. В таком же положении оказались вскоре Анкона, Равенна и Сюзето. Папской области угрожала опасность оказаться растерзанной своими соседями. В Рим поспешил император Карл IV, чтобы урвать свою долю за счет папы, хотя он и оставался по-прежнему «поповским королем». Однако этот лицемерно монашествовавший император был ненавистен римлянам за его чрезмерные, даже по тем временам, денежные аппетиты, которые удовлетворялись беспощадным высасыванием денег из населения. Карл вынужден был вернуться восвояси с лишь наполовину наполненным денежным мешком. Рим же больше и больше беднел и готов был стать в резкую оппозицию по отношению к авиньонскому папе, так что францисканец Педро Арагонский предрекал близкий раскол церкви и одновременное правление двух пап. Некоторые требовали борьбы с крайней распущенностью нравов, в которой многие усматривали признаки приближающегося страшного бедствия. Петрарка особенно настойчиво звал папу из Авиньона в Рим, и временный приезд в Вечный город папы Урбана V (1362-1370) вызвал большой подъем, сменившийся, однако, не меньшим разочарованием, когда папа вскоре покинул Италию.

Григорий XI (1370-1378), последний авиньонский папа, под страхом потери своих итальянских владений должен был наконец перебраться в Рим после того, как началась война с Флоренцией, сумевшей ловко сыграть на национальных чувствах, провозгласив борьбу против чужеземного французского ига. Анафемы, сыпавшиеся на голову Флоренции, мало помогали. Григорий XI еще из Авиньона двинул наемную бретонскую банду во главе с бандитом-кардиналом Робертом из Женева (будущий антипапа Климент VII). Роберт в сопровождении бретонцев появился в столице мира, «зажегшей 18 тыс. светильников в своих соборах» в честь «национального папы». Этот «национальный» папа, однако, очень мало думал о переезде в Рим: он любил «свой» Авиньон и «своих» кардиналов, предпочитал французский язык итальянскому, который он с трудом даже понимал, и предпочитал жить на широкую ногу в Авиньоне, чем «бедствовать» в полуразрушенном Риме с его впадшим в нищету населением, острой борьбой различных политических группировок и ночными грабежами. В сентябре 1377 г. кардинал Роберт совершил ужасную резню в Чезене, поднявшей патриотическое знамя против «проклятого авиньонского флага». Эта кровавая баня, связанная с именем Григория XI и Роберта Женевского, увековечена флорентийским поэтом Франко Сакетти в известной канцоне «Папа - губитель мира». После покорения Чезены от Флоренции отпал ряд городов, и Григорий потребовал от Флоренции безусловной сдачи на милость покорителя. Флоренция отказалась ввести у себя инквизицию и не хотела выдать «еретиков» и вернуть церкви отнятые у нее земли. Война возобновилась, и в разгаре ее умер Григорий XI.

Незадолго до смерти Григорий XI выступил с резким осуждением политики Англии, где не только землевладельческий и торговый элемент, но и духовенство выражало негодование по адресу «французского папства» и невероятных денежных взысканий, которые итальянские ставленники папы требовали от английского населения и даже от духовенства. Это недовольство Григорий XI подвел под ересь, тем более что в книгах Виклифа доказывалось, что всякий, совершивший «смертный» грех, теряет «божью милость» и что это положение должно распространяться и на папу и его прислужников. Мало того, Виклиф отрицал за церковью право владения собственностью, требовал подчинения церкви в мирских делах гражданской юрисдикции и утверждал, что верховным судьей человеческой совести является не папа, а бог. Григорий XI нашел в учении Виклифа 18 еретических «положений», осудил его в пяти буллах и потребовал ареста еретика. Однако Оксфордский университет отказался арестовать Виклифа, заявил, что в его книгах и проповедях нет ничего еретического, за исключением лишь формы, могущей давать повод к жалобам папы, и ограничился пожеланием, чтобы Виклиф не выступал более публично на щекотливые темы. Это было крупным поражением папства.

В 1378 г. умер Григорий XI, и после 75-летнего перерыва в Риме состоялись выборы нового папы. Народные массы столицы ждали улучшения своего положения от окончательного возвращения в Рим папы и требовали, чтобы кардиналы непременно избрали итальянца, если нет возможности найти подходящего римского кардинала. Так как прибывшие на выборы 16 кардиналов насчитывали 11 французов, 4 итальянцев и 1 испанца, то у жителей столицы мало было надежды, что в папы будет проведен итальянец, и они с угрозами по адресу кардиналов выкрикивали имена итальянских кардиналов. Избран был итальянец Урбан VI (1378-1389).

Урбан оказался самодуром, вызвавшим общее недовольство. Недоволен им был и французский король, которому нужен был в Риме исполнитель его воли. Недовольна была и кардинальская коллегия, привыкшая управлять папой, а не подчиняться его капризам. Коллегия давно уже сложилась в самодовлеющую бюрократию, преследовавшую свои интересы, которые она ставила выше «мимолетных и личных» интересов отдельного папы.

Опираясь на поддержку французского короля Карла V, часть кардинальской коллегии избрала папой под именем Климента VII в небольшом городе Фокли бандита Роберта Женевского (1378-1394) (*К. Маркс писал, что кардиналы „избрали папой чудовищную скотину (ungeheuerlich Viech), кардинала Роберта Женевского, который, как варвар, окрестил себя Климентом (т. е. Милостивым) VII“ (Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. 6, с. 135)*). Тем самым было создано двоепапство, продолжавшееся почти 40 лет - с 1378 по 1417 г.- и известное в истории под названием Великого раскола.

Провозглашение в Авиньоне нового папы, конкурирующего с римским папой Урбаном VI, прежде всего отразилось крайне тяжело на Папской области. Бретонские и французские солдаты, которые были направлены в Рим еще папой Григорием XI, не хотели признавать Урбана VI и именем Климента VII заняли часть города, а отдельные небольшие отряды направились в

Тоскану, чтобы силою заставить многочисленные местечки перейти на сторону Климента VII. Префект Рима, не желая иметь «под боком» повелителя и предпочитая далекого французского папу близкому римскому, превратился в какого-то независимого сатрапа, грабил население Тосканы и наполнил тюрьмы сторонниками Урбана VI. С помощью бретонских солдат он занял Витербо и принудил его подчиниться Клименту VII. В то же время подвергались опустошению ближайшие к Риму местности, так что летописец констатирует повсеместный голод: «В Витербо цена на хлеб поднялась до 74 ливров, т. е. в 5-6 раз».

Одновременно с римским префектом совершал налеты на города и деревни Папской области крупный землевладелец Гонорий Каэтани, один из наиболее рьяных инициаторов избрания в папы Роберта Женевского.

Урбан VI, сидевший в Риме, лишь наполовину покорном ему, был совершенно беспомощен и не знал, как бороться с многочисленными врагами. Прежде всего, у него не было денег. В Авиньоне к Клименту VII поступали средства от церкви Франции, Кастилии, Арагона, Неаполя и Шотландии; к Урбану же VI приток денег был ничтожен, тем более что, нуждаясь в союзниках для борьбы с Климентом VII, он не мог особенно сильно нажимать при добывании денег на оставшиеся ему верными церкви, которые ограничивались лишь посылкой денег на одни военные нужды папы.

Неудивительно, что после смерти Урбана в 1389 г. папская касса была пуста, о чем публично возвестил его преемник Бонифаций IX, когда он обратился за ссудой в 3 тыс. флоринов к сиенскому представителю банкирского дома в Лукке. Финансовый кредит папства настолько пал, что пришлось заложить оставшиеся после смерти Урбана VI драгоценности. Бонифаций IX (1389-1404) пополнял папскую кассу частыми юбилейными сборами, приносившими большой доход папству, а также усиленной продажей бенефициев и введением так называемых постоянных аннат, т. е. взиманием епископского дохода не только за первый год службы на новом месте, но и за ряд лет - «вечно».

На «нищего» Урбана VI резко нападали даже кардиналы, которые, по-видимому, собирались устранить его и избрать еще при его жизни нового папу. Однако Урбану стало известно об этом кардинальском плане, и он арестовал семь кардиналов, которых захватил с собою, когда бежал из Рима в Геную. По дороге он велел зашить в мешки пять кардиналов и выбросить в море, что и было сделано. Целыми годами Рим оставался без папы, так как ни один папа не решался появиться в «столице мира». В эти годы Рим видел опять в своих стенах, как феодальные роды (Колонна, Орсини, Савелли, Конти), попеременно захватывая власть, грабили мирное население и убивали своих соперников. Когда они терпели поражение, они, как и папа, неоднократно обращались к неаполитанскому королю за помощью. Фактически Рим в эти годы более управлялся Неаполем, чем папой. В провинциальных городах Папской области происходила ожесточенная борьба между землевладельческой аристократией и плебейской партией. Во многих местах враждебные стороны имели одинаковые шансы на победу. Это обычно приводило к переходу власти в руки пришедшего «счастливого солдата», кондотьера, который становился на какое-то время диктатором и превращал область или просто городок в свое миниатюрное государство. Иногда временный кондотьер настолько Усиливался, что основывал «династию», которая рано или поздно свержалась противниками. Повсеместная гражданская война довела Папскую область до нищеты и голода. Летописцы Кампи и Блондус говорят об опустевших местечках папского государства, об исчезновении всего крестьянского имущества в ряде опустевших местностей, о заброшенных земельных участках мелкого дворянства, о сгоревших лесах и о других «печальных следах» этих событий. В общем, Папская область в эти годы распалась на отдельные коммуны, которые получили разную форму правления: одни имели во главе «тирана», другие были как бы республиками, третьи покупали свою свободу у папы и превращались в «свободных данников» Бонифация IX. Так, маленькая Читта-ди-Кастелло за ежегодный взнос в 1 тыс. золотых флоринов сделала автономной коммуной на 10 лет. Фермо и Асколи за 2 тыс. флоринов купили городские вольности и превратились в «коммуны». Болонья, достигшая свободы путем острой борьбы, все же чувствовала себя неуверенной в своей победе и закрепила ее за 5 тыс. флоринов на срок в 25 лет. С некоторыми из городов по истечении «срока свободы» договор возобновлялся к обоюдному удовлетворению.

Во время гражданской войны ощутимо пострадало и духовенство Папской области: отдельные феодалы, городские власти, тираны и кондотьеры конфисковали у монастырей и церквей их движимое и недвижимое имущество. Особенно обильные конфискации имели место в Витербо, Тосканеле, Терни и Амелии. Некоторые монастыри были совершенно разорены; другие, наоборот, занимались спекуляцией и богатели за счет своих же «братьев по религиозной работе». Сами папы вынуждены были оплачивать «труд» кондотьеров. Для этого они, одновременно с повышением налогов, нередко конфисковали монастырские и церковные земли, не желая уменьшать своего собственного земельного фонда. Так, Бонифаций IX отдал могущественной римской семье Аннибальдески в «вечный лен» роскошный замок, принадлежавший монастырю св. Павла. Еще щедрее в этом отношении оказался Иоанн XXIII, который фактически покупал себе сторонников среди феодальной знати за счет земельного фонда как монастырей и церквей, так и тех светских лиц, в услугах которых он в данный момент не нуждался. Произошло значительное перемещение земельных владений в пределах папского государства. Появились богатые кондотьеры, зачастую авантюристы-иностранцы; усилились некоторые старые и новые роды, разрослись отдельные знатные семьи. Сильно пострадали те полугородские-полудеревенские элементы, которых было так много в XV в. в Северной Италии.

III

За папский престол боролись двое пап, проклинавших друг друга. Какой же папа является «наместником бога»? Ряд стран, связанных с Францией, группировался вокруг Климента VII (1378-1394), а англосаксонские и немецкие князья считали «своим» папой Урбана VI. Народы же должны были признавать папой того, кто им навязывался главой государства. Часть «христианского мира» считала первого папу антихристом и опаснейшим еретиком, в то время как другая половина мира точно так же относилась ко второму. Духовенство внутри каждой страны было тоже не всегда единодушно и, невзирая на распоряжения свыше, раскалывалось по вопросу об истинном папе.

Религиозный кризис, переживавшийся Западной Европой, нашел свое отражение и в литературе того времени. Петрарка в своих известных «Письмах без адреса» бичует острой сатирой развратные нравы папской столицы. Даже Генрих Лангенштейн оплакивает «наше время, когда осуществляется плач Иеремии». Ему вторит канонист Иоанн из Леньяно, доказывавший законность прав Урбана VI и «с ужасом» вспоминавший об антипапе Клименте VII. Летописец монастыря Сен-Дени ссылается на появление кометы, предсказывавшей скорое пленение одного папы в Авиньоне и изгнание другого из Рима. Джованни делла Делле впадает в полное уныние: ложно, по его мнению, утверждение, будто свет идет к обновлению, в действительности он быстрыми шагами идет к гибели. Пражский архиепископ Иоанн Иензенштейн шлет, что ни день, умоляющие письма Урбану VI, указывая ему, что кругом все рушится и все живое умирает.

Особенное впечатление производили выступления Николая из Климанжа (1363-1437), профессора Парижского университета. Широкими мазками набросал он картину разложения нравов духовенства, разврат, в котором оно погрязло. Заключительные главы известной книги Николая «О разложении церкви» гласили: «Происхождение раскола, корни схизмы и всех неурядиц - это деньги». Многие предсказывали близкую гибель мира; 1393 год почему-то особенно часто упоминается в этих произведениях. Одновременно наблюдалось развитие ересей, в первую очередь вальденской (*Вальденсы - последователи лионского купца Пьера Вальдо, который в 1176 г. основал общину «совершенных» - секту, выступавшую против папства, права духовенства на собственность, отрицавшую ряд церковных догматов и таинств. Движение вальденсов, собравшее вокруг себя в основном крестьян и ремесленников, распространилось затем в Северной Италии, Германии, Чехии, Испании; жестоко преследовалось церковью*). Юго-западная и прирейнская части Германии кишели вальденсами; немало их было в Австрии, Чехии, Силезии и даже в Пруссии. Всюду слышались призывы к расправе с ненавистными; представителями церкви. Монах-инквизитор Петр из Мюнхена едва не был арестован в 1390 г. в Пассау и спасся лишь благодаря вмешательству светской власти. Майнцская летопись под 1401 г. с грустью констатирует, что лозунгом дня стали слова: «Будем избивать попов!»

Глубокий религиозный кризис этого времени порождался социальными сдвигами, происходившими в недрах разлагавшегося феодального общества. Социальное недовольство

переплеталось с еретическим движением (*Точнее, еретические движения были одной из форм проявления этого недовольства и социального протеста*). Имущие классы, испугавшись глубокого социального брожения, задумывались над вопросом, как бороться с расколом внутри церкви. Говорили о необходимости установления единства церкви, уничтожения двоепапства.

В течение тысячелетия папы утверждали, что никто не может судить папу и что папа выше всякого судилища. Это тысячелетнее учение закрывало путь к выходу из тупика, в котором очутилась церковь. И потому из рядов умеренных еретиков раздалось требование о созыве собора, долженствовавшего положить конец двоепапству. Этому голосу внял и Парижский университет. Созыв собора стал популярным лозунгом даже среди значительной части духовенства. От еретиков он почти незаметно перешел к «искренне верующим», и даже среди приближенных Урбана VI говорилось не без сочувствия о созыве собора. Можно думать, что те пять кардиналов, которые были зашты в мешки Урбаном VI и по дороге в Геную были им брошены в море, имели отношение к сторонникам созыва собора, и папа именно потому так жестоко реагировал на «заговор» против него. Ни Урбан VI, ни французский папа Климент VII не хотели отказаться от папства. И даже смерть обоих этих пап не могла привести к избранию единого главы христианского мира. Снова Рим и Авиньон, независимо друг от друга и враждебно настроенные один к другому, провели выборы и избрали новых пап: в Риме - итальянцев Бонифация IX (1389-1404), а после него - Иннокентия VII (1404-1406) и Григория XII (1406-1415). Последнего в 1409 г. Пизанский церковный собор объявил низложенным, но Григорий сложил свои полномочия лишь в 1415 г. перед Констанцским собором. В это же время в Авиньоне вступали один за другим на папский престол французские ставленники: избранный после смерти Климента VII в 1394 г. Бенедикт XIII, которого одновременно с римским папой Григорием XII сместил Пизанский собор в 1409 г., а вторично низложил Констанцкий собор в 1417 г. Подобно прежним, новые папы отказывались сложить свой сан, жалуясь в то же время, что двоепапство уменьшает папские доходы и что половинное поступление заставляет их увеличивать тяжесть налогов.

Во многих местах Европы народные массы с возмущением говорили о соперничавших в жадности двух папах, и нередко бывали случаи отказа платить традиционные повинности. Во Франции, Кастилии и Наварре все больше и чаще настаивали на прекращении двоепапства, причем во Франции заявляли, что церковь должна носить такой же характер, какой она имеет в Англии, т. е. стать национальной церковью, и должны быть прекращены всякие платежи папам. Галликанизм и англиканизм готовы были позволить папе «пасти» паству, стричь же ее хотели сами короли, деля свои доходы с представителями национальной церкви.

Национальная церковь отвергала идею двоепапства и требовала единого папу с тем большей настойчивостью, чем меньше логики было в этом требовании, ибо национальная церковь ведь должна была бы говорить о «национальном» папе, а никак не о едином. Это противоречие находило свое разрешение в идее всеобщего собора, где «свободно» будут представлены все «национальные» церкви. Эта идея находила своих сторонников в различных кругах; за нее высказывались даже обе кардинальские коллегии - римская и авиньонская, с одной стороны, потому, что они материально страдали от раскола и вынужденного дележа доходов на две части, а с другой - потому, что видели неизбежность устранения двоепапства и предпочитали сами провести эту операцию, нежели предоставить ее выполнение светским властям. В таких условиях по инициативе значительной части кардиналов был созван собор в Пизе в 1409 г. Собор особенно горячо приветствовали Парижский и Болонский университеты.

Оба папы - Бенедикт XIII и Григорий XII - заранее проклинали тех, кто явится на собор, и еще до его открытия отрицали за ним право судить пап. Однако авторитет обоих соперничавших между собою пап был ничтожен и в Пизу съехалось свыше 600 человек.

Пизанский собор 1409 г. часто называют кардинальским, ортодоксальные католики считают его противозаконным, так как одному лишь папе принадлежит право созыва соборов. Однако еще с конца XIV в. стало крепнуть мнение, что «ниспосланный богом раскол» является назидательным уроком, свидетельствующим о том, что зло существует для того, чтобы из него извлекали пользу. Раскол должен убедить всех, что высшей церковной инстанцией является всеобщий собор: «если бы Христос и не поставил во главе церкви римского епископа, то вселенский собор мог бы его поставить», и если кардиналы избирают папу, не отвечающего

истинным интересам церкви, последняя имеет право пересмотреть решение своих эмиссаров, оказавшихся не на высоте своего положения. Обычное возражение, делавшееся против «всемогущества» соборов, сводилось к тому, что никто, помимо папы, не может их созывать, и, следовательно, попытка созыва собора кардиналами или императором является незаконной. Сторонники «соборного движения» объявляли это возражение, по сути дела, неправильным. К законам надо подходить с аристотелевской снисходительностью, говорили они, помнить, что из понятия «вселенский собор» не вытекает, что он непременно созывается папой. Аристотелевская снисходительность была подхвачена в качестве удобного выхода из тупика, и немецкий ученый Конрад Гельнгаузен, пользуясь этим аргументом, уподоблял папство чиновничеству, считая вполне возможным смещать «несправляющихся со своей обязанностью пап-чиновников». Идея эта - не в столь примитивной форме - была выражена ректором Парижского университета Жаном Жерсоном в 1404 г. в Тарасконе в присутствии папы Бенедикта XIII. «Мир - таков высший закон церкви, - заявил Жерсон, - и лучшим средством, чтобы мир мог восторжествовать, является созыв собора».

Пизанский собор начал свою деятельность низложением обоих пап и воспретил верующим им повиноваться. О реформах, однако, собор не говорил. Его деятельность ограничилась тем, что вместо обоих низложенных пап был избран новый папа Александр V (*Александр V, грек по происхождению, окончил Сорбонну, был епископом Наварры и перед избранием в папы - архиепископом миланским. Фактически он был ставленником французских властей*), давший до своего избрания клятву не распускать Пизанского собора и предоставить ему возможность приступить к «реформированию церкви в ее главе и членах».

Однако Александр V свою клятву сразу же после своего избрания нарушил и намеревался стать единственным главой церкви, устранив собор, который претендовал на роль ее высшего руководителя. Оба низложенных папы с ним совершенно не считались и продолжали оставаться на своих местах. Вместо двух пап католический мир имел теперь трех, из которых каждый претендовал на звание «наследника Христа на земле» с неограниченным правом распоряжаться небесными ключами, «вязать и решать» греховное человечество и быть единственным истолкователем воли божьей.

Смерть Александра V (1410) не положила конец троепапству, так как на место Александра был избран папой Иоанн XXIII (1410-1415), бывший неаполитанский пират Балтасаро Косса, сумевший получить звание «доктора обоих прав» (*К Маркс пишет о нем: «Папа Иоанн XXIII (циник и развратник с противоестественными похотями)...» (Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. 6, с. 215)*). Фактически он руководил Пизанским собором еще при Александре V, который делал все под его диктовку. Когда Иоанн XXIII вступил на папский престол, обнаружилось, что в душе его продолжал жить морской разбойник. Он воевал с неаполитанским королем, грабил и убивал мирное население и сделал свое имя столь ненавистным, что после него ни один папа больше не называл себя Иоанном (*В 1958 г. кардинал Ронкалли, избранный на папский престол, принял имя Иоанна XXIII. Этим подчеркивалось, что папу XV в. с тем же именем церковь не считает законным*).

Однако разбойнику на папском престоле не повезло в его борьбе с Неаполем. Он должен был бежать из Рима и искать убежища во Флоренции, где ему был оказан далеко не соответствующий его сану прием. Иоанн XXIII обратился тогда за помощью к германскому императору Сигизмунду, выразив согласие созвать новый собор, подчиниться его постановлениям и способствовать устранению троепапства.

Императора Сигизмунда толкало на путь реформы папства то брожение, которое охватило тогда значительную часть империи, особенно Чехию.

С момента открытия в 1237 г. знаменитых Куттенбергских серебряных рудников Чехия переживала экономический подъем. В ней сравнительно быстро стали разлагаться феодальные отношения. Развитие товарного хозяйства тяжело отражалось на ремесленниках, крестьянстве и мелком дворянстве и вызывало крайнее недовольство в широких кругах чешского народа. Это классовое недовольство, в котором сливались столь разнообразные элементы, приняло в XIV в. своеобразный национальный характер, направленный против немцев, которые были владельцами рудников и копей. Вместе с ними переселилось в Чехию много немцев, представителей высшего духовенства, которые непосредственно участвовали в приобретении и эксплуатации серебряных рудников в Куттенберге, Иглау, Дейчброде и т. д.

Везде и всюду разорявшееся чешское дворянство, ремесленники и крестьяне наталкивались на немцев и духовенство, в их руках сосредоточивались главные богатства страны, и они были в глазах народа виновниками его разорения. Неудивительно поэтому, что классовая вражда приобретала антинемецкий и антицерковный характер. Так как папство, в лице одновременно существовавших двух пап, поддерживало богатейших эксплуататоров духовного звания немецкого происхождения, то антицерковное настроение широких чешских кругов сливалось с антипапским движением, и Чехия резко выступала против Авиньона и Рима.

На почве этого широкого народного недовольства проповедник и профессор богословия Ян Гус (1369-1415) стал одновременно национальным чешским героем и борцом против папства, увлекавшим не только мелкое дворянство, но и ремесленников, рабочих горных округов и часть крестьянства. Иоанн XXIII, нуждаясь в деньгах, организовал в чешской столице - Праге продажу индульгенций и тем вызвал Гуса на резкое выступление против «папы, покровительствующего жадным немцам, которым он сам не уступает в жадности».

В Чехии классовые, национальные и религиозные нити сплелись в один клубок. Высылка Гуса из Праги не могла, разумеется, успокоить народное волнение, и император Сигизмунд видел в церковном соборе средство покончить с «гуситской ересью». Покончить с «ересями» ему нужно было ради «спасения общественного порядка». Помимо императора в этом были заинтересованы и другие владетельные особы. В крестьянских и ремесленных движениях и восстаниях, вспыхивавших по всей стране, все больше усиливалось возмущение «эксплуататорской церковью», которой руководят, как тогда говорили, «папы-антихристы в числе трех штук» и которую поддерживают епископы-проходимцы, назначаемые одним из этих «пап-антихристов». Низшее духовенство, эксплуатируемое «жирными кардиналами», принимало кое-где участие в народных волнениях, направленных против богачей как светского, так и духовного звания. Деморализованное папство, восстанавливая против себя даже фанатически верующих и представителей низшего духовенства, расшатывало самые основы общества, на страже которого стояла всегда церковь, обожествлявшая феодальный режим с его порядками.

Императору Сигизмунду легко было сговориться с Иоанном XXIII о необходимости положить конец той «смуте умов», которая стала опасной как для империи, так и для папства.

Предложение Сигизмунда назначить собор в немецком городе было принято Иоанном XXIII, и в декабре 1413 г. он опубликовал пригласительную буллу, в которой Констанц был указан в качестве места «всеобщего» собора, на который приглашались все прелаты, князья, владетельные особы и доктора христианства. Собор открылся 5 ноября 1414 г. Присутствовало 3 патриарха, 33 кардинала, 47 архиепископов, 145 епископов, 124 аббата, множество монахов и священников, а также князей, послов и государственных деятелей и ученых. Общее число съехавшихся обычно определяют приблизительно в 50 тыс. человек. Из трех пап присутствовал лишь Иоанн XXIII. На очереди стояли три основных вопроса: защита католической веры (борьба с ересью); восстановление единства церкви (проблема папства); преобразование церкви.

Особым декретом собор объявил себя действующим «по внушению святого духа». Иоанн XXIII стремился поставить в первую очередь вопрос о борьбе с ересями. Его поддерживали сторонники церковной старины в надежде, что осуждением Гуса и его приверженцев ограничится вся деятельность собора. Однако светские владыки и их послы настаивали на немедленном избрании нового и «единого» папы, заручившись предварительно присягой Иоанна XXIII об отречении его от папского звания, если одновременно откажутся от этого звания папы Григорий XII и Бенедикт XIII. Собор высказался в духе светских властей, и торжественно был прочитан меморандум с перечнем ужасных преступлений Иоанна XXIII. Боясь, очевидно, что собор превратится в трибунал, Иоанн XXIII, информированный шпионами о настроении большинства собора, переодетый курьером, 20 марта 1415 г. бежал в Шафгаузен. Вскоре он был арестован и заключен в тюрьму, откуда в 1418 г. был выпущен за 38 тыс. флоринов. Он формально отказался от папства и был назначен кардиналом и епископом тускуланским. После его смерти «благодарная церковь» и Медичи воздвигли ему «памятник возвышенной красоты» во Флоренции.

Бегство Иоанна XXIII придало собору больше решимости, и руководящую роль на нем стали играть доктора Сорбонны. Папа был отрешен от престола. Было проведено постановление, что собор не может быть ни распущен, ни отложен, ни перенесен в другое место и что собору должен

подняться и папа. Было решено лишить кардиналов права участия в обсуждении вопросов о единстве и реформе церкви, а также предоставить на соборе каждой нации отдельный голос, независимо от числа кардиналов. Одновременно решено было побудить оставшихся обоих пап отречься от престола и предложить кардиналам избрать нового единого главу католической церкви. Помимо кардиналов в папскую избирательную коллегию на этот раз должны были войти 30 избирателей «ч прелатов и ученых - членов собора, по 6 человек от каждой нации (немецкой, французской, английской, итальянской и испанской).

Низложение папы Бенедикта XIII Констанцким собором

Между тем папа Григорий XII, хотя и считал Констанцкий собор незаконным, прислал императору Сигизмунду заявление о своем добровольном отречении. Одновременно с этим Григорий XII назначил своих двух представителей присутствовать на соборе, созванном императором. Перед лицом этого собора папский уполномоченный Карл Малатеста объявил об уходе Григория XII. За свой добровольный отказ от тиары Григорий XII получил звание кардинала Опорто, легатство в Анконе и по рангу считался после папы первым лицом католической церкви. Другой папа, Бенедикт XIII не польстился, однако, на «констанцские дары»; на низложение собором в июле 1417 г. он ответил бегством в Испанию, откуда был родом и где нашел некоторых сторонников. Он собрал вооруженный отряд, заперся в крепости Пенискола в Валенсии и продолжал считать себя единственно «законным папой», хотя вся его паства насчитывала лишь несколько сот верующих. Его «курия» состояла из четырех кардиналов, которых он клятвенно обязал избрать после его смерти преемника ему из своей среды и не признавать других пап. Умер он почти 100 лет от роду, в 1424 г.

11 ноября 1417 г. на соборе был избран новый папа, Мартин V (ум в 1431 г.). Собор постановил лишить папу доходов с вакантных церковных должностей, а также запретить ему устанавливать налоги на церковные доходы без согласия кардиналов. У папы также было отнято право пользоваться имуществом оставшимся после смерти духовного лица, и присваивать его под предлогом, что единственным наследником духовенства является церковь, высшие интересы которого представляет исключительно папа. Собор в Констанце, во всем защищавший интересы высшего духовенства и ставший на сторону епископов против папы, запретил низложение и перемещение прелатов без согласия кардиналов и без указания курией мотивов не только низложения, но и каждого перемещения епископа с одного места на другое. Собор постановил также, чтобы новый папа Мартин V изложил свое исповедание веры и чтобы отныне папы при избрании поступали точно так же перед кардинальской коллегией.

Таким образом, Констанцкий собор нанес неограниченной власти папства сильный удар совместными усилиями кардинальской коллегии и светской власти. Этот удар был тем чувствительнее, чем серьезнее ущемлялись материальные интересы папства. Неудивительно, что избранный собором папа Мартин V относился враждебно к «поповскому парламентаризму» и стремился восстановить старый «поповский абсолютизм».

Добившись в какой-то мере разрешения кризиса руководства церковью, собор принялся за вторую поставленную перед ним задачу. Ему предстояло «уничтожить» всякие ереси. Прежде всего было осуждено учение Виклифа. После этого можно было перейти и к обвинению Гуса в

том, что он, разделяя учение Виклифа, утверждал, что папа или священник, обретающиеся в смертном грехе, не могут совершать таинства. В свое оправдание Гус заявил, что он действительно это утверждал, но с оговоркой - «достойным образом». Однако судьи отвергли эту «смягчающую оговорку» и выставили против него еще обвинение: от суда папы Гус апеллировал к Христу. Любопытно: на обвинение в том, что церковь может существовать без папы, без видимого главы, Гус ответил ссылкой на папессу Иоанну.

6 июля 1415 г. Ян Гус был сожжен. В том же Констанце приблизительно через 10 месяцев был сожжен и Иероним Пражский, друг и единомышленник Гуса.

Вопреки декрету собора о регулярных сроках созыва соборов (через 5 лет, следующий через 7 лет, а затем через каждые 10 лет), а также невзирая на собственную клятву, Мартин V не созывал нового собора и все внимание сосредоточил на изыскании новых источников, способных компенсировать былое неограниченное «право» грабить народы Западной Европы. Он начал реставрировать распавшуюся в годы французского пленения и Великого раскола Папскую область с помощью наемных кондотьеров, превративших вскоре значительную часть Италии в театр кровавых военных действий. Мартин не имел возможности, в противоположность светским князьям, закрепить завоеванную территорию за своим потомством и создать определенную династию. Ему пришлось довольствоваться династическим суррогатом - насаждением в присоединенных и приобретенных городах и областях своих родственников. Брат Мартина V Джордано Колонна стал князем Салерно, другой брат, Лоренцо, получил графства Альбу и Челано; в руки этой семьи перешли Ардеа, Марино, Неттуно, Бассанелло, Астура, Фраскати и много других замков и земель. Это предвещало неизбежные кровавые беспорядки при избрании нового папы, при смене одной «непочтительной» династии другой. Зарево междоусобицы отныне освещает каждую новую страницу истории «итальянизированного» папства.

Становясь «национальным», итальянским, папство, однако, не забывало своего вселенского, интернационального характера. Даже «отец итальянского папства» Мартин V выпустил в 1420 г. настоящую «интернациональную» буллу, обращенную ко всем христианским народам, с требованием подавить с оружием в руках последователей Виклифа, Гуса и других еретиков. Особенно он заботился об организации похода в Чехию, которая после сожжения Констанцским собором Яна Гуса и Иеронима Пражского была вся охвачена сильнейшим негодованием против папства. Гуситы настолько окрепли, что изгнали из своей страны значительное количество католиков и немцев. Мартин V видел в гуситах врагов не только церкви, но и всех устоев гражданской жизни, отвергал мысль о компромиссе с еретиками и готов был забыть турецкую опасность - «эту интернациональную болячку», лишь бы освободить «больную» Германскую империю от страшной «чешской язвы».

«Крестовый поход в Чехию, - говорит известный историк папства Людвиг Пастор, горячий поклонник Мартина V, - стал настоящей навязчивой идеей избранника Констанцкого собора. Эта идея преследовала его уже в момент избрания на папский престол». Однако, как ни велико было увлечение идеей крестового похода, Мартин V не только не хотел тратить на нее средства из огромных сумм, собранных им за 14 лет правления, но и отказывался от созыва собора, который, по мнению светских властей, легче мог бы осуществить подобный поход.

Господствующий класс Германии придавал огромное значение немедленному подавлению гуситского движения. Всем хорошо было памятно крестьянское восстание 1381 г. в Англии, в котором принимали активное участие «еретики», поставившее под угрозу господство имущих классов Англии. Когда-то, в страхе перед крестьянской революцией, английские дворяне и купцы забыли свое былое сочувствие Виклифу, осудили его учение и подвергли жестоким преследованиям тех, кого они раньше считали чуть ли не борцами за «национальное» дело.

Но если виклифизм мог привести к усилению крестьянского восстания 1381 г., то гуситское движение, в котором так сильно были представлены крестьяне, горные рабочие и ремесленники, было чревато еще более грозными последствиями. Об этом говорило уже начало борьбы. С 1419 г. пять раз собиралась «крестоносная» армия Мартина V, и каждый раз она постыдно отступала перед гуситами. Внутри гуситского движения одержали верх наиболее энергичные, последовательные и решительные элементы, известные под именем таборитов. Табориты проповедовали войну не только против немцев и папистов, но и против богачей, землевладельцев и собственников вообще. Движение таборитов носило определенные черты крестьянско-

плебейской ереси, общую характеристику которой дал Ф. Энгельс: «Хотя она и разделяла все требования бюргерской ереси относительно попов, папства и восстановления раннехристианского церковного строя, она в то же время шла неизмеримо дальше. Она требовала восстановления раннехристианского равенства в отношениях между членами религиозной общины, а также признания этого равенства в качестве нормы и для гражданских отношений. Из «равенства сынов божиих» она выводила гражданское равенство и уже тогда отчасти даже равенство имуществ. Уравнение дворянства с крестьянами, патрициев I и привилегированных горожан с плебеями, отмена барщины, оброков, налогов, привилегий и уничтожение по крайней мере наиболее кричащих имущественных различий - вот те требования, которые выдвигались с большей или меньшей определенностью как необходимые выводы из учения раннего христианства» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 362). Табориты стали осуществлять на практике некоторую общность имущества. При таких обстоятельствах чешское дворянство, ранее стоявшее в рядах гуситов, протянуло руку императору Сигизмунду. Последнему удалось собрать большую крестоносную армию, двинувшуюся, с благословения духовенства с папой во главе, против таборитов. При деревне Липаны 30 мая 1434 г. произошло решительное сражение, в котором табориты были разбиты.

За усердие, проявленное Сигизмундом в деле подавления чешской ереси, Мартин V широко открыл немецкому духовенству и феодалам ворота Рима. При папской канцелярии появилось много немцев.

IV

Хотя Мартин V обязался на Констанцском соборе созвать новый собор не позже 1423 г., он под всякими предлогами отодвигал срок созыва собора, «одно название которого его приводило в неопиcуемый ужас». Продолжение гуситских войн последние конвульсии арабов в Испании, Столетняя война - все служило поводом к отсрочке собора, и только 1 января 1431 г. Мартин назначил гуманистически настроенного кардинала Чезарини руководителем собора, который должен был состояться в Базеле. Однако до открытия собора Мартин V не дожил. В феврале 1431 г. был избран папа Евгений IV. Еще до его избрания кардиналы вырвали у него ряд уступок и торжественное обещание созвать Базельский собор. Подобно своему предшественнику, Евгений IV крайне враждебно относился к идее созыва собора. Он опасался, что собор попытается ограничить его власть. Неудача крестового похода против гуситов в 1431 г. произвела столь тягостное впечатление на «защитников святого дела», что император Сигизмунд выставил требование о немедленных реформах в «главе и членах» церкви, заявляя, что порча церкви является основной причиной катастрофы крестоносцев. Император был в этом вопросе поддержан некоторыми кардиналами, слывшими «реформаторами» и сторонниками гуманизма.

Под влиянием этих требований Евгений IV в июле 1431 г. открыл в Базеле долгожданный собор. Большинство съехавшихся состояло из поклонников «констанцских постановлений» о подчинении папы собору, о борьбе с ересью и испорченностью клира, о восстановлении мира между князьями и между народами; кроме того, прибавилось требование о заключении мира с умеренным крылом гуситов, с «чашниками», с теми элементами, которые, отвергая социальные требования таборитов, требовали введения родного языка в церковное богослужение и причащения под обоими видами (т. е. хлебом и вином) *(В католической церкви таинство причащения (евхаристия) клира производилось вином и хлебом («кровью и телом Христовым»), миряне причащали только хлебом. В этом проявлялось стремление церкви поставить духовенство в особое положение. II Ватиканский собор (1962-1965) разрешил причащать мирян и вином)*. Такого рода «опека» над папством привела в гнев Евгения IV: он отложил заседания Базельского собора на 18 месяцев и местом нового собора назначил город Болонью. Однако шаг Евгения IV привел к печальному для него результату: базельцы приняли резолюцию о недопустимости роспуска собора против воли большинства его членов даже папой и потребовали прибытия Евгения IV на собор. Так как папа не подчинился, то против него начался заочный процесс, признавший его «упорствующим».

Силу свою собор черпал в поддержке Сигизмунда, отправившегося в Рим для получения императорской короны и настаивавшего ввиду гуситской опасности на необходимости идти на мир с Базелем. Евгений IV уступил как раз в тот момент, когда гуситские войны закончились компромиссом, удовлетворившим Сигизмунда и умеренное крыло гуситов. Однако собор

продолжал настаивать на уступках со стороны Евгения IV, которого он лишил права распоряжаться епископскими и аббатскими должностями, требуя свободных выборов. Внутри Рима противники «антисоборного» папы подняли восстание, и Евгений IV бежал в Базель, где оказался, по существу, на положении обвиняемого. Собор запретил злоупотребление интердиктами, осудил приемы духовных судов, тянувшихся годами, и потребовал «решительной реформы» нравов духовенства, в особенности его верхушки. Были осуждены практика аннат, взимание денег за паллий и другие финансовые махинации Рима.

Однако большинство собора раскололось: финансовый удар по папству угрожал самому существованию его, и кардиналы Чезарини, Николай Кузанский и другие «гуманисты-прогрессисты», требовавшие подчинения папства собору, испугались его «революционных» требований, ушли с заседания, и руководство собором перешло к левому его крылу, возглавляемому арльским архиепископом Луи д'Альманом. «Левые» установили число членов кардинальской коллегии в 24 человека и лишили папу права произвольно увеличивать это число; жалование и всякие доходы кардиналов были точно определены: они должны были равняться половине всех: доходов курии. Так как турецкая опасность в это время приняла грозные размеры, то собор решил обложить «десятиной» все духовенство и вступить в переговоры с восточной церковью на предмет борьбы с турками. Эта политика базельцев побудила Евгения IV вторично распустить собор (1437) и созвать новый в Ферраре. В ответ Луи д'Альман провел постановление о временном отстранении Евгения IV и о неповиновении ему в вопросе о переезде в Феррару или в иной город. Тем не менее 8 января 1438 г. в Ферраре открылся собор, перенесенный через год во Флоренцию. Налицо оказалось два одновременно заседавших собора. Это неизбежно влекло за собою новое двоепапство: Флорентийский собор остался верен «своему» Евгению IV, а Базельский избрал папой герцога Амедея Савойского, богатейшего и пресыщенного благами жизни развратника, на старости лет жившего отшельником на берегу Женевского озера. В глазах базельцев это «отшельничество» давало ему право стать папой, и герцог Амедей превратился в папу Феликса V (1440-1449). Кроме его родного брата, ни один европейский правитель не признал его папой.

Стремясь к признанию, Феликс V предложил германскому императору свою дочь в жены с приданым в 200 тыс. дукатов при условии, что император публично признает его римским папой. Это вызвало скандал в придворных кругах империи. Эхо скандала разнеслось по «христианскому миру», убеждавшемуся в том, что вокруг папского престола идет циничный торг и что ради папской тиары не брезгают даже продажей родной дочери. Базельский собор, таким образом, не только ничего не сделал для «реформирования» церкви, но еще больше ее расшатал, а провозглашением антипапы воскресил в памяти верующих людей времена церковного раскола, столь подорвавшего убеждение средневекового человека в святости наместника бога на земле.

Светские государи сочувствовали базельской программе, подрывавшей неограниченную власть папства, но боялись двоепапства и повторения народных движений кануна Констанцского собора. «Они желали Базеля, но не Феликса», а пока вырывали у папства различные уступки, формулировавшиеся в так называемых конкордатах (*Конкордат - соглашение между Ватиканом и правительством какого-либо государства о положении католической церкви в данном государстве, ее правах и привилегиях*). Франция и Испания добились существенных прав в смысле независимости «своих» церквей от папства и заложили фундамент национально-религиозной политики, серьезно ущемлявшей материальные интересы курии. Отныне курия вынуждена была отдавать значительную долю своих поступлений местной «национальной» церкви. Критическим положением Евгения IV особенно искусно воспользовался французский король Карл VII: прагматическая санкция 1438 г., изданная в Бурже и определявшая отношение Франции к папе, признала «базельские постановления» и требовала от местных властей строгого соблюдения статей Буржской санкции.

В Германии, ввиду ее разрозненности и отсутствия сильной центральной власти, критическим положением папства воспользовались крупнейшие представители церкви. Духовные курфюрсты, по выражению летописца, стали сами скорее папами, чем епископами, и объявили себя нейтральными в отношении обоих соперничающих пап. Такую же позицию занял и новый император Альбрехт II. За ним последовал Ряд городов, и своеобразный нейтралитет в течение почти Целого года характеризовал политику духовной и светской верхушки империи. Эрфуртский, Кельнский и Иенский университеты энергично порицали «неслыханный в деле

религий нейтралитет» и настаивали на «религиозном единстве». Германия распалась на три церковные единицы: на базельскую («феликсовскую»), флорентийскую («евгениевскую») и «абсолютно-нейтральную». Эта «троичность» вызывала и издевательство, и возмущения. Эрфуртский университет заявил: «Кто не признает определенного собора и определенного папу, тот отдаляется от бога и его апостолов». Пользуясь разногласиями внутри Германии, Евгений IV стал действовать решительно и удалил курфюрстов-архиепископов Трира и Кельна. Этим он вызвал объединенный протест шести курфюрстов (в стороне остался лишь один богемский курфюрст), собравшихся на съезд во Франкфурте и потребовавших от Евгения IV следовать Констанцкому решению о верховенстве собора над папой. Император Фридрих III (1440-1493) вступил в переговоры с Евгением IV о создании «национальной» церкви в Германии, по примеру Франции, Испании и других государств, обеспечивших себя конкордатами и прагматическими санкциями. Так как Фридрих III, как типичный Габсбург, мало заботился об империи и думал лишь о своих наследственных австрийских землях, он за 221 тыс. дукатов и за право раздать 100 бенефиций и назначить шесть епископов продал интересы «немецкой нации» и заключил Венский конкордат, получив кличку «отчима» Германии и «отца» Австрии. Несмотря на протесты германских князей, Фридрих III считал, что сделал церковь Германской империи «национальной».

Так Евгений IV купил свое признание путем отказа от значительной части своих прав в пользу светской власти, причем в этом торге между светской и духовной властью обделенной оказалась империя, так как выборный император легко пожертвовал ее интересами во имя своих эгоистических расчетов.

Подобно светским правителям, стремившимся создавать национальные государства, Евгений IV италянизировал папство. Папская область должна была вознаградить папство за те материальные потери, которые оно понесло от усиления независимости других государств. Эксплуатация Папской области, к расширению которой Евгений IV стремился не в меньшей степени, чем его предшественники, приняла особенно интенсивный характер. Эта политика высасываний из страны денежных средств толкала папу на войны как внутренние, так и внешние, причем стремление уничтожить посаженных Мартином V nepотов из дома Колонна и заменить их; «родственниками» из собственного дома, связанного с богатейшими родами Венеции, привело не только к кровавой расправе с могущественной семьей Колонна, но и к мятежу в Риме, откуда Евгений IV, спасая свою жизнь, бежал во Флоренцию.

Из Флоренции он вел словесную войну с Базельским собором, осыпая его отборнейшей руганью, и, публично издеваясь над высшим церковным органом, плел интриги против своих многочисленных врагов в Италии, живя, «подобно нищему», на милостыню, отпускаемую ему Флоренцией и Венецией. Во Флоренции Евгений IV торжественно провозгласил чисто бумажную, обманную унию западной церкви с восточной и тем поднял если не свой авторитет, то свое материальное положение, что дало ему возможность начать борьбу за овладение Римом.

На эту унию Евгения IV толкали особенно энергично его благодетели - флорентийская и венецианская купеческая знать, рассчитывавшая на рост торговых связей с Византией после объединения обеих церквей.

Толчком к объединению западной и восточной церквей, к так называемой Флорентийской унии 1439 г. послужило обращение византийского императора, теснимого турками, за помощью к папе с предложением организовать крестовый поход в Малую Азию против турок. Евгений IV дал согласие, но под условием унии, означавшей на деле признание папской власти, а также догматических позиций католической церкви, в особенности папского понимания никейского символа об исхождении св. духа «и от сына» (filioque). На соборе восточное духовенство долго сопротивлялось этому истолкованию символа. Однако нуждавшийся в немедленной помощи византийский император заставил греческих священников не только согласиться с толкованием символа, даваемым Римом, но и признать главенство папства над всей церковью. «Победа» Евгения IV оказалась бесплодной: помощи Византия не получила, и в Константинополе развернулось Движение протеста против унии. Восточные патриархи на соборе в Иерусалиме в 1443 г. провозгласили отлучение всех приверженцев Флорентийской унии, и униатский патриарх Григорий Мамма был низложен с престола.

Евгений IV открыл собою эру правления десяти пап периода Ренессанса. О кричащих преступлениях этого десятка пап даже самые снисходительные католические исследователи вынуждены заявить, что на их примере подтверждает божье слово о том, что «сатане дана власть даже над самыми святыми людьми», к каким, по-видимому, эти исследователи хотели бы отнести всю плеяду пап периода Возрождения, или Ренессанса, часто называемых меценатами. На самом деле это название к ним мало подходит. Пресыщенные излишествами, грубые развратники, утонченные в своей жестокости, испытавшие на своем веку все дозволенное и недозволенное, в постоянной погоне за чем-то новым, неведомым, эти «представители бога на земле» приобщались к искусству, литературе и науке в надежде найти новую пищу для нервов.

Глава девятая

ПАПСТВО В ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ

I

Не везде развитие буржуазии шло одинаково, и не повсюду в равной степени благоприятно складывались условия борьбы новых начал со старыми. Италия в силу ряда социально-экономических причин шла в авангарде борцов за новые идеалы. Расшатавшемуся авторитету католицизма был противопоставлен авторитет древнего мира. Увлечение античным миром не могло проникнуть в толщу городского населения. Интеллигенция, мало связанная с народными массами, не находила в них ни моральной, ни материальной поддержки и искала ее у богатых бездельников, у меценатов. Таким «меценатом» и был папа Николай V (1447-1455), страстный любитель каллиграфически переписанных и изящно перепечатанных книг, человек с развинченными от пресыщения нервами. Меценатство требовало огромных средств. Николай находил их в продаже индульгенций, в устройстве в 1450 г. особенно торжественного юбилея и в использовании слабости центральной власти Германии, где за коронацию (последнее коронование германского императора римским папой) папа получил от Фридриха III право эксплуатации обширной империи, ставшей с тех пор вплоть до Реформации золотым дном для папства.

По тому же пути паразитического меценатства, требовавшего огромных средств, шли и ближайшие преемники Николая. В подыскании предлогов к введению новых налогов некоторые папы проявляли настоящую виртуозность. Излюбленным способом для этого была «турецкая опасность». Наравне с политической раздробленностью Германии она служила неисчерпаемым источником выколачивания средств из народа.

Однако угроза со стороны турок росла. В 1444 г. при Варне, а в 1448 г. на Коссовом поле они разбили армии европейских христианских государей и подошли к границам Венгрии.

Папа Николай V вынужден был предоставить верующим право не приезжать из Венгрии в Рим на юбилейный 1450 год и средства, тратившиеся на отпущение грехов, употребить в половинном размере на оборону страны против мусульман. Эта мера Николая V была, очевидно, продиктована общественным мнением Рима, где гуманисты требовали оказания помощи Византии, указывая, что с ее гибелью будет уничтожена масса античных предметов искусства и погибнут не только «схизматики», но и проживающие в Византии католики. Гуманисты указывали также, что за Константинополем жертвой нападения турок явится Рим и что в интересах Европы всемерная его защита. Против гуманистов выступали «истые» католики, точка зрения которых сводилась к тому, что с еретиками нельзя иметь никаких дел, а тем более оказывать им помощь. Николай V занял «колеблющуюся» позицию: он послал в 1452 г. гуманистически настроенного кардинала с 200 солдатами в Византию, обещав «дальнейшую помощь» императору Константину Палеологу. Но православное духовенство, в особенности монахи, увидели в этом возобновление Флорентийской унии и с лозунгом «лучше турецкий тюрбан, чем римская тиара» отклонили помощь как раз в тот момент, когда турецкое 160-тысячное войско стало осаждать Константинополь. Турки-победители признали «православного» патриарха Геннадия, олицетворявшего отказ от помощи латинян.

Взятие Константинополя в мае 1453 г. вызвало попытку Запада провозгласить крестовый поход во главе с папой против Турции; но переговоры показали, как противоречивы были интересы католического мира. Генуя, Флоренция, Милан, Рим, Неаполь и империя - каждый обусловил свою помощь одновременным выступлением соседа, и до смерти Николая V в 1455 г. фактически ничего не было сделано. Папа Каликст III (1455-1458) обратился к герцогу Бургундскому, отпустил ему и всей его армии грехи, обложил налогом доходы всех церквей (взималась десятая часть) и опубликовал буллу «In sacra», своего рода воззвание «капитана тонущего корабля». К Бургундии примкнули некоторые итальянские государства, а когда нашелся и опытный кондотьер Джакомо Пиччинино, то крестовый поход казался обеспеченным. Вскоре, однако, начались на денежной почве недоразумения: Пиччинино требовал 100 тыс. гульденов, Каликст III и некоторые государи отказались превратить Италию в платательницу кондотьера, а папа отлучил от церкви этого «разбойника, врага бога и людей»; были отлучены и все его сторонники. Поход в Константинополь расстроился. После новых попыток помочь христианскому делу была сколочена в 1456 г. небольшая армия, и три галеры с кардиналом-адмиралом Лодовико Скарампо вышли в Эгейское море спасать острова от мусульманской опасности. Хиос и Лесбос отказались от протянутой им руки; только Родос и Лемнос с надеждой взирали на Скарампо с его 5 тыс. солдат. Но надлежащая помощь могла быть оказана, если бы в крестовом походе участвовали и крупные государства. Между тем Франция только накануне закончила Столетнюю войну и запретила опубликование буллы о налоге для похода на Восток. Венеция дорожила торговлей с Турцией и не желала крестовым походом нанести удар своим торговым интересам. Не отозвались ни Флоренция, ни Генуя, несмотря на угрозы папы применить всеобщий интердикт. В Германии, по инициативе всех трех духовных курфюрстов, раздавались жалобы на то, что папа стремится наложить новое бремя на «самую бедную страну в мире». По словам жалобщиков, турецкая опасность есть лишь предлог для папы, в особенности его непотов из Каталонии, в чьи карманы текут немецкие деньги. Собравшись во Франкфурте, духовенство изложило ряд «обид немецкой нации»: папы кассируют выборы епископов; кардиналам и куриальным чиновникам даются пребенды и всякие привилегии; раздаются массовые экспектации; не только строго взимаются аннаты, но и нарушают «хронологию» - два-три года зачастую считаются «первым годом» по вступлении в должность епископа, и последнему приходится платить подряд три года. Духовенство не может поэтому согласиться на новое обложение и апеллирует к императору на требование Рима. При таких обстоятельствах Каликст III решил созвать в 1457 г. общеевропейский конгресс в Риме для обсуждения вопроса о крестовом походе. Миланский посланник Каррето 4 февраля 1458 г. писал своему герцогу: «На турецкую проблему никто еще не откликнулся и никто не приезжал в Рим». По-видимому, о ней забыл в последний год своей жизни и Каликст, чье настоящее имя было Алонсо Борха или итальянизированное Борджиа.

Среди пап этого времени большую роль сыграл писатель историк Эней Сильвио Пикколомини, принявший в качестве папы имя Пия II (1458-1464) в честь того, что античный поэт Вергилий часто употреблял слово *pius* (благочестивый) в применении к своему герою Энею. Пий II в юности писал фривольные новеллы в стиле Боккаччо. Это создало ему известность и внушило кардиналу Каприанике мысль пригласить популярного новеллиста на Базельский собор. Здесь Пикколомини показал свое остроумие и знание классических языков и был назначен главным аббревиатором (секретарем) Базельского собора. Об его нравственности свидетельствует его письмо к отцу, в котором он сообщает, что отсылает к нему своего сына, родившегося у него от англичанки, имя которой главный секретарь «ввиду множества работы успел забыть». Правда, нужно уточнить, что в то время Пикколомини не был еще духовным лицом, ибо, гласит его объяснение в письме к отцу, «я боюсь воздержания». Этот «страх» не помешал его духовной карьере. Папа Николай V (1447-1455) назначил его триестским архиепископом, а затем кардиналом. Избранный в 1458 г. папой, Пий II издал пресловутую буллу 1463 г., требовавшую от верующих «пройти мимо Энея и сосредоточиться на Пии». Сам же он «сосредоточился» на доходных статьях куриального бюджета и провозгласил ересь и оскорблением папы всякого рода апелляции к церковному собору. Он отменил каноническое запрещение взимания процентов, участвовал в торговых предприятиях и вводил разные коммерческие монополии, спекулируя квасцами и предавая при этом анафеме тех, кто покупал турецкие «святотатственные» квасцы.

Огромные богатства скопил Пий II с помощью «крестовых» налогов, торговых прибылей, ростовщических взысканий. Не удовлетворившись этим, он звал «христианский мир» к новому крестовому походу, предвкушая выгоды от этого сомнительного предприятия. Но голосу его ни один государь не внял, а Венеция даже заключила торговый договор с мусульманским владыкой Константинополя. Пий II написал письмо султану, убеждая его креститься и обещая ему титул императора. В этом предсмертном письме с трудом можно было узнать автора ряда стихотворений и непристойной комедии «Хризис».

Турецкий шантаж принял грандиозные размеры при Сиксте IV (1471-1484), причем собираемые якобы на поход деньги уходили в карманы многочисленных nepотов папы, так что современники говорили: «Реальными турками являются в настоящее время папские племянники». Сикст IV назначил кардиналами своих родственников; мошенник-непот Пьетро Риарио, став кардиналом, довел свои доходы до 250 тыс. марок. Бакалейный торговец Джироламо Риарио, не бывший до того в духовном звании, получил в качестве пота во владение Имола и Форли и стал одним из богатейших людей Италии. Джованни Риарио получил от дяди княжество Синигалью и Сору и был назначен префектом Рима. Ради «любимых племянников» вводились новые налоги, взыскивались на многие годы вперед десятины, смещались и переводились епископы с одного места на другое с получением при этом каждый раз в пользу папы и его nepотов аннат и других взысканий; пачками и коробами рассылались по всему «христианскому миру» индульгенции. Жадный, ненасытный скопидом Сикст IV соперничал в богатстве со знаменитым флорентийским банкирским домом Медичи.

Со времени Базельского собора папство убедилось, что наиболее богатые и сильные государства потеряны для него, что без собственного государства папство будет вынуждено делить награбленное добро со светской властью, причем всякое усиление светской власти означало уменьшение доли духовной власти. Так как в это время сильная центральная власть в итальянских городах-республиках принимала монархическую форму и во главе их становились «тираны», то папы решили идти той же дорогой, с помощью nepотизма (*Непотизм (от лат nepos - внук, племянник) - раздача римскими папами ради укрепления собственной власти доходных должностей, высших церковных званий земель родственникам. Особенно широко распространен был в XV-XVI вв).* Пример светских тиранов манил и наместника бога: ведь сравнительно недавно банкирский дом Медичи установил свое господство над Флоренцией и соседними землями, то же сделал Сфорца в Милане, другие в Неаполе и Венеции, - почему же папству не укрепиться в Церковной области, не подавить в ней отдельных феодалов и не превратить ее в сильное и централизованное монархическое государство? И Сикст IV стал завоевывать обширную и богатую Романью, округляя Папскую область и выделив завоеванные земли своему nepоту Джироламо Риарио в виде отдельного княжества. На пути подобного округления папских владений стояли Медичи, мечтавшие превратить Флоренцию в богатое и могущественное государство. Столкновение политических интересов «династии» Медичи и «династии» Сикста IV придало возникшему ранее денежному конфликту такую остроту, что приближенные Сикста IV заговорили о необходимости насильственным путем покончить с могущественным флорентийским домом. За устранение Медичи, по наущению Сикста IV, взялись конкурент Медичи банкир Пацци, архиепископ города Пизы Сальвиати и несколько дворян-феодалов. Эти лица решили убить Лоренцо Медичи и его брата Джулиано и создать во Флоренции режим, соответствующий их интересам.

Убийство флорентийского диктатора и его брата должно было произойти во время официального приема приехавшего во Флоренцию кардинала Сансони-Риарио. По случайной причине замысел расстроился. Тогда заговорщики решили напасть на братьев Медичи в церкви при торжественном богослужении. Был, однако, убит лишь Джулиано. Диктатор Флоренции Лоренцо Медичи укрылся в ризнице собора. Государственный переворот 27 апреля 1478 г. не удался: масса горожан не пошла за дворянами-феодалами, за спиной которых стоял папа Сикст IV. В тюрьму были заключены папские «племянники» кардинал Сансони-Риарио и князь Джироламо Риарио - правая рука и любимец Сикста IV.

По плану заговорщиков Джироламо после убийства Медичи должен был быть провозглашен диктатором Флоренции. Папа пытался было спасти Джироламо из тюрьмы и энергично протестовал против того, что ему и его ближайшим друзьям приписывают столь коварные планы, как убийство в церкви представителей республики. Сикст IV заявил, что он не думал, что под «устранением», даже насильственным, братьев Медичи нужно разумеать их «убийство».

Однако заверения папы всерьез не принимались; не помогло и наложение интердикта на Флоренцию. Венеция и Милан выступили против политики Сикста IV. Перед всем миром обнаружилось, что на строителе знаменитой сикстинской капеллы лежит кровавое пятно низкого заговорщика, не гнушавшегося никакими средствами ради достижения своих целей.

В истории Сикст IV навеки заклеил свое имя введением инквизиции в Испании. Он дожил до первых крупных сожжений еретиков в этой стране. Первое такое сожжение состоялось в феврале 1481 г. в Севилье.

Это аутодафе, являвшееся огненным апофеозом религии и святой церкви, было устроено по всем предписаниям папской буллы. Во главе процессии шел доминиканский приор Охеда, увидевший наконец осуществление своих давнишних мечтаний. В первый и в последний раз Охеда присутствовал на аутодафе. Через несколько дней он умер от чумы, унесшей в Севилье 15 тыс. человек. В том же феврале 1481 г. состоялось в Севилье второе, столь же торжественное сожжение, во время которого огню было предано три человека. Так как деятельность инквизиционного трибунала стала принимать постоянный характер, то было решено построить особое сооружение для постоянного сожжения еретиков. Сооружение это было названо кемадеро, и остатки его сохранились в Севилье по сию пору. В четырех углах этого кемадеро находились статуи пророков, сделанные на средства какого-то «великодушного» жертвователя Месы. Впоследствии, однако, оказалось, что Меса был иудействующим, и он был сожжен на том самом кемадеро, которое за несколько лет до этого он так разукрасил.

Третье аутодафе состоялось в Севилье 26 марта того же 1481 г. На этот раз в пламени погибло 17 еретиков. До 4 ноября 1481 г., т. е. в течение первых десяти месяцев функционирования инквизиционного трибунала, в Севилье было сожжено 298 человек; к пожизненному тюремному заключению приговорено 79 еретиков. Само собою разумеется, что имущество осужденных было конфисковано, и летописцы этих скорбных событий утверждают, что «под двойной тяжестью - страха чумы и инквизиционного трибунала» люди стали покидать гостеприимную Севилью. В короткое время до 8 тыс. человек переселилось в соседнюю Арасену. Но вездесущая рука инквизиции настигла беглецов и в Арасене.

Таковы были первые результаты буллы «мецената» Сикста IV. В конечном результате эта булла значительно способствовала превращению Испании в самую мрачную, невежественную страну, где еще в 20-х годах XIX в. пылали костры во имя торжества «истинной» католической веры. За три с половиной века своего существования инквизиция сожгла в Испании 36212 человек живьем, 19790 в изображении (мертвых или бежавших), а 289624 человека были приговорены к тяжким наказаниям. Итак, 345 626 еретиков стали жертвой испанской инквизиции.

Когда Сикст IV умер, в Риме начался погром. Народ громил его земляков-генуэзцев, пользовавшихся расположением папы. По городу искали генуэзцев, чтобы на них излить накопившуюся за эти полтора десятилетия злобу. Много генуэзцев было убито, и немало домов их было раз-рушено. Фаворит папы Джироламо Риарио вовремя бежал Из Рима. Его дом был до основания разрушен, даже сад, окружавший его богатый особняк, был уничтожен. По городу шли демонстрации, и во многих местах красовалась надпись: «Радуйся, Нерон, даже тебя в порочности превзошел Сикст». На цоколе мраморного фрагмента, прикрепленного к дворцу прении, появилось несколько «надгробных слов»: «Бесчестье, голод, разруху, расцвет лихоимства, кражи, грабежи - все, что только есть подлейшего на свете, перенес Рим под твоим правлением. Смерть! Как признателен тебе Рим, хотя ты слишком поздно пришла. Наконец, ты зарываешь все преступления в кровавую могилу Сикста. А, Сикст, ты нападал даже на бога, ступай теперь мутить ад. Наконец, Сикст, ты труп. Пусть все распутники и развратники, сводники, притоны и кабаки оденутся в траур» *(В 1861 г. Мари-Лафон опубликовал на французском языке сборник эпиграмм по адресу римских пап; эпиграммы эти назывались паскиндами).*

II

Не менее кровавую страницу вписал в историю ближайший преемник Сикста IV - папа Иннокентий VIII (1484-1492), невежественный и грубый развратник, мечтавший лишь о женщинах, вине и деньгах. В Риме говорили: он «настоящий папа» Рима (так как улицы столицы мира кишат его детьми и он усердно заселяет землю), «Иннокентий VIII породил восемь

мальчиков и столько же девочек», «наконец появился папа, имеющий право именоваться отцом Рима». Сам он цинично и грубо заявлял о себе, что бог не велит ему иметь детей, зато дьявол послал ему много «племянников», «непотов» - названия, под которыми нередко скрывались внебрачные дети римских пап. Впрочем, Иннокентий не скрывал своего отцовства и с большой пышностью, торжественно отпраздновал свадьбу своей дочери Теодорины, положив тем начало официальному признанию потомства у римского папы. Теодорина открыто принимала участие в делах курии и нередко своим вмешательством определяла то или иное решение важнейших вопросов. Она вышла замуж за неаполитанского короля, чтобы положить конец старой борьбе между Неаполем и Римом. Точно так же, при заключении мира с флорентийским Медичи, папа женил своего сына Франческетто на дочери Лоренцо Медичи и одному из представителей этого дома преподнес кардинальскую шляпу, хотя ему было всего 13 лет от роду (будущий папа Лев X).

В историю, однако, Иннокентий VIII вошел прежде всего как автор чудовищной буллы от 5 декабря 1484 г. - буллы о ведьмах, известной под названием «*Summis desiderantes*» (по первым словам ее - «С величайшим рвением»).

Поводом к изданию буллы, по-видимому, послужили жалобы двух инквизиторов - Инститориса и Шпренгера (*Немецкие инквизиторы Яков Шпренгер и Генрих Инститорис - авторы изуверского труда «Молот ведьм» (1487 г.), служившего в качестве инструкции для инквизиционных судилищ*) на сопротивление, оказываемое их инквизиторской деятельности в разных местах Германской империи. Оба эти инквизитора с благословения Рима заявляли, что не верить в существование ведьм является величайшей ересью, и папа решил дать им в руки оружие, устраняющее всякий протест, всякое сопротивление энергичной расправе инквизиции. Отныне никто не мог более оспаривать у Инститориса и Шпренгера право преследовать самым жестоким образом «еретиков», в первую очередь «колдунов» и в особенности «ведьм». Грубое и циничное издевательство римской курии, кардиналов, значительной части духовенства над религиозными и моральными традициями различных слоев населения, в особенности женского, вызвало огромное брожение в обществе, и без того переживавшем крупные социальные и связанные с этим идейные сдвиги. Изгоняемая через дверь, старая религия дала возможность войти через окно еще более грубой и отсталой формы веры: вера в ведовство проникла в толщу народа и захватила даже часть передовых элементов тогдашнего общества. Принимая широкие размеры, эта вера побуждала тех, которые являлись мнимыми жертвами злых колдуний и ведьм, требовать от церковных и даже светских властей строжайших мер против этого «исчадия ада» и «сыновей сатаны». Папа Иннокентий VIII сумел использовать это общественное настроение и воздвиг себе памятник самого страшного человеческого изуверства и мрачайшего фанатизма.

Основные положения буллы 1484 г. изложены в следующих строках: «С величайшим рвением, как того требуют обязанности верховного пастыря, стремимся мы к тому, чтобы росла католическая вера и были искоренены злодеяния еретиков. Поэтому настойчиво и снова предписываем мы то, что должно осуществить эти наши стремления... С великой скорбью осведомились мы, что в некоторых частях Германии, особенно в областях Майнца, Кельна, Трира, Зальцбурга и Бремена, весьма многие особы как мужского, так и женского пола, не заботясь о собственном спасении, отвернулись от католической веры, имеют греховные половые связи с демонами, принимающими облик мужчин или женщин, и своими колдовскими действиями, песнями, заклинаниями и другими внушающими ужас и отвращение волшебными средствами наводят порчу, губят рождаемое женщинами, приплод животных, плоды земли, виноградники и плодовые сады, а также мужчин, домашних и других животных, виноградные лозы, Фруктовые деревья, луга, посевы и урожаи: они мучат мужчин, женщин и внутренними болезнями препятствуют мужчинам оплодотворять, а женщинам рожать, даже отнимают у мужчин силу исполнять супружеские обязанности и мешают в исполнении брачного долга женщинам» (*Bullarium diplomatum et privilegiorum sanctorum romanorum pontificum. Augustae Taurinorum, 1860, t. 5., p. 296-297*).

Так с высоты папского престола раздался призыв к уничтожению ведовской, дьявольской ереси, и Европа запылала в огне.

Количество жертв не поддается даже приблизительному определению. В епархии Комо в XVI в. ежегодно сжигалось более сотни женщин. В Трирской области за семь лет было сожжено 380 человек. В Брауншвейге в последние 10 лет XVI в. сжигалось в иные дни по 10-12 человек, и из-за множества столбов, к которым привязывались еретики, площадь казней походила на лес. В

маленьком Эльвангене в 1612 г. сожгли 167 ведьм; в столь же небольшом Вестерштеттене за три года было сожжено 300 человек. В маленьком Эйхштетте в 1666 г. был подвергнут пытке раскаленными щипцами и затем заживо сожжен 70-летний старик, обвинявшийся в том, что вызывал бури, летал на облаках, 40 лет служил дьяволу и обесчестил святые дары.

В Цукмантеле на постоянной службе у трибунала находилось не менее восьми палачей. Здесь в 1639 г. было предано огню 242 человека; через несколько лет было сожжено еще 102 человека, среди которых было двое детей, признанных детьми дьявола. В Берне в 1590-1600 гг. сжигалось ежегодно в среднем по 30 ведьм. В Эльзасе в 1620 г. было сожжено 800 человек, и всем казалось, говорит летописец, что, «чем больше будут сжигать людей, тем больше будет ведьм: они появлялись словно из пепла». В княжестве Нейссе с 1640 по 1651 г. было осуждено около 1 тыс. ведьм; для более быстрого исполнения приговора их просто сталкивали в специально выстроенную для этой цели печь. В 1609 г. в Латуре было сожжено 600 человек. В 1659 г. в Люцерне были сожжены семилетняя и четырехлетняя «ведьмы». В Ландсгуте еще в 1756 г. была сожжена 14-летняя девочка за «сожителство с дьяволом» и за то, что она «зачаровывала людей и делала погоду».

В двух деревнях Трирского округа остались всего две женщины, остальные были сожжены. Чиновники доносили начальству: «Скоро здесь некого будет любить; некому будет рожать: все женщины сожжены». Французский судья Бог (Bogus), специалист по сжиганию оборотней, написал «ученый труд» о ликантропии (вере в оборотней). Иннокентий VIII занимает, вероятно, одно из первых мест во всемирной истории по числу загубленных им людей - невинных жертв инквизиции.

III

Своеобразной фигурой на папском престоле был и Александр VI (1492-1503), преемник Иннокентия VIII. При первом голосовании кандидатов в папы он получил всего 7 голосов из 23. Несмотря на столь малое количество голосов, поданных за Александра VI, современники - иностранные посланники в Риме - утверждали, что кардинал Родриго Борджиа (так звали будущего папу Александра VI) имеет много шансов пройти при следующем голосовании, так как он очень богат и готов вознаградить весьма щедро тех, которые подадут за него свои голоса.

И действительно, кардиналу Сфорца он обещал дать вице-канцлерство, роскошный замок, принадлежавший лично Александру VI, укрепленную местность Непи, епископство Эрлау с ежегодным доходом в 10 тыс. дукатов и несколько бенефициев. За эти подношения Сфорца, который сам был кандидатом в папы, не только отказался от своей кандидатуры, но и стал горячим приверженцем Александра VI. Другому влиятельному кардиналу - Орсини были обещаны города Монтичелли и Сориано, легатство в Германии и епископство Картагена. Кардиналу Колонне обещано было аббатство Субиакко с окрестными поселениями. Такие же доходные места были обещаны и некоторым другим членам конклава. Так кандидат в папы купил 14 голосов; его избрание было обеспечено. Он прошел единогласно, хотя при первом туре получил меньше одной трети голосов.

Избрание обошлось Александру VI в несколько десятков тысяч дукатов. Лишь пять кардиналов отказались продать свои голоса, заявив, что при избрании папы подача голосов должна происходить согласно велению совести, а не под влиянием взятки. Особенной жадностью и, по-видимому, недоверием к обещаниям отличался кардинал Асканичо, во Дворец которого в день выборов были отправлены драгоценности на четырех лошадях. Александр подкупал не только голосовавших членов конклава, но и население Рима, боясь враждебных манифестаций с его стороны.

Папы еще с XII в. в момент своего избрания покупали у римлян верноподданнические чувства за наличный расчет.

Так герцог фон Рейхерсберг говорит, что в его время папа платил 11 тыс. талантов за верноподданничество римских жителей. Характерно, что императору в это время Северная Италия давала 30 тыс. талантов, т. е. папа тратил на подкуп Рима сумму, которая была выше трети императорских доходов от Италии. Отказ папы Луция III внести римлянам «избирательный подарок» привел его к вынужденному отъезду из Рима на долгие годы.

Кроме подкупа народной массы папы приобретали за деньги и расположение к себе городских властей, судей и других чиновников. Выборы, таким образом, обходились каждому новому папе в очень значительную сумму. Этим отчасти объясняется, почему папы с самого начала своего правления вступали в тесные сношения с римскими, сиенскими и флорентийскими ростовщиками. По существу, «делали» выборы обычно ростовщики, и конклав был лишь ширмой, за которой происходил ожесточенный торг между кандидатами в папы и ростовщиком.

Александр VI вошел в историю как чудовище разврата (*Маркс отмечает, что, еще будучи кардиналом, «он приобрел печальную известность благодаря своим многочисленным сыновьям и дочерям, а также подлостям и гнусностям этого своего потомства» (Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. 7, с. 68-69)*). С середины 60-х годов XV в. Родриго Борджиа находился в сожительстве с Ваноццей Катанеи, которая трижды выходила замуж. От нее кардинал Родриго Борджиа имел четырех детей: Чезаре, Джованни, Жофре и Лукрецию. Кроме того, от другой женщины у него были сын Педро Луис и дочь Иеронима. Кардинальскую шляпу и должность вице-канцлера папского двора кардинал Родриго Борджиа получил от своего дяди, папы Каликста III. Благодаря ему же он стал обладателем ряда епископств, аббатств и бенефициев. В одной только Испании он имел 16 весьма доходных мест, так что будущий папа Александр VI считался самым богатым кардиналом в Западной Европе. Несмотря на то что ему, католическому духовному лицу, полагалось жить в безбрачии и воздержании, он не только обзавелся многочисленной семьей, но и сумел заставить римскую курию дать его сыну Чезаре разные духовные титулы, хотя сын кардинала, живший с чужой женой, не мог по каноническим правилам быть допущенным к званию священника. В семилетнем возрасте Чезаре уже был протонотарием и имел бенефиции в нескольких испанских городах, а затем получил даже епископство Памплону (в Испании).

Все это совершалось настолько открыто, что папа Пий II в свое время вынужден был сделать кардиналу и вице-канцлеру Борджиа строгое внушение. Но это мало повлияло на него, и в 1492 г. он добрался до папского престола. Его избрание было отмечено многочисленными богослужениями и вознесениями благодарности всевышнему за столь счастливое событие. Нового папу помимо церкви воспевала и светская литература, говорившая, что «Цезарь некогда сделал Рим великим, величайшим же ныне его делает Александр VI, ибо первый был - человек, а второй - бог».

Первым мероприятием этого «бога» было дарование своему сыну Чезаре Борджиа епископства Валенсии (в Испании) с ежегодным доходом в 16 тыс. дукатов. Это было после Памплоны второе епископство, полученное Чезаре Борджиа. В тот же день Александр VI назначил своего племянника Джованни кардиналом св. Сусанны. Это назначение привлекло в Рим множество близких и дальних родственников нового папы, у которого они нарасхват стали получать выгодные места. «Даже десять пап, - писал в ноябре 1492 г. посланник Ж. Бокаччо, - не могли бы удовлетворить аппетитов этой голодной своры». Однако чего не могли бы сделать 10 пап, сделал один Александр VI, распределив множество доходных должностей католического мира среди племянников, племянниц и иных родственников и не родственников.

Особенно много разговоров вызвало празднование свадьбы дочери Александра VI, красавицы Лукреции Борджиа, с графом Джованни Сфорцей. Лукреция еще до избрания Александра папой была помолвлена с испанским графом Гаспаре де Просида. Но жених оказался недостаточно богатым для дочери римского папы (он был «достаточно» богат лишь для дочери кардинала), и Александр VI настоял на разрыве с Гаспаре и на выходе Лукреции за могущественного Джованни Сфорца. Подобно своему предшественнику Иннокентию VIII, Александр VI официально признавал свое потомство и торжественно отпраздновал свадьбу Лукреции. За трапезой рядом с «молодыми» сидели папа Александр VI, 11 кардиналов, любовница папы Юлия Фарнезе, дочь Иннокентия VIII Теодорина и т. д. Рядом с каждым кардиналом сидела его любовница. «И многое другое рассказывают, о чем я здесь не пишу, - пишет близкий к курии Стефано Инфессура, - потому что это, может быть, неправда, а если и правда, то трудно этому поверить» (*Инфессура С., Бурхард И. Дневники. Документы по истории папства XV-XVI вв. М., 1939, с. 139*).

Александр VI совершил и «подвиги» чисто государственного деятеля. Так, воспользовавшись тем, что брат турецкого султана Баязида, принц Джем, находился в плену у французского короля, Александр VI отправил в Константинополь генуэзца Джордже Боччардо с поручением передать султану, что ему необходимо бороться против французского: короля Карла VIII, который собирается завоевать Неаполь и провозгласить принца Джема турецким султаном, чтобы вместе с

ним отправиться в Турцию и воевать с Баязидом. Сам же Александр вступил в переговоры с Карлом VIII и «откупил» у него пленника принца, на содержание которого получал от Баязида в год 40 тыс. дукатов. После этого посланник Джордже Боччардо добился, что Баязид выразил готовность за «устранение» принца Джема дать папе 300 тыс. дукатов. По-видимому, Баязид хорошо оценил характер Александра VI: как только решена была «принципиальная» сторона сделки, к ней была прибавлена оговорка. Требовалось не простое устранение принца Джема, в особенности не одно лишь словесное заверение о действительном устранении Джема, а нужен был труп принца. Лишь после предъявления такого «вещественного доказательства» обуславливалась выдача 300 тыс. дукатов.

Эти переговоры с Баязидом не помешали, однако, Александру VI «готовиться» к крестовому походу против Турции. Папа обязался давать ежегодно 40 тыс. дукатов на дело истребления турок и уже назначил начальником флота в 13 галер с 2,5 тыс. моряков епископа Джакопо да Пезаро. Но острые противоречия между европейскими правительствами, призывавшимися к совместному крестовому походу, и глубокое недоверие их к Александру VI подорвали предприятие и принудили епископа-адмирала снять крестоносное знамя с изображением Александра с единственного завоеванного острова - маленькой Санта-Маура из группы Ионических островов. Впрочем, приготовления к походу ограничились введением налога на евреев в размере двадцатой части их доходов и попыткой обложить налогом всех кардиналов в размере десятой части их доходов.

Общая сумма «крестовых» поступлений с кардиналов была определена в 45 376 дукатов, а следовательно, доход всех кардиналов к 1500 г. равнялся, по данным курии, разумеется уменьшавшей общую сумму, 453 760 дукатам, причем должны были дать: Караффа - 1000 дукатов, Ровере - 2000, Бассо - 1100, Сансеверино - 1300 дукатов и т. д.

Александр VI продолжал политику своих непосредственных предшественников и стремился превратить Папскую область в централизованное большое государство, во главе которого должен был стать его сын Чезаре Борджиа. Все, чем владела семья Риарио по милости Сикста IV, т. е. Имола, Форли, Сора, Синигалья и ряд мелких земель, должно было перейти к Чезаре. Чувствуя недостаточность своих сил, Чезаре вступил в союз с сильным домом Орсини. С его помощью он захватил Пезаро, Римини и Фаэнцу. Создав себе этим путем материальную базу, Чезаре Борджиа стал действовать самостоятельно, вероломным путем вовлек своего союзника в ловушку и казнил ряд деятелей дома Орсини и Колонна. Не были пощажены ни зять папы, обширные неаполитанские владения которого сулили богатые перспективы будущему тирану большого государства, ни родной сын Александра VI Хуан, которого «папа-отец» прочил раньше в основатели династии Борджиа и которому вместе с герцогским титулом подарил герцогство Беневент и города Террачину и Понтекорво вместе с Черрано.

Ради установления единовластия Чезаре с разными союзниками заключались, а затем и порывались отношения с такой легкостью, что правление Александра VI представляло собою непрерывную смену всяких лиг и коалиций: папа шел то с Неаполем против Франции, то с Францией против Неаполя, то с Испанией, то с империей, то с Португалией, то с отдельными итальянскими республиками. Всех Александр и его сын Чезаре одинаково обманывали и предавали. Казалось, что в Центральной Италии может возникнуть крупное государство с Чезаре Борджиа в качестве правителя.

Однако народные массы, измученные бесконечными войнами, протестовали против кровавых попыток превратить римскую церковь в светское государство, олицетворяемое Александром VI и его семьей.

Политика папства, руководимого Чезаре Борджиа, была тем опаснее, что сильные соседние государства в этот момент стремились к захвату богатейших частей Италии и угрожали самому существованию ее. Так, в 1494 г. французский король Карл VIII на короткое время завоевал Северную и Центральную Италию и без труда овладел Неаполем.

Народные массы Италии тяжело переживали эти трагические годы, когда в один клубок сплелись внутренние междоусобицы и войны с внешним врагом, когда даже нельзя было точно установить, кто внутренний враг и кто внешний. Удивительно поэтому, что в ряде городов началось народное движение. Особенно больших размеров оно достигло во Флоренции. Ее тиран Пьеро II Медичи вынужден был бежать и в городе была восстановлена республика. После бегства

флорентийского правителя в городе большую роль стал играть суровый обличитель богатств и пламенный проповедник доминиканский монах Джироламо Савонарола, которого «грехи Италии делали пророком». В своих проповедях он клеймил духовенство, заявляя, что ныне-де священники ушли от бога дальше, чем язычники, что римляне хуже турок, что с Римом следует бороться так, как мученики борются против тиранов, и что те, кто называют его, Джироламо Савонаролу, непокорным и непутевым сыном церкви, клеветают на него. Савонарола понимал, что он беспомощен в своей борьбе против римской курии, и требовал созыва собора для оздоровления «Вавилона», как он называл Рим. По его мнению, инициативу созыва собора должен был взять на себя французский король, самый сильный в то время монарх Европы, и Савонарола, в проповедях которого сплетались политический и религиозный моменты, стал сторонником Франции. Когда французский король вступил во Флоренцию, Савонарола стал фактическим правителем города и установил в нем демократические, с сильным фанатическо-религиозным оттенком, учреждения. Это напугало денежную аристократию и приверженцев изгнанных Медичи. Они организовали партию «бешеных», издевавшихся над проповедями «пророка», бичевавшего роскошь, требовавшего строгого соблюдения постов, посещения церкви, чтения Библии «вместо Горация, Цицерона и Virгилия» и распевания псалмов вместо звучных сонетов и стансов. В широких массах народа Савонарола пользовался большой популярностью, и его приверженцы получили прозвище «плакс» ввиду того, что в своих заунывных песнопениях они как бы «оплакивали» исчезнувшие добродетельные времена.

Так как «пророк» выставил образцами «дьявольщины» папу, кардиналов, плутократов, монахов и других подобных им паразитов, против него началась жесточайшая кампания, руководимая папой Александром VI вкупе с денежной аристократией Флоренции. Савонарола был объявлен еретиком, действующим в согласии с турецким султаном. От него отвернулись многие торговцы из числа средних, а отчасти и мелких, и положение его сильно пошатнулось. Между тем папа угрожал наложить интердикт на Флоренцию, отказав ей в обложении духовенства специальным налогом в пользу города, и собирался отлучить от церкви всех, кто будет слушать проповеди Савонаролы. В ответ на это Савонарола написал «Письмо к государям», в котором он убеждал их немедленно созвать вселенский собор для низложения Александра VI. Письмо было перехвачено папой, и во Флоренции партия «бешеных» подняла панику, утверждая, что гнев божий разразится грозой над грешной республикой. Савонароле была подстроена ловушка: он должен был броситься в костер. Если огонь не сожжет его, то этим якобы будет засвидетельствовано, что бог гласит его устами; в противном случае он должен быть признан ложным пророком, обманщиком и еретиком. В последний момент, когда костры были уже зажжены, Савонарола и его преданнейший друг Буанвичини отказались подвергнуться «суду божьему». Подстрекаемая заговорщиками, наэлектризованная невежественная толпа, полная предрассудков и дрожащая при мысли об интердикте и гневе аристократии, набросилась на Савонаролу и потребовала его ареста. Папа снарядил следственную комиссию, которая подвергла Савонаролу пыткам, приписала ему подложные документы, извращала его слова, вырвала у него признание, что его пророчества - ложь и обман, и приговорила его и монахов Доменико и Сильвестра к повешению, а потом и к сожжению. По легенде, прах сожженного Савонаролы был брошен в реку Арно, чтобы не дать возможности его приверженцам использовать его для поклонения. После смерти Александра VI Перуджия, Болонья и ряд других городов свергли иго Чезаре. Изгнанные и преследовавшиеся папством роды Орсини, Колонна, Вителли, Малатеста и другие поспешили вернуться в свои владения. Чезаре угрожала опасность стать безземельным герцогом, а Папской области превратиться в номинальную, существующую лишь на бумаге область, тем более что Венеция использовала смерть Александра и стала быстро захватывать в Романье один город за другим, намереваясь создать прочное государство на Апеннинском полуострове.

IV

Богатая Италия манила к себе феодалов и государей Европы. На юге Италии шла борьба между Испанией и Францией. В центре Италии не прекращались столкновения между торговой и земельной аристократией, а к северной части страны были прикованы жадные взоры Франции и

Германии. Этот узел противоречивых интересов облегчал задачу папы Юлия II (1503-1513), дипломата и воина, мечтавшего о сильном и независимом папском государстве и ни перед чем не останавливавшегося для осуществления своей мечты. Его идеалом была не столько «богиня любви» Венера, которой так увлекался Александр VI, сколько «бог войны» Марс. Современники говорили, что Юлий, опоясав себя мечом и шпагой, бросил в Тибр первосвященнические ключи от неба и гневно воскликнул: «Пусть меч нас защитит, раз ключи св. Петра оказываются бессильными!» Папство этого времени вело политику «округления» и «расширения» своего государства путем искоренения феодального сепаратизма с одновременным усилением в нем централизации. Выборный характер папства мешал созданию в Папской области обычного абсолютизма и выдвигал своеобразную форму коллегиального абсолютизма в виде коллегии кардиналов, которая в курии, по существу, решала все вопросы и стремилась к полновластию в папском государстве. Между кардинальской коллегией и отдельными папами, имевшими те же интересы, что и куриальные кардиналы, происходили на почве соперничества столкновения, дававшие победу то одной, то другой стороне. Сильному человеку, как Юлий II, удалось навязать свою волю кардинальской бюрократии, тем более что Юлий не останавливался и перед насилием для достижения своих целей.

Папа Юлий II (1503—1513). В достижении своих целей он не останавливался ни перед чем (Фреска Рафаэля в Ватиканском музее)

«Мечу» своему Юлий II был обязан тем, что от союза с Венецией отпал ряд городов Романьи; к папскому государству были присоединены даже Парма, Пьяченца и Реджио. Макиавелли (*Никколо Макиавелли (1469-1527) - итальянский политический мыслитель, писатель. Считал главной причиной бедствий Италии ее политическую раздробленность, преодолеть которую способна лишь сильная государственная власть, которая для достижения своих целей может использовать любые средства*) не без чувства гордости относил к своим последователям того, благодаря кому Папская область, как он говорит, «внушает ныне к себе уважение даже со стороны французского короля, хотя еще так недавно самый захолустный барон глядел на это государство с презрением и отхватывал от него жирные куски».

Правда, Юлий II при защите Папской области прибегал к помощи иностранных войск и лишь благодаря помощи французов нанес крупное поражение при Аньяделло (близ Ходи) Венеции. В дальнейшем мысли Юлия II были направлены уже на то, чтобы не допустить чрезмерного усиления Франции, не зависеть от нее на севере Италии и в то же время чувствовать себя свободным на юге от все усиливавшейся Испании. Желая сохранить полную самостоятельность, как на севере, так и на юге, Юлий II заключил сравнительно мягкий мир с Венецией, щадя ее для антифранцузских комбинаций. Одновременно он округлял Папскую область за счет отдельных городов, находившихся в центральной части Италии. Он вступил в тайный заговор с Швейцарией, острие которого было направлено преимущественно против Франции. В силу этого соглашения швейцарские кантоны доставляли папе 6 тыс. солдат, причем Юлий II платил за каждого солдата 6 франков, а за каждого офицера 12, обязавшись вносить ежегодно 1 тыс. флоринов швейцарскому правительству. Тем самым была собрана крупная военная сила, поступившая в распоряжение папы.

Создалась сложная политическая ситуация, при которой на стороне Юлия II оказались Испания, Швейцария, Англия, Венеция и ряд небольших итальянских государств. Эта коалиция была направлена против Франции и империи.

Однако политика папы вызывала недовольство некоторых мелких итальянских тиранов, боявшихся потерять независимость и попасть под иго папы, не говоря уже о Франции, возмущенной «изменой» Юлия II после победы над Венецией при Аньяделло. Орудием борьбы с воинственной папской политикой должен был стать собор, созванный в 1510 г. в Туре. На этом соборе предполагалось сформулировать, по примеру Англии, права и привилегии национальной французской церкви и противопоставить «галликанскую свободу» папистскому, римскому угнетению церкви. Собор должен был обсудить вопрос, может ли папа объявить войну какому-либо королю, который «не является папским подданным», и должен ли в таком случае монарх повиноваться папским требованиям. Был поднят вопрос, может ли папа заниматься широкой дипломатической деятельностью, выходящей далеко за пределы папского государства, и может ли он заключать мир и объявлять войну.

Так как наперед было хорошо известно, что собор в Туре одобрит все, что ему будет продиктовано французским королем, идея созыва собора, естественно, встретила крайне враждебное отношение со стороны Юлия II. Несмотря на сопротивление папы, собор состоялся и принял решение, что папа не имеет права объявлять войну, что монарх не повинует папе в деле войны и имеет право заключать любые союзы для борьбы с воинствующим папой; на время войны монарх не признает епископских и всяких иных назначений, исходящих от папы, а также никаких приказов, денежных взысканий от имени папы и т. д. Единственной уступкой, сделанной папе, было решение отправить в Рим представителей с ходатайством о созыве вселенского собора, который, по мнению французского духовенства, должен был санкционировать постановления собора в Туре.

К политике Франции присоединился германский император Максимилиан, недовольный тем, что папа заключил мир, а впоследствии даже союз с Венецией и не заставил ее отказаться от некоторых владений, захваченных ею у Германии. Максимилиан протестовал также против того, что огромные денежные суммы, вывозившиеся из Германии в Рим, употреблялись на военные предприятия, направленные зачастую против империи. В этом отношении император встречал широкую поддержку внутри самой Германии.

Недовольство папской политикой вылилось в империи в требование создать для Германии постоянно функционирующее папское легатство с немецким кардиналом во главе. Этому немецкому кардиналу должны быть предоставлены широкие полномочия, и лишь к нему должны были обращаться с жалобами и «слезными мольбами» представители «немецкой нации». Он один только, без предварительного согласия с Римом, мог выносить решения, которые должны были иметь безапелляционный характер. Такое требование, опиравшееся на «народную волю», было почти равносильно стремлению создать самостоятельную, «национальную» церковь в Германии, наподобие англиканской и галликанской церквей в Англии и Франции. Вся изворотливость папы имела для папского государства отрицательные последствия. На юге Италии, до самых границ Папской области, чрезвычайно выросло влияние Испании, и папству пришлось столкнуться с новой державой, стремившейся к расширению в Италии сферы своего влияния.

Этот наиболее воинствующий из римских первосвященников был и самым выдающимся «меценатом» эпохи Возрождения. При нем Браманте начал воздвигать знаменитый собор св. Петра, строившийся 160 лет на протяжении правления 22 пап, а Рафаэль расписывал потолок Сикстинской капеллы и несколько залов Ватиканского дворца («Станцы Рафаэля»). Знаменитая статуя Микеланджело «Моисей» должна была прославить и обессмертить самого Юлия II.

Этот папа, так умело пользовавшийся человеческими слабостями, весь во власти светских интересов, ловко использовал политические и экономические противоречия между государствами, боровшимися между собой из-за обладания Италией. Подобно другим «наместникам бога», этот «воин-меценат» настаивал на необходимости энергичной деятельности инквизиторов в Туре, Неаполе и Беневенте и напоминал инквизиторам Шпренгеру и Инститорису, авторам позорнейшего сочинения «Молот ведьм», что всякий, оказывавший им помощь в деле раскрытия и разоблачения колдунов и ведьм, получит от папы индульгенцию и будет пользоваться вольностями и привилегиями «истинного борца за великое богоугодное дело».

Результат такого поощрения папой диких доносов сказался в тревожном заявлении Сильвестра Маццолини, что «ведьмы» стали столь быстро «распространяться» по всей Италии, что, казалось, их число превзойдет вскоре число верных католиков.

Грубейший религиозный фанатизм, усиленно поддерживаемый папой, проявился в спорах о непорочном зачатии св. девы. Когда какой-то каноник в Мантуе заявил, что Христос был зачат не в утробе, а в сердце Марии и зарожден из трех чистых капель ее крови, Юлий увидел в этом «опасную ересь», предписал самым суровым образом преследовать отступников от чистой веры и в 1511 г. утвердил монашеский орден непорочного зачатия, задачей которого было положить с помощью инквизиции конец колебаниям в вопросе о непорочном зачатии. Юлий II организовал преследования чешских еретиков, молил о ниспослании на них гнева божьего, прокламировал крестовые походы против них и против турок и не оставлял в покое испанских маранов, т. е. евреев, принявших в Испании католическую веру во избежание преследований со стороны инквизиции. В специальной булле на имя генерального инквизитора Десы Юлий II приказывал «ни в коем случае» не щадить евреев, называющих себя христианами, не жалеть никаких средств, чтобы с корнем вырвать еретическую заразу, не допускать распространения «чумы» по стране и разыскивать всех участников оскорблений инквизиции.

С целью изыскания новых денежных источников для покрытия огромных расходов, которых требовала его политика создания сильного государства, Юлий II организовал коллегию писцов-архивистов из 101 человека, которые уплатили за свое назначение 70 тыс. дукатов; вскоре к этой коллегии он прибавил другую из 141 человека, которые занимались наблюдением над отдельными статьями денежных поступлений; назначение этих должностных лиц дало папе еще 91 тыс. дукатов *(По вычислениям венецианского посланника в Риме, ординарные поступления в папскую казну в 1510 г. были равны 200 тыс. дукатов, а чрезвычайные - 150 тыс., т. е. в общем папа в 1510 г. получил 350 тыс. дукатов - доход, по словам католического историка, не выходивший за пределы обычной суммы папских поступлений. После Юлия II осталась огромная сумма денег и масса драгоценностей (их сравнивают обычно с тем, что осталось после папы Иоанна XXII)).* Юлий усердно занимался продажей индульгенций и проведением разного рода юбилеев, дававших огромный доход как местному духовенству, так и папской курии.

Юлий II не был творцом идеи массовой продажи должностей. Эту идею еще до него стал осуществлять папа Сикст IV. Под давлением необходимости платить проценты банкирскому дому Медичи Сикст IV одним росчерком пера создал коллегию из 72 аббревиаторов (специалистов по оформлению папских бумаг), причем за место аббревиатора уплачивалось 533,5 дуката. Это дало Сиксту IV сразу 38 400 дукатов, впрочем, 8 тыс. он уступил своему вице-канцлеру Родриго Борджиа (впоследствии папа Александр VI), которому дано было право на 21 место для аббревиаторов.

В видах более легкой продажи куриальных должностей была введена плата за службу. При этом был расчет и на то, что многие из покупателей в более или менее близком времени умрут, а так как служба не передавалась по наследству, то внесенная вначале сумма оставалась у папы и не расходовалась в виде уплаты жалованья.

После Сикста IV продажа должностей в курии еще больше усилилась, и Иннокентий VIII оказался на этот счет очень изобретательным папой. Он, впрочем, не скрывал, что целью создания им различных должностей являлось стремление облегчить будто бы тяжелое положение финансов

курии, о чем он оповестил весь мир в 1487 г. специальной буллой. Он заложил тиару за 100 тыс. дукатов, и новые 24 секретарские должности должны были дать ему возможность выкупить тиару. Он действительно получил 62 400 золотых гульденов, но курия вынуждена была за это ежегодно выплачивать жалование в размере 8 тыс. дукатов. Католический историк Адольф Готлоб определяет сумму, за которую были проданы разные должности в папской курии за период от Сикста IV до Пия IV, в 1 млн. 923 тыс. скудо, курия в виде жалования ежегодно выплачивала в среднем за это время 241 116 скудо. Это не была слишком дорогая цена, но каждый папа, не заботясь о своих преемниках, спешил создавать прибыльные должности, инкассируя деньги и оставляя другим платить по ним проценты. Не без основания известный немецкий историк Леопольд Ранке называл продажу должностей своеобразным займом.

Переход к обыкновенной форме займа у «своих же людей» связан уже с именем папы Климента VII (1523-1534). Заем этот обеспечивался таможенными доходами, и кредиторы папы получали участие в таможенном управлении Папской области. В защиту своих интересов они создали коллегия «монтистов», или папских займодавцев.

Папа Лев X (1513-1521), ближайший преемник Юлия II, отказался от политики создания сильного папского государства, так как ему были гораздо дороже интересы Флоренции, в которой правили Медичи, одним из представителей которых являлся этот папа. Ради Флоренции папа сблизился с Францией и сделал ряд уступок галликанской церкви, оформленных в Болонском конкордате 1516 г., оказавшемся очень выгодным королевской власти во Франции. Ради той же Флоренции он втянулся в тяжелую борьбу с герцогством Урбино и практиковал столь широкий nepотизм, одаривая различных представителей фамилии Медичи, что временами казалось, что Папская область перестанет существовать как единое целое даже на бумаге. Войны с Урбино и с противниками папских nepотов поглощали огромные суммы, которые Лев X усердно выкачивал из народа и даже отчасти и из духовенства, что вызывало все большее недовольство, принимавшее открытый характер. Желая примерно наказать своих противников и разоблачить интриги некоторых кардиналов, недовольных его правлением, Лев X сфабриковал «заговор» против себя самого. Снаряженному папой следствию удалось добыть под пыткой признания преступных замыслов у ряда лиц, руководимых будто бы кардиналом Альфонсом Петруччи. Четыре человека, в том числе Петруччи, 4 июля 1517 г. были казнены; другие отделались тюремным заключением и высокими денежными штрафами. Все делопроизводство по процессу было уничтожено, по-видимому умышленно. Заговор этот мало отразился на настроении жизнерадостного Льва X. Музыка, танцы, театральные представления, попойки и оргии по-прежнему продолжались в папском дворце, и даже «монашеская склока», как назвал Лев X выступление Лютера, не нарушила обычного веселого течения жизни в окружении Льва X.

Заклученный Львом X в 1516 г. в Болонье конкордат с Францией отменял «прагматическую» санкцию 1438 г. Управление церковью во Франции осуществлялось отныне на основе соглашения между Парижем и Римом. Несмотря на протесты духовенства, парламентов и университетов во имя «независимости» церкви и против «чрезмерного усиления королевского абсолютизма», конкордат 1516 г. вошел в силу. 10 архиепископов, 82 епископа, 527 аббатов и множество каноников стали «конкордатными», фактически были назначены королем и оказались проводниками его политики. Высшее духовенство сплошь рекрутировалось из аристократии и стало высшим французским сословием, столь же паразитическим, сколь преданным своему королю. Вне конкордата оказалось низшее духовенство, плохо оплачиваемое и зачастую настроенное враждебно к господствующему строю.

Глава десятая

РЕФОРМАЦИЯ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

I

Итальянская буржуазия конца XV - начала XVI в. не могла мириться с аскетизмом, ограниченностью, фанатизмом и изуверством христианской религии в ее феодальной разновидности и видела идеал в древних республиканских учреждениях с их своеобразными

нравами, «языческим» мировоззрением. С другой стороны, Италия, в особенности Рим, немало выигрывала в материальном отношении от «олицетворяющего дух средневековья» папства, которое, грабя «христианский мир», собирало значительную часть награбленного имущества в Риме и здесь его либо тратило, либо в том или ином виде пускало в оборот.

Вокруг папского двора кормилась масса посредников, прихлебателей и бездельников; Вечный город был крупным центром потребления богатств, притекавших в него со всей Европы. В то же время, благодаря этому притоку средств, он становился центром торговли, финансовых и кредитных операций, коммерческих сделок и спекуляции. В орбиту этих сделок вовлекались и другие торговые центры Италии, связанные с Римом общими деловыми интересами.

Эта своеобразная заинтересованность части буржуазии Северной и Центральной Италии в деятельности папства была причиной двойственного отношения к папству: с одной стороны, оно вызывало возмущение алчностью духовенства и особенно самой курии, ее стремлением к духовному порабощению людей, с другой же - оно создавало широкие возможности обогащения Италии за счет других государств.

Эта двойственность сказывалась и на идеологии формировавшегося класса ранней буржуазии, который в силу общих экономических причин становился руководящей силой в борьбе с папством. Его свободомыслие не шло обычно дальше критики «кошмарного» правления «распутной» курии. Борьба с папством была более словесной, литературной, чем действенной, воинствующей. Когда же на папском престоле восседали «папы-меценаты», «папы-язычники», то критика и вовсе затихала, а кое-кто из поэтов и художников даже воспевал и превозносил великую историческую роль папства, якобы являющегося могучим двигателем человеческого прогресса. Вместе с тем выступали и более смелые критики папства и религии. Так, в сочинениях одного из идеологов выступавшего на арену нового общественного класса - Пьетро Помпонацци - мы видим попытку расшатать самые основы религиозного мировоззрения - веру в бессмертие души и в абсолютность религиозной истины. Помпонацци полагает, что «человеческая душа не бессмертна, и если говорят о ее бессмертии, то такое утверждение не соответствует действительности». По словам Помпонацци, «действительность» дает такую массу доказательств «испорченности души» даже наместников Христа на земле, что нужно быть слепым, чтобы «упорно» повторять «старую» мысль о бессмертии души. Мало того, необходимо сделать «страшный» (по мнению церкви) вывод, что, по существу, нет никакого различия между душой человека и животного - у всех «живых существ» одни лишь эгоистические, животные желания. Подобные мысли стали распространяться среди значительной части образованного населения Рима: «считалось признаком образованного человека не разделять мнения, совпадающего с установленными истинами христианского учения». При княжеских и аристократических дворах, одинаково светских и духовных, с иронией говорили о христианских догматах и почти с нескрываемым презрением относились к церковным таинствам.

Новые идеи, связанные с ростом в Италии буржуазных отношений в эпоху Возрождения, доходили до Германии. Но здесь не было почвы для «снисходительного» отношения к папству, которое выкачивало огромные суммы денег из Германии. В империи даже самый «возрожденческий папа» не мог снискать симпатий бюргерства. Подражание «высоко цивилизованной» Италии, с которой Германия находилась в I тесных торговых, политических и церковных связях, и желание приблизиться к манящей атмосфере «Возрождения» получили здесь свое выражение в стремлении к изучению первоисточников Ветхого и Нового заветов с неясно осознанной целью сличить «подлинное» вероучение с тем его вариантом, который проповедовался Римом и всей церковной иерархией. Появились Рейхлин и Эразм, два великих знатока Библии и евангелия, вслед за которыми за изучение еврейского и греческого языков взялась в Германии многочисленная монашеская братия. В тесных кельях германских монастырей шли жаркие споры о соответствии между книжной истиной и действительностью. В глазах папы Льва X эти споры были «монашеской склокой», принявшей «по непонятным причинам» широкие размеры, и легкомысленный представитель дома Медичи на папском престоле, любивший говорить о «прибыльности сказки о Христе», видел в усиленных занятиях Германии «чистой теологией» лишь удобный повод для нового использования этой пресловутой сказки и требовал

от «германской нации» огромных жертв для строившегося в Риме собора св. Петра - этого, по идее папства, грандиозного символа величия и единства христианства.

Были пущены в продажу в несметном количестве индульгенции, раскупавшиеся теми, кто жаждал освободиться от небесных и земных наказаний за свои грехи и преступления. Майнцскому архиепископу Альбрехту Бранденбургскому (из дома Гогенцоллернов), не успевшему еще расплатиться с банкирским домом Фуггеров, давшим ему возможность купить в Риме за 24 тыс. дукатов богатейшие майнцское и магдебургское архиепископства, было, по милости папы Льва X, поручено стать распорядителем по снабжению Северной Германии индульгенциями. За это он должен был получить половину суммы, которая будет выручена за освобождение несчастной страны от ее многочисленных грехов. Для бранденбуржца, боявшегося в случае неуплаты долга Фуггерам потерять свое архиепископство, предложение папы было тем заманчивее, что совместительство новых функций с архиепископским званием напрашивалось как бы само собой. Главным оператором и агентом по продаже папских индульгенций он назначил энергичного и красноречивого доминиканского монаха Иоганна Тецеля.

Медленно, на осле, как подобает истинному христианскому проповеднику, продвигался Тецель в сопровождении агента банкирского дома Фуггеров по бесчисленным городам и весям обширной Германии, передавая ключ от шкатулки, где хранились деньги от проданных индульгенций, фуггеровскому агенту для отправки их в погашение долга архиепископа Альбрехта. Если бы Тецель путешествовал со своей денежной шкатулкой и индульгенционным коробом по Италии, он собрал бы мало денег, но много метких слов и эпиграмм.

В Германии же им было собрано много денег, хотя здесь он вызвал немало злобы и возмущения *(Маркс пишет об этой торговле папских агентов: «Тецель взял себе помощника, еще более циничного, чем он сам. Оба опирались на своеобразную теорию накопления: множество мучеников и святых церкви имело такое обилие заслуг перед богом, что из этого образовался запас [совершенно так же, как «прибавочный труд»... предков капиталистов], который глава видимой церкви, папа, может дарить или продавать другим верующим, имеющим за собой мало заслуг или даже бремя тяжких грехов (минус). В конце концов Тецель открыл свою лавочку близ Виттенберга в Ютербоке и Цербсте, куда стекалось много народу» (Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. 7, с. 148)).* Из лона ордена августинских монахов, занимавшихся усиленно теологией и изучением греческого и еврейского языков, раздался голос, в котором было больше наивного вопрошания, чем гневного негодования: «Почему папа, который несомненно богаче Креза, строит церковь св. Петра не на свои деньги, а на деньги нищих и бедных христиан Германии?» Тецель усмотрел в этом вопросе обычную «схоластическую диалектику» и собирался дать «надлежащее» разъяснение. Но эхо наивного вопроса, дошедшее до самых глубин народных масс, было настолько велико, что заглушило всякий ответ. Мало кому известный до того августинский монах Мартин Лютер, проводивший бессонные ночи в борьбе против «дьявольской плоти» и предложивший этот наивный вопрос, стал сразу выразителем настроений широких масс немецкого народа. В один момент Лютер превратился в любимейшего героя Германии: почти все население империи эксплуатировалось Римом; поэтому в течение короткого отрезка времени все стали с надеждой и упованием смотреть на того, кто осмелился поднять свой голос и выдвинул 31 октября 1517 г. против торговли индульгенциями и вообще против порядков папской церкви 95 тезисов.

Волна энтузиазма, поднявшаяся в ответ на выступление Лютера, была тем сильнее и тем естественнее, чем грубее проявляла себя папская курия в деле эксплуатации немецкого народа и чем меньше, вследствие политической раздробленности Германии, была возможна всеобщая его борьба против папы. Германия несла на себе такие тяготы, от которых давно уже были свободны и Франция, и Англия, и Испания. В этих государствах значительная часть доходов от эксплуатации церковью народных масс оставалась в пределах страны, попадала в руки господствующего класса, в Германии же, по верному замечанию Ульриха фон Гуттена *(Ульрих фон Гуттен (1488-1523) - немецкий писатель-гуманист, один из авторов знаменитого памфлета «Письма темных людей», разоблачавшего невежество и нравственное разложение духовенства, бесплодность схоластики)*, нелегко было добиться хлебного прихода, если не послужишь ради него несколько лет в Риме или не отправишь туда крупной суммы денег для подкупа, или, наконец, если не купишь его прямо через Фуггеров, этих агентов-банкиров папской курии. Неудивительно поэтому, что даже эксплуататоры народа были в значительной части настроены против «папы-пиявки» и с упоением прислушивались к нападкам Лютера на «червя, сосущего кровь и мозг немецкого народа». Но и

разорившееся мелкое, так называемое имперское рыцарство также приветствовало агитацию Лютера. Рыцарство это, в связи с развитием военной техники и распространением военного наемничества, теряло свое значение как феодальное ополчение и очутилось в тяжелом положении. Жившие ранее главным образом войной, рыцари остались при своих небольших земельных участках, неспособных их прокормить, и представляли собой своеобразный деклассированный и паразитический слой, брезгавший трудом и не располагавший средствами. Не будучи полезны более на поле брани, рыцари проявляли свою воинственность в грабежах и насилиях и были истинным несчастьем для мирного населения. Против этих «беспокойных» элементов выступало, с одной стороны, бюргерство, а с другой - князья. Вместе с тем и те и другие ненавидели богатое духовенство, которое увеличивало свои земельные владения, не страдая, вследствие celibата, от дробления их, подобно светским феодалам. Они уже давно зарились на церковную землю. Неудивительно, что среди них появились «вольнодумцы», все чаще слышались меткие ядовитые словечки по адресу клира и его главы, а проповеди Лютера, бичевавшие жадность и корыстолюбие церкви, понимались рыцарством прежде всего как призыв к тому, чтобы лишить ее богатства и передать его в распоряжение нации, которую они отождествляли с собой. Так рыцари попали в приверженцы Лютера и подняли в 1522 г. восстание, которое в случае успеха, с одной стороны, Ударило бы по духовенству, а с другой - по князьям и отчасти по бюргерству, не говоря уже о том, что победа рыцарства тяжело отразилась бы на дальнейшей судьбе крестьянства. Именно поэтому это восстание осталось лишь отдельной вспышкой, никем не было поддержано и окончилось поражением.

Для немецких крестьян XVI век был веком несчастий. Покинувшие военную службу средние и часть мелких рыцарей нередко превращались в сельских хозяев и тем сильнее заботились об увеличении своих доходов, чем дороже становилась жизнь (вследствие притока драгоценных металлов из Америки), чем больше росли потребности и чем шире развивалась торговля. Дворянству идти в ногу с новым, XVI в. можно было либо путем захвата крестьянской и общинной земли, либо путем усиленной эксплуатации собственных земель с помощью крестьян. Это вело к постепенному усилению феодальной зависимости крестьян. Даже крупные землевладельцы, благодаря развитию товарного хозяйства, низводили чиншевого (*Чинш - в феодальной Европе регулярный фиксированный оброк продуктами или деньгами, который крестьяне платили сеньору*) крестьянина в крепостного, предъявляя ему все новые требования. Предпринимательская лихорадка, характерная для начала XVI в., высасывала из крестьянина все живые соки. Неудивительно, что крестьянин встретил «новые времена» растущим недовольством, в котором по-прежнему слышалось прежде всего старое требование: «бить попов». Бить попов за то, что церковная десятина страшно давит на крестьян; бить за то, что на огромных церковных землях из крестьянина выжимают последние соки, бить за то, что духовенство благословляет всякое кровавое подавление крестьянского недовольства и всегда и всюду заодно с господами выступает против бедняков; бить за то, что монастыри лишают крестьянина-кустаря возможности сбывать изделия его рук; бить за то, что духовенство ведет паразитическую жизнь, а прелаты издеваются над «евангельским учением о святости нищеты и целомудрия»; бить за то, что церковники жгут на кострах борцов за дело народа и под разными «святыми» предлогами выхватывают лучших людей из крестьянской среды.

С радостным чувством слышали крестьяне «новое», им, однако, давно знакомое «божье слово» Лютера, требовавшего во имя «истинного евангелия» дать суровый отпор «начальнику всей содомской шайки», этому «жалкому и смердящему грешнику», пьющему народную кровь и пухнущему от награбленного богатства. Если десятина и другие обременительные требования духовенства противоречат истинному евангелию и во имя учения Лютера должны быть отвергнуты, то само учение должно быть включено в крестьянские требования. И в «Двенадцати статьях», выставленных крестьянами в Великой крестьянской войне 1525 г., имелись лютеровские пункты о свободе проповеди, о выборе священника общиной и некоторые другие в этом же духе. «С того момента, когда объявление Лютером войны католической иерархии привело в движение все оппозиционные элементы Германии, не проходило ни одного года без того, чтобы крестьяне вновь и вновь не выступали со своими требованиями. С 1518 по 1523 г. в Шварцвальде и Верхней Швабии одно местное восстание крестьян следовало за другим. С весны 1524 г. эти восстания приняли систематический характер... Наконец, произошло решающее восстание в ландграфстве

Штюлинген, которое можно считать непосредственным началом *Крестьянской войны*» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 397).

Так вокруг Лютера образовался лагерь, представлявший разные классы и сословия, и сам он становился национальным героем потому, что он выражал идею, которую поддерживала вся немецкая «нация», горевшая желанием свергнуть тяжелое иго папства. Но вскоре, как это часто бывает в выступлениях, одновременно поддерживаемых разными классами, должно было обнаружиться различие классовых интересов. «...Быстрое развитие движения, - говорит Ф. Энгельс, - должно было вызвать очень скоро созревание имевшихся в нем зародышей раздора, должно было, во всяком случае, вновь вызвать разрыв между теми составными элементами возбужденной массы, которые были прямо противоположны друг другу по всему своему жизненному положению» (Там же, с. 392). В крестьянской войне классовые противоречия выступили с особенной остротой, и «национальному» герою приходилось идти либо с одним, либо с другим классом. Лютер оказался на стороне князей, сумевших организовать разгром восставших крестьян, поддержанных частью бюргерства. Он «предал князьям не только народное, но и бюргерское движение» (Там же, с. 368).

«В первый момент, - говорит Ф. Энгельс, - необходимо было, чтобы все оппозиционные элементы оказались объединенными, нужно было развязать самую решительную революционную энергию, нужно было противопоставить католическому правоверию всю массу существовавших до того времени ересей. Точно таким же образом наши (т. е. немецкие. - С.Л.) либеральные буржуа еще в 1847 г. были революционными, называли себя социалистами и коммунистами и носились с идеями эмансипации рабочего класса. В этот первый период деятельности Лютера его сильная крестьянская натура проявляла себя самым бурным образом. «...Если мы, - говорил Лютер, - караем воров мечом, убийц виселицей, а еретиков огнем, то не должны ли мы тем скорее напасть на этих вредоносных учителей пагубы, на пап, кардиналов, епископов и всю остальную свору римского содома, напасть на них со всевозможным оружием в руках и омыть наши руки в их крови?»

Но этот первый революционный пыл оказался непродолжительным. Молния, которую метнул Лютер, попала в цель. Весь немецкий народ пришел в движение... Одни думали, что настал день для того, чтобы свести счеты со всеми своими угнетателями, другие желали лишь положить конец могуществу попов и зависимости от Рима, уничтожить католическую иерархию и обогатиться посредством конфискации церковных имуществ. Партии размежевались и обрели своих представителей. Лютер должен был сделать выбор между ними. Он, протеже курфюрста Саксонского, почтенный виттенбергский профессор, ставший в одну ночь могущественным и знаменитым, великий человек, окруженный целой свитой приверженцев и льстецов, не колебался ни одной минуты. Он отрекся от народных элементов движения и перешел на сторону бюргеров, дворян и князей. Его призывы к истребительной войне против Рима замолкли; Лютер стал теперь проповедовать *мирное развитие и пассивное сопротивление* (ср., например, «К дворянству немецкой нации», 1520, и т. д.). На приглашение Гуттена явиться к нему и Зиккингену в Эбернбург, центр дворянского заговора против попов и князей, Лютер ответил: «Я не хотел бы, чтобы евангелие *отстаивалось насилем и пролитием крови*. Слово победило мир, благодаря слову сохранилась церковь, словом же она и возродится, а антихрист, как он добился своего без насилия, без насилия и падет» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 365-366).

Лютер в соответствии с интересами князей требовал уничтожения сепаратизма, выгодного лишь мелкому имперскому рыцарству, реакционному по своей сущности, тормозившему развитие производительных сил страны, он сбрасывал и иго папства, как тяжелый гнет, давивший на экономическую жизнь империи и тормозивший ее историческое развитие по сравнению с западными соседями. Но в то же время он всеми силами поддерживал князей в деле подавления крестьянских, ремесленных и рабочих восстаний, лозунги которых далеко перешагнули через «национальный» частокोल лютеровского возмущения папской курией и громко провозглашали необходимость коренных социальных изменений. Так Лютер превратился в «княжеского героя». Утверждать, что победа далась князьям лишь благодаря переходу Лютера на их сторону, значит придавать чрезмерно большое историческое значение реформатору. Князья победили с Лютером, как они победили бы без Лютера, и историческое значение Лютера заключалось в том, что он дал

лозунг для широкого антипапского, антикатолического движения. А так как папство поддерживало загнивающий феодализм, выступление Лютера против папства было явлением прогрессивного характера.

II

Понимал ли Рим всю глубину опасности, ему угрожавшей? Льву X, занятому попойками, чтением непристойных комедий и стихов, украшением столицы и церквей, изысканием новых способов ограбления народов, некогда было вникать в крупные события, развертывавшиеся перед миром. Он лишь смутно чувствовал, что германский император легко может использовать «монашескую дерзость» для того, чтобы произвести нажим на папство и усилить свою позицию в Италии, сделавшейся в это время яблоком раздора между Францией и Германской империей, где на престоле очутился представитель Габсбургской династии в лице Карла V, в руках которого сосредоточилась власть одновременно над Австрией, Германией, Нидерландами, Испанией и Южной Италией. Эта борьба двух сильнейших правителей того времени за обладание Италией, вытекавшая из общей социально-экономической конъюнктуры, форсировалась папством, предполагавшим, что ему удастся укрепить свое положение путем натравливания одного соперника на другого.

Александр VI и Чезаре Борджиа призывали Францию в Италию, защищаясь и от Венеции, и от внутренних врагов, и от Неаполя, и от Испании. Юлий II создавал «святые» и «святейшие» лиги для борьбы то с Францией, то с Испанией, то с Германией, то с отдельными итальянскими республиками. Убедившись, что все его защитники думают лишь об усилении собственного своего влияния в Италии, Юлий II обратился к швейцарцам, как к наиболее надежным и непритязательным союзникам, от которых легче всего можно было освободиться в тот момент, когда они сделают свое дело и более не нужны будут папству. Этот «выгодный» союзник и был двинут против Франции, когда в 1515 г. ее король Франциск I вторгся в Северную Италию с большим войском. Поражение швейцарцев при Мариньяно показало бессмысленность папской политики, рассчитывавшей спасти независимость папского государства и Италии с помощью швейцарских наемников. Папству грозила серьезная опасность, с одной стороны, вследствие усиления французской монархии, а с другой - в силу образования огромной испано-германской державы Карла V. Не только Милан был потерян, нужно было опасаться раздела всей Италии между двумя крупнейшими государствами: Францией и испано-германской империей. Поскольку, однако, разграничение влияния в Италии обоих соперников встретило затруднения, папство искусно раздувало противоречия между ними и рассчитывало одним ударом убить двух зайцев: сделать империю своей союзницей и направить ее острие одновременно против Франции и против начавшейся в Германии опасной ереси, олицетворяемой Лютером. Маневр удался Льву X. Вормсский рейхстаг 1521 г. принял к сведению заявление императора о решении защищать всеми средствами «веру предков». Лютер подвергся государственной опале как еретик, а в Италии испано-императорские войска овладели Пармой и Пьяченцей, и французы вынуждены были очистить Милан.

Однако успех папской дипломатии был кажущимся, а не действительным: опалой Лютера нельзя было подавить широкое социально-политическое движение, развернувшееся в Германии, а поражение французов имело лишь временный характер. Борьба за обладание Италией вскоре возобновилась. Кроме того, укрепление испано-германской империи на севере, при господстве Испании в Неаполе, угрожало папству поглощением Италии испаногабсбургской династией, и при всей благосклонности папства к Испании с этим нельзя было мириться ни одному «представителю бога на земле». Невыносимая эксплуатация империей итальянского населения ускорила развязку. Папа стал сначала тайно склонять к измене императору одного из наиболее выдающихся испанских полководцев, а затем, когда его козни были раскрыты, он сбросил маску, начал деньгами и наемными солдатами поддерживать восставший против императора Милан, вступил в переговоры о помощи с Венецией и заключил союз с Францией, только что разбитой императором и горевшей желанием отомстить за свое поражение. В тот момент, когда папа, надеясь на франко-венецианскую помощь, двинул против Милана свои наемные войска, по

большей части швейцарского происхождения, собравшемуся в Шпейере рейхстагу надлежало принять решение о все усиливавшемся лютеранском движении. Было совершенно неестественно, чтобы папа, находившийся фактически в войне с империей, мог рассчитывать, что имперский сейм станет защищать в Германии интересы папства. С другой стороны, вполне правильно можно было полагать, что императорское правительство использует народное антипапское лютеранское движение для нанесения удара по Льву X, подобно тому как имперские солдаты по ту сторону Альп должны были подорвать военные силы папства и его союзников.

На имперском Шпейерском сейме 1526 г. у сословных представителей «развязались языки», и по адресу папы послышались совершенно новые слова. Императорским указом было постановлено, что в делах религии каждый имперский чин руководствуется чувством ответственности перед богом и императором. В делах религии папа в Германии отныне, следовательно, авторитетом не должен был считаться. Зародилась «независимая» немецкая церковь, целиком оказавшаяся во власти князей.

Для папы и римской католической верхушки не было больше места в руководстве немецкой церковью. Отныне руководство религиозной жизнью империи фактически должно было принадлежать исключительно владетельным особам, тем князьям и владыкам, которые имели право участия в имперских сеймах (рейхстагах) и которые, согласно постановлению 1526 г. в Шпейере, устанавливали «свою» религию в пределах «своей» земли, как гласила формула: «*сuius regio, ejus religio*» («чье правление, того и вера»). Это было усиление абсолютизма в пределах маленьких территорий, на которые была разбита Германия.

Немедленно после Шпейерского рейхстага саксонский и гессенский князья и другие владетельные особы, нуждавшиеся в средствах и давно с завистью смотревшие на обширные земельные богатства католической церкви, отнимавшей добрую половину имущества, которое они сами могли бы нагнать, стали делать из решения 1526 г. практические выводы, и Реформация настолько окрепла, что преодолеть ее становилось невозможно.

«В вопросе о секуляризации, - заметил как-то Лютер, - Даже папистские дворянчики были лютеранами». В самом воздухе носилась мысль, что секуляризация земли оказывает огромную услугу одновременно и государству и религии. Лютер, однако, доказывал, что богатая добыча не должна растрачиваться по мелочам, а потому лишь князьям надлежит взять это «богоугодное дело» в свои руки.

Мало того, он напоминал князьям о возможности повторения крестьянских восстаний и требовал держать в суровой узде народные массы, для чего считал необходимым существование более или менее крупных княжеств. Слишком дробные территории, по мнению Лютера, не могли бы справиться с народными вспышками и брожением. Хотя и «папистские дворянчики заявляли себя лютеранами», тем не менее отдельные крупные князья обвиняли лютеранское учение в том, что оно ответственно за Крестьянскую войну 1525 г., и баварский герцог отверг «в корне реформацию», так как она «в недрах своих» содержит народные бунты. Он остался поэтому верен католицизму и не хотел продать себя за «лютеранскую похлебку». Однако курфюрст саксонский оставался главной опорой Лютера в его выступлениях против старой религии.

Несмотря на беспощадное подавление крестьянской войны, народные массы Германии были воодушевлены тем, что во многих частях империи прекратились тяжелые повинности в пользу Рима, как того требовали постановления Шпейерского рейхстага. Но и рыцари ссылались на эти же постановления, когда стали захватывать монастырские и церковные земли; купцы же начали вытеснять конкурировавших монахов, имевших в своих монастырях дешевую рабочую силу. С другой стороны, и император возбуждал вражду к папе, обвиняя его в том, что он изменническим образом начал войну в Северной Италии.

На его призыв добровольцы массами шли в его войско, чтобы «уничтожить папскую гидру в ее логове». Этим можно объяснить, что в германской армии, вторгшейся в Италию, было много лютеран, возмущенных тем, что папство двинуло свои силы против императорского войска как раз в тот момент, когда с востока стала угрожать империи турецкая опасность, на этот раз реальная. Папа, говорили в народе, ради своих корыстных политических целей не только ослабляет католические позиции в Германии, но и отдает христианский мир мусульманам на

истребление; он является самым коварным изменником, какого только знал когда-нибудь мир. Нет ли тайного сговора между владыкой мусульманского мира и недостойным главой христианской церкви? И войско требовало жестоко расправиться с папой, а главнокомандующий имперской армией Георг Фрундсберг открыто заявлял: «Когда приду в Рим, то прежде всего повешу папу». Папа не был повешен: старого Фрундсберга при виде «ужасной недисциплинированности своих ландскнехтов» постиг апоплексический удар. Его банды, впрочем, все же ворвались в Рим и произвели разгром и грабеж, который увековечен под названием «Sacco di Roma» (разграбление Рима).

Папа заблаговременно заперся в замке св. Ангела, наблюдая из окон, как по городу на ослах разъезжали переодетые в кардинальскую одежду солдаты и как шутники рядились перед замком Ангела в папские одежды и провозглашали Лютера новым папой. «В башне, - описывает участник разгрома Рима, - мы захватили папу и 12 кардиналов; мы считали папу пленником, и секретарь читал ему пункты, которые он вынужден был подписать. Среди пленных стоял плач, мы же все разбогатели в эти дни».

Пленный Климент VII вступил в переговоры с императором лишь тогда, когда испано-германские войска свергли во Флоренции господство дома Медичи, одним из членов которого был, подобно Льву X, и Климент VII. Флоренция была для Климента VII дороже Рима, и папу в большей степени волновали политические интересы династии Медичи, чем религиозные судьбы «христианского мира». Ради возвращения Флоренции старым владыкам папа заключил унижительный мир, закрепив его в знак дружеских чувств к императору женитьбой своего неопота (на этот раз сына) на дочери императора.

Отныне Италия лежала у ног испано-габсбургского императора Карла V, и ему одинаково повиновались Милан и Неаполь. Не составляла исключения и Флоренция, где по воле императора на троне опять воссели Медичи.

Во время войны в Италии, когда победа Карла V была уже обеспечена, правивший в Германии его брат Фердинанд Габсбург угрожал последователям Лютера, Цвингли (*Ульрих Цвингли (1484-1531) - идеолог и вождь швейцарского бюргерства, основатель радикального направления в протестантизме - цвинглианства*) и перекрещенцам конфискацией имущества и даже сожжением на костре. Он требовал также суровых наказаний для покинувших свои церкви и монастыри священников и монахов. В течение месяца должны были быть восстановлены святыни. Мало того, в Шпейере был созван в 1529 г. новый имперский сейм. На нем большинство принадлежало католикам. Вормсский эдикт 1521 г. о провозглашении Лютера еретиком, правда, был отклонен, но евангелистам (так называли лютеран) было запрещено проживать в католических местностях, хотя католики могли жить в лютеранских странах; дальнейшее распространение лютеранства запрещалось; церковное имущество и духовная юрисдикция обеспечивались. Этот Шпейерский рейхстаг вызвал протест меньшинства присутствовавших имперских чинов. Они в решениях 1529 г. увидели нарушение постановлений 1526 г. и противопоставляли один Шпейерский сейм другому. Их протест и послужил поводом к тому, что лютеран стали называть протестантами (*Протестантами впоследствии стали именовать помимо лютеран цвинглианцев, кальвинистов, пресвитериан и индипендентов. К ним относятся также баптисты, социниане, унитарии, методисты, меннониты, конгрегационалисты и др.*).

Заключив союз с императором и породнившись с ним, папа Климент VII решил использовать это обстоятельство для укрепления католицизма в Германии и отправил в Аугсбург на рейхстаг 1530 г. кардинала Лоренцо Кампеджо для вручения императору Карлу V специальной инструкции о мерах борьбы с лютеранством. Нарисовав картину полного неповиновения страны имперским чинам, дворянству, духовенству и даже императору, вследствие распространения лютеранской «язвы», папа предлагал заключить тесный союз между князьями и императором и объявить беспощадную борьбу еретикам. В первую очередь надлежало отнять у них светские и церковные имущества как в Германии, так и в Венгрии и Чехии. Все объявлялось дозволенным по отношению к еретикам; против них следует действовать лишь огнем и мечом. Святая инквизиция с корнем вырвет ересь; святой трибунал должен функционировать в пределах Германии с не меньшей силой, чем в Испании. Виттенбергский университет должен подвергнуться опале; те, кто в нем учился, объявляются недостойными императорской и папской милости; еретические книги

подлежат немедленному сожжению; монахи водворяются обратно в монастыри, лютеране не могут служить ни при каком дворе. Но сначала должен быть нанесен удар по отдельным представителям лютеранской ереси: «И если ваше величество возьмется хотя бы за одних руководителей лютеранского движения, оно получит огромную сумму денег, которая в противном случае уйдет в пользу турок». Итак, папский план, изложенный в инструкции, переданной кардиналом Кампеджо, имел совершенно определенный характер: он объявлял лютеран еретиками, готовыми будто соединиться с турками для уничтожения католической веры, и предлагал немедленное кровавое, с помощью инквизиции, истребление всех лютеран, с конфискацией их земельного имущества в пользу империи и церкви.

Не говоря уже о том, что Карл V понимал всю трудность борьбы с окрепшим и разросшимся в Германии лютеранством, он не смог согласиться стать оружием папы Климента VII и превратиться как бы в слепое орудие инквизиции и папства. Кровавое подавление лютеранства во имя «чистоты католической религии», продиктованное Кампеджо в Аугсбургском рейхстаге 1530 г., было равносильно передаче высшей власти в Германии папству. Понятно, что Карл V без особого удовольствия «принял к сведению» прочитанную ему кардиналом Кампеджо инструкцию. Вместе с тем для Карла V, стремившегося к абсолютизму, имело огромное значение подавление протестантского движения, которое становилось опорой княжеского могущества. К тому же городская беднота и крестьянство видели в протестантизме оружие против их угнетателей-землевладельцев. Карл был крайне заинтересован в упрочении католицизма за счет протестантизма. Такое упрочение должно было совершиться его руками, а не руками римского папы. Поэтому выдвинутая в это время идея созыва вселенского собора с участием представителей светской власти и руководимого императором приходилась тем более по вкусу Карлу V, что такой собор мог бы подорвать успехи протестантизма и одновременно усилить его собственную власть.

Папа, не отказавшийся от старых притязаний на гегемонию и желавший быть выше императора, не хотел мириться с собором, потому что последний пошел бы, без сомнения, по пути урезывания сферы вмешательства Рима во внутренние дела отдельных церквей. По существу, это означало бы сильнейший материальный ущерб для курии, так как ее вмешательство заключалось преимущественно в наложении различных повинностей на духовенство и население под тем или иным предлогом. Недаром высказанная Карлом V вслух мысль о соборе сразу понизила «биржевую» цену на куриальные должности: приток денег в папскую кассу от их продажи значительно пал из-за страха сокращения «влияния» Рима на отдельные церкви.

Спасая интересы папского абсолютизма, Климент VII стал вести тайные переговоры с французским королем Франциском I, чтобы с его помощью свергнуть в Италии господство испано-габсбургской династии. Так папа, стремясь помешать созыву вселенского собора, подготовлял войну между империей и Францией.

Франциск I, давно исподтишка подрывавший позиции империи, поддерживал немецких протестантов, боровшихся против императорского абсолютизма. Таким образом, Климент VII, идя на союз с Францией, в некотором смысле становился союзником протестантов. Во главе противников «католического» императора Карла V стал подкупленный Францией гессенский ландграф Филипп, один из самых ранних и энергичных поборников лютеранства в Германии, основатель первого немецкого протестантского университета в Марбурге (1527 г.). Войска гессенского ландграфа, с успехом боровшиеся за протестантизм, предполагалось, по словам венецианского посла Джустиниани, перебросить, согласно договору французского короля Франциска с папой Климентом VII, в Северную Италию для борьбы против Германии. В Италии по зову папы должны были сражаться протестантские войска, руководимые Филиппом, против католического императора, осмелившегося заговорить о вселенском соборе. На союз папы с французским королем, поддерживавшим в Германии протестантов (в самой Франции он их преследовал), император Карл V ответил значительным смягчением своей антипротестантской политики и дал возможность ландграфству гессенскому, герцогству вюртембергскому, а вскоре и некоторым другим немецким землям ввести у себя лютеранство. Но и со стороны папы не последовало протеста, так как его французский союзник Франциск I поддерживал «этот

внутренний раскол» Германии, будто бы выгодный папству, стремившемуся ослабить итальянские позиции испано-габсбургской монархии.

III

Потеря Германии, этой в глазах пап «дойной коровы», была сильнейшим ударом по материальному могуществу римского престола. Если удар этот был направлен из сравнительно экономически слабой и политически раздробленной страны, то объяснение этого нужно искать в том, что в Германии, по выражению Франца Меринга, все классы населения тяжело страдали от папской эксплуатации. Эта тяжесть возрастала тем больше, чем более папство всей силой своих эксплуататорских приемов и навыков обрушивалось на «германскую нацию», поскольку другие народы все плотнее закрывали перед папством свои границы и господствовавший в них класс «скупой» делился награбленным у народных масс добром с римским престолом.

Вслед за Германией лютеранство получило господство в Дании, Швеции и Норвегии и начало распространяться в Польше. Эти сравнительно слабые государства не чувствовали достаточно сил, чтобы подчинить себе церковь и заставить ее служить светским интересам господствовавших классов. Поэтому они ограничились тем, что порвали связь с папством и превратились в лютеранские государства, свободные от римского влияния. В то же время существовавший там княжеско-феодальный режим установил в этих странах «свою» религию согласно принципу: кому принадлежит княжеская власть, тому принадлежит и религия.

В более сильных в экономическом и политическом отношении государствах буржуазия не остановилась на полпути и стремилась к тому, чтобы уничтожить у себя полностью власть Рима и взять целиком в свои руки управление как светскими делами, так и духовными. Сильная, богатая буржуазия не могла удовлетвориться «религией бедных государств» и пошла по пути кальвинизма, развившегося в богатейших городах Нидерландов, этих деятельных и энергичнейших борцов за буржуазный режим, за свободное развитие капитализма. И внутри Германии, в особенности в ее западной части, там, где было много богатых и сильных городов, лютеранство склонило свою голову перед младшим, но более последовательным и прогрессивным соперником, каким являлся кальвинизм, эта, по словам Энгельса, религия наиболее смелой части тогдашней буржуазии.

«Между тем как лютеранская реформация в Германии вырождалась и вела страну к гибели, кальвинистская реформация послужила знаменем республиканцам в Женеве, в Голландии и в Шотландии, освободила Голландию от владычества Испании и Германской империи...» *(Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 314-315).*

Стимулируя развитие капитализма, внушая веру в то, что неравномерное распределение благ является результатом божественного провидения, кальвинизм принял четко классовый характер, острие которого было направлено против «отверженных» крестьян, подмастерьев, чернорабочих. Предоставив избранным (т. е. буржуазии) право восстания, вплоть до совершения буржуазных революций и казни королей, кальвинизм запрещал борьбу «отверженным», т. е. трудящимся. Правда, и «пауперы трудятся», но богоугодным трудом является лишь «обогащающий» труд. Кальвинизм отличается от лютеранства и организацией церкви. «...Устройство церкви Кальвина было насквозь демократичным и республиканским; а где уже и царство божие республиканизировано, могли ли там земные царства оставаться верноподданными королей, епископов и феодалов?» *(Там же, т. 22, с. 308).* Республиканское устройство церкви выражалось в избрании пасторов, однако путем рекомендации, которая была сосредоточена в руках избранных, т. е. буржуазии, руководившей религиозной жизнью. Республиканизм Кальвина вел к теократическому устройству государства.

Катастрофа, постигшая папство и взорвавшаяся, словно бомба, впервые в Германии, охватила и другие европейские государства, вступившие на путь капиталистического развития, причем характер и размер этой катастрофы изменялись в соответствии со степенью и с особенностью экономического и политического развития каждой страны в отдельности. Лютеранство стало религией менее развитых государств Западной Европы, кальвинизм - наиболее развитых.

В XVI в. Западная Европа представляла собою столь сложную в социальном отношении картину, что переход от] одного исповедания к другому далеко не везде шел по прямой линии, тем более что даже внутри каждого государства буржуазия не была достаточно сильна, чтобы уничтожить разлагавшийся феодализм. При таких обстоятельствах естественно, что борющиеся

между собою феодальный и нарождающийся буржуазный классы должны были идти на различные компромиссы. Папство же стремилось использовать к своей выгоде противоречивые интересы этих классов, и во многих случаях это ему удалось. С помощью так называемой контрреформации Рим отвоевал часть позиций, потерянных им в первой половине XVI в., в особенности в первые годы после выступления Лютера и других деятелей Реформации. Это обратное завоевание Римом своего влияния и основанного на этом влиянии могущества объяснялось в значительной степени тем страхом, который овладел господствовавшими классами в связи с Великой крестьянской войной 1525 г. в Германии. Этот страх побудил буржуазию пойти на сделку с феодалами и папством, протянуть им руку, с тем чтобы объединенными силами подавить восстание крестьян и плебейских масс, боровшихся вместе и находившихся под влиянием революционных идей, наиболее энергичным и ярким проповедником которых был в это время в Германии Томас Мюнцер.

Реформация поставила, по выражению Ф. Меринга, на ноги весь народ и слила различные местные крестьянские восстания, происходившие в Германии в продолжение многих десятилетий, в одно громадное революционное движение. Крестьяне требовали уничтожения крепостных отношений, отмены дворянских привилегий на охоту и рыбную ловлю, ограничения барщины и оброков, восстановления прав общин на леса и выпасы, устранения произвола в судах и в управлении и предоставления общинам права избирать и смещать духовных лиц. Восставшие крестьяне нашли энергичных союзников в лице мансфельдских и мейссенских горнорабочих, которых Томас Мюнцер сначала из Мюльгаузена, а затем будучи на театре военных действий призывал оказать деятельную помощь крестьянам, боровшимся за «народное дело» (Ф. Энгельс очень высоко оценивал революционные идеи Т. Мюнцера, отмечая, что, «подобно тому как религиозная философия Мюнцера приближалась к атеизму, его политическая программа была близка к коммунизму...» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 371)). В этот именно момент все имущие классы, не исключая и антипапских элементов, единым фронтом выступили против крестьян и горнорабочих, и Мартин Лютер, незадолго до того еще бывший национальным героем, порвал с повстанцами и всецело оказался в лагере князей, дворянства и буржуазии. Со страшной яростью Лютер напал на повстанцев в своем пресловутом памфлете «Против разбойников и убийц - бунтующих крестьян». «Крестьяне, - писал Лютер, - творят дело дьявола, и в особенности архидьявол есть тот, кто управляет в Мюльгаузене и не совершает теперь ничего, кроме грабежа, убийства и кровопролития; он является, как говорит Христос, человекоубийцей искони». Крестьян, писал Лютер, надо убивать, как бешеных собак, ибо следует помнить, что, «если ты не убьешь бунтовщика, он убьет тебя... Ставших на сторону крестьян ожидает огонь вечный... Теперь такое странное время, что князь скорее может заслужить благоволение небес кровопролитием, чем другие люди молитвою». В вопросе о подавлении крестьянских восстаний для защиты интересов имущих классов сближение между лютеранством и католицизмом оказалось возможным и легким делом.

Так, в недрах Реформации, являвшейся своеобразной формой революционного выступления, в силу диалектического развития исторического процесса зрела контрреволюция, или, употребляя церковный термин, контрреформация.

Будучи в первую очередь протестом широких народных масс против папской эксплуатации, Реформация являлась в то же время провозвестницей капитализма, первым актом буржуазной революции, как охарактеризовал ее Ф. Энгельс. Экономическая подоплека Реформации проявила себя в идеологической борьбе двух противоположных принципов: принципа индивидуализма и свободы, с одной стороны, и принципа слепого повиновения, традиционного авторитета в делах веры, с другой стороны. Борьба этих принципов в религиозной области получила конкретную форму в Расхождениях по вопросу о благодати. Для представителей нового учения, для лютеран, человек «спасается» не внешним действием на него благодати, а внутренним приобщением к ней. Поэтому посредничество священника между верующим и источником благодати совершенно не нужно, вопреки утверждениям католической церкви. Никакой совершенный акт (*opus operatum*) при пассивности человека не может «спасти» его, если он сам внутренне не приобщается к благодати. Это внутреннее приобщение через веру протестанты противопоставляли послушному, пассивному восприятию того, что диктуется церковью. Вот почему Людвиг Фейербах, с большой исторической натяжкой, в своей «Сущности христианства» называл Лютера рационалистом, а Гегель, уже совершенно неправильно, говорил об учении Лютера как о «царстве чистой мысли».

В действительности Лютер, давая некоторый простор человеческой мысли, теснейшим образом сковывал ее авторитетом Библии. Вот почему Маркс говорил о Лютере, что он «победил рабство по *набожности* только тем, что поставил на его место рабство по *убеждению*. Он разбил веру в авторитет, восстановив авторитет веры. Он превратил попов в мирян, превратив мирян в попов. Он освободил человека от внешней религиозности, сделав религиозность внутренним миром человека. Он эмансипировал плоть от оков, наложив оковы на сердце человека» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 422-423).

Глава одиннадцатая

КОНТРЕФОРМАЦИЯ XVI-XVII вв.

I

В первой половине XVI в. католицизму в ряде западноевропейских государств был нанесен тяжелый удар. Даже в среде итальянского духовенства, в частности в папских кругах, замечалась тревога. Многие открыто говорили о грозной опасности, таящейся в самых недрах общества. Моденский епископ Джованни Мороне, один из даровитых дипломатов папской канцелярии, набрасывал мрачную картину будущего христианского мира. Германия и Англия, по его мнению, легко могут довершить начатое дело разрушения католицизма, соединиться и увлечь за собою на этот разрушительный путь Польшу, Венгрию и Францию. Быть может, им даже удастся толкнуть на это «отвратительное» предприятие и братьев Габсбургов, т. е. Испанию, империю и значительную часть Италии. «Не следует ведь забывать, - писал Мороне, - что в воздухе носится еретическая зараза; все спорят и толкуют вкось и вкривь о догмах церкви, всякий считает себя теологом и предлагает какие-то нововведения в религии», действительно, многие писатели, ученые и духовные Деятели этого времени стали обращать усиленное внимание на поведение итальянских прелатов и с возмущением подчеркивали факты отступления духовенства от элементарных требований морали и религии.

Часть духовенства, в особенности низшего, тайно сочувствовала протестантам и допускала их к причастию. этой почве происходили столкновения с епископами, преследовавшими свои интересы и действовавшими согласно Указаниям из Рима. Деятельность епископов носила «полуифический» характер. Некоторые епископы, получавшие от папы специальные дипломатические и иные поручения, считали себя совершенно свободными от «пребывания у себя в епископии»; так, архиепископ наксосский Себастиан Лекавела официально заявил о том, что он живет в качестве каноника в Сант-Яго (Испания) и никогда не бывает на острове Наксосе; здесь вместо него служил назначенный папой человек, известный своей развратной жизнью, завзятый картежник и пьяница. Естественно, что при таких нравах падало, как утверждали многие летописцы, религиозное чувство. Веронский епископ заявлял, что в его епархии до 15 тыс. человек не принимают причастия уже 4-5 и даже 15 лет; многие женаты на близких родственницах, и так как у них нет денег, чтобы купить диспенсацию, то они фактически находятся вне лона церкви.

Около середины XVI в. часто возникали взаимные обвинения в ереси между лицами, имевшими друг с другом личные, должностные или политические счета. На этой почве также усиливалось приближение к «лютеранству». Не очень помогало и то, что с 1524 г. римская церковь систематически посылала во все епархии Италии, в особенности на север, суровые инструкции о борьбе с ересью. С 1524 по 1570 г. таких инструкций было выпущено 80. В связи с ростом лютеранских идей в Италии папа Павел III (1534-1549) в 1536 г. издал буллу, врывавшуюся в компетенцию государственной власти, угрожавшую отлучением от церкви за всякую апелляцию к собору и ставившую духовенство в привилегированное положение в случае привлечения духовного лица к суду. В 1542 г. буллой «Licet ab initio» папа учредил в Риме центральный инквизиционный трибунал с неограниченными правами, явившийся актом открытого недоверия к итальянскому духовенству и, по выражению Якова Буркгардта, испанизировавший более или менее свободную до того времени Италию. В то же время для борьбы с «христовыми врагами» и с отступниками была создана «Компания Иисуса», или

иезуитский орден, первым «генералом» которого стал Игнатий Лойола, основатель этой полувоенной-полумонашеской организации.

В 1540 г. Павел III буллой «Regiminis militantis ecclesiae» утвердил иезуитский орден с перечнем первых десяти его членов-основателей. Орден был одобрен папой, несмотря на возражения отдельных кардиналов, ссылавшихся на то, что уже имеется достаточно орденов и что вообще устройство новых орденов было курией запрещено. В виде компромисса было решено установить для иезуитского ордена норму в 60 человек. Ограничение это через три года было отменено. Мало того, орден вскоре получил от Павла III ряд новых привилегий.

Чтобы еще более поднять пошатнувшийся в глазах мира авторитет папства, Павел III решил, что необходимо пойти на созыв вселенского собора. Момент для этого был выбран удачно: протестантское движение в Германии было настолько сильным, что император Карл V вынужден был сосредоточить свое внимание на борьбе с ним, и в первую очередь ему приходилось искать помощи со стороны папства. Меньше всего в такой момент было в интересах империи ввязаться в конфликт с папой из-за первенства в руководстве собором. Огромное значение имело и то, что продолжительная война между империей и Францией окончилась в 1544 г. миром в Крепи, по которому Франциск I обязался оказывать императору поддержку в борьбе с протестантами и принять участие в соборе. С другой стороны наступали в это время турки, и империи предстояло бороться на два фронта: с еретиками внутри страны и с турками на границе.

Такая борьба требовала огромного напряжения, а Карл V нуждался и в людях, и в деньгах. Папа предложил для борьбы с протестантами 200 тыс. дукатов и 12 500 человек отборного войска, а в перспективе предвиделось еще 500 тыс. дукатов от доходов испанских церквей и монастырей, - все это ради борьбы за «чистоту католической религии».

Павел III считал момент настолько благоприятным для себя, что одновременно с выдвижением идеи собора, созданием нового инквизиционного трибунала и воинствующего ордена иезуитов стал вести наступательную политику внутри Италии в целях увеличения могущества Папской области, понимая это могущество в смысле упрочения в государстве своей фамилии Фарнезе. Так, он в 1545 г. отдал своему сыну Пиетро Луиджи в наследственное владение Парму и Пьяченцу, наградив его герцогским титулом. Парма и Пьяченца в 1512 г. папой Юлием II были отняты у миланского герцога и присоединены к папскому государству. Теперь Павел III подарил их новой герцогской семье Фарнезе. Этот род владел с тех пор Пармой и Пьяченцей в течение почти двух столетий, до прекращения в 1731 г. герцогской династии Фарнезе.

Павел III не ограничился возведением своего старшего сына в основатели герцогского дома Фарнезе и сделал двух своих младших сыновей (14 и 16 лет) членами кардинальской коллегии, высокими чиновниками папской канцелярии и обладателями богатейших епископий. Внук Павла III Оттавио Фарнезе, женившийся на внебрачной дочери Карла V, получил в наследственное владение герцогство Камерино, которое он уступил своему отцу Пиетро Луиджи, а сам получил герцогство Кастро. Так Павел III распоряжался герцогствами, раздавая их, в ущерб интересам Папской области, своим ближайшим родственникам. В 1545 г. был созван в Тренто (*Город Тренто (лат. Tridentum) расположен в южной части Тироля. Собор называют Тридентским или Триентским*) собор, формально имевший целью поднять авторитет католицизма и упрочить его «на вечные времена». Несомненно, готовность правительств Запада и господствующих классов стать под сень католического собора вызывалась тем страхом, который навела на них Крестьянская война 1525 г. и те плебейские секты, которые появились в связи с этой войной. Не следует забывать и того, что крестьянские волнения перешагнули через Рейн и охватили часть Лотарингии и весь Эльзас. Для подавления крестьянского движения в Эльзасе пришлось даже обратиться за помощью к Франции, и только с помощью герцога Лотарингского феодалы справились с эльзасскими крестьянами. Еще более грозные размеры приняла крестьянская война в приальпийских землях Австрии, где к повстанцам примкнули горнорабочие, шедшие с развернутым знаменем учения Томаса Мюнцера. Тирольские повстанцы вызвали настоящую панику в рядах эксплуататорского класса, и имя Михаэля Гейсмайера (*М. Гейсмайер - руководитель крестьянских восстаний в Швабии, Тироле и Зальцбурге. Умело маневрируя, Гейсмайер спасся от преследования Швабского союза и с частью своих войск перешел в Венецианскую республику. Отсюда он организовывал восстания в соседних австрийских землях, которые намеревался превратить в республику по типу Швейцарского союза. В 1532 г. он был убит наемными убийцами, подосланными австрийским герцогом*), военного руководителя тирольских горнорабочих и крестьян, нанесшего ряд крупных поражений правительственным войскам, стало пугалом для всех имущих,

которые стали обращать свои взоры к папству. Под видом восстановления старой религии происходило укрепление старых методов эксплуатации.

На открывшемся в этих условиях Тридентском соборе были две партии: непримиримая папская и компромиссная, группировавшаяся вокруг Карла V и названная императорской. Эта партия полагала, что собор должен прежде всего рассмотреть причины распространения еретических учений, а также причины деморализации, вырождения и одичания духовенства и вообще всей церкви. Другая партия, особенно крепко державшаяся за самого Павла III, откладывала вопросы о ереси и деморализации церкви на неопределенное время и выставляла требование заняться немедленно догматическими проблемами и осудить те ошибочные толкования и святотатственные учения, которые так заразили страны, идущие по пути протестантизма. Императорская партия настаивала на допущении к обсуждению спорных вопросов светских лиц, паписты же были против этого. Они отвергали также мысль о ведении переговоров с еретиками-протестантами, как с равной стороной, чего недвусмысленно требовала императорская партия.

«Ересь, мирящаяся с церковью, это ведь то же, что церковь, мирящаяся с ересью», т. е. преступление, подлежащее ведению инквизиции, - так говорила папская партия и прибавляла при этом: «Какой может быть компромисс с учением, отвергающим сущность католицизма?»; предлагаемая императором Карлом V «золотая середина», так называемая императорская убудок-религия (*interreligio imperialis*), не может не быть отвергнута, так как она противоречит «истинной» религии, т. е. католической. Последняя включает принцип несокрушимого авторитета. Этот принцип нарушается религиозным индивидуализмом лютеранства. Такова была исходная точка папской партии. На базе утверждения папского авторитета, стоящего выше соборов, и должна была протекать, по мнению папистов, вся деятельность Тридентского собора.

При слабости императорской партии, ввиду отвлечения основных сил империи к светским делам, в частности к военному протестантскому фронту, Павлу III без труда удалось навязать Тридентскому собору свою программу. И как следовало ожидать, сопротивления папе со стороны императора Карла V никакого не было. Тем более что против протестантов совместно двигались папско-императорские солдаты. Эти Дни папской победы в Триенте оказались и днями побед на полях сражения против протестантов. От этих побед всего более выигрывал Карл V. Папа, помогавший императору людьми и деньгами, испугался этой победы, которая освобождала Карла V от дальнейшей войны и дала ему возможность заговорить в Триенте языком властелина, только что одержавшего победу над княжеской, лютеранской партией. Папа поспешил поэтому еще до окончательных результатов войны отозвать своих солдат и прекратить высылку денег на театр военных действий, а затем в 1547 г. перенес заседания Триентского собора из германского Тренто, где Павел III чувствовал «дыхание победоносного императора», в Болонью, вторую столицу Папской области, чтобы избежать «засилья» императорской партии. Этим Павел III показал, что он ставил политические интересы выше религиозных и что светское господство дома Фарнезе над Италией ему было дороже победы католицизма над протестантизмом. В тот момент, когда протестантская Северная Германия переживала страшную трагедию в связи с победой Карла V, папа чувствовал себя как бы союзником протестантов и печалился по поводу их поражения - таково было мнение ряда участников Тридентского собора.

Павел III продолжал верить, что война еще не проиграна, что она может повернуться против императора, победа которого ему казалась непрочной. «Он верил в эти благоглупости потому, что ему так хотелось верить», - писал французский представитель при папском дворе королю Франциску I, которого папа убеждал прийти на помощь протестантам.

Ореол победы открывал перед Карлом V возможность «реформировать» католицизм, добиваясь смягчения некоторых его злоупотреблений и усиления значения светской власти по отношению к Риму. Возможно, что на этот «компромиссный католицизм» пошла бы и значительная часть колебавшихся протестантов, если бы Тридентский собор пошел на уступки. Но этих именно уступок боялся больше всего папа, и перевод собора в Болонью, куда не последовало немецкое духовенство, означал провал попыток к соглашению и компромиссу. Отныне в течение короткого времени было два собора, враждовавших между собой и не пользовавшихся авторитетом. Фактически Тридентский собор с 1547 до 1551 г. не функционировал. Он снова открылся под давлением императора в том же германском городе.

Болонский же собор, по существу бездействовавший, был распущен 17 сентября 1549 г. незадолго до смерти Павла III.

Трудное положение католицизма во многих западных государствах в момент смерти Павла III заставило кардинальскую коллегия потребовать при избрании нового папы, принявшего имя Юлия III (1550-1555), возобновления Тридентского собора. Это требование поддерживал и Карл V, надеявшийся примирить протестантов с католиками в империи и достигнуть единства веры. Наоборот, Франция была против собора, стремясь к усилению внутри Германии религиозного раскола и ослаблению позиции Карла V. Без особой веры в успех своего дела Юлий III буллой «Cum ad tollenda» созвал в Триенте собор 1 мая 1551 г. Карл V рекомендовал протестантским князьям явиться на него. Некоторые откликнулись на зов императора, так как после поражения протестантов под Мюльбергом (1547 г.) чувствовали себя не в силах противостоять Карлу V.

Однако вмешательство французского короля в пользу немецких протестантов, от которых он получил Мец, Тур, Верден и Камбрэ, изменило положение дел в империи: Карл V снова начал борьбу с протестантами, которые покинули Три-дентский собор. 28 апреля 1552 г. собор прекратил свою деятельность. Этот перерыв затянулся на целых 10 лет, до 1562 г. Папство стремилось нанести удар испано-габсбургской монархии, несмотря на ее преданность католицизму и ее явную ненависть к протестантам. Однако все попытки папства отеснить Испанию (*После отречения Карла V в 1556 г. его «универсальная монархия» распалась: сын Карла Филипп II стал испанским королем, а его брат Фернанд I сделался германским императором*) оказались бесплодными, и папская курия сосредоточила свое внимание на борьбе с «внутренними врагами», поднимавшими голову в самой Италии.

Италия покрылась, начиная с опубликования буллы «Licet ab initio» (1542 г.), густой сетью инквизиционных трибуналов. Достаточно было малейшего подозрения в отклонении от католической догмы, чтобы подвергнуться самым суровым преследованиям; даже кардинал Джованни Мороне, в свое время высказывавшийся на вселенском соборе в примирительном духе по вопросу об оправдании верой, был арестован по распоряжению нового папы Павла IV (1555-1559) и должен был публично отречься от своих взглядов, в свое время высказанных на первых заседаниях Тридентского собора. Он был выпущен из тюрьмы только после смерти Павла IV.

Венеция и Неаполь были первыми пунктами, где начала свирепствовать «испанизированная» инквизиция, которая первыми своими жертвами избрала капуцинского викария Окино и августинца Вермилли: они были проповедниками и имели множество последователей. Инквизиция наталкивалась в Италии на пассивное сопротивление народных масс, не желавших выдавать еретиков. На это горько жаловались инквизиторы в Мирандоле и Перголе. В Венеции сама синьория не допускала особенных репрессий в отношении протестантов, и инквизиции приходилось с этим считаться, вот почему на первых порах число смертных приговоров инквизиции было в Венеции сравнительно невелико. Впрочем, синьория вскоре стала уступать, и инквизитор делла Каза в 1549 г. известил Рим, что светские власти Венеции наконец поняли важность борьбы с еретиками и не ставят больше преград Деятельности инквизиции. Об этом свидетельствовал случай со священником из Гелецано, арестованным в 1549 г. за то что он в присутствии 200 прихожан отрицал пресуществление христового тела в евхаристии. Виновный выдал своих учителей, каялся, был лишен звания, в течение двух часов был привязан к позорному столбу, приговорен к 10 годам галерных работ, а затем должен был жить в ссылке. Тяжелее было «преступление» монаха Балдо Лупитено: он за антикатолические проповеди был в 1542 г. арестован и в 1547 г. казнен, а тело его сожжено. Особенно сильно свирепствовала инквизиция в Папской области, в частности в самом Риме. За «одно вольное слово» Анджелико из Кремы в 1546 г. вырезали язык и пожизненно заключили в тюрьму Форте. В том же году в Риме были сожжены испанец Энсинас и француз Жироламо.

Особенно неумолим был Павел IV, который в ряде специальных постановлений объявлял, что все еретики, даже особенно влиятельные, лишаются всех своих прав и преимуществ и каждый верующий имеет право суда над ними. В 1559 г. Павел IV опубликовал впервые папский список запрещенных церковью книг («Index librorum prohibitorum»), и инквизиционным трибуналам предписывалось следить, чтобы никто не пользовался и не распространял этих книг.

Впервые об издании систематического списка запрещенных книг заговорили на Тридентском соборе еще в 1546 г., когда был издан декрет о запрещении распространения не одобренных

церковью изданий Св. писания и комментариев на него. Павел IV дополнил этот декрет специальным списком запрещенных книг, а возобновивший в 1562 г. свои занятия Тридентский собор издал новый список, много раз, вплоть до наших дней, переиздававшийся и дополненный различными запрещенными книгами. Список этот и получил название «Индекс» («Указатель») (*«Индекс запрещенных книг» (лат. «Index librorum prohibitorum») - издававшийся Ватиканом в 1559-1966 гг. список произведений, чтение которых запрещалось верующим под угрозой отлучения от церкви. В «Индекс» включались тысячи названий, среди которых находились произведения выдающихся мыслителей, ученых, писателей).* Собор закрылся в 1563 г., а постановления его были утверждены особой буллой в 1564 г. (*Оценивая значение Тридентского собора, К. Маркс писал: «Этот собор монархическую власть папы поставил на место аристократической власти собиравшихся на синод епископов» (Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. 8, с. 46)).*

Большую роль играли на Тридентском соборе иезуиты, которые с этого времени приобрели особо сильное влияние на политику Рима. Иезуиты настойчиво требовали усиления наблюдения за просветительской деятельностью лютеран и в инквизиции видели главное средство борьбы с «видимой и невидимой заразой». При Павле IV гонениям наравне с протестантами подвергались евреи: булла 1559 г. предписывала им ношение обязательного отличительного знака на одежде, проживание в специальном городском квартале и немедленную распродажу всего недвижимого имущества. Евреям запрещалось держать христианскую прислугу, работать в дни католических праздников, лечить христиан и торговать съестными припасами и вообще чем бы то ни было, за исключением старого платья. В духе общей политики преследования «опасных» книг Павел IV особыми распоряжениями требовал уничтожения еврейских книг, сожжения Талмуда и преследования тех, которые хранят у себя эти книги. Не менее жестоко преследовались при нем и мараны. В 1555 г. папа приказал арестовать в Анконе, крупном торговом центре, имевшем особенно оживленные сношения с Востоком, всех маранов и евреев, живших там в количестве 30 тыс. 60 арестованных немедленно приняли католичество и как «раскаявшиеся еретики» были сосланы на остров Мальту; 25 оставшихся верными иудейской религии были публично сожжены; многие оказались давно крестившимися и исполнявшими все предписания католицизма, а потому они были лишь изгнаны из Анконы. К изгнанникам присоединились беглецы из разных пунктов Папской области, в которой свирепствовала с особенной силой самая черная реакция. Так как среди арестованных в Анконе оказалось несколько турецких евреев и маранов, то султан Сулейман обратился с письмом к Павлу IV. В нем он выражал недоумение по поводу жестокости со стороны церкви, которая требует от своей паствы любви и жалости к ближнему. Преподав папе урок веротерпимости, султан угрожал контррепрессиями в отношении христиан, проживающих в Турции, если папа немедленно не освободит арестованных турецких подданных. Публично униженный и осмеянный, Павел IV вынужден был открыть двери тюрьмы перед турецкими евреями и маранами. В гневе им был издан закон о ношении евреями особых желтых шляп во всей Папской области; кроме того, евреи были накрепко заперты в гетто.

Павла IV буржуазные историки нередко называют последним представителем эпохи Ренессанса на папском престоле. Этим они хотят сказать, что после Павла IV ни один папа не заботился более о развитии в Папской области искусства и литературы. В действительности с его именем связано чудовищное истребление книг и борьба против науки и ученых. К этому нужно прибавить еще, что Павел IV энергично осуществлял традиционную папскую политику nepотизма, основанную на насаждении «племянников» в разных областях папского государства. «Государство, состоявшее из князей объединенных общностью крови» - таков был идеал многих пап эпохи Возрождения.

Вся деятельность пап этого времени знаменуется стремлением расширить самостоятельное папское государство путем установления равновесия между борющимися за господство в Италии крупными державами. При этом Папская область служила как бы регулятором этого равновесия и старалась побольше выгадать от этой игры.

Не будучи настолько сильной, чтобы существовать независимо от других государств, она не была и настолько слаба, чтобы ее можно было совершенно игнорировать в ожесточенной борьбе, которую вели между собой Франция и испано-габсбургская монархия. Интересы папства всегда принимались во внимание, по крайней мере на словах, обеими сторонами; они обычно сулили золотые горы папству, если оно силой своего авторитета поддержит ту или иную из борющихся сторон.

Начало понтификата Павла IV совпало с заключением мира в Германии между католиками и протестантами (так называемый Аугсбургский религиозный мир 1555 г.), упрочением в Испании Габсбургской династии и дальнейшим укреплением французской монархии. Все это свидетельствовало о консолидации крупных государств Западной Европы и о сильнейших ударах по папской политике, стремившейся сохранить свое существование путем спекуляции на противоречиях интересов других государств.

II

Крушение политики борьбы за независимое папское государство поставило перед папой новую проблему. Нет ли иного пути к упрочению папской власти? Представляет ли независимость маленького государства, достигаемая путем лавирования между отдельными крупными государствами, искусственно вовлекаемыми в войну, - представляет ли такая независимость тот идеал, от которого папство не может отказаться и который оно должно проводить во всех своих государственных начинаниях? Разве не более высоким явилось бы папское руководство христианским миром, всей вселенной без неперемennого условия существования самостоятельного папского государства, имеющего династический суррогат в лице эфемерных непотов? Разве мировое государство католической церкви не было бы во много раз богаче и могущественнее, чем папа-государь, живущий в своем маленьком государстве, среди бушующего моря страстей захватчиков разного масштаба и калибра? Не бороться с каждым конкурирующим государством, не балансировать между соперниками, чьи претензии постоянно вызывают недовольство то одной, то другой стороны, а задаться новой целью, которая, вместо опасных интриг, дает возможность папству деятельно помогать «всем» государствам, преданным католицизму. За эту помощь (а точнее, службу) получать от каждого соответствующую мзду - таковы те идеи, которые должны были бы, по мнению некоторых представителей папских кругов, лечь в основу новой политики всемирной католической церкви.

Зачем стремиться господствовать над силами, которые тебя всегда превосходят, когда можно покупать их благосклонность образцовой службой, помощью в том деле, которое осуществляется силами того или иного католического государства? Пусть отдельные государства борются между собою, папство может и должно быть полезно каждому из них и, служа всем, выиграть для себя больше материального и морального капитала, чем борьбой за независимую политическую роль во всем мире с главами отдельных европейских государств во имя создания сильного, самостоятельного папского государства.

Но как добиться такого руководства, как сделаться необходимым союзником, чьей помощью будут дорожить борющиеся между собой государства Западной Европы? Не упрочение своего маленького государства, разумеется, даст папству такую силу и не эфемерное существование папской династии в ограниченных пределах Центральной Италии может способствовать тому, что папство явится желанным, полезным и необходимым союзником в борьбе того или иного государства за какие-либо цели, - папство будет действительно искомым, желанным союзником королей лишь тогда, когда оно будет господствовать над умами, над волей и сознанием каждого народа, каждого человека. Пусть папство двигает людьми - его власть будет крепнуть сама собою; пусть папство господствует над умами - его господство над телами придет само собою; пусть папство печется о духовной власти - власть материальная не заставит себя долго ждать; пусть папство помнит, что идеал духовного государства кует господство материальное, и пусть не забывает, что величественный ореол духовной власти один только и приличествует «наместнику бога на земле» и что о мощь этого идеала разобьются вдребезги козни врагов католической церкви. Такова была новая теория, выросшая на почве распада феодализма: папство должно отказаться от претензий на политическое господство над императорами и королями. Оно все более и более убеждалось в своей материальной, а потому и политической слабости по сравнению с выросшими национальными государствами. Борьба с последними сулила папству все меньше и меньше шансов на победу, и старая папская политика была оставлена. Прежняя стратегия Рима, имевшая целью подчинить папству центральную светскую власть, пользоваться правом надзора над деятельностью светских властей и располагать особыми привилегиями в деле эксплуатации широких масс и обложения их налогом, со временем уступила место новой политике. Папство

отныне должно было усилить свою помощь светской власти в эксплуатации народных масс и само избегать конфликта с государями.

Эта служебная роль папства особенно усиленно пропагандировалась, начиная с ближайших преемников Павла IV, иезуитским орденом, сумевшим понять выгодность «духовного овладения» людьми и заботившимся прежде всего о том, чтобы оказываемая церковью помощь государственной власти самым щедрым образом оплачивалась и чтобы папство, перебившее фронт, материально не только не пострадало, но и многократно выиграло. Отныне папство идет по пути «строительства» не столько своего маленького итальянского государства, сколько всех государств Западной Европы, причем бывшие раздоры папской власти со светской сменяются совместными усилиями обеих властей в деле эксплуатации широких слоев народа и упрочения феодального общества.

Эта эволюция папства соответствовала общему экономическому развитию в Европе. Выставшие крупные национальные государства поглощали отдельные маленькие города-республики, хотя бы они и были очень богаты. Так, перед выросшими Англией и Францией склонили голову ганзейские, нидерландские и итальянские свободные коммуны. Буржуазия перерастала городскую территорию и для дальнейшего своего укрепления нуждалась в более обширной территории, в «национальном» государстве. Если в борьбе и конкуренции с большими государствами подрывались силы Генуи, Венеции и Флоренции, Брюгге, Амстердама и Антверпена, то ведь и Риму нельзя было более надеяться на политическое господство над крупными национальными государствами. Подобно ряду ранее независимых коммун, и Рим был осужден на политическое прозябание, на политическую смерть. Уже в политике папы Павла IV и покровительствуемого им ордена иезуитов причудливым образом переплеталась старая мания величия и стремление к верховенству над всем миром с новым стремлением особенно энергично подавлять малейшее отступление от «божьего слова», которое все сильнее понималось в смысле повиновения властям.

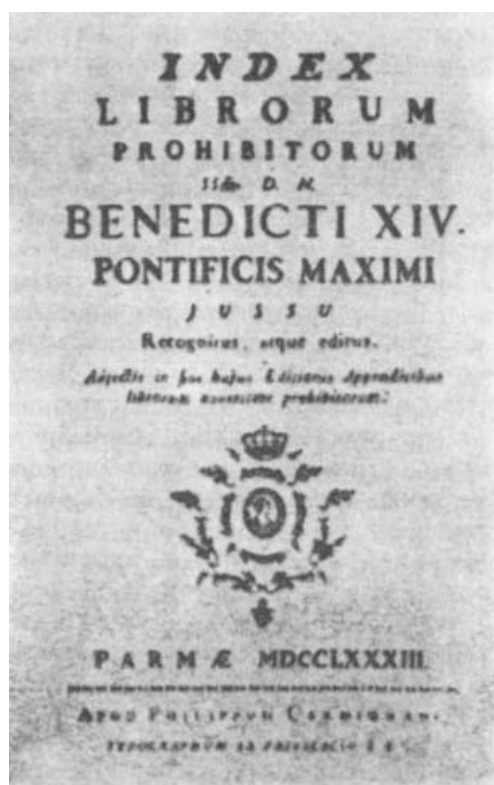
Со своей слабой наемной армией Павел IV боролся по-старому со все еще могучей и сильной Испанией, а в своей булле «Cum ex apostolatus» объявил вне закона всех еретиков и решительно подчеркнул, что он не делает исключения для королей и императора. С другой стороны, ему нужна была «новая инквизиция» по испанскому образцу: вся Италия должна быть охвачена сетью инквизиционных трибуналов, и на вольнодумство должно быть обращено особое внимание церкви.

Павел IV не скрывал своей ненависти к свободной человеческой мысли, науке и просвещению, постоянно подчеркивал необходимость умственного закабаления мира.

Влияние иезуитов резко сказалось на возобновившейся в 1562 г. деятельности Тридентского собора. Собор этот провозглашал принцип всемогущества папской власти. От попыток «реформировать» церковь «в ее главе и членах» не осталось и следа. Дело шло о том, чтобы реставрировать папство в смысле торжества «истинных начал католицизма», как единственной религии, представляющей интересы бога на земле. Отныне не должно быть никакой речи о каких-либо уступках протестантам; всяким сомнениям и колебаниям, что считать ересью, был окончательно положен предел, и так называемому тридентскому исповеданию веры должны были принести присягу все духовные лица и профессора университетов. Авторитет папы был поставлен выше решений вселенских соборов, и «божьему слову», всегда исходящему из уст папы, все должны были отныне беспрекословно повиноваться.

Против непокорных же действовал суровый меч инквизиции, не только каравший «преступников», но и предупреждавший «преступления». Таким предупреждением являлось изъятие из употребления запрещенных книг, указанных «Индексом». Чтобы обеспечить деятельность папской цензуры, папой Пием V (1566-1572) была создана в 1571 г. специальная конгрегация «Индекса» под председательством самого папы. Эта конгрегация просуществовала в своем первоначальном виде до 1917 г., когда она передала свои функции 1 называемой конгрегации святой инквизиции, учрежденной еще в 1542 г. Последнее издание «Индекса» относится к 1934 г., когда он был составлен по распоряжению Пия XI (*Последнее издание «Индекса» было предпринято в 1948 г., в понтификат папы Пия XII. С. Г. Лозинского к этому времени уже не было в живых*). Каждое новое издание «Индекса» пополнялось «свежим» материалом; старый иногда из него выпадал: папство делало уступку «духу времени». Так, исчез из «Индекса» Галилей, ибо папство,

по-видимому, уже примирилось с идеями Галилея. Живущие авторы, под угрозой церковных наказаний, должны подчиниться требованиям «Индекса» и отказаться от своих книг, попавших в него.

«Индекс запрещенных книг» 1783 г.

В «Индексе» значились Декарт и Мальбранш, Спиноза и Гоббс, Локк и Юм, Савонарола и Сарпи, Гольбах и Гельвеций, Вольтер и Руссо, Ренан и Штраус, Тэн, Минье, Кинэ, Мишле, Золя, Флобер, Жорж Санд, Стендаль, Виктор Гюго, Лессинг, Прудон, Мицкевич, Метерлинк, Анатоль Франс, ряд энциклопедий, в том числе знаменитая Энциклопедия великих французских просветителей, почти все произведения которых были занесены в «Индекс». На страницах «Индекса» встречаются имена и духовных лиц католической религии: так «История древней церкви» (русский перевод, 1908) известного французского епископа Луи Дюшена (1843-1922) попала в число запрещенных книг, равно как все работы священника Альфреда Луази. Под особую защиту «Индекс» берет дьявола и ведьму, и потому Мишле и множество других авторов, писавших о дьявольщине, не избежали «Индекса», фигурируют в нем и те католики, которые критиковали принцип непогрешимости папы. Имя «старокатолика» проф. Игнатия Деллингера «украшает» страницы «Индекса».

Мало того, в число запрещенных книг попадали даже такие, которые в свое время были одобрены высшими представителями церкви или иногда даже были написаны папами. Так, на «Примечания к Новому завету» Эразма Роттердамского был наложен запрет, хотя до издания «Индекса» книга эта рекомендовалась рядом епископов и архиепископов. Запрещенным оказался проект улучшения церкви, выработанный еще в 1538 г. специальной комиссией, председателем которой был кардинал Караффа, будущий папа Павел IV. Оказалась под запретом и «Такса святой апостольской канцелярии», представлявшая преysкурant отпущений и диспенсаций, которые продавались папством всем желавшим очиститься от грехов и преступлений.

Издание этой «Таксы» выходило много раз и считалось официальным. По нему наводили справки папские канцеляристы при взыскании платежей за отпущение грехов. «Такса» была издана, между прочим, в 1548 г. в Венеции и имела посвящение папе, гласившее: «Пусть под твоим руководством и твоим покровительством это сочинение вступает в свет Для всеобщего блага». Но «Такса» в дни страстной полемики между лютеранами и католиками служила орудием борьбы против католицизма, и конгрегация «Индекса» без стеснения внесла ее в число запрещенных книг, указав, впрочем, смехотворную причину такой перемены фронта к официальному Изданию: книга эта будто бы была извращена еретиками, т. е. лютеранами. На самом деле причина была иная: ее указал в 1567 г. известный ученый, ректор Сорбонны Клод д'Эспенс. Он писал: «Везде продается, притом дешево, как проститутка, совершенно открыто, книга, напечатанная под названием «Такса апостольской камеры, или канцелярии». Из этой книги читатель может узнать о большем количестве пороков, чем из всех перечней и подытоживаний (summistris et Summariis) самых разнообразных преступлений и пороков. Из этой книги читатель узнает, как за деньги преступления становятся дозволенными и разрешенными. Следует удивляться, как в наше время, в дни религиозного раскола, допускается к распространению каталог самых отвратительных и самых ужасных преступлений, книга столь пошлая и низкая, что в Германии, Швейцарии и везде, где происходит отпадение от римского престола, нет другого произведения, которое могло бы вызвать равное возмущение. Прекрати, Рим, эту безумную дешевую продажу каталога всяких человеческих преступлений... Пусть папа помнит слова о враче, который прежде всего должен самого себя исцелить, и пусть он уничтожит всякие «святые таксы», это позорнейшее и постыднейшее корыстолюбие, заслуженно проклятое многими и

многими, и пусть он скорее очистит эту авгиеву конюшню всякого зла и бесчестия» (*D'Espence C. In epistolam D. Pauli apostoli ad Titum commentarius. Parisiis, 1567, p. 67, 90*).

Кроме «Индекса» запрещенных книг издавался указатель очищенных и подлежащих очищению книг, т. е. таких книг, которые либо уже подвергались частичному исправлению автором, либо должны были ему подвергнуться, если автор не хочет оказаться среди писателей, зачисленных в «Индекс». Еще до составления «Индекса» церковь время от времени публиковала декреты, на основании которых книги изымались из употребления, а их авторы подвергались суровым наказаниям. На Констанцском соборе ссылались на подобного рода декреты, и на их основании было запрещено чтение Яна Гуса. С изобретением книгопечатания, в особенности с оживлением его в эпоху Реформации, по инициативе папы Льва X начались систематические изъятия «вредных и опасных» книг, причем дело это было папой поручено архиепископам Трира, Майнца и Магдебурга, которые должны были держать на учете «всякое писание». Латеран-ский собор 1515 г. не только присоединился к этой «конституции» Льва X, но и распространил ее на весь католический мир.

Впоследствии, для лучшей осведомленности, было введено обязательное доносительство на «опасные» книги.

Параллельно с «Индексом» установлена еще с XVI в. предварительная церковная цензура, которая лежит на обязанности папского викария в Риме, отдельных епископов во всех епархиях и инквизиторов. За нарушение правил предварительной цензуры, помимо уничтожения книги, виновные подвергались денежному штрафу 100 дукатов, запрещению печататься, а иногда отлучению от церкви. Предварительная цензура ссылается в оправдание своего существования на ту же конституцию Льва X. Помимо цензурного разрешения папство ввело практику предварительного одобрения - апробацию, через нее должны пройти книги, имеющие следующее содержание: «теологию, историю церкви, церковное право, естественную теологию, этику и другие религиозно-нравственные отрасли знания». Конгрегация может выдать любую запрещенную книгу какому-либо «специалисту», известному ей и преследующему «доброе дело».

III

Прикрыв себя щитом старых католических догматов, освященных Тридентским собором, вырвав из своего лона слабые соглашательские элементы, готовые идти на частичные уступки протестантам и другим вероотступникам, сделав энергичный призыв к «возврату» к аскетической, нравственной жизни, провозгласив авторитетом папу и признав все традиции церкви столь же священными и обязательными, как Ветхий и Новый заветы, католицизм почувствовал себя как бы возрожденным к новой борьбе. Опираясь на иезуитский орден, католицизм в лице папы выдвигал на первый план требование о духовном, а не о политическом господстве над миром. Что духовное господство не являлось самоцелью, а было лишь средством к достижению материального и политического господства, не представляло сомнения: духовная ширма в этот исторический момент была для церкви необходима, так как опасная для нее обстановка не позволяла ей идти к цели прежним путем.

«Аугсбургский религиозный мир» 1555 г. предоставил право каждому имперскому чину исповедовать религию, какую он считает истинной; этим самым религию владетельного князя обязаны были исповедовать и все его подданные. Это обстоятельство предопределяло и путь, по которому католическая церковь могла идти в поисках надежного союзника. Вследствие успехов реформационного движения обстановка становилась для папства все более трудной. В 1557 г. Столики лишились в Вюртемберге всех монастырей. В 1558 г. во многих городах графства Эттинген были изгнаны католические священники и монахи. Университетские кафедры оказались в руках противников католицизма. Венский университет за 20 лет не дал ни одного католического теолога. В университете в Диллингене, основанном для борьбы против протестантизма, преподавателями были испанцы: нельзя было найти ни одного подходящего для этой цели немецкого теолога. Молодежь, по заверениям официальных лиц, увлекалась протестантскими профессорами и слышать не хотела о католическом учении.

Не лучше обстояло дело за пределами Германской империи. По словам венецианского посланника Микели, в 1561 г. три четверти французского населения с увлечением говорило о

Кальвине, авторитет которого тем более магически влиял на французов, что он сам был родом из Франции. «Удивительнее всего, - пишет Микели, - что даже духовенство переходит на сторону Кальвина, и вообще люди моложе сорока лет редко продолжают оставаться верными делу католицизма».

Еще более напряженная обстановка создавалась в Нидерландах. Здесь в борьбе католицизма, насильственно охранявшегося феодально-клерикальной Испанией, против местной кальвинистически настроенной буржуазии накапливалась классовая, национальная и религиозная ненависть, проявившаяся так ярко в Нидерландской революции. Именно в Нидерландах была найдена почва для совместных союзных действий католической церкви и королевского абсолютизма. С помощью церкви здесь искоренялось все, что было направлено против абсолютизма - как в политической, так и в религиозной области. С помощью инквизиции и светских военных судов в богатейших нидерландских городах велась кровавая борьба с кальвинистами и приверженцами независимости Нидерландов, с борцами за национальную и культурную свободу. По определению Гуго Греция, число жертв в Нидерландах доходило до 100 тыс. - цифра, которую повторяет множество историков. Л. Ранке говорит о 35 тыс. протестантов, погибших до 1562 г. Венецианский посланник Наваджеро писал, что за 20 лет реакции в провинциях Голландии и Фрисландии погибло свыше 30 тыс. человек «за анабаптистские грехи». Герцог Альба с гордостью говорил, что за шесть лет его правления «через его руки прошло» свыше 18 тыс. человек, которых ожидала казнь. На эту цифру ссылаются и Генеральные штаты, заседавшие через несколько лет после революции в Антверпене.

Так начала свою борьбу с врагами католицизма контрреформация в Нидерландах, где ей не удалось вытравить «лютеранскую заразу», так как северная часть страны, под именем Соединенных Нидерландских Штатов, отделилась от Испании, провозгласила свою независимость, объявила себя республикой и порвала, с католической религией. Этим путем голландская буржуазия нанесла сокрушительный удар одновременно королевскому и папскому абсолютизму в лице испанского короля Филиппа II из династии Габсбургов и пап Пия V (1566-1572) и Григория XIII (1572-1585).

Еще до своего поражения в Нидерландах Филипп II и Пий V указывали французскому правительству на необходимость подавления протестантского движения во Франции. Папа обнаружил при этом даже готовность идти на жертвы: так, он разрешил французскому правительству продать часть церковного имущества и получить 1,5 млн. ливров, которые предлагал использовать на эти цели. Кроме того, в Папской области был объявлен сбор денег на военную помощь католикам Франции.

Итальянские князья должны были участвовать в этом предприятии, а сам папа организовал небольшой отряд, отправил его через Альпы к командующему и приказал беспощадно уничтожать протестантов, не делая исключения ни для кого. В то же время во Францию были отправлены в большом числе иезуиты, открывшие в Турноне, Бильоне, Тулузе, Бордо и Лионе специальные школы. Проповедник и богослов Эдмонд Ожье развил широкую деятельность во всей Франции. Его имя стало особенно популярным в Лионе среди верующих, а также среди крупной землевладельческой знати в Париже. За короткое время его «Катехизис» в одном Париже разошелся в 38 тыс. экземпляров. Одновременно с Ожье проявил кипучую деятельность иезуит Малдонат родом из Испании.

Под влиянием папской и иезуитской агитации во Франции начались военные столкновения между протестантами и католиками. Когда протестанты при Монконтуре потерпели поражение, папа с особым торжеством переслал в Латеранский Дворец захваченные у протестантов знамена. Он уже мечтал, что подавление протестантов во Франции даст ему возможность убедить французское правительство объявить войну Англии, где царствовала в это время Елизавета, которую папа отлучил от церкви и считал злейшим врагом христианства, поскольку она стояла на стороне протестантов.

К антианглийской кампании папства присоединился и испанский король Филипп II, видевший в Англии сильного морского соперника и желавший устранить этого «морского разбойника» с путей, связывавших Испанию с ее американскими колониями. Но если материальные интересы Испании, окрашенные в религиозный цвет, толкали ее на путь войны с Англией, то не в интересах

Франции было чрезмерное увеличение сил Испании и превращение ее в могущественную державу Западной Европы.

Естественно, что иезуитские планы образования союза Испании, Франции и папства против «еретической» Англии натолкнулись на затруднения внутри Франции, раздиравшейся острыми внутренними противоречиями между земельной аристократией и растущей буржуазией, вылившимися в форму борьбы между католицизмом и протестантизмом.

24 августа 1572 г. началась резня протестантов в Париже, известная под названием Варфоломеевской ночи. В течение немногих часов в столице Франции было убито свыше 2 тыс. протестантов. На следующий день правительство распорядилось начать преследование протестантов и в провинции. В Лионе было убито 800 человек, в Орлеане - 500, в Мо - 200, в Труа и Руане были задушены все арестованные накануне протестанты. В общем во Франции погибло в течение двух недель около 30 тыс. протестантов.

Папа Григорий XIII (1572—1585)

Папа Григорий XIII при известии о «подвигах» Варфоломеевской ночи иллюминировал Рим и важнейшие пункты своей области, выбил медаль в честь этого богоугодного дела и отправил в Париж кардинала Орсини для поздравления «христианнейшего короля и его матери» - Карла IX и Екатерины Медичи. От папы не отстал и испанский король Филипп II, восторгавшийся «сыном, что у него такая мать, и матерью, что у нее такой сын» *(Активными организаторами Варфоломеевской ночи были французский король Карл IX и его мать Екатерина Медичи).*

IV

Папа Григорий XIII и испанский король Филипп II намеревались устроить Варфоломеевскую ночь и в Англии. Хотя здесь и было еще много католиков, связанных с феодальными кругами, однако ввиду антикатолических интересов побеждавшей буржуазии положение здесь было сложнее, чем во Франции, и необходимо было проявить особую гибкость. Не на Англии, а на Ирландии сосредоточилось в это время внимание контрреформации. Ирландия находилась под тяжелым тройным гнетом Англии: классовым, национальным и религиозным. По сведениям,

доходившим в Рим, достаточно было 500 человек, чтобы поднять Ирландию против Англии, перерезать англичан, живших в Ирландии, и затем вторгнуться в пределы самой Англии и там учинить такую же кровавую бойню, как это было сделано во Франции в августе 1572 г.

С этой целью Григорий XIII вступил в тайные переговоры с авантюристом Стэклеем, которого стал звать маркизом Лейстерским, выдал ему 40 тыс. скуди для организации похода в Ирландию и связал его с ирландским эмигрантом Фицджеральдом, на средства папы организовавшим у французского побережья небольшой морской отряд. Экспедиция Стэклея и Фицджеральда получила средства также от Филиппа II. Казалось, что снова начнут действовать объединенные папско-испанские силы. Но в последнюю минуту Стэклей нашел более выгодное поле действия в Африке, а в Ирландии стал действовать один Фицджеральд, который после успешного вторжения вскоре натолкнулся на большие силы англичан. Им не стоило большого труда подавить вспыхнувшее по наущению папы восстание на острове, и Григорию XIII пришлось убедиться, что избранный им путь реставрации католицизма в Англии не может привести к цели.

Тем не менее Григорий XIII упорно продолжал борьбу против королевы Елизаветы: отлучил ее от церкви, объявил лишенной престола и поддержал ряд заговоров на ее жизнь. Он оправдывал убийство королевы опасностью, какую она представляла для дела «истинной веры» не только в своей стране, но и для Нидерландов, Франции и вообще для всей Западной Европы.

Попытка папской курии опереться на Испанию в борьбе против Англии окончилась неудачей. Испания потеряла в 1588 г. свой большой флот - «непобедимую» армаду и вынуждена была признать свое бессилие. Поэтому папство решило развернуть «духовное» наступление на Англию, осуществляя его медленно и постепенно, прибегая к помощи иезуитов. Сначала в Дуэ, а потом в Риме стали устраивать иезуитские английские школы, в которые принимали лишь тех, кто давал клятву по окончании школы целиком посвятить себя борьбе за торжество католической веры в Англии.

Путь «духовной сапы» оказался плодотворным для папства, и Григорий XIII стал его проводить повсюду: в Вильне, Клаузенбурге, Стокгольме, Люцерне появились иезуитские школы и семинарии, воспитанники которых специально занимались борьбой против протестантизма и пропагандой «истинной» христианской веры. Эти «духовные борцы» ни перед чем не останавливались. Так, пять швейцарских кантонов в 1565 г. заключили с Пием IV оборонительно-наступательный союз, для осуществления которого в 1570 г. некий Пфиффер, провозглашенный «швейцарским королем», пытался оторвать от Швейцарии семь кантонов. В 1574 г. в Люцерн были приглашены иезуиты, в 1579 г. здесь появился папский нунций, организовавший «золотой союз» и вступивший в переговоры с Филиппом II. В результате подрывной деятельности папистов в Швейцарии началась гражданская война: в Вальтеллине было убито 600 протестантов, и Вальтеллина вышла из кантона Граубюнден. В Валлисе были уничтожены поголовно все протестанты; в 1591 г. епископ Христофор Бларер вернул в лоно католицизма кантон Базель, и иезуиты осели в Прунтруте.

В тех частях Германии, где протестантизм не одержал полной победы, католическая церковь особенно усилила свою деятельность. С помощью дворянства иезуиты должны были не только отстоять католические области Германии, но и повести наступление на протестантские. Руководствовались при этом главным образом принципами папского представителя Минуччи, считавшего, что в первую очередь должно быть «завоевано» дворянство, заинтересованное в том, чтобы только люди дворянского происхождения имели право на милости. Даже в школы старались принимать лишь дворян. Минуччи требовал, чтобы дворян не слишком «огорчали» недопущением множества бенефициев в одних руках. Он предостерегал против привлечения ученых к делу католицизма. «Некоторые из них, конечно, могут быть очень полезны, - писал он, - но, как правило, они принесут католицизму вред, так как отвергнут принцип наследственного и исключительного права дворянства на бенефиции и другие выгодные должности». Проникновение в религию недворянских взглядов, заявлял Минуччи, легко может оттолкнуть дворянство, составляющее главнейшую опору католицизма. По мнению того же Минуччи, после тех ударов, которые были нанесены папству и католицизму в Нидерландах и Англии, опасно было действовать открыто, с помощью одной лишь силы. Нужно было работать «для блага истинной церкви» осторожно, скрытно, и партия Минуччи вскоре присоединилась к «духовной

сапе» иезуитов, особенно рекомендуя привлекать на сторону католицизма крупных князей, герцогов и королей.

Примером служил баварский герцог Альбрехт V (1550- 1579), приютивший у себя иезуитов и предоставивший им в распоряжение университет в Ингольштадте. От населения потребовали немедленно присяги тридентскому вероисповеданию, запрещено было посещение иностранных университетов, назначен был высший религиозный совет, организовался «земский союз», стремившийся объединить всех католических князей Германии с Испанией и Римом. Сын Альбрехта Эрнест сосредоточил в своих руках множество епископств и тем увеличил могущество Баварии. Он был епископом Фрейзинга, Гильдесгейма, Льежа, Мюнстера, а также архиепископом Кельна и имперским аббатом Стабло и Мальмеди.

Такое же положение создалось и в Австрии, где иезуит Мельхиор Клезель, имевший огромное влияние на императора Рудольфа II, изгнал в 1578 г. из Вены всех протестантских проповедников, организовал в ряде городов католические советы и закрыл многие протестантские церкви. В 1595-1597 гг. в ответ разразилось крупное крестьянское восстание, которое было потоплено в народной крови. Одним из результатов поражения восстания было массовое насильственное обращение австрийцев в католицизм. Большую «идеологическую» роль играл при этом основанный в 1586 г. Грацский университет, рано попавший в руки иезуитов. В 1588 г. из Зальцбурга были изгнаны все не католики. Не лучше обстояло дело в Вюрцбурге, где епископ Юл Эхтер насаждал с 1584 г. тридентизм: в течение одного года было изгнано 162 проповедника, а 62 тыс. протестантов были насильственно обращены в католическую веру. В Кельне в это время происходила настоящая война из-за кандидатуры на архиепископское кресло: католики призывали на Помощь Испанию и Рим. С большим трудом кельнским архиепископом был избран упомянутый баварский герцог Эрнест, ставший благодаря этому одним из семи курфюрстов, избиравших германских императоров.

Продолжая борьбу за германских князей, Минуччи требовал от папы в особом тайном меморандуме создать в Риме для Германии датарий (распределитель духовных мест) и составить перечень наиболее знатных дворянских фамилий. Составление такого «каталога нисходящей знатности», советовал Минуччи, лучше всего поручить «отцам иезуитам» или папскому нунцию в Германии. Отныне каждая открывающаяся должность будет заниматься в соответствии со степенью знатности кандидата. Ни один капитул, никакой каноник не сможет возражать против назначения, исходящего законным образом из Рима. Значение же последнего поднимется на необычайную высоту как в материальном, так и в моральном отношении.

Тактика, разработанная Минуччи, достигла цели: в 1588 г. он представил папе свои «соображения», а уже в 1590 г. баденский герцог Яков начал вести особый список представителей германской аристократии, перешедших в лагерь католицизма.

Были, однако, случаи и обратного перехода, и не только в Германии, но и в некоторых других странах, - там, где шла классовая борьба с переменным успехом то в пользу буржуазии, то в пользу крупного феодального землевладения. Так, французский король Генрих III, бывший долгое время игрушкой в руках католической партии, внезапно сверг с себя «это тяжкое иго», арестовал архиепископа Лиона и кардинала Бурбона и даже убил герцога Гиза и его брата, кардинала. Папа Сикст V (1585-1590), возмущенный тем, что «благородный член святого престола» был убит светской властью без суда и приговора, резко упрекал своего легата в Париже Морозини, почему он не отлучил от церкви короля: «Он должен был это сделать, если бы ему это стоило даже ста жизней». Папа предложил Генриху III под угрозой отлучения от церкви немедленно выпустить из тюрьмы арестованных кардинала и архиепископа и явиться в Рим. Свою резкость Сикст объяснял «ответственностью перед богом, который счел бы его самым бесполезным папой», если бы он решительно не реагировал на «святотатственные поступки» Генриха III.

23 июня 1589 г. папский приказ с предостережением, что король погибнет, подобно царю Саулу, если не подчинится папе, был доставлен в Париж, а 1 августа доминиканский монах Жак Клеман убил Генриха III ударом кинжала. Накануне кордельерские монахи сняли «голову» на портрете Генриха, и религиозные процессии шли, выкрикивая: «Погаси, господи, род Валуа», а в главном парижском соборе настоятель Пижена произнес проповедь на перифраз стиха Вергилия:

«Пусть мститель восстанет из наших костей и огнем и мечом уничтожит Валуа, этот род тиранов».

Сам папа в убийстве Генриха III увидел, что «бог все-таки не покидает своей Франции»; ведь в убийстве Генриха «бедным монахом» с особой силой проявилось «вмешательство всевышнего». Однако «бог» требовал и «человеческого вмешательства». Папа немедленно сместил недостаточно решительного парижского легата Морозини, назначил энергичного Гаэтано, вступил в переговоры с испанским королем Филиппом II, предлагая ему французскую корону и обещая послать на помощь 15 тыс. солдат и 800 лошадей, не считая постоянной денежной субсидии на ведение войны. Франция должна была стать испанской провинцией - того требовали интересы католицизма. Это было и в интересах религиозного фанатика Филиппа II, сына «универсального императора» Карла V. Гаэтано уже подготовил приказ о введении во Франции инквизиции и об отмене галликанской «свободной церкви». Приказ этот, однако, никогда не был осуществлен. Король Генрих IV, представитель новой династии Бурбонов, опубликовал в 1598 г. Нантский эдикт, предоставивший во Франции почти полное равноправие гугенотов с католиками.

Покончив таким образом с религиозными войнами, тянувшимися свыше 30 лет, Франция двинулась по пути абсолютизма, враждебного феодальному сепаратизму аристократии, но вполне сочетавшегося с социально-политическими интересами феодального класса в целом, с феодальной эксплуатацией народа, выгоды которой, наравне с землевладельческой знатью, сумела использовать для себя и церковь во главе с римским папой. Солидарность с Римом реализовалась на деле. Генрих IV в 1597 г. содействовал папе в его стремлении присоединить к Папской области город Феррару. Этот город - один из центров гуманизма, в котором велись оживленные диспуты о Гомере, Вергилии, Аристотеле, папство вскоре превратило в монастырско-кладбищенский город, жители которого массами стали переселяться в Модену, тем более что в Ферраре в большом числе появились инквизиторы, выискивавшие все новые жертвы.

Значительное ослабление позиций католицизма в конце XVI в. папство пыталось компенсировать путем активизации деятельности инквизиции. Усилились жестокие преследования всякого вольного слова, свободной мысли. Долгие годы в застенках инквизиции томился мужественный борец за свободу своего народа, родоначальник утопического коммунизма Томазо Кампанелла. По обвинению в ереси 17 февраля 1600 г. был сожжен живым на костре осужденный инквизицией Джордано Бруно.

Еще будучи монахом, Бруно вызвал преследование со стороны доминиканцев за отрицательное отношение к учению о троичности и воплощении бога. Впоследствии Бруно стал устно и печатно распространять атеистические идеи, он резко выступал против католицизма, называя его «торжествующим зверем». Бруно нападал и на церковь вообще, эту «мать и дочь мрака и заблуждений», не делая исключения и для протестантизма, который он обвинял в «узком фанатизме». Особенно возмущала Бруно столь ревностно проповедовавшаяся церковью вера в различные авторитеты. Он издевался над теми, кто смотрит на окружающий мир «чужими глазами» и вечно ссылается на «бедного Аристотеля», «которого они не понимают и никогда не читали». «Авторитет, - говорил Бруно, - есть познание при чужом свете», истина добывается сомнением во всем, обращением к собственному разуму; прежде всего необходимо «прогнать сон и тучи многих измышлений, которые затмевают ум». Но основное «преступление» Бруно состояло в том, что он разделял и развил взгляды Коперника в области астрономии и своим учением о множественности миров нанес сокрушительный удар теологии. Этого было достаточно, чтобы он был приговорен к сожжению на костре. Сам Коперник избежал такой участи, так как не напечатал при жизни ни одного своего сочинения. Когда его преданный ученик Иоахим Ретик опубликовал в 1539 г. краткое изложение системы мира Коперника, то вызвал страшный гнев церкви - не только католической, но и протестантской. Лютер и Меланхтон (*Филипп Меланхтон (1497-1560) - немецкий богослов, сподвижник М. Лютера, ставший после его смерти вождем немецкого лютеранства*), которые одновременно с Ретиком состояли профессорами в Виттенберге, никак не могли примириться с «изменой» своего товарища по университету, перешедшего к изучению «проклятой» астрономии. Особенно их возмущало, что Коперник по настоянию именно Иоахима Ретика опубликовал за несколько дней до смерти свое произведение «Об обращениях небесных кругов», которое дало «отставку теологии». «С этого времени исследование природы по существу освободилось от религии... развитие науки пошло гигантскими шагами» (*Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 509*).

Впоследствии Галилео Галилей (1564-1642), обосновавший принцип небесной механики, сделался приверженцем системы мира Коперника и в частном письме от 1613 г. к аббату Кастелли отстаивал взгляды Коперника против нападок церкви. Письмо это попало в руки инквизиции, объявившей учение Коперника еретическим и принудившей Галилея дать торжественное обещание не защищать и не распространять впредь этого учения. В 1632 г. Галилей, рассчитывая, что решение инквизиционного трибунала не будет строго соблюдаться, опубликовал сочинение «Диалог» в виде разговора собеседников, посвященное системам Коперника и Птолемея.

В лице Простака (Симплицио) из «Диалога» иезуиты увидели самого папу Урбана VIII, считавшего, что «всемогущество бога нельзя ограничить никакой необходимостью», и возобновили процесс против Галилея. Он был немедленно арестован инквизицией в Риме. Хотя Галилей выразил готовность дополнить «Диалог» категорическим опровержением учения Коперника и даже принес публичное покаяние в церкви св. Марии, он был объявлен «узником инквизиции». В этом «звании» он пробыл девять лет; ему были запрещены разговоры о движении Земли и печатание каких-либо трудов. Слепой, он по-прежнему оставался «узником инквизиции» в Риме и лишь незадолго до смерти ему разрешено было переехать к себе.

Трагической оказалась судьба Джулио Чезаре Ванини, одного из ранних учеников и последователей Джордано Бруно. Ванини преподавал философию преимущественно в Лионе и Тулузе и был заподозрен в атеизме. Хотя он написал в целях рассеяния подозрения специальную работу против атеизма, церковь нашла и в этой книге много предосудительных мыслей, и Ванини оказался в числе подозрительных людей. Когда в 1616 г. он опубликовал книгу «О поразительных тайнах природы», в которой развивались пантеистические идеи, он был обвинен в атеизме и затем приговорен к сожжению. Ванини предварительно должен был Всенародно покаяться, стоя одетым в саван и с факелом в руке; затем его должны были влачить лошадью на плетенке, отрезать ему язык, «изрыгавший кощунство», а после этих надругательств и мучений его надлежало удушить и сжечь на костре. Ванини, услышав, что он должен покаяться перед богом, королем и судом, заявил: «Нет ни бога, ни дьявола, так как если бы бог был, я попросил бы его поразить молнией парламент, как совершенно несправедливый и неправедный, если бы был дьявол, я попросил бы его также, чтобы он поглотил этот парламент, отправил его в подземное царство, но так как нет ни одного, ни другого, я ничего этого не делаю» (См.: Рутенбург В. И. Великий итальянский атеист Ванини. М., 1959, с. 99). Приговор над 34-летним мучеником науки был приведен в исполнение в феврале 1619 г. Он был живым сожжен на костре.

Глава двенадцатая

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ПАПСТВА В КОНЦЕ XVI - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

I

На бесплодном, широко распахнутом плато Центральной Испании расположен огромный дворец-монастырь Эскуриал, построенный по приказу Филиппа II в память мучений св. Лаврентия. Еще ныне в Эскуриале показывают то место, где обычно, с протянутой вперед больной ногой, под сенью огромного золотого креста, чеканки самого Бенвенуто Челлини, холодный, жестокий фанатик Филипп II, следя через специально сделанное в стене отверстие за богослужением у алтаря, мучительно вынашивал свои «грандиозные» планы во славу и честь католической религии и ее рыцарски верной союзницы Испании.

Потопить в море крови Нидерландскую революцию, задушить английскую королеву Елизавету, посадить на ее место Марию Стюарт, с корнем уничтожить англиканскую церковь, провозгласить испанского принца французским королем вместо только что убитого Генриха III, изгладить воспоминание о галликанской, не подчиняющейся папизму Церкви, вернуть Германию в лоно католицизма, очистить христианский мир от турок - все это не только произносилось вслух Филиппом II и всей испанской феодально-клерикальной партией, но передавалось почти как приказ бесчисленным агентам королевской и католической политики. А навстречу этим приказам шли в Эскуриал вести, которые воспринимал на том же кресле, у того же отверстия и под тем же

знаменитым крестом, по-прежнему сумрачный и неподвижный Филипп II. Вести эти гласили о казни Марии Стюарт, о гибели «непобедимой» армады, о победах политики английской королевы Елизаветы, о торжестве Нидерландской республики в ее борьбе против испано-католического абсолютизма, об усилении протестантов в ряде местностей Германии, Дании, Швеции и Норвегии, о поражении испанских войск во Франции и успешном продвижении войск, руководимых еретиком-гугенотом Генрихом Бурбоном, унаследовавшим после убийства короля Генриха III французский трон. Эти вести означали крушение испано-католических планов Филиппа II. Было над чем задуматься и папству, связавшему свою судьбу с судьбой Филиппа II, другими словами - с судьбой феодально-клерикальной реакции.

Вследствие потери папством влияния в ряде государств, а также роста буржуазии внутри католических стран материальные силы Рима были сильно подорваны. Папству было необходимо думать о надежном союзнике. С мертвецом, говорил Сикст V, не заключают союзов, а Испания казалась ему мертвецом: «уже слишком много авансов выдавала она небу», - не придется ли святейшему престолу расплачиваться за эти авансы? Перед взором Сикста V стал вырисовываться новый союзник, который раньше или позже должен был бы заменить глубоко погрязшую в феодальных порядках Испанию. Некогда могущественная Испания в конце XVI в. быстро шла к упадку. За несколько лет население города Толедо уменьшилось на 8 тыс. человек; город Мединадель-Кампо настолько обеднел, что не мог платить налогов. Шерстяное производство в Куэнке совершенно захирело, а шелковые фабрики в Севилье, Сеговии, Толедо, Гренаде в большинстве случаев были закрыты. Нищета, распространившаяся подобно моровой язве, война, лишившая Испанию одного миллиона людей, страшные эпидемии, эмиграция, уводившая ежегодно из Испании до 40 тыс. человек, изгнание маранов и морисков (евреев и арабов, принявших внешним образом католическую религию) и свирепые преследования инквизицией всех, заподозренных в какой-либо «ереси», - таковы были, по донесению венецианских и генуэзских посланников, живших при испанском дворе, последствия той политики, которую проводила в течение ряда лет феодально-католическая придворная камарилья в царствование Филиппа II и его преемников. «Таким образом, абсолютная монархия в Испании, имеющая лишь чисто внешнее сходство с абсолютными монархиями Европы вообще, должна скорее быть отнесена к азиатским формам правления...» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 10, с. 432) - писал К. Маркс. «Но в других больших государствах Европы абсолютная монархия выступает как цивилизующий центр, как объединяющее начало общества. Там она была горнилом, в котором различные элементы общества подвергались такому смешению и обработке, которое позволило городам променять свое средневековое местное самоуправление на всеобщее господство буржуазии и публичную власть гражданского общества. Напротив, в Испании аристократия приходила в упадок, сохраняя свои худшие привилегии, а города утрачивали свою средневековую власть, не приобретая значения, присущего современным городам» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 10, с. 431-432).

II

Овладев Феррарой и превратив ее в поле деятельности инквизиции, папство почувствовало свою силу и стало преследовать чисто «материальные» цели, хотя после Тридентского собора оно демонстративно подчеркивало «духовный» характер своей миссии. Сикст V, так часто говоривший о символическом значении микеланджеловского купола (*«Микеланджеловский купол» - купол собора св. Петра в Риме, сооруженный по проекту великого итальянского скульптора, живописца и архитектора Микеланджело Буонарроти (1475-1564)*), устремлявшегося к небу и не покидавшего землю, сам представлял эту двойственную политику папской власти. Естественно, что успех в отношении Феррары толкал курию продолжать политику в том же направлении, и город Ченедра, находившийся по соседству с Венецианской республикой, стал очередной жертвой Рима.

Расширение папских владений по р. По привело к столкновению с Венецией, отстаивавшей свободу плавания по этой реке и считавшей рыболовство по ней своей монополией. Вскоре эти недоразумения осложнились другими: в Венеции владели огромным имуществом различные ордена и монастыри, они, ссылаясь на папские льготы, не платили налогов и претендовали на ряд привилегий. Не желало подвергаться налоговому прессу и венецианское духовенство, общий доход которого равнялся, по определению венецианских властей, 11 млн. дукатов. После

энергичных требований светских властей духовенство согласилось внести лишь 12 тыс. дукатов. Венеция не желала удовлетвориться такой ничтожной суммой.

Были и другие поводы к столкновениям: Венеция славилась тогда своими типографиями и снабжала почти всю Европу печатными произведениями, в огромном большинстве случаев теологического характера. Чрезвычайные запреты папской цензуры, уничтожавшей лютеранские книги, а затем все, что содержало даже малейшие нападки на нравы духовенства, на чрезмерные претензии папства, на его лицемерную, изуверскую и полную противоречий политику, наносили удар одной из тех отраслей производства, которые обогащали Венецию.

Уничтожались сочинения не только таких авторов, которые либо были на подозрении у папства, либо содержали отступление от обязательной линии Рима, но и ортодоксальные произведения, проникнутые чисто католическим духом, не вызывавшие сомнений, также стали постепенно изыматься. Все более и более типографское и книжное дело превращалось в монополию Рима, где участниками книжного дела состояли члены курии, в частности лица, имевшие непосредственную связь с конгрегацией «Индекса». Они материально были заинтересованы в том, чтобы, запретив одни книги, другие разрешить и отменить данное разрешение и внезапно изъять уже поступившую в продажу книгу.

Обострению отношений между Венецией и курией способствовало и то, что республика запретила отчуждать в пользу духовенства какие бы то ни было земли и строить церкви и другие культовые учреждения в пределах Венецианской республики без разрешения светской власти. Вскоре конфликт принял острый характер: апелляция к папе была Венецией запрещена, сторонники Рима (папалисты) устранились с различных служб и на духовенство накладывались разные повинности. Отправление денежных сумм в Рим контролировалось, равно как собрания духовенства и опубликование булл. То было, по выражению иезуита Беллармина, «языческой тиранией»: «стадо вздумало судить пастуха». Когда монах Паоло Сарпи, поступивший на государственную службу и защищавший интересы Венеции, заявил, что княжеская, светская власть столь же божественного происхождения, как и папская, и что Рим не имеет права отменять государственных законов, поскольку «всякая власть от бога», папа Павел V (1605-1621) отлучил от церкви все высшие органы Венецианской республики, в частности государственных консультантов, одним из которых и был монах Сарпи. Было объявлено, что через неделю в Венеции должно прекратиться, согласно папской булле 17 апреля 1606 г., всякое богослужение: церкви должны быть закрыты, покойников запрещалось хоронить по христианским обрядам и т. д. На республику налагался интердикт.

Венецианская республика, где господствующим классом рано стало крупное купечество, вела своеобразную религиозную политику. Пока существовала надежда вытеснить из Византийской империи мусульман, Венеция была настроена «по-христиански» и энергично требовала направлять крестовые походы против «врагов христовой веры», так как, будучи торговой посредницей между Европой и Азией, она особенно страдала от турок, которые одно время не давали возможности вести торговлю по Средиземному морю. Но как только выяснилось, что турки прочно засели в Константинополе и что нет надежды на их изгнание из Малой Азии, Венеция пошла по пути соглашения с «врагом христианского мира» и вступила с Турцией в тесные торговые сношения. С этого момента воинствующее католическое рвение республики испарилось. В 1531 г. сенат постановил, что священник, который дерзнет в церкви произнести проповедь против турок, подлежит немедленному аресту, а несколько позднее сенат торжественно объявил, что во избежание подозрений со стороны турок он никогда не подпишет международного договора, даже косвенно направленного против турок. Эта щепетильная «веротерпимость», вызывавшаяся коммерческими соображениями, не применялась, однако, к православному населению Далмации. Далматинцев Венеция энергично оттесняла от морского берега, который все больше и больше заселялся предприимчивыми торговцами Венецианской республики. Такая же двойственная религиозная политика проводилась и внутри Венеции: иностранцы-торговцы, в особенности немцы, могли открыто исповедовать протестантскую религию и вообще проявлять недружелюбное отношение к Риму. От своих же подданных республика требовала строгого соблюдения религиозных предписаний. Республиканские власти Венеции выдали Джордано Бруно инквизиционному суду, и с полного благословения республики папа покрыл Венецию сетью инквизиционных трибуналов. Подданные республики шли на

костер, в то время как проживавшие рядом с ними иностранцы открыто поносили римский фанатизм и порядки римской курии.

Нередко папы жаловались на слишком мягкое отношение венецианцев к проживавшим в республике иностранцам-лютеранам. Но Венеция не только не шла на уступки в этом отношении, но даже переходила зачастую в наступление, Указывая, что причина религиозных неполадок лежит в самом Риме, который практикует назначение иностранцев на должности епископов, причем такие епископы обычно не проживают даже в своих епархиях. Сама республика требовала от прелатов, чтобы они прежде всего были патриотами, чтобы интересы Венеции стояли у них на первом плане. «Иностранцы» не должны были назначаться на какие-либо духовные посты в республике. Епископ по требованию республики не только должен был быть венецианцем, но и непременно принадлежать к господствующему классу, к той верхушке крупной буржуазии, которая занимала все высшие места в республике. Семейства Гримани, Пизани, Контарини, Квирини поставляли своих людей как на светскую, так и на духовную службу. В течение почти целого столетия патриархами Аквилеи были члены семьи Гримани, и нередко сенат при освобождении доходного епископского места направлял туда одного из своих деятелей. Разумеется, прелат-патриот должен был прислушиваться больше к Венеции, чем к Риму. На этой почве между республикой и курией происходили резкие пререкания. Венеция требовала, чтобы Рим не слишком «привязывал» к себе венецианцев, и направлявшемуся в столицу мира дипломату республика угрожала суровым наказанием, если он получит из рук папы какой-либо бенефиций. В свое время был дипломат, который во время поездки в Рим получил там кардинальскую шляпу. С ужасом республика говорила тогда о тяжком ударе, нанесенном свободе этим страшным скандалом. Все доходы кардинала были конфискованы; его брату заявили, что если кардинал в течение 20 дней не откажется от своего звания, то он и вся его семья навеки будут изгнаны из Венеции. Кардинал, однако, упорствовал, - через пять лет он стал... папой Павлом II (1464-1471).

На почве обложения духовенства также происходили постоянные трения между Римом и Венецией. В правление Пия V (1566-1572) эти трения приняли особенно острый характер в связи с настойчивыми протестами республики против постоянного вмешательства курии в деятельность судебных органов Венеции. А когда Пий V потребовал в 1567 г. обязательного чтения в церквях в «великий четверг» пресловутой буллы «На вечера господней», то венецианская буржуазия не только запротестовала именем «свободы и власти, данных милостью господ бога», но сумела привлечь к своему протесту и местное духовенство. Пий V, «самый упорный из всех пап», должен был уступить. Его попытка борьбы против государственной церкви, т. е. находящейся под контролем государственной власти, натолкнулась на противодействие не только небольших итальянских республик, но и Испании, короли которой были заинтересованы в сохранении надзора за интригами папских агентов на территории Испании.

Уступчивость Пия V объяснялась и тем, что его постигла неудача при попытке устранения с трона королевы Елизаветы. Изданная по этому поводу булла «*Regnans in excelsis*» (1570 г.) была *последней* попыткой папства лишить короля власти над его подданными. Эта булла вызвала недовольство даже в рядах английских католиков, не решавшихся открыто отказаться от повиновения Елизавете. Со всеми этими неудачами нужно было мириться и быть тем более уступчивым, что в это время на острове Мальта иоаннитские рыцари (*Иоанниты (госпитальеры)* - члены духовно-рыцарского католического ордена, основанного в начале XII в. в Палестине крестоносцами. Название ордена - от госпиталя (дома для паломников) св. Иоанна в Иерусалиме - первоначальной резиденции ордена. Впоследствии резиденция ордена находилась на острове Мальта (в 1530-1798 гг.); отсюда другое название ордена - *Мальтийский*) подвергались опасности со стороны турок, и Пий V «кровно» был заинтересован в создании большой христианской коалиции против мусульманского врага. Хотя папа пытался вовлечь в коалицию всю Европу, не исключая даже православной России, ему удалось, однако, организовать «священную лигу» лишь из Испании и Венеции. Командующий объединенным флотом Дон Хуан Австрийский в 1571 г. уничтожил в заливе Лепанто турецкую эскадру. Однако победители передрались между собой, и разбитые турки сумели сохранить за собой Кипр.

С вынужденной уступчивостью Рима менее всего мирились иезуиты, которые взяли с особой энергией за «идейную обработку» Венеции. В Падуе была организована высшая иезуитская семинария, а вскоре в Венеции - гимназия. Тысячами собирались из всей республики «вредные» книги и тайком сжигались. Повсюду выслеживались лютеране и прочие еретики. Везде иезуиты

стремились захватить высокие посты и стать духовниками влиятельных лиц. Иезуиты учились в Венеции особому искусству - умению обращаться с купцами, становившимися дворянами. Так иезуиты начали подводить мину под буржуазное здание республики. Уже поднимался вопрос, насколько Венеция имеет право требовать жертвы от духовенства, которое служит богу, а не государству. Конфликт с республикой был неизбежен. Особую ярость иезуитов вызвала деятельность Паоло Сарпи (1552-1623), который в 1585-1588 гг. был прокурором ордена «служителей божьей матери» в Риме. Вернувшись в 1589 г. в Венецию, Сарпи выступил в ряде произведений против притязаний папства играть руководящую политическую роль в итальянских государствах, хотя он оставался на позициях католицизма и относился враждебно к протестантизму.

Несмотря на грозную буллу Павла V о наложении интердикта на Венецию, республиканские власти не дрогнули и заявили, что в светских делах, кроме бога, республика не признает другого судьи. Они при этом выразили надежду, что и духовенство разделяет это же убеждение и остается верным республике и не подчинится незаконному распоряжению папы Павла V.

И действительно, местное духовенство стало на сторону республики, за исключением иезуитов, капуцинов (*Капуцины - нищенствующий католический орден, основанный в 1525 г. в целях противодействия Реформации*), театинцев (*Театинцы - монашеский католический орден, основанный в 1524 г. Из этого ордена формировались кадры высшего духовенства*), которые покинули Венецию и переселились в Папскую область.

Так фактически произошло удаление наиболее воинствующих папистов из Венецианской республики, в актах которой она в это время называется «чистой»; под этим подразумевалось очищение ее территории от агентов папства.

Павел V решил начать войну с Венецией и заручился поддержкой Испании: уже вербовалась армия, и из Испании шли деньги и люди. Но вскоре стало известно, что Франция обещала выставить 15-тысячную армию в защиту Венеции, так как вмешательство Испании означало появление ее снова в качестве соперницы Франции на севере Италии. Военные действия были своевременно приостановлены и сменились продолжительными переговорами, в результате которых обе стороны пошли на уступки без решающего перевеса одной из них. Однако в одном вопросе победа осталась на стороне Венеции: иезуитам было воспрещено вернуться в Венецию. Они были из нее изгнаны как непокорные и не желающие подчиниться светской власти подданные.

Таким образом, папство, укрепившее свое положение после Тридентского собора, терпело тем не менее крупные поражения: во Франции, несмотря на переход Генриха IV в католическую веру, правила не крайняя католическая партия, а галликанская, по существу враждебная ультраклерикальным притязаниям папства. В Венеции же был нанесен тем более чувствительный удар папству, что иезуиты были его лучшими агитаторами и вернейшими последователями. Эти поражения свидетельствовали, что двойная игра папства: с одной стороны, стремление быть выше светской власти, а с другой - ограничение своей политики ролью союзника светской власти в борьбе против внутренних врагов - политических и религиозных - наталкивается на непреодолимые препятствия. Папство уже было подорвано теми значительными сдвигами, которые произошли в социальных и политических отношениях в Европе XV-XVI вв., и не могло поэтому с прежней властью диктовать отдельным странам свою волю.

III

Борьба папства за сохранение своих позиций требовала от него применения новой тактики, целью которой было добиться единства между стремлениями папства и политикой европейских государств. За такую линию в Риме особенно горячо ратовал орден иезуитов, сумевший использовать долгий исторический опыт, учивший необходимости избегать борьбы со светской властью. Ведь все чаще исход этой борьбы оказывался невыгодным для Рима. Предотвращения опасности столкновений с центральной властью, казалось, легче всего достигнуть, если следовать иезуитским указаниям о согласованном действии обеих сторон.

Применение этой тактики папство начало с Германии, где вследствие выборного характера королевско-императорской власти папство уже давно добивалось насаждения угодных Риму

германских императоров, причем иногда с большим успехом. Осуществляло оно эту задачу путем подкупа избирательной коллегии, состоявшей из семи курфюрстов, легко поддававшихся разного рода влияниям.

В XVII в., под влиянием иезуитов, практика подкупа с целью возведения на императорский престол угодных папе лиц приняла систематический характер. Папство заботилось, чтобы императорская корона закреплялась за династией Габсбургов, которая на протяжении веков распространяла свои владения к юго-востоку и присоединяла к своим родовым областям славянские и венгерские земли. Это присоединение «корон» к габсбургской императорской короне вело к политике насильственного подавления «чужой», т. е. не немецкой, культуры. Габсбурги поэтому были воплощением принципа абсолютизма и централизма.

В папстве Габсбурги имели естественного союзника, тем более готового всегда подавлять всякого рода попытки национальной самостоятельности, чем больше Габсбурги продвигались к востоку, где власть папства была слабее и где влияние православной церкви чувствовалось сильнее. Так Габсбурги и папство с давних пор тесно связывались друг с другом, а когда Габсбурги систематически стали избираться в римские и германские императоры, то папство стало рассчитывать подавить с их помощью протестантское движение в Германии.

Особенно мечтало папство о нанесении смертельного удара гуситам в Чехии, которые после своего поражения при Липанах в 1434 г., ввиду тогдашнего ослабления папства в связи с «великим церковным расколом», не были окончательно уничтожены и в дальнейшем добились некоторых уступок, как, например, причащения под обоими видами. Успехи германского протестантизма способствовали оживлению деятельности гуситов, в частности так называемых чешских и моравских братьев (*Чешские братья (в Моравии - моравские братья) - религиозная секта, возникшая после поражения таборитов и всего гуситского движения. Отрицали государство, сословное и имущественное неравенство, организацию католической церкви; проповедовали отказ от насильственной борьбы, восстановление порядков раннехристианских общин*), примкнувших в значительном числе к лютеранству.

Разумеется, внутри еретического движения происходило расслоение, социальная дифференциация: многие участники его были связаны с ремеслом, мелкой торговлей; другие вышли из зажиточных кругов и занимались предпринимательством.

В XVI в. чешские города кишели «еретиками». За короткое время Чешский Брод, Литомержицы (Лейтмериц), Трудное, Тешнев, Колин и другие стали центрами протестантизма.

Для борьбы с еретическим движением папа еще в середине XVI в. направил в Чехию партию иезуитов, которым был отведен Пражский монастырь св. Климента. Тогда же ордену дано было право выдавать университетские дипломы, и в Ольмюце, Брюнне и т. д. открылись иезуитские школы. Фактически дело образования перешло в руки иезуитского ордена.

Однако Чехия с ее почти 150-летним гуситским движением, враждебным папству, представляла собою слишком далеко отошедшую от католицизма страну, чтобы в ней можно было сразу искоренить все следы ереси. Из 2,5 млн. населения в Чехии насчитывалось всего 300-350 тыс. католиков. Поэтому умеренные гуситы (утраквисты) (*Утраквисты (калликстинцы, чашиники) - название умеренных гуситов, требовавших частичной реформы католической церкви и в особенности причащения всех верующих и хлебом и вином*) должны были оставаться вне пределов преследования; ими иезуиты пользовались даже для нанесения удара протестантам и так называемым «братьям», имевшим много последователей среди ремесленников и крестьян.

В других областях габсбургских владений папство настаивало на более решительной политике, чем в Чехии. Оно добилось в 1578 г. запрещения протестантской службы во всех городах Нижней Австрии, обязав в то же время всех горожан присутствовать на католических церемониях и причащаться по католическим обрядам. Те же начала восторжествовали в Верхней Австрии, в Штирии, Каринтии и Крайне, где будущий император Фердинанд II в качестве правителя этих областей с большой жестокостью подавлял всякую ересь и запретил даже дворянам занимать государственные должности, если они не исповедовали католическую религию. Особые полувоенные комиссии разъезжали по стране и не желавшим вернуться в католичество предписывали немедленно распродать имущество и, уплатив 10% с вырученной суммы государству, покинуть его пределы.

Католическая политика Габсбургов распространилась и на Венгрию. Здесь, однако, ввиду вспыхнувшего в 1605 г. восстания и угрозы совместного выступления венгров с турками католицизму пришлось идти на уступки. В 1606 г. Габсбурги предоставили венгерскому

дворянству свободу вероисповедания, исключительное право на занятие государственных должностей и право выбирать палатина, т. е. наместника короля.

В 1608 г. в Агаузене по инициативе курфюрста Пфальцского Фридриха была образована уния для защиты интересов протестантизма. В ответ на это в 1609 г. в Мюнхене была создана католическая лига, организовавшаяся по инициативе иезуитов и задавшаяся целью уничтожить протестантов во всей империи и желавшая видеть на императорском троне воинствующего католика. Так как наиболее энергичным в деле насильственного насаждения католицизма был Фердинанд Штирийский, то иезуиты прилагали все старания к тому, чтобы именно он был избран императором.

Царствовавший с 1612 г. его двоюродный брат бездетный Матвей Габсбургский был безвольным человеком, лишенным всякой инициативы и самостоятельности. Папа Павел V (1605-1621) открыто посылал упреки по его адресу и выражал негодование, что в такое тяжелое время, когда протестантизм сильно свирепствует во всей империи, императорский трон занимает столь нерешительный и неавторитетный правитель, как Матвей. «Бесполезно избирать вместо умирающего императора больного; необходимо избегать кризисов, быстро следующих один за другим» - таков был лозунг католической лиги.

По инициативе папы Павла V все противники протестантов стали требовать признания наследником императора Матвея ярого католика Фердинанда Штирийского. Деятельность Фердинанда в Штирии и Каринтии, пятилетний курс обучения, пройденный им в «бульваре религии», как называли иезуитский университет в Ингольштадте, его покорность Григорию Валенсийскому, этому «ревностнейшему и ученому защитнику папской непогрешимости», и его увлечение «молотом еретиков» иезуитом Гретцером, чьи многочисленные выступления были резюмированы в знаменитой фразе: «Когда мы говорим о евангелии, мы имеем в виду папу», - все это служило достаточной гарантией, что Фердинанд Штирийский в качестве германского императора будет проводить политику, угодную Риму и католической лиге, и осуществит широкий план папско-иезуитской партии по борьбе с протестантами.

Для гуситской Чехии перспектива оказаться под властью иезуитского воспитанника Фердинанда Штирийского была особенно тягостна. Правда, свобода религии гарантировалась «грамотой величества», данной в 1609 г. императором Рудольфом II, напуганным венгерскими событиями 1605-1606 гг. Но гарантия потеряла значение со смертью в 1612 г. Рудольфа II, которому наследовал Матвей. Бездетность Матвея делала несомненным переход императорской короны к Фердинанду Штирийскому, и курфюрсты постановили еще при жизни Матвея, что все земли Габсбургов, в частности и Чехия, должны войти в состав империи. Гуситы, боясь воцарения Фердинанда, вели переговоры с кальвинистом-курфюрстом Пфальца Фридрихом относительно передачи ему чешской короны. Во избежание этого Фердинанд дважды заверял представителей Чехии, что он будет в точности соблюдать все уступки, сделанные некогда чешским гуситам. Эти заверения оказали свое действие, и 19 июня 1617 г. Фердинанд был чешским сеймом избран в чешские короли. Однако уже в ноябре 1617 г. последовал ряд нарушений прав гуситов. Чешские дворяне собрались на сейм протеста, но многие представители городов не были допущены на заседание. 21 мая 1618 г. вторично состоялся съезд с целью протестовать против политики Фердинанда, и, когда представители власти явились в сейм с намерением, как предполагали, разогнать его, они были выброшены через окно в ров, окружавший здание сейма. Сейм избрал директорию из 30 членов: решено было немедленно организовать армию, иезуиты были изгнаны из Чехии, их имущество, как и имущество некоторых виднейших католиков, было конфисковано. Хотя император Матвей готов был вести переговоры с чехами, но Фердинанд, опираясь на поддержку Испании, настаивал на военных мерах против «неискоренимых еретиков».

Чешские протестанты вступили в переговоры с немецкими и венгерскими противниками католического абсолютизма. События вскоре приняли международный характер. В начале военных действий умер император Матвей, и Фердинанд занял его трон. Чешский сейм отказался признать Фердинанда и избрал чешским королем кальвиниста Фридриха Пфальцского. Началась так называемая Тридцатилетняя война (1618-1648).

Победа императора Фердинанда II при Белой горе (1620 г.) означала конец самостоятельного существования Чехии: отныне законодательная власть была передана королю, немцы заняли

господствующее положение в стране; протестантизм должен был быть с корнем вырван. В побежденных Фердинанд II видел одновременно еретиков и врагов абсолютной власти и преследовал их самым жестоким образом. Главные участники восстания были казнены. Имущество всех лиц, в той или иной степени замешанных в событиях, приведших к разрыву с Габсбургами и провозглашению чешским королем Фридриха Пфальцского, подлежало конфискации в пользу казны. Фактически оно было роздано крупным немецко-католическим землевладельцам и различным военным и гражданским чиновникам. Уже 6 февраля 1620 г., т. е. в момент вступления габсбургских войск на чешскую территорию, главнокомандующему войсками Фердинанда II были пожалованы отнятые у магната Швамберга обширные земли, а ради привлечения польского короля Сигизмунда III к борьбе с протестантизмом ему были обещаны силезские поместья, которые принадлежали врагам «истинной» религии. Вскоре очень значительная часть чешских земель перешла в руки немцев. В Баварии говорили, что тот, кто в чешском восстании не приобрел 30 тыс. гульденов, является негодным воякой. После того как у всех участников событий 1618 г. было конфисковано их имущество, в 1622 г. была обнародована всеобщая амнистия, в силу которой участники восстания должны были добровольно сознаться в своей вине, если хотели сохранить честь, жизнь и имущество. «Амнистия» достигла цели: многие, поддавшись обману, поспешили «сознаться», что повлекло за собою бесчисленное множество новых земельных конфискаций. Одновременно с конфискацией имущества шли аресты и изгнания из Чехии. В 1623 г. страну покинули около 12 тыс. человек, а в 1628 г. - 36 тыс. семейств. Большой частью владений «еретиков» воспользовалась церковь: пражский архиепископ кардинал Гаррах получил поместья Молдавтейн, Гневковиц, Клетечну, Захотин, Червена-Речицу, Новый Рыхнов и Рожмиталь. Одновременно были одарены конфискованными землями все монастыри и главнейшие церкви. Некий каноник Платейс за энергичные розыски «божьих врагов» получил 12 тыс. гульденов. Львиная доля награбленного имущества досталась иезуитам. Пражская и Куттенбергская иезуитские школы получили 11 больших феодальных поместий, а также обширные земельные участки, принадлежавшие «еретическим» городам. Кроме того, им досталось 45 283 талера наличными, 13 домов в Праге и знаменитая типография, принадлежавшая университету. Общая сумма, «пожертвованная» духовенству и императорским фаворитам, исчисляется в 5 млн. гульденов. Особенно сильно увеличили свои приобретения иезуиты, когда в Праге появился папский нунций Караффа, а иезуиты всецело овладели Фердинандом II.

Венцом папско-иезуитской политики явились королевские декреты 1624 и 1627 гг. о введении так называемой католической реформации в городах и поселках Чехии. Все церкви должны были перейти в руки католического духовенства; некаатолики лишались гражданских прав и не допускались к занятию ремеслами и промыслами; их не венчали, не хоронили на кладбищах, для них были установлены денежные штрафы за непочитание католических праздников, несоблюдение постов и непосещение церкви. Особенным гонениям подвергались крестьяне и мелкие ремесленники, которые не смели выражать никакого недовольства насильственному окатоличению страны. Кто упорствовал в прежней вере, подлежал выселению. Ему давался шестинедельный срок для продажи имущества и ликвидации дел. В результате Чехия была разорена и пришла в полный упадок, тем более что Тридцатилетняя война ухудшила и общее положение империи и это также тяжело отзывалось в Чехии и Моравии. Из 2,5 млн. жителей, насчитывавшихся в 1618 г. в Чехии, к 1650 г. оставалось всего около 700 тыс.

Не менее жестоко работала папская партия в Моравии и Силезии, где конфискованные земли отдавались церкви, а «людские души» - католическим проповедникам, руководимым кардиналом Дитрихштейном, одновременно губернатором и епископом Ольмюца. В октябре 1624 г. появился приказ о принудительном принятии всем населением католического вероисповедания в определенный срок под страхом изгнания из Моравии, - на поблажку могли рассчитывать лишь отдельные дворянские семьи. Подобное же насилие происходило в Баварии и Пфальце, где искоренялись всякие следы протестантизма и иезуиты основывали свои школы и усиленно занимались пропагандой.

Окрыленные своими успехами в Чехии, иезуиты задались целью закрепить католицизм в Германии путем изменения коллегии курфюрстов, избиравших германских императоров. Папа стал особенно горячим приверженцем передачи курфюршества Баварии, где католицизм находил всегда особенно благодатную почву. Папским представителям удалось

добиться замены пфальцграфских курфюрстов баварскими, и папа горячо приветствовал первого баварского курфюрста словами: «Наконец дочь Сиона может стряхнуть с своей головы пепел печали и облечься в радостную одежду».

Восторги папы разделяла и Испания, которая давно мечтала о том, чтобы с помощью окрепшего в Германии католицизма выросла сильная коалиция из двух в династическом отношении родственных государств, которые могли бы распоряжаться судьбами Европы. Но мысль о такой коалиции не могла не вызвать энергичного отпора со стороны Франции. Вскоре в противовес папско-католической унии создавалась коалиция, возглавлявшаяся Францией, не считавшаяся ни с какими предостережениями Рима. Характерно, что в этот момент во главе Франции находилось духовное лицо, кардинал Ришелье. Франция не остановилась перед тем, чтобы вступить в продолжительную борьбу с Испанией и империей, подняв против них даже протестантскую Швецию. Папство, испугавшись усилившегося движения за независимость Северной Италии и образования там конкурирующих с Папской областью государств и преследуя политические цели, протянуло руку Франции и сделалось, таким образом, как бы союзником протестантов.

Открытое присоединение Урбана VIII (1623-1644) к антикатолической группировке, возглавляемой Францией, дало ему возможность овладеть герцогством Урбино, в котором насчитывалось семь городов, около 300 замков, имелись богатые хлебом места и торговые центры по побережью. Захват Урбино произошел несмотря на протесты Габсбургов, и в Урбино установилось господство папской власти со всеми ее последствиями: жители этого герцогства были крайне недовольны новым режимом и в бесконечных жалобах всячески выражали свое негодование. Оснований для жалоб было более чем достаточно. Огромные расходы, связанные с политикой папства, ложились невыносимым бременем на крестьянское, ремесленное и торговое население Папской области, и папы, исчерпав ресурсы страны и выкачав из населения все, что можно было, стали делать огромные долги у различных международных ростовщиков. Разумеется, процентные платежи по этим долгам опять-таки ложились на население Папской области и до крайности изнуряли его.

В 1587 г. папский долг равнялся приблизительно 7,5 млн. скуди, по процентам приходилось платить 716 тыс., в 1592 г. долг вырос до 12,5 млн., а проценты - до 1,1 млн.; через восемь лет проценты поглощали почти три четверти доходов Папской области. По словам кардинала Перрона, к 30-м годам XVII в. папа мог располагать лишь половиной доходов: другая половина уходила на погашение процентов и долгов. Последние, однако, не только не уменьшились, но ежегодно возрастали, и папы занялись бесконечным выкупом займовых облигаций, а также передачей разных доходных статей отдельным лицам. Была продана (или сдана в аренду) таможня в Анконе; точно так же в залог - с увеличением налогов с населения - была отдана на откуп соляная подать, а вслед за ней городские взыскания при провозе продуктов питания; почта также была сдана на откуп и т. д. Такие операции удорожали жизнь: в 1592 г., например, римские городские взыскания с сельскохозяйственных продуктов дали 162 450 скуди, а в 1625 - 209 000; соляная таможня в Риме в эти же годы давала 27 654 и 40 000. Не помогло даже овладение Урбино, которое давало в год всего 40 тыс. скуди, и в 1635 г. Урбан VIII, упоминая о 30-миллионном долге, указывал на необходимость введения 10 новых налогов или увеличения поступлений с уже существовавших.

На что же уходили эти огромные суммы? Разумеется, военная политика многих пап, посылавших свои войска и деньги то католической лиге во Франции, то австрийско-испанским Габсбургам, то баварским герцогам, поглощала немало средств; однако не в этом следует искать причины постоянного роста папских долгов, государственного дефицита, тем более что с половины XVII в. широкий размах политики Рима замирает и его властитель вынужден ограничиться скромной ролью правителя одного из итальянских государств.

Расходы курии росли прежде всего вследствие установившейся практики одаривания огромными суммами nepотов (папской родни) и создания, в связи с этим, могущественных фамилий, число которых росло в силу выборного начала папства. Такое одаривание мотивировалось тем, что папство не давало обета нищеты и рассматривало свои доходы как частную собственность отдельных пап, располагавших ею по собственному усмотрению. Исходя из такого понимания, Сикст V предоставил одному из своих nepотов ежегодный церковный доход

в 100 тыс. скуди, а другому - герцогство Венаффо, графство Челано и маркизатство Ментану. Сразу вырос, таким образом, дом Перетти (род Сикста V).

При Клименте VIII (1592-1605) «расцвела» его семья Альдобрандини, получившая за 13 лет правления этого папы миллион скуди.

За Альдобрандини в дни Павла V последовали Боргезе, которым давались и духовные доходы, и земли, и должности, и драгоценности, так что к 1620 г. они получили около 690 тыс. скуди наличными деньгами, 25 тыс. скуди займовыми облигациями и церковные должности общей стоимостью в 268 тыс. скуди.

Непотские семьи скупали у мелких и средних рыцарей их земли и становились крупнейшими землевладельцами, вытесняя многочисленные старинные роды. Так выросла новая аристократия, получившая от папства самые разнообразные привилегии. Одни имели право возвращать эмигрантов, другие устраивать городские рынки, третьи освобождать от налогов, судить, рядить, на «вечные времена» гарантировать от конфискации и т. д. Новые аристократы, более приспособленные к требованиям времени, более жадные и менее разборчивые в средствах, нередко оттесняли на задний план даже самые старинные роды: так, к Людовизи, непотам Григория XV, перешло от семейства Сфорца герцогство Фиано, а от разорившегося рода Колонна - княжество Цагароло. Так как некоторые новые аристократы получали, сверх всего, еще и кардинальские шляпы, то внутри конклава при каждом выборе происходила ожесточенная борьба «родов», и новый папа обычно обязан был своим избранием временной коалиции нескольких из них. В то же время в выборную борьбу на конклаве вмешивались и католические державы, заинтересованные в том, чтобы в Риме восседал «свой» папа, так как папство продолжало играть крупную политическую роль, хотя и заметно пошатнувшуюся.

Непотизм получил и «теоретическое обоснование». Ректор иезуитского колледжа Олива доказывал, что обыкновенному папскому министру папа не станет доверять так, как nepоту; только последний может настоящим образом обо всем информировать святой престол. Опираясь, по-видимому, на это заявление, папа Александр VII в 1656 г. поставил перед кардиналами риторический вопрос: одобряют ли они, что он пользуется в широких размерах для дела церкви услугами своих близких родственников? Никто, разумеется, не возражал, и брат папы Марио уже на «законном» основании получил ряд очень выгодных должностей, а его сын стал кардиналом с духовным доходом в 100 тыс. скуди. Не менее щедро был одарен папский племянник Агостино, получивший, между прочим, даром большой пакет займовых облигаций. Непотизм привел к господству аристократических родов, хоть и вышедших из недр папства, но начавших ограничивать власть папы, который вскоре стал орудием в руках кардинальской аристократии и не мог больше «осчастливить» nepоту по собственному усмотрению. Одновременно с аристократией росло влияние и ростовщиков. В 1670 г. папский долг превышал 25 млн. скуди. Фактически казна папского государства находилась в руках нескольких крупных банкиров, которые брали на откуп все доходные статьи папского государства и являлись как бы папскими казначеями.

Во второй половине XVII в., согласно свидетельству Антонио Гримани, папский двор превратился в биржу, где всем распоряжаются торговцы, а не государственные люди, причем эти «торговцы» самым жестоким образом подавляли попытки широких слоев населения протестовать против аристократическо-ростовщического гнета. Когда город Ферно воспротивился вывозу спекулянтами и без того недостававшего в городе хлеба, его население было подвергнуто кровавой экзекуции. То же случилось с Болоньей и другими коммунами, потерявшими свои вольности и старые привилегии. Вообще вокруг спекуляции хлебом происходила ожесточенная борьба, так как римская курия вела эту спекуляцию в самых широких размерах.

В связи с хроническим голодом в Риме развился бандитизм, на который постоянно жаловалось в XVI, а особенно в XVII столетии мирное население Вечного города. Начиная с Сикста V, папское правительство время от времени организовывало специальные карательные экспедиции против бандитов. Успеха, однако, они не имели, так как боролись не с истинной причиной бандитизма, с народной нищетой и голодом. Нередко разбойничьи элементы служили орудием в борьбе разных феодальных, соперничавших друг с другом групп. Так, монтемарчианский герцог Альфонсо Пикколомини держал в своих руках всю область Анконы с помощью террора, и только уничтожение его знаменитого замка, бывшего фактически бандитским штабом, освободило

Анкону от кошмара, в течение 2-3 десятилетий давившего ее население. Кардиналы, претендовавшие на неприкосновенность, иммунитет и на право убежища, фактически превратили свои личные привилегии в орудие развития бандитизма и с помощью вооруженных отрядов навязывали окрестному населению свою волю. Если отдельные папы принимали драконовские меры в целях установления «совершенной безопасности», то лишь в исключительных случаях жертвами этих мер становились истинные виновники бандитизма, - а наказывали мелких, сбившихся с пути людей, голодавших и участвовавших в разбое за жалкое вознаграждение.

IV

Постепенный отход папства от Испании и столь же постепенное сближение с Францией были результатом правильной оценки в папской курии сил обоих государств. Еще до принятия Генрихом IV католичества поражение во Франции крайних папистов и поддерживавшего их Филиппа II было очевидно. Готовность папы Климента VIII примириться с королем-еретиком позволила папе овладеть Феррарой, которую стремилась захватить Испания, хотя этот город считался папским леном. В этом вопросе Генрих IV поддержал папу, и эта поддержка убедила Филиппа II, что союз между Францией, Англией и Нидерландами чреват для Испании опасными последствиями и что необходимо мириться даже с «еретическим» королем. Климент VIII простил Генриху IV его Нантский эдикт, получив в свою очередь от короля разрешение иезуитам вернуться в 1603 г. во Францию, откуда они были изгнаны после неудавшегося покушения (1594 г.) иезуита Жана Шателя на Генриха IV. Шатель следовал указаниям иезуитских теоретиков (вроде Х. Марианы), учивших, что долг истинного христианина - уничтожать «недостойных и богу неугодных монархов». В Англии практическое применение этого «учения» привело в 1605 г. к «пороховому заговору» против парламента и к озлоблению англичан, в особенности пуритан, ко всем католикам. Обострялись в это время отношения между протестантами и католиками также в Германии, где лютеранская уния, руководимая саксонским и бранденбургским курфюрстами, всегда готова была начать войну с еще более воинственной католической лигой, во главе которой стоял баварский герцог Максимилиан. Папа Павел V открыто поддерживал лигу и заверил герцога Максимилиана в незамедлительной реальной помощи. Это обстоятельство способствовало расширению Тридцатилетней войны. В распоряжение Габсбургов папа предоставил трехлетнюю десятину и ряд других источников дохода. По настоянию папства французское правительство отказалось признать кальвиниста Фридриха V из Пфальца чешским королем, считая императора Фердинанда II единственно законным главой империи. Павел V лично присутствовал на праздничном богослужении, устроенном в Риме 3 декабря 1620 г. по поводу победы католиков над чехами под Белой горой, когда чехи потеряли свою национальную независимость.

Папство добилось также вознаграждения баварского герцога в виде предоставления ему курфюршестского титула, за что Максимилиан передал Риму захваченную им богатую библиотеку Гейдельберга, известную под названием Палатинской. Обострение религиозных отношений старались вызвать и в Швейцарии папы Павел V, Григорий XV (1621 - 1623) и Урбан VIII. Но как в Германии, так и в Швейцарии в связи с приходом к власти во Франции кардинала Ришелье папство вынуждено было отказаться от своей политики «объять необъятное». Папский представитель в Париже Оттавио Корсики настойчиво доказывал папе, что противоречить Ришелье нельзя и что необходимо делать ему уступки: иначе Франция перестанет играть роль «старшей дочери» церкви. Малоутешительны были и донесения из Вены: нунций Карло Караффа в своем обширном труде «Комментарии к реставрированной священной Германии» доказывал, что уже нет надежды на создание единой католической Германии, что необходимо ограничиться тем, чтобы постараться удержать в церкви хотя бы часть империи, окружить вниманием Габсбургов и других владык, а в народе личными добродетелями католических священников вызвать любовь и привязанность к католицизму. Все это толкало папство держаться за Францию, которая ему казалась сильнее «всех Габсбургов, взятых вместе».

Одним из средств укрепления веры папство считало канонизацию «за добродетельную и святую жизнь» отдельных «сподвижников» церкви. За свой короткий понтификат папа Григорий XV успел канонизировать основателя иезуитского ордена Игнатия Лойолу, миссионера-апостола

обеих Индий Франсиско Ксавье, святую Терезу и основателя конгрегации ораторианцев в Риме Филиппа Нери. В правление того же Григория XV, благодаря созданию в 1622 г. конгрегации пропаганды, миссионерская деятельность папства приняла огромные масштабы.

С большим недовольством приняла Испания поворот Рима в сторону Франции. Испанский представитель в Риме кардинал Гаспар Борха открыто заявил, что неудачи католицизма в Европе в середине XVII в. объясняются не столько ошибками Мадрида, сколько «извилистой и противоречивой политикой» Рима. Эту мысль повторил и императорский посол при папе кардинал Петр Пацмани. Последнему папа отказал в выдаче денежных сумм, хранившихся в замке Ангела в Риме, под тем предлогом, что протестантская опасность грозила и Италии, в частности Риму, которому, быть может, придется пустить «золотой фонд» против немецких еретиков.

Тем не менее папа Иннокентий X протестовал против окончания Тридцатилетней войны и резко порицал Вестфальский мир (1648 г.), признававший свободу протестантов в Германии и предоставивший им ряд епископств. Иннокентий X не хотел мириться с тем, что кальвинистский Пфальц был признан курфюршеством и что отныне курфюршеская коллегия будет насчитывать восемь голосов. Булла «*Zelus domus Dei*», направленная против Вестфальского мира, ставила принципиальный вопрос о незаконности изменения числа курфюрстов без папского согласия и объявляла всякие «мирные договоры, касающиеся одновременно многих государств» недействительными без санкции Рима. Булла была так резка, что ее не решались опубликовать даже немецкие духовные курфюрсты, не говоря уже об императоре Фердинанде III. Немало скомпрометировал себя Иннокентий X во время восстания неаполитанцев под предводительством Мазаньелло. Тяжелое иго Испании с давних пор давило Неаполь, где в 1647 г. вспыхнуло широкое народное восстание, носившее характер национально-освободительного Движения. Испания требовала, чтобы папа пустил в ход инквизицию и иные драконовские меры против повстанцев. Но французское правительство указывало, что, поскольку папа считается сувереном Неаполя, он должен использовать сложившуюся обстановку для поддержания своих прав на Неаполь и для его освобождения от испанского ярма. Иннокентий X не знал, какой ему держаться ориентации и представлял собой «растерявшегося повелителя вселенной». Из этого положения он вышел благодаря победе Испании, кровавым образом расправившейся со сторонниками Мазаньелло.

В церковных вопросах имя Иннокентия X связано с осуждением янсенистов. Основателем янсенизма был лувенский профессор Корнелий Янсений (1585-1638), воспитанник иезуитов, готовившийся вступить в иезуитский орден. Под влиянием усиливавшихся в образованных слоях общества идей, отрицавших свободу воли человека и говоривших о предопределении, Янсений ознакомился с проклятым папами Пием V и Григорием XIII учением лувенского профессора Михаила Байуса (Baïus, 1513-1589) и на основании изучения Августина сам стал отрицать свободу воли и защищать идею предопределения. В специальном исследовании «Августин» Янсений доказывал, что человеческая природа порочна, что не существует свободы воли и что спасутся лишь те, которые предопределены к спасению. Иезуиты немедленно открыли атаку на книгу Янсения (он умер до ее выхода в свет), и папа Климент VIII в особой булле запретил ее чтение. Ярость иезуитов и озлобление папы объяснялись тем, что основные положения янсенизма в туманной форме защищали необходимость углубленной индивидуальной религиозности и отвергали возможность «спасения» человека путем «добрых дел». Такое утверждение в конечном счете исключало посредничество церкви и открывало верующему возможность примирения с новыми веяниями в науке, философии и литературе. Это сближало янсенистов с, кальвинистами, и они вызвали против себя особую ненависть иезуитов и других орденов, являвшихся главной опорой Рима. С другой стороны, янсенисты встречали живое сочувствие в лагере борцов против абсолютизма - как политического, так в особенности религиозного и умственного. Особенно много сторонников янсенизма насчитывала Франция, где учившийся в Лувене у Янсения аббат Жан Дювержье де Оранн (1581 -1643) организовал в Париже кружок янсенистов, энергично выступавших против абсолютизма Версаля и Рима. Дювержье был в 1638 г. арестован кардиналом Ришелье; кружок, однако, не только не распался, но развил кипучую деятельность под руководством Антуана Арно, выдающегося профессора Сорбонны. За свою деятельность Арно был лишен докторского звания и изгнан из коллегии сорбоннских профессоров. Вслед за

Арно такой же участи подверглось еще 80 человек. Это дало повод знаменитому французскому писателю Блэзу Паскалю, другу ряда янсенистов, опубликовать первое письмо своих известных «Провинциальных писем», явившихся убийственным памфлетом против иезуитов. «Письма» были сожжены под тем предлогом, что в них содержалось много оскорбительного по адресу «науки, церкви и папы».

Недовольство церкви вызывала, главным образом, агитационная деятельность янсенистского монастыря Пор-Рояль (в Париже), направленная против иезуитов. В этом монастыре была организована школа, в нее семьи буржуазной интеллигенции направляли своих детей, из которых многие впоследствии стали выдающимися борцами против церковного и политического деспотизма. Папские проклятия по адресу пор-роялистов, чередовавшиеся с правительственными гонениями, немало способствовали тому, что янсенизм принимал все более резко выраженный политический характер: янсенистами становились не потому, что не по-иезуитски толковали «благодать» или отвергали другие ультрамонтанские взгляды, а потому, что ненавидели режим французского короля Людовика XIV.

Янсенистский монастырь Пор-Рояль был разрушен, и были выкопаны даже трупы похороненных янсенистов. Иезуиты убедили Людовика XIV, что янсенисты составляют республиканскую партию, и король заявил, что он скорее примирится с атеизмом, чем с янсенизмом.

Почти одновременно с янсенистами стали подвергаться преследованиям по инициативе иезуитов и квиетисты. Учение квиетистов являлось противовесом механическому богопочитанию, обрядности и культу «добрых дел», в которых иезуиты и доминиканцы видели сущность религии. Оно было изложено испанским богословом-мистиком Михаилом Молиносом (1627-1696) в книге «Духовный путеводитель» и требовало полнейшего «покоя души», в котором она отдавалась бы божественному воздействию и как бы прекращала самостоятельное существование, достигнув «слияния с богом». Несмотря на осуждение Молиноса инквизицией, его книга была переведена на различные языки и нашла множество последователей; против них начались жестокие преследования.

Во Франции главным представителем квиетизма была Жанна Гюйон (1648-1717), проповедовавшая «чистую любовь к богу и пассивное отношение к добру и злу», ибо добро и зло - одинаковые проявления божественной воли. Ее энергичная агитационная деятельность и книги имели успех. Их публично одобрял епископ Фенелон, что привело его к столкновению с официальными представителями церкви: в книгах Гюйон было обнаружено до 30 еретических положений. Иезуиты организовали преследование книг Гюйон, которые подвергались публичному сожжению. Сама Гюйон попала в Бастилию, где она пробыла шесть лет. Книга Фенелона в защиту идей Гюйон была осуждена, хотя сам Фенелон продолжал занимать епископский пост и даже вел борьбу против янсенистов и лютеран. Курьезно, что сочинения Гюйон нашли в России поклонника в лице А. Н. Голицына, когда он в 1817 г. стал министром народного просвещения и духовных дел; не без его содействия сочинения Гюйон были переведены на русский язык и распространены по монастырям.

Глава тринадцатая

ПАПСТВО В ПЕРИОД ОТ ВЕСТФАЛЬСКОГО МИРА ДО БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ XVIII в. ВО ФРАНЦИИ

I

После Вестфальского мира (*Вестфальский мир (1648) завершил Тридцатилетнюю войну 1618- 1648 гг., главным итогом которой явилось поражение Габсбургской империи - оплота феодальной католической Европы. Германская империя лишилась ряда своих земель, Нидерланды и Швейцария получили независимость; были уравнены права кальвинистов с католиками и лютеранами*), получившего общеевропейскую санкцию, политическое влияние папства резко упало. Так, уже в 1654 и 1658 гг. имперские собрания ограничили права папских нунциев в Германии и потребовали, чтобы они отныне имели строго

установленную сферу деятельности и не вмешивались под предлогом духовной юрисдикции в судебную жизнь империи.

Все более крепнувшая в ряде европейских стран буржуазия упорно отстаивала светский характер государства. Большую популярность снискали себе идеи голландского юриста Гуго Гроция (1583-1645). Он нашел новое основание обязательности норм международного права: прежний авторитет папы и императора должен отступать перед естественным стремлением человека к общежитию, притом мирно и разумно устроенному общежитию. Нормы, вытекающие из этого естественного стремления, общеобязательны для всех, независимо от религиозных и национальных различий, и даже атеист им повинует, так как они связаны с самой природой. «Эти нормы существовали бы, если бы даже не было бога». Естественные нормы вечны и неизменны. Они повсеместно одни и те же, и их следует поставить рядом с математическими истинами. Естественное право выше положительного права, изменчивого и носящего временный характер. Гроций считал, что понять естественное право можно лишь разумом. Это выдвижение естественного, разумного права вызвало резкое недовольство папства, и сочинения Гуго Гроция попали в 1627 г. в «Индекс запрещенных книг». Однако в буржуазных кругах Европы имя Гроция стало пользоваться широкой популярностью, так как его произведения ярко отражали интересы стремившейся к освобождению от папской опеки буржуазии. Везде и повсюду говорили о необходимости светской политики и об устранении из государственной жизни «посторонних» элементов, под которыми разумелось в католических странах в первую очередь влияние папы. Книги Гроция пользовались огромным успехом; о них говорили, что по количеству расходящихся экземпляров с ними могут конкурировать лишь Библия и сочинения Аристотеля.

Даже Испания стала болезненно реагировать на чрезмерные притязания Рима и охраняла от них, между прочим, Неаполь. Мало того, ею было высказано пожелание иметь в инквизиционном трибунале представителя государственной власти, который стоял бы на страже светских законов страны.

То были запоздалые попытки протеста против чрезмерного господства Рима и иезуитского ордена в Испании, ставшие возможными вследствие враждебного отношения папства во время войны за испанское наследство (1700- 1714) к французскому кандидату (внуку Людовика XIV), который под именем Филиппа V стал испанским королем. До этого времени папский нунций пользовался в Испании почти неограниченной властью, в особенности в течение восьми месяцев в году, в так называемые апостольские месяцы, когда он по своему усмотрению назначал и смещал высших представителей духовенства и когда ему принадлежала высшая судебная власть в отношении ряда категорий лиц. Ежегодно нунций выкачивал из Испании 500 тыс. римских экю, которые он отправлял в курию в виде дани христианнейшего государства Западной Европы. В 1714 г. между Мадридом и Римом начались переговоры, имевшие целью ограничить всемогущество Рима в Испании. Переговоры закончились лишь к 1753 г., когда были отменены апостольские месяцы, уничтожено право обложения Римом духовенства, ограничена папская судебная власть и т. д. Государство за 310 тыс. экю выкупило у Рима его привилегии и предоставило в его распоряжение 52 бенефиция. Вопрос о праве публиковать папские буллы в Испании без дозволения королевской власти не был решен, и в 1754 г. начался на этой почве конфликт из-за пятитомной «Христианской доктрины», автором которой был теолог Филипп Мезангю, профессор Сорбонны. Книга эта вышла в 1748 г., а в итальянском переводе, рассчитанном на более широкий круг читателей, лишь в 1753 г., и немедленно вызвала подозрение инквизиции и иезуитов, которые обратились с жалобой к папе Бенедикту XIV (1740-1758). Хотя Мезангю написал покаянное письмо, а итальянский переводчик лично хлопотал перед папой и указывал, что 70-летний Мезангю пользуется в богословских кругах всеобщим уважением, Бенедикт XIV передал «подозрительную» книгу цензурной коллегии, которая шестью голосами против пяти постановила изъять ее из употребления и включить в «Индекс». Однако светская власть нашла, что булла о запрете «Христианской доктрины» нуждается в королевском решении. Так возник конфликт между Римом и Мадридом, причем иезуиты и инквизиторы стали на сторону Рима, который и вышел победителем. Мезангю был заклеен как опасный янсенист и враг церкви.

Сила иезуитско-инквизиционной партии в Испании была велика: в середине XVIII в. в стране насчитывалось 62 500 монахов, состоявших в 40 орденах, почти 34 тыс. монахинь, имевших 1122

монастыря и принадлежавших к 29 орденам. Монастыри обладали огромными земельными участками, а также мясными и винными лавками; они вели обширную торговлю, успешно конкурируя со слабой испанской буржуазией. Из орденов самым богатым был иезуитский, хотя он насчитывал всего 5100 человек. Внимание иезуитского ордена помимо денег было сосредоточено на овладении народным образованием, т. е. на борьбе с наукой и на одурманивании народного сознания. Очень скоро сказались результаты этой стороны деятельности иезуитов. Некогда пользовавшиеся славой испанские университеты постепенно уступали место иезуитским школам: в Севилье, Валенсии и Алкале закрылись университеты, а в «великом» Саламанкском университете, где в 1535 г. было 7-8 тыс. студентов, через 100 лет Диэго Торрес констатировал «поголовное невежество всех учащихся». Это было неудивительно, так как администрация Саламанкской иезуитской школы убеждала студентов, что «не следует ослаблять себя замысловатыми выкладками и запутанными доказательствами геометрии... Пользу математики мы видим на примере алхимии, которая учит только подделкам». В 1771 г. та же школа публично запретила преподавать теорию Ньютона, «чья система не согласуется с божественным откровением». Не без основания французский посол Сен-Симон констатировал, что «в Испании наука - преступление, а невежество - добродетель». Английский представитель в Мадриде утверждал, что обыкновенное образование англичанина сделало бы его в Испании ученым. Когда представитель буржуазных интересов Энсенада пытался поднять дело образования, то должен был прийти к выводу, что в Испании нет ни профессоров, ни учителей, заслуживающих этого названия; нет географических карт, и никто не умеет их составлять; нет кафедр государственного права, физики, анатомии и ботаники, и чем человек больше учится в Испании, тем невежественнее и суевернее он становится, так как под именем науки и философии ему преподносят здесь нечто такое, что противоречит и науке, и философии.

Упадок общественной мысли в Испании не мог не отразиться на всей жизни страны; никто в Испании не мог построить корабля; никто не умел оснастить его, когда он был построен: те немногие суда, какими обладала еще Испания в начале XVIII в., были настолько непрочны, что не могли выдержать огонь своих собственных пушек. Когда во второй половине XVIII в. передовая часть господствующего класса пыталась двинуть Испанию по пути экономического, политического и умственного прогресса, то пришлось обратиться за помощью к иностранцам. Ирландцу О'Релли был вверен надзор над пехотными школами; француз Геден стал во главе морской академии; француз Марицу поручено было артиллерийское дело; итальянец Газола ведал арсеналами и т. д. Эксплуатация естественных богатств страны также оказалась не под силу испанцам. Знаменитые кобальтовые копи (в Арагонии) были в руках немцев, а для использования ртути алмаденского рудника пришлось после долгих колебаний вызвать немецких рабочих, так как ирландец Боульс доказал, что Алмадену грозит гибель, если в нем не будут работать квалифицированные рабочие. Во главе шерстяной промышленности находились голландцы, а Национальный банк был организован французом Кабарюсом. Даже «министры-преобразователи» рекрутировались из иностранцев: Уолль, Гримальди и Эскилаче сменяли друг друга. Проникновение иностранцев в Испанию было встречено враждебно иезуитско-инквизиционной партией.

Когда Португалия вследствие падения могущества Испании отделилась от нее, папство из чувства преданности Испании долгое время отказывалось признать независимость Португалии и не давало канонической санкции ее епископам. Вследствие этого ряды «законного епископата» сильно поредели в Португалии. Церковные земли были отданы офицерам и высшим государственным службистам. Не только правительство, но вся страна, не исключая даже местного духовенства, материально зависимо от королевской власти, забыли о былой преданности Риму.

Но особенно далеко пошла в отстаивании своей самостоятельности Франция, экономически окрепшая в XVII в. Папские нунции не перестают с этого времени жаловаться на то, что они не могут ничего предпринять, не наталкиваясь на юридическое крючкотворство королевских чиновников. Зачастую светская власть вмешивалась в дела, с давних пор составлявшие как бы монополию церкви. Король присвоил себе право издавать декреты о ереси и симонии.

Духовные лица могли в силу королевских приказов подвергаться смертной казни без согласования с церковью и без предварительного снятия духовного сана. Взималась десятина

нередко в пользу государства, и постепенно десятина становится обычной доходной статьей государства. Дело дошло до того, что из-за оскорбления, нанесенного французскому представителю в Риме герцогу Креки, Франция угрожала войной, а папа вынужден был не только униженно извиняться, но и воздвигнуть на римской площади специальную колонну, которая своей надписью увековечила папское поражение.

Этим начался ряд столкновений между папством и французским королем Людовиком XIV, стремившимся ограничить вмешательство Рима в церковные дела Франции. Король присвоил себе право получать все доходы епископии, вакантной после смерти епископа, а также распределять в вакантное время соответствующие бенефиции. Когда папа, почувствовав огромный материальный ущерб от такого именно понимания королевских прав, стал протестовать против королевских декретов, то Людовик XIV ловко использовал недовольство облагаемого папством французского духовенства против Рима и в то же время исподтишка натравливал представителей папства против «ожиревшего» во Франции Духовенства, не желавшего помогать «нуждающемуся» Риму. Людовику XIV удалось организовать синод, который в 1682 г. вынес четыре постановления в духе «свободной галликанской церкви».

Эти постановления сводились к следующему: светская власть не может мириться с вмешательством духовной власти в ее сферу действий; соборы имеют большее значение и власть, чем папы; в вопросах веры папские распоряжения только тогда становятся обязательными, если они встречают согласие духовенства; наконец, национальные и государственные основные законы, регулирующие церковную жизнь во Франции, имеют непреложную и обязательную силу и не подлежат изменению папством. Эта «четырёх-статейная декларация» была торжественно «принята» Людовиком XIV и стала, по его решению, основным законом французского государства. Не только духовенство должно было в точности ему следовать, но профессора теологического и юридического факультетов не могли не руководствоваться им, а во всех школах было предписание изучать этот «основной закон» государства.

Папа Иннокентий XI (1676-1689) в резкой форме протестовал против «королевского произвола» и обвинял французское духовенство в угодничестве и в рабском преклонении перед Людовиком XIV. Даже кровавые преследования протестантов, предпринятые во Франции во вторую половину царствования Людовика XIV, не могли заставить Иннокентия XI смягчить свой гнев. Правда, Иннокентий XI устроил торжественное богослужение по случаю отмены прав французских протестантов и уничтожения Нантского эдикта (1685), сопровождавшегося их вынужденным переселением из Франции в очень значительном числе (около 200 тыс. человек). Иннокентий XI называл гугенотов не только еретиками, но и изменниками, в отношении которых неуместна никакая жалость. С помощью иезуитских софизмов он оправдывал нарушение того эдикта, который в свое время торжественно и всенародно предоставил религиозную свободу всем протестантам и которому присягал в верности как вечному и не подлежащему нарушению сам Людовик XIV в первые годы своего царствования. Но даже и эта «богоугодная» мера короля не изгладила из памяти папы «святотатственной политики дерзкого нарушителя прав» Рима. Иннокентий XI продолжал упорно стоять на том, что одно, хотя и «очень благословенное», дело не может искупить всех преступлений короля и что никто не должен забывать, что преследование французских протестантов (гугенотов) исходит от приверженца противной богу идеи галликанизма. Папа ни на одну минуту не забывал, что Людовик XIV энергично отстаивал интересы «короны» против притязаний папства. Отношения между Парижем и Римом вскоре обострились настолько, что папа отлучил от церкви французского представителя в Риме, а Людовик XIV захватил Авиньон, находящийся на французской территории, но принадлежавший папству. Король запретил также вывоз денег в Рим и угрожал созвать церковный собор для организации национальной, совершенно независимой от Рима, церкви во Франции.

Решительность Людовика XIV только потому не испугала Иннокентия XI, что он был уверен в силе протестантских государств, которые в это время создали обширную коалицию против Франции, и папа, в ущерб «католическому делу», представленному на этот раз Францией, примкнул к еретической и республиканской Голландии, которая в союзе с не католической Англией и германскими протестантами двинулась на Людовика XIV. Папа с чувством радости узнал о триумфе «еретического» дома Оранского, свергнувшего Стюартов, стремившихся к насаждению в Англии абсолютизма и католицизма, и вынудившего Людовика XIV,

поддерживавшего английских католиков, искать себе союзников. Однако число противников Людовика росло, и среди этих противников был и папа римский. При таких обстоятельствах резкий тон французского короля в отношении папства значительно ослабел и началось отступление: Авиньон был возвращен курии, а постановления синода 1682 г. были признаны недействительными. Папа стал выдавать каноническое разрешение на занятие епископских должностей, которые в числе 35 считались вакантными из-за столкновения между королевской властью и папством, продолжавшегося почти девять лет. Так папство вышло победителем из этого спора.

Победа досталась ему благодаря оружию протестантских государств, не желавших допустить усиления Франции и со всех сторон теснивших Людовика XIV. Папа умело использовал, в угоду своим политическим интересам и с прямым нарушением того, что обычно в глазах католиков считалось самым важным, затруднения «старшей дочери церкви», как иногда в католических кругах называли Францию. Не без основания венецианский представитель в Риме мог писать 16 апреля 1689 г., что благим и богоугодным делом курия считает лишь то, что в той или иной степени ударяет по интересам Франции - безразлично, приносит ли это пользу католикам или еретикам.

II

В войне между сильнейшими европейскими государствами, разгоревшейся в начале XVIII в. за испанское наследство, все сильнее выдвигалась на первый план протестантская Англия. Мирный договор, выработанный почти под ее диктовку и известный под названием Утрехтского мира (1713 г.), менее всего считался с желаниями папства. Вопреки воле папы, Неаполь, Сицилия и Сардиния, много веков считавшиеся ленными владениями папства, были отданы новым государям. В Италию, в ближайшее соседство к папе, проникли представители Бурбонов и австрийских Габсбургов. Последние еще до Утрехтского мира лишили папство Пармы и Пьяченцы и поделили между собою земли, которые в течение двухсот лет находились в ленной зависимости от курии.

Из-за этих двух герцогств в 1708-1709 гг. шла настоящая война между императорской армией и папской, причем последняя была разбита и город Комаччо был оккупирован, а его крепостные стены были снесены. Отлучение от церкви императора Иосифа I повисло в воздухе и было встречено общим презрением. В виде отклика на это отлучение появился резкий памфлет профессора богословия Иегера из Тюбингена, отрицавшего за папством право претендовать на светскую власть и называть себя «государем». Когда неожиданно умер в 1711 г. император Иосиф I, папа отправил во Франкфурт во время выборов нового императора своего племянника кардинала Албани с протестом против избрания Карла VI Габсбурга.

Особенно энергично протестовал Климент XI (1700-1721) против передачи в силу Утрехтского мира острова Сицилии савойскому принцу Виктору Амедею II, получившему титул сицилийского короля и продолжавшему владеть Пьемонтом. Хотя папство выиграло от того, что сравнительно большое и сильное Неаполитанское королевство, в состав которого раньше входил и остров Сицилия, теперь его лишилось и, следовательно, представляло менее грозную опасность для соседней Папской области, Климент XI считал, что участники Утрехтского мира не имели права распоряжаться «папским» имуществом без разрешения папской курии. Он не хотел поэтому признать нового, «чужого» короля. Это непризнание Виктора Амедея II сказалось в том, что церковь, ведшая обширную торговлю в Сицилии, отказалась платить торговые пошлины и иные взносы в пользу «савойских властей», а когда королевские чиновники приняли репрессивные меры против торговцев духовного звания, не желавших подчиняться законам страны, то епископ Сицилии, по соглашению с папой, стал отлучать от церкви сначала отдельных лиц, а затем муниципалитеты и высших представителей власти, угрожая Сицилии общим интердиктом. Но отлучения и интердикты мало влияли на новое правительство. Началась упорная борьба, и Виктор Амедей II, «к ужасу всего католического мира», арестовал несколько десятков монахов и священников. Многие были высланы за пределы нового королевства; среди высланных преобладали иезуиты, направляемые непосредственно в Папскую область. Вскоре улицы Рима кишели сицилийским духовенством. В Сицилии, наоборот, чувствовался недостаток в

священниках, и правительство стало назначать собственной властью таких, которые, невзирая на папские запреты, готовы были исполнять свои обязанности по приказу короля. В опубликованной папой в 1715 г. булле Сицилия вычеркивалась из списка государств католического мира, лишалась папской милости и не могла больше рассчитывать на божью помощь. Король Виктор Амедей II запретил объявление этой грозной буллы в пределах своего государства, и между курией и Сицилией сложились отношения, которые сам Климент XI назвал войной.

Эта «война» отступила, однако, на задний план перед более грозными событиями. Дело в том, что Неаполь и Сардиния по Утрехтскому миру были уступлены Австрии, заручившейся поддержкой Климента XI, союзника и друга Испании, что владения эти не подвергнутся нападению со стороны Испании. Австрия была занята войной с Турцией и лицемерно-набожно выставляла себя защитницей интересов христианства, которому будто бы угрожала опасность со стороны мусульман. Однако, несмотря на заверения Климента XI, австрийские владения в Италии оказались под ударом Испании, ее войска высадились на Сардинии и заняли ее столицу Кальяри. Было объявлено, что остров принадлежит испанскому королю Филиппу V Бурбону. Австрия обвинила папу в тайных кознях совместно с Испанией, направленных против австрийских владений в Италии, выслала из Неаполя папского нунция и прекратила дипломатические сношения с курией. Вместе с тем был наложен арест на огромные доходы, получаемые папой в Неаполитанском королевстве, и был запрещен вывоз денег из австрийских земель в Папскую область. Так Климент XI одновременно втянулся в конфликт с Сицилией и Австрией.

Дело было улажено лишь после вмешательства сильнейших государств Западной Европы.

В результате их вмешательства папа потерпел серьезный урон: его ленные права на Сицилию и Сардинию не были приняты во внимание, хотя Климент XI многократно, но безрезультатно протестовал против нарушения «самых священных прав» римского престола.

Политическое поражение папство стремилось компенсировать хотя бы на фронте борьбы с наукой и передовой мыслью. Известный итальянский историк Пьетро Джанноне был отлучен папой от церкви за то, что выпустил на шумевшую книгу «История Неаполитанского государства» (1723 г.), над которой он работал 20 лет. Джанноне вынужден был бежать из Италии. В своей книге он резко осуждал с точки зрения интересов буржуазии Неаполя папскую политику, мешавшую росту материального богатства отдельных государств и требовавшую особых привилегий для служителей церкви. Джанноне выступил «во имя государственных интересов и государственных начал», под которыми в действительности скрывались интересы поднимавшейся буржуазии. Свой протест против «папской опеки» Джанноне повторил в посвящении императору Карлу VI, который, несмотря на свою преданность католицизму, решил исключить представителей духовенства из числа руководителей созданной им привилегированной компании для торговли с Индией. Проклятие, провозглашенное церковью по адресу автора «Истории Неаполитанского государства», и отлучение его оказались бессильными в борьбе с влиянием этой книги не только в Италии, но и за ее пределами, в особенности в католических странах. Иезуиты возбуждали толпу против Джанноне и распространяли слухи о решении «даже добрейших ангелов» наказать страну, осмелившуюся оказать гостеприимство «религиозному отщепенцу». Несмотря на эту агитацию, правительство Венецианской республики намеревалось предоставить Джанноне кафедру в Падуанском университете. Потребовалось личное вмешательство папы, уведолившего о своем шаге и венецианскую государственную инквизицию, чтобы не допустить такого «издевательства над религией», каким была бы, по словам папы, профессорская деятельность «беглеца» Джанноне.

Покинув Венецию, Джанноне нашел, казалось, надежное убежище в кальвинистской Женеве. Но иезуитские агенты обманным путем завлекли его на другой берег Женевского озера, на савойскую территорию. У савойских королей были частые конфликты с папством, и Джанноне сделался объектом торга. В ожидании результатов этого торга он просидел 12 лет в туринской цитадели, где написал ряд новых книг, разоблачавших прошлое папства и современную политику курии. В этой цитадели он и умер в 1748 г.

Судьба Джанноне не могла даже в Неаполе приостановить начавшееся сильное движение передовой мысли, требовавшей подчинения церковной политики государственным интересам и отказа от сохранения привилегии церкви. Когда в Неаполе в середине XVIII в. была открыта первая в Италии кафедра политической экономии, то руководитель ее Антонио Дженовези в

своих лекциях и специальных работах доказывал, что во имя подъема благосостояния страны государство не должно допускать роста церковного землевладения, освобождения его от государственных налогов и распространения монашества. По мнению Дженовези, не может быть сомнения в том, что государство имеет право конфисковать недвижимое церковное имущество. Он оставлял открытым лишь вопрос о движимом богатстве церкви. Лучшим доказательством выросшего классового сознания итальянской буржуазии являются многочисленные отклики, вызванные выступлениями Дженовези, выразившего с большой силой растущую непримиримость буржуазии того времени к церковному засилью и реакции.

III

С поразительной энергией действовал «просвещенный абсолютизм» в Португалии, бывшей в течение долгого времени особенно излюбленным местом деятельности иезуитов. В Португалии вплоть до середины XVIII в. иезуиты занимали высшие должности, стояли во главе промышленных и торговых предприятий и фактически владели целой страной в Южной Америке (по течению рек Параны, Парагвая и Уругвая).

В заморских испано-португальских владениях иезуиты держали десятки тысяч человек в полном рабстве и принуждали их к занятию земледелием и скотоводством. Вскоре иезуиты захватили в свои руки почти всю торговлю в Южной Америке. Их суда, нагруженные парагвайским чаем, маисом, тростниковым сахаром, кожами, хлебом и табаком, направлялись в Буэнос-Айрес, Санта-Фе, Перу, Чили и Бразилию. Так как иезуиты пользовались привилегией свободы торговли и нигде во владениях Испании и Португалии не платили десятипроцентного налога - алькабалы, то они являлись опасными конкурентами и отовсюду вытесняли своих непривилегированных соперников.

Иезуиты имели в середине XVIII в. доход, превышавший миллион пезет (местная пезета равнялась 5 франкам). Но доход этот тщательно скрывался, и потому определение его может быть сделано лишь приблизительно. Ежегодно иезуиты отправляли из Америки огромные суммы в Европу: так, в 1725 г. они за один раз отослали в Португалию 400 тыс. пезет. Пользуясь коммерческими льготами, они, сверх того, обманным путем скрывали от правительства число налогоплательщиков своих земель: так, в 1679 г. они указали цифру 10505 плательщиков налогов и продолжали давать это число и тогда, когда плательщиков на самом деле было уже свыше 100 тыс. Продажность генерал-губернаторов и отдаленность Южной Америки от метрополии гарантировали иезуитам полную безнаказанность и тогда, когда центральная власть метрополии, нуждаясь в деньгах, пыталась извлечь некоторые доходы из иезуитских владений. Впрочем, центр был слишком беспомощен в отношении иезуитов, которые, стремясь изолировать местное население в своих парагвайских владениях от их европейских королей, запрещали местному населению всякое общение с испанцами и португальцами, равно как изучение какого-либо европейского языка. Отрезав совершенно местное население от метрополии, держа его в невежестве, с помощью подкупа устраняя всякое вмешательство метрополии в южноамериканские дела, иезуиты фактически образовали в Парагвае собственное государство, основанное на рабстве и бесчеловечной эксплуатации местного населения.

Особенно свирепствовали иезуиты в Испании и Португалии в области просвещения и науки. Здесь они пытались установить свою монополию и всячески препятствовали проникновению идей буржуазных просветителей, шедших из Франции в течение XVIII в. Даже Ньютон и Декарт считались запрещенными авторами, так как их произведения не могут быть «согласованы» с божественным откровением.

Во время продолжительного правления Жуана V (1706-1750) народ в Португалии особенно тяжело страдал от духовенства, инквизиции, иезуитов и дворянства. Король, лично присутствуя на всех торжественных аутодафе, не жалел денег на обогащение монастырей и церквей и учредил при дворце должность иезуита-патриарха, который был поставлен выше примата португальской церкви. Страна заметно нищала материально и духовно. Слабая буржуазия, под страхом полного разорения, искала выхода из этого положения и нашла союзника в небольшой части дворянства, чувствовавшего близость своего разорения в условиях ускорявшегося экономического упадка страны. Совместными усилиями им удалось выдвинуть на пост первого министра человека,

который в течение свыше 25 лет правил Португалией в духе «просвещенного абсолютизма». Этим министром-реформатором был Себастиан Помбаль (1699- 1782). Посланник в Лондоне, а затем посол в Вене, где правила тогда Мария Терезия, Помбаль был знаком с конституционным режимом Англии и с деятельностью правительницы, осуществлявшей программу, правда, очень умеренного и боязливого, но, все же «просвещенного абсолютизма».

Помбаль считал необходимым прежде всего освободить Португалию от иезуитской и церковно-католической опеки и усилить в государстве авторитет светской, королевской власти. С благословения Бенедикта XIV против него началась кампания клеветы; его обвиняли даже в безверии.

Воспользовавшись впечатлением, произведенным на суеверных людей лиссабонским землетрясением 1755 г., унесшим около 30 тыс. человек, иезуиты стали «доказывать», что гнев божий уже начинает обрушиваться на несчастную страну, руководимую Помбалем, и что ее в ближайшем будущем ждут еще большие бедствия и ужасы. В ответ на эту агитацию Помбаль потребовал удаления иезуитских духовников короля, королевы и принцев и запретил им вернуться в Лиссабон. Португальский посланник в Риме д'Альмада предъявил папе Бенедикту XIV ряд доказательств того, что члены ордена ведут злостную политическую кампанию против правительства, занимаются контрабандой, ростовщичеством и торговлей рабами в Африке, Азии и Южной Америке. «Среди иезуитов, - писал Помбаль посланнику д'Альмаде, - нет почти ни одного человека, который был бы похож на представителя духовенства; все они купцы... политические интриганы низшего пошиба, дерзкие солдаты, проявляющие свою храбрость в отношении безвольных и угнетаемых ими рабов, мелочные тираны, преступления которых заставляют забыть о самых кровавых событиях, имевших место на протяжении десятка веков».

Несмотря на приведенные Помбалем многочисленные доказательства преступлений, совершенных иезуитами в Испании и Португалии в области торговли и эксплуатации южноамериканского местного населения, а также их стремления присвоить себе высшую государственную власть и унижить значение светского правительства, папа Бенедикт XIV продолжал благоволить иезуитскому ордену и в специальной булле 1753 г. выразил свою глубокую благодарность за «высокополезную деятельность в деле энергичного насаждения истинных начал католической веры». Естественно, что паписты подняли страшный шум против репрессивных мер, принятых министром Помбалем. Высший церковный совет Кастилии, руководимый епископом Картахены, постановил сжечь все «памфлеты и писания», исходившие от Помбаля, его сторонников и врагов иезуитского ордена. Под угрозой отлучения от церкви великий инквизитор Кинтано запретил чтение произведений, инспирированных Помбалем и направленных против иезуитов. Высший совет инквизиции осудил «Перечень деяний португальских иезуитов», явившийся кратким изложением инструкции Помбаля португальскому посланнику. В приговоре инквизиционного совета с возмущением говорилось, что автор этого произведения называет себя министром двора; что самое произведение было напечатано без разрешения духовных властей и содержит лживые, бунтовщические мысли, могущие нарушить общественное спокойствие и являющиеся оскорбительными для святой религии и компании Иисуса.

Несмотря на эту кампанию в защиту иезуитов, папа Бенедикт XIV не мог все же игнорировать требования португальского правительства. 1 апреля 1758 г. римская курия поручила кардиналу Салданье «точно обревизовать деятельность иезуитов» и представить доклад самому папе. В инструкции о ревизии Бенедикт XIV указал Салданье на необходимость соблюдать величайшую осторожность в отношении ордена, который заслужил «такую всем хорошо известную» благодарность церкви, члены которого работали в интересах религии на «столь отдаленных участках мира», как Южная Америка и далекая Азия. В заключение кардиналу-ревизору запрещалось издавать какой-либо акт в отношении иезуитов без ведома и согласия папской курии. Все эти предосторожности Бенедикта XIV не имели, однако, реального значения, так как он умер на следующий день после того, как кардинал Салданье прибыл в Лиссабон для изучения проделок иезуитского ордена в Португалии, а в промежутке, до избрания нового папы Климента XIII (1758-1769), дело о преступной деятельности иезуитов совершенно неожиданно приняло другой оборот.

В обширном заключении кардинал Салданье объявил иезуитов виновными в коммерческой деятельности, называл их поведение «публичным скандалом» и особенно резко говорил об их делах в различных португальских колониях Южной Америки. Кардинал опубликовал запрещение иезуитам произносить проповеди и быть духовниками в пределах всего лиссабонского архиепископства и приказал, чтобы это запрещение было объявлено во всех приходах и церквях как Лиссабона, так и архиепископства. Резкое осуждение кардиналом Салданье деятельности иезуитов отчасти объяснялось старой религиозно-политической борьбой между иезуитами и некоторыми другими орденами, в особенности августинским.

«Духовный» запрет проповедей был дополнен исходящим от Помбала «светским» запрещением иезуитам заниматься торговлей, в которой они обнаружили свои «поистине преступнейшие инстинкты». Хотя Климент XIII не был иезуитским кандидатом, так как Франция противилась избранию такового, он тем не менее не только не относился враждебно к иезуитам, но вскоре стал орудием в их руках и на всякие лады восхвалял испытанные «добродетели» ордена. Врагам ордена предстояла, таким образом, еще долгая борьба, тем более что во всех странах Европы, по данному иезуитами сигналу, началась литературная кампания в защиту ордена и в опровержение «злой клеветы», распространяемой «продажными перьями» против «храбрых миссионеров», какими себя будто бы везде проявили иезуиты.

В разгаре полемики между сторонниками усиления светских государственных начал и приверженцами установления церковной опеки над государством, на жизнь португальского короля было произведено покушение. Помбаль, служивший в течение нескольких лет центральной мишенью для нападков иезуитского ордена, обвинил в этом покушении иезуитов. Начались репрессии, главный удар которых был направлен против ордена. Много иезуитов было посажено в тюрьму, и их имущество было конфисковано; некоторые из них по обвинению в покушении на короля были казнены. В 1759 г. Помбаль издал указ, в силу которого все португальские иезуиты были схвачены, посажены на суда и отправлены в Папскую область. В 1761 г. была совершена конфискация движимого и недвижимого имущества ордена; папский представитель Ачайоли был выслан из Португалии. В том же году, по настоянию Помбала, инквизиционный трибунал приговорил к сожжению патера Габриеля Малагриду, обвиненного в организации заговора против короля и даже в ереси. Дипломатические сношения между Римом и Португалией были прерваны. Подданные Португалии были высланы из Папской области, а подданные папы - из Португалии.

Климент XIII буллой «*Apostolicum pascendi*» от 1 января 1765 г. взял под свое покровительство иезуитский орден и резко порицал враждебное отношение к нему со стороны светских властей. Опубликование этой буллы было воспрещено не только в Португалии, но и во Франции, Неаполе, Венеции и Милане. Помбаль вступил в переговоры с державами о совместном обращении к папе Клименту XIII с целью добиться полного уничтожения ордена.

Обращение Помбала встретило известное сочувствие, так как политика Климента XIII вызывала сильное недовольство. Незадолго до этого обращения на острове Корсике, принадлежащем Генуе, началось восстание. Генуэзское правительство не без основания утверждало, что повстанцев против Генуи возбуждало духовенство. Монахи, сочувствовавшие иезуитам и находившиеся в оппозиции к епископам, бывшим большею частью генуэзского происхождения, вели ожесточенную кампанию против генуэзских властей на Корсике. Епископы бежали в Геную, монахи же, а позднее; и низшее духовенство примкнули к повстанцам и получили от их вождя Паоли ряд привилегий, одобренных Климентом XIII. Папа вступил в переговоры с Паоли как с «признанным главою» самостоятельного островного государства.

За Геную вступился Неаполь, однако - безрезультатно. Дело закончилось вмешательством в дела Корсики Франции. По свидетельству министра Пануччи, неаполитанского 1 представителя при французском правительстве, у всех сложилось тогда мнение, что папа явно нанес удар независимой Генуэзской республике и вмешался в суверенные права чужого государства. Инцидент с корсиканским восстанием показал, что папство продолжало питать старую иллюзию о своей гегемонии над светскими государствами.

Вскоре возник новый конфликт. На этот раз дело касалось Пармы, на герцогском престоле которой с 1748 г. сидел представитель династии Бурбонов. В Пармском герцогстве две трети земли принадлежало церкви, которая претендовала на старые привилегии, освобождающие ее от

каких бы то ни было платежей в пользу государства. Новый герцог, черпавший средства главным образом из земельных налогов своего маленького государства, не мог примириться с таким положением и добился согласия Бенедикта XIV на обложение налогом церковных владений.

Преемник Бенедикта XIV Климент XIII не только не думал об отказе от «своих» старинных прав, но считал уступки своего предшественника чрезмерными и потребовал от герцога прекращения взимания с церкви налога. Начались споры между Римом и Пармой. Вмешательство Франции и Испании не помогло ликвидации конфликта, и тогда герцог Пармы перешел в наступление. Церкви было запрещено приобретение новой земли; никто не имел права отныне искать суда за границей, т. е. у римского папы; всякая земля, светская или духовная, должна была платить государству определенные налоги, размер которых устанавливался исключительно герцогской администрацией; всякого рода благотворительные учреждения подлежали контролю со стороны светской власти, а церковные бенефиции и другие доходные статьи могли передаваться исключительно жителям и уроженцам Пармы. Кроме того, всякие папские бреве, буллы, декреты и распоряжения должны были получить специальное разрешение пармского правительства, чтобы иметь силу в пределах Пармского герцогства.

В ответ на это папская булла от 30 января 1768 г. объявила «недействительным» все то, что «ущемило и оскорбило» интересы церкви в Парме. Согласно булле, виновники этих «опаснейших и позорнейших нововведений» подлежали отлучению от церкви, если они немедленно не отменят того, что они незаконно совершили.

Булла 1768 г. вызвала возмущение далеко за пределами Пармы, так как в ней увидели возобновление политики Григория VII, Иннокентия III и других пап, мечтавших о гегемонии над светскими властями. Бурбонские дворы, т. е. Франция, Испания и Неаполь, выступили с протестом против буллы и потребовали от Климента XIII немедленного удовлетворения за то оскорбление, которое он нанес одному из представителей Бурбонского дома. Но папа не только не согласился смягчить свою грозную буллу, но принял вызывающий тон по адресу трех «незванных защитников» оскорбителя папских прав в Парме. Началась резкая полемическая переписка между Римом и бурбонскими дворами. К ним вскоре присоединилась Португалия, министр которой Помбаль решил использовать «пармский инцидент» для окончательного сокрушения иезуитского ордена не только в романских странах, но и во всем мире.

Так как папа упорствовал, французские войска заняли Авиньон и Венессенское графство, а неаполитанские - Понтекорво и Беневент. Эти папские владения были взяты под залог и, как гласило официальное сообщение по этому поводу, подлежали возвращению папе, если он торжественно откажется от своих притязаний на вмешательство в дела суверенных государств. Папа, кроме того, должен был признать полный суверенитет светской власти над Пармой и отказаться от ленных прав на нее. Наконец, ставилось решительное требование о роспуске ордена иезуитов.

Среди самых влиятельных лиц папского двора заговорили о необходимости спасти «авторитет» и «вечное величие» папства путем принесения в жертву иезуитского ордена, считавшегося в глазах многих главным виновником агрессивной деятельности курии за последнее столетие. Дело в том, что фактически этот орден был помимо Португалии запрещен с 1764 г. во Франции, а с 1767 г. в Испании, Неаполе и Парме. Во всех этих государствах его запрещение сопровождалось разоблачениями, свидетельствовавшими о злоупотреблениях иезуитов, о жестокой эксплуатации ими народных масс, об использовании ими своего могущества во вред государственным интересам и для умственного и нравственного порабощения народов.

Иезуиты были так ненавистны широким слоям верующих католиков, что ненависть эта угрожала папству крупными недоразумениями и неприятностями, если бы оно вовремя не отмежевалось от солидарности с компрометировавшим его орденом. Это поняли некоторые представители высшего духовенства из папского окружения. Так завязалась борьба вокруг вопроса об иезуитах в недрах самой курии, причем Климент XIII поддерживал то одну, то другую сторону, не решаясь занять определенной позиции до самой своей смерти, наступившей 3 февраля 1769 г.

Выборы нового папы кардинала Ганганелли, назвавшего себя Климентом XIV (1769-1774), происходили в напряженной обстановке: понадобилось голосовать 185 раз, прежде чем Ганганелли собрал необходимое количество голосов. Конклав хорошо знал, что католические

державы отпадут от Рима и провозгласят независимость отдельных национальных церквей, если выбор падет на иезуитского кандидата или даже на сторонника снисходительного отношения к иезуитскому ордену. Поэтому члены конклава значительным большинством голосов поддерживали лишь такие кандидатуры, которые не успели зарекомендовать себя в качестве сторонников иезуитов.

С другой стороны, конклав боялся голосовать за неиезуитского ставленника. Участники конклава долго не решались подавать свои голоса и за Климента XIV, который еще задолго до своего избрания был известен в качестве «затронутого» просветительными идеями кардинала и выступил в 1758 г. против обвинения евреев в употреблении христианской крови с ритуальной целью, когда подобному обвинению подверглись польские евреи в Ямполе на Днестре.

Этого выступления кардиналы никак не хотели простить Клименту XIV, тем более что папа не был склонен считаться с мнениями отдельных кардиналов и намеревался вести более или менее самостоятельную и независимую; линию в вопросах, носивших тогда особенно острый характер, в частности в вопросе о иезуитском ордене.

После своего избрания Климент XIV начал переговоры с бурбонскими дворами и выразил готовность отменить буллу 1768 г. и заключить союз с Пармой, из-за которой разгорелась столь роковая для папства борьба. Это примирительное настроение папы вызвало раздражение иезуитов, они и слышать не хотели об уступках Бурбонам и стали резко нападать на папу. Они были недовольны, в частности, его распоряжением прекратить чтение в церквях в так называемый «великий четверг» буллы «In coena Domini» («На вечера господней»), изданной в 1536 г. Павлом III. В этой булле, как уже отмечалось, изрекалась анафема на всех еретиков, в частности и на тех, которые «позволяли» себе сомневаться в праве главы католической церкви вмешиваться во внутреннюю жизнь государств и диктовать свою волю тому или иному монарху. Отмена чтения этой буллы свидетельствовала об отказе курии от вмешательства в деятельность суверенных государств; но именно подобного рода отказ всего более и вызвал недовольство иезуитов. В десятках тысяч экземпляров они распространяли по всей Европе оскорбительные для Климента XIV комментарии по поводу этого шага папы. Одновременно с памфлетами против папы распространялись карикатуры на ряд министров и королей, причем чаще всех фигурировал испанский король Карл III в объятиях дьявола, подстрекающего его на борьбу с церковью, в частности на избрание папой такого человека, каким был кардинал Ганганелли.

Климент XIV одновременно вызвал недовольство и романских монархов, считавших недостаточными его уступки и продолжавших поэтому держать в своих руках Авиньон и другие владения курии, и иезуитского ордена, возмущавшегося готовностью папы идти навстречу таким требованиям королей, которые были «равносильны глумлению просветителей над истинным христианством».

Климент XIV медлил и колебался. Даже официальное требование португальского представителя, которого поддерживали три посланника бурбонских дворов, об упразднении ордена иезуитов не подействовало на папу. По-видимому, сочувствие Климента XIV, материально во многом связанного с иезуитским орденом, было, несмотря на все, на стороне иезуитов. Кроме того, он боялся этой прекрасно дисциплинированной и могучей организации. Португальскому представителю был дан уклончивый и неопределенный ответ, вызвавший новые нападки на «недостойного» наместника бога на земле. Положение обострялось. Иезуитский орден выступал как воинствующий авангард католицизма, олицетворяя его наиболее агрессивные тенденции, как носитель крайних идей контрреформации и опасных для суверенитета государств средневековых идей. Его уничтожение представлялось широким кругам буржуазии особенно важным делом, без которого немислимо было дальнейшее шествие по пути освобождения государства от церковной опеки. Но именно потому, что иезуитизм рисовался в виде главного барьера, защищавшего привилегии, богатство, мощь и власть католической церкви, защита его казалась необходимой не только членам ордена, но и папству, не всегда во всем следовавшему за иезуитами. Были, однако, и такие деятели церкви, которые готовы были уступить «Бурбонам-заговорщикам», как называет немецкий историк Онкен тогдашних королей Франции, Испании, Неаполя и герцога Пармы. В числе этих «компромиссных» руководителей католицизма оказался в

конце концов и папа Климент XIV. 21 июля 1773 г. буллой «Dominus ac Redemptor» он объявил о роспуске Общества Иисуса и о его полном упразднении - «на веки вечные».

Булла эта говорила о том, что иезуитский орден сеял везде смуту, что из-за него невозможно сохранение мира в церкви и что тщательное расследование его деятельности подтвердило правильность обвинений по адресу иезуитов.

Иезуитская коллегия в Мюнхене (1700 г.)

Несметные богатства ордена менее всего свидетельствовали об истинно христианской жизни, которая подобает людям, посвящающим свою жизнь служению богу. Оказывается, что в землях австрийской короны иезуитские имения оценивались в 15 500 тыс. гульденов, что в Баварии коллегия в Ингольштадте располагала суммой свыше 3 млн. флоринов, что 60 «отцов» в одном силезском округе имели доход в 47 тыс. талеров, что в Испании ежегодно земельные владения ордена приносили ему 2,5 млн. франков, а в Польше около 3 млн., в Португалии свыше 4 млн., а в Италии около 8 млн. Еще большие доходы Общество Иисуса получало в заокеанских владениях Испании и Португалии. Только редукции Парагвая давали иезуитам ежегодно 2,5 млн. франков, а в Перу, Новой Гренаде, Мексике и на Антильских островах доходы были еще больше. На одной Мартинике у ордена было владений больше чем на 4 млн. франков. Если даже принять во внимание незначительную доходность землевладения, то недвижимая собственность ордена, по определению историка Бемера, равнялась в 1760 г. одному миллиарду золотых марок.

Такого богатства орден достиг путем самых разнообразных торговых и промышленных предприятий. Так, в Мексике он владел лучшими сахарорафинадными заводами и очень доходными серебряными рудниками. В Парагвае он собирал на своих плантациях чай, а из Перу вывозил ежегодно до 80 тыс. голов скота. Племя чикито доставляло ему воск, а племя мохос - какао. Еще доходнее были обширные промышленные заведения, в которых велось производство товаров массового потребления: четок, восковых свечей, ковров, одеял, бумажных тканей и т. п. Орден занимался спекуляциями, и скандальные истории в связи с этим часто выплывали наружу, вызывая всеобщее возмущение. Особенно печальную известность получило дело Лавалетта - прокуратора иезуитов на Антильских островах, отказавшегося уплатить долг в 2400 тыс. ливров, хотя у ордена на Мартинике было владений на 4 млн. Гражданский процесс против Лавалетта превратился в уголовный процесс против всего иезуитского ордена.

Сохранение ордена стало невозможным, ибо он олицетворял собой принцип постоянного церковного, в частности папского, вмешательства в общественную и политическую жизнь каждого государства. Уничтожение иезуитского ордена было равносильно победе светского

государства над притязаниями католической церкви на роль гегемона в государстве в интересах феодальной аристократии.

IV

Изгнание иезуитов, помимо своего политического значения, являлось торжеством человеческой мысли, освобождавшейся от тяжелых цепей религиозной догматики.

Сочинения Бэкона Веруламского в первой половине XVII в. и Исаака Ньютона во второй создавали новое понимание мироздания, зиждившееся не на вере в откровение, чудо и вмешательство извне, а на незыблемых законах природы. Чудо и откровение изгонялись из естествознания, из науки о природе. Пытливый человеческий ум стал прилагать к медицине, общественным наукам, а потом и к критике религии новые научные понятия.

В 1642 г. норвичский ученый, врач Томас Броун, выпустил «Религию врача», в которой причудливо сочетались старые и новые взгляды. Эта книга имела успех, была переведена на иностранные языки и вскоре попала в папский «Индекс запрещенных книг». Через несколько лет тот же Броун напечатал «Эпидемическую лжеученость», в которой пытался под библейские чудеса подвести естественное объяснение. Он резко осуждал распространенные предрассудки и верования, хотя сам Броун в немалой степени был еще суеверен и верил в колдовство.

Вслед за Броуном геолог Борнет подверг критике библейский рассказ о сотворении мира, который он считал аллегорией, рассчитанной на малопритязательных читателей. Подобно другим естествоиспытателям, Борнет пытался «изгнать постороннее вмешательство» из области геологии.

От критики библейских рассказов Чарльз Блонт своим сочинением «О душе мира» перешел на божественность евангельских чудес и самого «откровения». Он перевел и опубликовал некоторые письма «чудотворца» Аполлония Тианского, чудеса которого антихристианский писатель Гиерокл противопоставлял чудесам и подвигам Иисуса (*Аполлоний Тианский (жил в I в.) - греческий философ неопифагорейской школы, проповедник-моралист. Верил в свою способность творить чудеса. Противник христиан Гиерокл (284-305) считал, что как в моральном отношении, так и в чудотворстве Аполлоний Тианский превосходит Иисуса Христа*).

Мысль, освобождающая себя от «оков вмешательства», не ограничилась пределами Англии и нашла благодатную почву в других экономически развитых странах Западной Европы. Не только Голландия, опередившая ряд европейских стран в своем буржуазном развитии, но даже Франция смело шла на борьбу за свободу человеческой мысли. Однако изгнание божественного вмешательства из природы не означало отрицания существования бога. Английская мысль останавливалась на полдороге: бог был оттеснен за пределы мира, перестал вмешиваться в незыблемые и вечные законы природы и должен был ограничиться тем, что лишь создал мир, которым в дальнейшем уже больше не руководил. Английская мысль успокоилась на компромиссной идее как в политической области (король царствует, но не управляет), так и в области религии: она создала деизм, где особое место отводилось разуму (ratio-рационализм), которому предоставлялось разбираться в природе. По выражению Пьера Бейля (*Пьер Бейль (1647-1706) - французский философ-скептик, предшественник французского Просвещения XVIII в. Критиковал религиозные Догматы, проповедовал веротерпимость, освобождение морали от религии*), ему давалось задание анатомировать государство, церковь, религию, нравственность, науку и искусство, а существование бога доказывалось этическими требованиями, врожденными идеями, внутренним озарением и т. д.

Однако деизм в XVII в. не мог стать господствующим религиозно-философским направлением, даже в наиболее сильных в экономическом отношении странах. Буржуазия, вырываясь из цепких объятий феодализма, требовала сильной централизованной власти, и ее «символом веры» стал не бездеятельный деизм, а энергичный кальвинизм и близкое ему пуританство.

Даже в тех, более отсталых странах Западной Европы, в которых буржуазия не была еще достаточно сильной, чтобы подняться на решительную борьбу, и где католическая церковь удерживала свои позиции, авторитет папства был в огромной степени поколеблен. Так, реакционнейшая австрийская династия Габсбургов вынуждена была изменить своей старой католической традиции и пойти по пути освобождения своих владений из-под тяжелой опеки

Рима и иезуитов. Это обнаружилось с особой силой, когда в 1740 г. феодально-крепостническая Австрия оказалась в критическом положении и соседние государства подняли вопрос об «австрийском наследстве». Только позиция Англии, которая не могла мириться с чрезмерным усилением Франции на европейском континенте, помешала дележу Австрии, и последняя добилась в 1748 г. в Аахене мира. Развивавшаяся преимущественно в немецких землях Австрии буржуазия сумела использовать поражение императрицы Марии Терезии в целях изменения старой клерикально-феодальной политики. Хотя Мария Терезия была чрезвычайно предана папству, она вынуждена была провести значительные реформы армии, полиции, администрации и суда, закрепленные «кодексом Марии Терезии». Впрочем, в этом кодексе осталось немало элементов папизма. Богохульство, святотатство, ведовство, колдовство, ересь и отступничество от веры карались тягчайшим образом, обычно суровее, чем воровство, грабеж и даже убийство простых граждан.

Большой бюрократический аппарат требовал денег. Старая финансовая система зиждилась на плательщике-крестьянине, нищем, поработанном и обремененном разными сеньориальными повинностями, и не могла удовлетворить требований «государственного блага». Из фискальных соображений необходимо было провести новый ряд реформ и поставить на очередь привлечение к денежному обложению также могущественного и богатейшего духовенства. Архиепископу и капитулу Праги принадлежало 25 обширнейших поместий, а имущество духовенства в Чехии определялось в 36 млн. гульденов. Кроме того, на 8 млн. гульденов у него скопилось денег на поминальные умерших и на другие религиозные дела. Не считая венгерского духовенства, австрийское имело ежегодный доход в последние годы царствования Марии Терезии в 13390 тыс. флоринов, причем сюда не входили богатства монастырей, значительно превосходившие имущество белого духовенства.

В 1770 г. в немецких и венгерских землях Австрии насчитывалось 2163 монастыря, в которых находилось около 65 тыс. монахов. В одной лишь Штирии с населением 750 тыс. человек было 70 монастырей, в главном городе ее Граце было 16 монастырей. Во Внутренней Австрии (т. е. в Штирии, Крайне и Каринтии) на 550 жителей был один монах или монахиня. Некоторые монастыри обладали огромными богатствами: монастырь кларассинок в Граце имел состояние в 427 425 флоринов; столь же богат был монастырь кармелиток; австрийские картезианцы имели состояние в 2 506 986 флоринов; бенедиктинцы св. Лимбрехта - 2 329 775 флоринов; им мало уступали бенедиктинцы св. Павла и т. д. На церковно-монастырских землях процветало крепостное право, и нет поэтому ничего удивительного, что крестьянские волнения в Штирии под руководством Матвея Хвойки в царствование Марии Терезии носили антицерковный характер: крестьяне жгли монастыри, нападали одинаково на помещиков и священников.

Из ненависти к ним крестьяне в значительном числе стояли на стороне лютеранства и тайно исповедовали протестантскую религию. Между тем, за исключением Силезии и Венгрии, во владениях Габсбургов протестантизм считался запрещенной религией и всячески преследовался. Правда, инквизиция была отменена, но отмена эта носила лишь формальный характер: уж слишком ненавистно было, по заявлению императора Карла VI, слово «инквизиция», и поэтому ересь должна была искореняться светскими судами под руководством иезуитов.

Протестантов, обычно крестьян и ремесленников, массами выселяли в Трансильванию, где они могли жить «по-своему». Эти пресловутые «трансмigrations» наводили ужас на страну, разоряли десятки тысяч людей и подрывали производительные силы Австрии. Но иезуиты крепко держали в своих руках организацию принудительного переселения, и духовник Марии Терезии иезуит Игнатий Кампмюллер являлся наиболее ревностным агитатором идеи «трансмigrations» с целью очистить Австрию от «язвы лютеранства» и целиком перенести ее в Трансильванию, где этих эмигрантов ожидали нищета и голод.

Иезуиты свили себе прочное гнездо в Австрии: их имущество оценивалось свыше 400 млн. гульденов; они имели 81 коллегию, 43 резиденции, 65 семинарий и т. д.; цензура была в их руках. Они почти целиком овладели народным образованием: во главе 200 гимназий в годы царствования Марии Терезии находились иезуиты; все богословские кафедры в высших учебных заведениях принадлежали им; философия тоже была фактически их монополией. К истинному

образованию они относились с презрением и ненавистью: «венцом» философии для них был Аристотель, преподавание истории ограничивалось XIII в., география вообще не преподавалась, не изучались живые языки, студенты, наизусть цитировавшие Цицерона и умевшие цветисто писать на латинском языке, писали безграмотно по-немецки. Эксплуатируя страну, превращая ее в своеобразную вотчину, иезуиты вместе с тем принимали меры предосторожности для охраны своего материального могущества.

Мария Терезия вынуждена была признать, что с 1757 г. иезуиты отправили в протестантскую Англию, Голландию и Лейпциг 40 млн. гульденов на случай «каких-нибудь неприятностей в католических странах». В то же время императрица констатировала, что внутри Австрии иезуиты ведут обширнейшую и разнообразнейшую торговлю: так, один дом св. Анны, торговавший лекарствами, шоколадом и вином, ежемесячно давал 3 тыс. гульденов дохода и тем, естественно, вызывал недовольство купечества.

Деятельность иезуитов в Австрии вызывала всеобщее недовольство. Под влиянием общественного мнения Мария Терезия отменила инквизицию в Ломбардии, взяла из касс братств 3 млн. гульденов и закрыла в Ломбардии 80 монастырей, несмотря на неоднократные протесты папы. Еще до этого, несмотря на сопротивление Рима, было объявлено, что отныне ни одна папская булла не может печататься в Австрии без разрешения государственной власти, что все духовные распоряжения подлежат контролю светской власти, а в бревиариях необходимо заклеить и впредь не печатать слова папы Григория VII о праве папства низлагать государей. В 1768 г. было отменено папское согласие (индульг) на обложение монастырей государственными податями, а церковные земли, которые раз в 15 лет делали добровольный взнос государству в размере 2 млн. гульденов, были приравнены к дворянским землям и наравне с ними обложены. Вскоре в Австрии был приостановлен количественный рост монастырей, установлен 24-летний возраст для лиц, дававших монашеские обеты, закрыты были монашеские тюрьмы, духовенству запрещалось отправлять за границу без разрешения значительные денежные суммы, не разрешалось открывать новые братства, брачные дела отныне разрешались только епископами, и личное обращение в Рим за отменой брачных препятствий было запрещено. Поступая в монастырь, никто не мог вносить вклада свыше 1500 флоринов; завещания в пользу монастырей были объявлены недействительными. Монах и священник не могли быть свидетелями при завещаниях, настоятели не могли распоряжаться имуществом монахов, подвергать их тяжелым наказаниям. Ограничено было право убежища и для преступников. В цензурный комитет были введены представители светской власти, и дело народного образования постепенно изымалось из рук духовенства. Король Пруссии Фридрих II писал, что императрица не смешивает политику с духовными делами и не закрывает глаза на собственные свои интересы.

Гораздо смелее по пути освобождения государства от папской опеки и церковного тунеядства пошел сын Марии Терезии император Иосиф II. Он прежде всего уничтожил все 642 братства, существовавшие тогда в Австрии. Иосиф считал их «бесполезными для общества, а потому негодными богу», их имущество было конфисковано и передано благотворительному обществу. Точно так же Иосиф II отнесся к орденам «созерцательной жизни» и закрыл 738 их монастырей, оставив, впрочем, еще около 1450 других монастырей. Имущество закрытых монастырей было передано в религиозный фонд, из которого черпались средства на содержание церквей, монашеских пенсий и благотворительных заведений. Ценность отобранных у монастырей имений и драгоценностей выражалась в сумме 17092 тыс. гульденов, причем отсутствуют точные сведения из Моравии, Чехии и Тироля.

Решительность Иосифа II привела папство в тем большее смущение, что никакие увещания нунциев и протесты Рима не могли сдержать энергии Иосифа II и его министров. В 1782 г. папа Пий VI (1775-1799) лично предпринял поездку в Вену, чтобы непосредственно повлиять на «дерзкого» императора. Хотя Иосиф принял папу с большим почетом и ответил ему визитом в Рим, церковная политика императора осталась прежней, и власть Рима над австрийским духовенством все более и более ограничивалась: отныне будущим священникам запрещалось даже учиться в Риме в «Германской коллегии» (последняя была перенесена в Павию и находилась

под надзором светской власти). Место черной армии Рима должно было занять белое духовенство, связанное тесными узами с государством, которое стало готовить в «своих» семинариях «здравомыслящих» духовных лиц. Мало того, богослужение подлежало упрощению; отменены были «отзывавшиеся суеверием» обряды, запрещены паломничества, изменены границы епархий и приходов, учреждены новые, и даже введен был новый молитвенник с гимнами. Священник превращался в чиновника духовного ведомства, был поставлен под контроль светского начальника, обязан был разъяснять верующим правительственные указы и во всем помогать светским чиновникам. Жалование духовенство должно было получать от казны, и епископская присяга была изменена в том смысле, что в новой формуле заняло надлежащее место обещание быть верным императору, тогда как прежняя формула выдвигала на первый план верность папе. Завершением церковной реформы Иосифа II был так называемый патент о веротерпимости; веротерпимость была предоставлена лютеранам, кальвинистам и православным.

Католики встретили крайне враждебно этот патент, и духовенство вместе с крупными землевладельцами вело яростную агитацию против «безбожного патента». Во многих местах духовенство долго бойкотировало акт о веротерпимости. Так, в Виллахе протестантским священникам запрещали хоронить протестантских детей, так как «дети не могут быть причислены к протестантам». В других местах прибегали к организации протестантских погромов. Успеха, однако, эта агитация против веротерпимости не имела, так как крестьянство определенно сочувствовало протестантам: число последних в течение первых пяти лет после патента о веротерпимости увеличилось на 34 тыс. человек.

Иной оборот приняла политика Иосифа II в Бельгии, присоединенной по Утрехтскому миру 1713 г. к Австрии. Иосиф вел здесь ту же политику централизма, подчинения духовенства светской власти, недопущения вмешательства Рима, насильственного насаждения «более высокой» германской культуры. В противоположность Австрии, в Бельгии ему пришлось столкнуться с сильной оппозицией, в которой переплетались социальные, религиозные, национальные и политические интересы разных классов и прослоек. Опасность распространения на Бельгию проведенных в Австрии реформ объединяла отсталую крестьянскую массу с ее злейшим врагом, с крупным землевладением, и естественным вождем этого неестественного союза стало духовенство, которому церковная политика Иосифа наносила очень чувствительный ущерб. На это демагогическое движение Иосиф II ответил обычными кровавыми репрессиями, которые не только не подавили движения, но увеличили его размеры и в конце концов привели к тому, что почти вся Бельгия отпала от Австрии, низложила Иосифа II и провозгласила республиканскую конституцию, которая отдала всю власть дворянству, духовенству и богатой верхушке некоторых крупных городов. За новую конституцию вело особенно энергичную агитацию бельгийское духовенство; «для устрашения врагов религии и отечества» оно организовало по инициативе мехельского архиепископа всенародную петицию. Петиция начиналась словами: «Объявим изменниками отечества тех, которые стремятся ввести какие-либо изменения в религии или конституции». Петиция собрала в короткое время 200 тыс. подписей. Множество крестов на этой петиции, по свидетельству бельгийского историка XIX в. Борнье, говорило о том, какой, собственно, слой народа так опасался за религию: «то была темная народная масса, находившаяся под влиянием фанатиков католицизма, которых всегда так много в нашей Бельгии». Во многих местах Бельгии организовались группы «истинных бельгийцев», от их имени выпускались прокламации, требовавшие уничтожения иностранцев, безбожников и просветителей. Движение это пользовалось тайной поддержкой папы Пия VI. Он за семь лет до этого приезжал в Вену к Иосифу II, чтобы убедить его в опасности его политики, - теперь Пий VI торжествовал победу над императором, которого бельгийские Генеральные штаты провозгласили низложенным.

Политика Пия VI была грозным предупреждением и Франции, где в этот момент заседало Учредительное собрание французской революции, которому вскоре пришлось столкнуться с папством, только что одержавшим победу над австрийским императором «безбожным» Иосифом II.

ПАПСТВО И КАТОЛИЦИЗМ В ПЕРИОД ДОМОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО КАПИТАЛИЗМА (1789-1870)

I

Конфликт между буржуазией, стремившейся к власти, и папством, упорно защищавшим «старый порядок», был неизбежен. Впрочем, буржуазия шла на этот конфликт с ясным сознанием необходимости сохранения религии для защиты своих классовых интересов. В позиции буржуазии предреволюционных лет была скрыта возможность компромисса с папством, который мог бы быть осуществлен в случае перехода католической иерархии на службу пришедшему к власти новому эксплуататорскому классу. Но папство упорствовало. В силу своей реакционной сущности, органической враждебности всему новому и прогрессивному, а также потому, что с феодализмом связывали его более чем тысячелетний союз и взаимная поддержка, папство сопротивлялось новому общественному строю. Вплоть до самой середины XIX века, когда папство пошло на союз с капитализмом, оно продолжало оставаться важным центром, вокруг которого группировались самые реакционные феодально-монархические элементы Европы.

Реакционная роль папства особенно ярко обнаружилась в годы Великой французской буржуазной революции конца XVIII в.

Революционная ситуация требовала немедленного претворения в жизнь принципов борьбы с феодальными привилегиями и невероятными претензиями католической церкви. Учредительное собрание 1789-1791 гг. секуляризировало церковную землю, отменило монашеские обеты, распустило монастыри и поставило вопрос о новой, «соответствующей разуму» организации церкви. Она не только должна быть свободна от власти и контроля Рима, но всецело предана конституции, претворяющей в жизнь требования разума. Так возникла мысль о гражданском устройстве духовенства - неизбежный вывод философии просветителей XVIII в., гласившей, что религия представляет полезный социальный институт, роль которого состоит в охране общественного порядка, меняющегося в зависимости от того, стоят ли у власти «неразумные» привилегированные сословия или рационалистическое третье сословие, буржуазия. Церковь должна рационализироваться, и ее ждут разные бедствия, если она не сумеет отречься от своего «негражданского» духа. Пусть присяга конституции служит гарантией перехода священников на сторону революционной Франции.

Гражданское устройство духовенства явилось сильнейшим ударом по папству и значительной части французского духовенства, в частности его верхушке. С первых же дней революции епископы Памье, Апта, Оксера и Арраса в виде протеста покинули Францию и за границей присоединились к аристократам. Из-за рубежа духовенство начало агитацию против революции и Учредительного собрания.

Воинственность контрреволюционного французского клира и папы римского объяснялась отчасти тем, что, как уже было сказано выше, именно в это время в Бельгии церкви удалось принудить императора Иосифа II, энергичного представителя «просвещенного абсолютизма», отказаться от ряда эдиктов, имевших целью введение принципа религиозной веротерпимости и преследование монахов. Пий VI решил прибегнуть к этому же средству во Франции и заставить Учредительное собрание пойти на уступки. Парижский нунций поставил французского министра иностранных дел в известность о беспокойстве, которое испытывает папа от деятельности Учредительного собрания, а французский посол в Риме, отражая настроения папы, напоминал своему министру, как опасно «трогать» старую религиозную организацию и как жестоко поплатился император Иосиф II за забвение этой истины. В то же время посол извещал Париж, что папа готовит на имя французских епископов энциклику с осуждением всей деятельности Учредительного собрания. Папу возмущала не только конфискация церковного имущества, но и декларация прав человека и гражданина, провозглашавшая свободу мысли, совести и допускавшая не католиков к государственной и общественной службе.

Сложность политической обстановки заставляла Пия VI медлить, лицемерить и надеяться, что вспышки религиозного фанатизма поколеблют буржуазию и вынудят ее на уступки. Папа учитывал и то, что большая часть французского духовенства отказалась принести присягу

верности новому режиму. Когда же в ответ на этот отказ революционное правительство в сентябре 1791 г. объявило о присоединении к Франции папских владений Авиньона и Венессена, Пий VI решил покончить с политикой выжидания. Выступления папы требовали и правительства католических держав. Испанское правительство, обвиняя Учредительное собрание в распространении за границей «якобинских памфлетов», настоятельно призывало к организации крестового похода европейских держав против революционной Франции. Уничтожение такого католического центра, как Франция, утверждало испанское правительство, есть начало всемирного крушения. Без религиозной узды народы везде поднимутся против своих государей, и в общем хаосе погибнут и троны, и алтари.

При таких обстоятельствах Пий VI опубликовал 10 марта 1791 г. свое грозное обвинение по адресу Учредительного собрания. «Через все декреты собрания, - говорил Пий VI, - красной нитью проходит святотатственная декларация прав человека, провозгласившая чудовищные идеи вроде свободы мысли, слова и равенства всех людей. Эти мнимо неотъемлемые права являются дерзким вызовом авторитету творца вселенной, и собрание, провозгласившее их, возобновило ереси вальденсов, беггардов, Виклифа и Лютера. Хваленые свобода и равенство представляют собою средство уничтожения католицизма» (*Mathiez A. Rome et le clerge français sous la Constituante. Paris, 1911, p. 491*). Гражданское устройство духовенства, заявлял далее папа, есть «схизма и ересь»; избрание прелатов - «грехи Лютера и Кальвина»; утверждение епископов принадлежит «абсолютно» святейшему престолу; недопустимо, чтобы священники получали жалованье, ибо это ставит их в зависимое положение от светских лиц; «уголовным преступлением» является секуляризация или национализация церковного имущества; тяжким грехом следует считать закрытие монастырей и уничтожение капитулов, и вообще вся деятельность собрания должна быть заклемена. Поэтому позорно поступили те представители духовенства, которые, подобно епископу Талейрану, приняли присягу верности новому режиму. Папа считал, что король был вынужден санкционировать действия бунтовщического собрания, возобновившего дела Генриха II Плантагенета и Генриха VIII Тюдора (*Английские короли Генрих II Плантагенет (1154-1189) и Генрих VIII Тюдор (1491 - 1547) провели ряд реформ, укрепивших королевскую власть и ослабивших влияние церкви; с 1534 г. главой английской церкви считается король*). Папа протестовал и против «неслыханного» нарушения его собственных прав в отношении Авиньона. Он звал французское духовенство отречься от данной им присяги и в дальнейшем ни в коем случае не подчиняться распоряжениям Учредительного собрания, касающимся церкви.

Одновременно с этим обращением к духовенству папа отправил бреве на имя Людовика XVI с напоминанием, что король обещал «жить и умереть в католической вере», и с упреком, что именно его санкция «отрезала половину его королевства» от единой церкви. Этот акт слабости, указывал папа, должен быть искуплен действительной защитой оставшихся верными католицизму департаментов.

13 апреля папа опубликовал еще более резкое бреве, в нем он объявлял недействительными все акты Учредительного собрания и угрожал отлучением от церкви священникам, которые в течение 40 дней не возьмут обратно данной ими присяги; прихожанам же запрещалось иметь дело с присягнувшим духовенством: «ибо гражданское устройство было сфабриковано с целью окончательного уничтожения католицизма».

В 1791 г. Пий VI порвал с Францией дипломатические отношения, но оставил в Париже своего шпиона - аббата Саламона. На протяжении целого года, вплоть до своего ареста 27 августа 1792 г., папский агент интриговал внутри страны и за ее пределами, добиваясь скорейшей интервенции против революционной Франции. В своих донесениях Саламон сообщал Пию VI об активных шагах контрреволюционных сил и этим поддерживал воинственное настроение главы католицизма. Папский агент в Париже писал: «Из Петербурга приехал в Кобленц (центр эмиграции) барон Бомбель с личным, очень милым письмом русской императрицы, с наличными двумя миллионами и с аккредитивами на еще большие суммы...» Приехал, сообщал он далее, граф Румянцев в качестве уполномоченного русской императрицы при братьях Людовика XVI, живших в эмиграции. Граф Артуа писал своему брату в Версаль, что император Австрии присоединился к решению, принятому в Пильнице, и что 30 тыс. пруссаков готовы к выступлению. Судя по радостным известиям аббата Саламона о поездках чрезвычайных курьеров в столицы Европы, папский агент, по-видимому, на внутренние осложнения новой Франции мало

рассчитывал, и все его внимание сосредоточено было на Кобленце. Так церковь вместе с эмигрировавшей аристократией готовила войну против революционной Франции.

В то время как церковно-дворянская контрреволюция готовила свою разбойничью интервенцию, Законодательное собрание заменило присягу духовенства общей гражданской присягой, в которой говорилось лишь о повиновении конституции 1791 г. «Мы тем самым, - заявил депутат Франсуа из Невшателя, - поставили священников в положение обычных граждан. Если они теперь будут отказываться дать обязательство благонадежности, то мы спросим: каковы мотивы? И мотивами, ответим мы сами, являются не их религиозные убеждения, не веления их совести, не отдельные пункты богословия и не вопросы веры. Их единственным мотивом является ненависть к французской конституции» (*Archives parlementaires. Paris, t. 35, p. 430*).

Контрреволюционное духовенство ответило на это мероприятие удвоенной агитацией, и тогда Законодательное собрание присоединилось к заявлению депутата-жирондиста Иснара, что «религия является инструментом, позволяющим действовать на людей по усмотрению ее служителей, - поэтому пользующиеся религией в целях разжигания гражданской войны должны подвергаться наказанию пропорционально степени опасности, вызываемой этим инструментом» (*Ibid., p. 66*). Во Франции начались репрессии против провокационно действовавшего духовенства, возлагавшего надежды на иностранную интервенцию и на фанатичную крестьянскую массу в отдельных департаментах.

Еще до объявления войны Франции союзом феодально-монархических государств Пий VI обратился с личным письмом к Екатерине II, убеждая ее создать монархическую солидарность в деле защиты неприкосновенности территории всех государей. При этом папа не забыл напомнить, что он «вопреки всякому божескому и человеческому закону» сам лишился Авиньона и Венессена и во имя «легитимности» требовал возвращения церкви этих двух областей. За письмом к Екатерине последовали послания к австрийскому императору и сардинскому королю. Папа умолял их «держаться друг за друга» и не допускать «никакой узурпации» прав законных королей; он намекал на ошибки «философов-монархов», недостаточно ценивших важное значение монархической солидарности.

Деятельность Пия VI побудила Конвент потребовать от папы «сложить шпагу», а появление эскадры вице-адмирала Трюге у берегов Папской области свидетельствовало, что республиканское правительство Франции решило принудить Пия VI прекратить сколачивание единого контрреволюционного фронта. В этот момент Пий обратился с мольбой о спасении принципа легитимизма к главам двух не католических держав - к Екатерине II и к Георгу III. Россия и Англия в этот момент угнетали две католические страны - Польшу и Ирландию, которые обращали взоры к Пию VI в то самое время, когда он протягивал руку их угнетателям.

Активная участница иностранной интервенции, католическая церковь во Франции, естественно, должна была поплатиться за свою антипатриотическую и контрреволюционную деятельность. Наступил период дехристианизации, провозглашения культа Разума и Верховного существа.

Антирелигиозная политика якобинцев вызвала недовольство среди отсталых слоев крестьянства, подстрекаемых клерикалами. Стремясь предотвратить использование этого недовольства в интересах контрреволюции, якобинцы несколько смягчили антикатолическую и антицерковную политику, хотя и не прекратили преследование той части духовенства, которая сотрудничала с внешней и внутренней контрреволюцией.

После контрреволюционного переворота 9 термидора 1794 г. и падения якобинцев к власти пришла «новая» буржуазия, которая не была клерикальной и даже враждебно относилась к старой привилегированной церкви. Тем не менее общая реакция сказалась и на церковной политике Конвента. Уже закон о свободе культов, принятый в феврале 1795 г. и предоставлявший право богослужения и не присягавшим священникам, показал, что Конвент сделал сильный крен вправо.

Реакционное духовенство воспользовалось этим и стало выступать еще более смело. В разных местах Франции организовывались контрреволюционные террористические общества, из которых «Компания Иисуса», одновременно религиозная и монархическая, пользовалась наиболее печальной известностью. Депутат Шенье характеризовал в Конвенте «иисусников» как притон эмигрантов, сосланных священников и мерзавцев, готовых продать себя первому авантюристу.

По его словам, вооруженные кинжалами монархисты и горящие жаждой мести фанатики открыли на юге республики эру Варфоломеевской ночи. Новая Вандейская война (*Вандейские войны - войны, которые вела революционная Франция в конце XVIII в. против контрреволюционных мятежников (дворянство, часть крестьян), сосредоточенных главным образом в департаменте Вандея и других районах Западной Франции. В организации контрреволюционных мятежей духовенство принимало самое активное участие. Под новой Вандейской войной подразумевается восстание, вспыхнувшее летом 1795 г. в связи с высадкой отряда эмигрантов английским флотом на побережье Франции. В начале 1796 г. восстание было подавлено*) побудила даже термидорианскую буржуазию, сохранившую принцип отделения церкви от государства, усилить надзор над священниками и наказать тех, которые вне стен церковей ведут антифранцузскую, контрреволюционную пропаганду.

Наполеон верил в легкое превращение папизма из феодального орудия в орудие господства буржуазии. Несмотря на интриги Пия VI и церковной верхушки, Наполеон был готов идти на соглашение с католицизмом. Но церковь истолковывала всякую уступку Наполеона как проявление его слабости. В самом конце 1797 г. в Риме вспыхнуло народное восстание против светской власти папы. Во время столкновения папских войск с республиканцами был убит французский генерал Дюфо. Это убийство было использовано французским командованием для вмешательства в развернувшуюся борьбу. Войска Пия VI были разбиты, французские войска заняли Рим, папа был лишен светской власти, и в феврале 1798 г. была провозглашена Римская республика. Пий пытался скрыться в Тоскане, но был настигнут и отправлен во Францию, в крепость Баланс, где он и умер в 1799 г.

Кардинальская коллегия лихорадочно искала поддержки у монархов Европы. Она уверяла Павла I, что покойный Пий VI считал русского императора лучшим защитником церкви, а потому ему следует взять в руки осиротевшую церковь. Императору Францу I писали, что враги церкви являются и его врагами, намекая, что слишком много коронованных голов могло убедиться, как быстро рушится мощь монархов и как стремглав падает авторитет религии. Бродившему по Европе в поисках короны брату казненного Людовика XVI говорили, что те самые руки, которые обогрились королевской кровью, причинили только что смерть святому отцу, а потому Бурбон должен помнить, что трон крепок лишь тогда, когда крепка церковь. Опираясь на помощь антифранцузской коалиции, католическая иерархия добилась изгнания французских войск из Рима, уничтожения Римской республики и восстановления в июле 1799 г. светской власти папы.

Вскоре Наполеон снова завоевал Италию. Избранный конклавом в Венеции в 1800 г. новый папа Пий VII (1800- 1823), вступив во владение Папской областью, фактически оказался игрушкой в руках Наполеона.

Наполеон видел в религии не тайну воплощения, а тайну социального порядка: «религия связывает идею равенства с небом, что мешает бедняку убивать богатого». Ради этого «богатого» можно было идти навстречу «какому угодно папе», и Пий VII не составлял исключения. Он должен был лишь внушать «беспокойным элементам» Франции мысль о небесном равенстве, доставляющем вечное блаженство, а не мимолетные радости. Такое внушение тем важнее, что общество, по мнению Наполеона, не может существовать без неравенства богатства, а это неравенство не может существовать без религии. Стремясь использовать в своих политических целях католическое духовенство во Франции, Наполеон искал соглашения с Пием. Он отправил к нему уполномоченного для переговоров, дав инструкцию: говорить так, как будто Пий распоряжается армией в 200 тыс. человек. 15 июля 1801 г. между Наполеоном и Пием VII был заключен конкордат «как для блага религии, так и для охраны внутреннего спокойствия» Франции. Конкордат состоял из 17 статей. Введение гласило: «Правительство признает, что католическая, апостолическая, римская религия является религией значительного большинства французских граждан. Его святейшество признает, что эта религия получила и надеется получить величайшее благо и блеск от установления католического культа во Франции и особенной веры в него консулов республики» (*Artoud C. Histoire du pape Pie VII. Paris, 1837, t. 1, p. 150-151*). Конкордат превратил духовенство во Франции в полицейский орган, обязанностью которого было не только охранять «общественное спокойствие», но и доносить на тех, которые его нарушали. Как всякий другой охранительный орган, церковь была принята на содержание государства, гарантировавшего обеспечить ее «подобающим образом» с правом получать дотации от всех граждан при содействии властей. Жалованье духовенству, выплачивавшееся государством, должно было в какой-то мере возместить утрату церковных имуществ, конфискованных и

распроданных во время революции. Эти имущества были признаны законной собственностью их новых владельцев.

К. Маркс писал, что «господство попов как орудия правительства», это - наполеоновская идея (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 212). Помимо духовенства бонапартизм находил опору в солдатчине, в жандармерии. Духовный жандарм, наравне с обычным, содействовал осуществлению целей Наполеона, и понятно его стремление идти на прочный мир с церковью. В основном конкордат 1801 г. действовал до 1905 г., когда во Франции был проведен закон об отделении церкви от государства и конкордат был отменен.

Война, объявленная Пруссией Франции, кончилась победой последней, потребовавшей уступки для себя левого берега Рейна. За эту огромную территорию Франция обещала раздать пострадавшим государствам духовные княжества. Открылась перспектива грандиозной секуляризации. Разгорелись аппетиты: князья, короли, император вырывали друг у друга владения духовенства, вступали между собою в жестокие конфликты, делали Францию третейским судьей в своих спорах и тем укрепляли влияние и мощь Франции внутри Германии. В общем были секуляризованы 118 духовных «государств», насчитывавших 3 млн. человек и дававших 21 млн. гульденов ежегодного дохода. Из духовных княжеств сохранились лишь Майнц и мальтийский орден. Последний спасся благодаря тому, что русский император Павел I, мечтая превратить его в центр борьбы против революционных движений, стал гротмейстером этого ордена и даже выпустил манифест «Об установлении в пользу российского дворянства ордена св. Иоанна Иерусалимского» с резиденцией в Петербурге.

Так как секуляризация 1803 г. сильно ударила по католической церкви, то православный царь Александр I хлопотал перед Наполеоном о смягчении последствий этого мероприятия. Особую активность проявил русский посол в Париже Марков, ведший одновременно переговоры с Пием VII и с майнцским архиепископом. Так как и Наполеон дорожил контрреволюционной службой церкви, то было решено выдавать князьям-епископам ежегодную пенсию от 20 до 60 тыс. гульденов. Эта милость в отношении «ограбленных» не могла лишить секуляризацию 1803 г. ее значения, состоявшего, в частности, в том, что она перемешала католическое население с протестантским. Смешение протестантов с католиками, зачастую становившимися подданными протестантских князей, и установление постоянного делового и общественного контакта между представителями разных религий стирали искусственные преграды, создававшиеся реакционным католицизмом, и превращали в «немцев» тех, которые ранее были «лишь католиками». Так «рецесс» (закон о проведении секуляризации 1803 г.), продиктованный французами, сыграл роль в подготовке почвы для немецкого национализма, который менее всего был в интересах французской буржуазии.

Подорвав материальную базу католического духовенства, секуляризация нанесла и политический удар церкви. До 1803 г. западная и южная германская знать заполняла младшими членами своих семей капитулы. Духовная карьера была и почетна и выгодна, тем более что одно и то же лицо могло занимать одновременно несколько духовных «престолов». Избирая князей-епископов, капитулы, естественно, стремились использовать свое положение выборщиков и связывали епископов особыми обязательствами: без согласия капитула епископ не имел права предпринимать какие-либо серьезные шаги, и если епископ в чем-либо нарушал обязательство, то капитул жаловался папе, а епископ искал помощи у императора. Отсюда постоянное вмешательство в жизнь этих княжеств и папы, и императора. На этой почве у части духовенства укрепилось стремление к независимой «национальной» церкви (фебронианство) (*Фебронианство (от Феброний - псевдоним немецкого католического богослова Иоганна Николая Гонтгейма (1701 - 1790) - течение в немецком католицизме, выступавшее за создание «национальной» немецкой католической церкви, частично свободной от вмешательства папы*), а у другой - ультрамонтанство, т. е. слепое повиновение Риму и игнорирование интересов «национальной» церкви.

Уничтожение суверенности духовных территорий положило конец совмещению духовной власти с высшей светской, подорвало значение капитулов и умерило тягу аристократических семей к духовной деятельности, как преддверию к особенно выгодной в материальном и политическом смысле карьере. Отныне каноник должен был оставаться всю жизнь каноником; в лучшем случае он мог стать епископом, перед которым, однако, уже не открывалась перспектива большой политической деятельности. Роль духовенства была умалена и поставлена в определенные рамки церковной жизни, которая не была столь заманчива для виднейших

аристократов Германии. Этим объясняются изменения в социальном составе южного и западного германского духовенства, которые начались после секуляризации 1803 г.

Устранение из имперского сейма князей-епископов подорвало перевес католиков в жизни Германии и увеличило значение в ней протестантизма к выгоде буржуазных элементов. То обстоятельство, что этот шаг был сделан несмотря на энергичное сопротивление папства, лишь подчеркивало историческое значение секуляризации. Секуляризация была также и по духовному влиянию церкви: закрытие 18 католических университетов, множества монастырских гимназий, школ и училищ было неизбежным следствием крушения материальной базы католической церкви, а результатом изъятия из рук духовенства цензуры, монополии на образование, книгопечатание и книжную торговлю было падение влияния католицизма во всей Германии.

Ослабление позиций католицизма в Германии происходило одновременно с ухудшением отношений между папой и Францией.

В 1802 г. Наполеон издал так называемые «Органические статьи», ставившие католическое духовенство под сильный контроль государства, вплоть до того, например, что епископам, без согласия правительства, запрещалось собирать в пределах Франции собор или синод; им также запрещалось без специального разрешения выезжать за пределы своей епархии, тем более в Рим. «Органические статьи», по существу, шли вразрез со многими положениями конкордата и не могли не вызвать недовольства папы. Между Пием VII и правительством Наполеона началась дипломатическая переписка, в ходе которой отношения между двумя странами все более ухудшались. Многочисленные протесты папы не изменили политики Наполеона в отношении католической церкви во Франции. Недовольство римской курии еще более усилилось в связи с изданием Наполеоном декрета о роспуске религиозных орденов. И все же, опасаясь гнева Наполеона и надеясь уладить при личной встрече отношения с правительством Франции, Пий VII согласился на поездку в Париж, где он должен был короновать Наполеона императорской короной.

*Наполеон получает императорскую корону из рук папы Пия VII (Картина Ж.-Л. Давида. Лувр)
(использована цветная репродукция – в оригинале черно-белая)*

Поездка эта ничего утешительного «наместнику святого престола» не принесла (*Поездка папы в Париж на коронацию Наполеона состоялась в 1804 г.*). Наполеон наотрез отказался пересмотреть «Органические статьи» и фактически нарушил конкордат. Наполеон, выставляя себя «покровителем святого престола», все более стремился превратить папу в послушное орудие. Новый конфликт с Наполеоном разгорелся в связи с отказом папы присоединиться к континентальной блокаде. Наполеон двинул свои войска в Папскую область, и в феврале 1808 г. французы заняли Рим. В мае 1809 г. Рим был провозглашен «свободным городом», а папские владения были присоединены к Франции. В ответ на это папа издал буллу об отлучении Наполеона. После этого в начале июля 1809 г. французские солдаты по приказу Наполеона вторглись в папский дворец Квиринал, захватили Пия VII и увезли его из Рима как пленника, поместив в конце концов в дом префекта в Савоне, в котором он жил под строгим надзором.

Затем папа был перевезен в Фонтенбло, где и пробыл в качестве пленника Наполеона до падения империи.

В тот момент, когда Наполеон после своего отречения от власти отправлялся на остров Эльбу, почтовая карета, в которой находился Пий VII, подъезжала к Имоле. Навстречу папе вышел неаполитанский король Мюрат, чтобы приветствовать в лице Пия VII торжество старого порядка и гибель революции. Вслед за Мюратом, по мере приближения папской кареты в мае 1814 г. к Риму, к Пию VII на поклон являлись и другие монархи. Это был праздник не столько Пия VII, сколько монархов старого режима. Папа мог убедиться, что по-прежнему интересы алтаря тесно переплетаются с интересами трона. Возврат к прошлому не мог ограничиться восстановлением лишь тронов; должно было быть восстановлено полностью и господство религии. Политическая реставрация должна была носить религиозный характер.

Многочисленные приветствия, полученные римской курией от протестантских королей и владетельных особ, подчеркивали связь между политической реакцией и религией. Политический характер религии, являющейся оплотом «общественного порядка», красноречиво выразил французский писатель и пьемонтский государственный деятель Жозеф де Местр (1754-1821). Объявляя революцию «сатанинской» затеей, де Местр видит в ней искупительную жертву за многочисленные грехи, совершаемые людьми. Вот почему и в «сатанинской» революции, поскольку это зло способствовало очищению, проявлялась «божественная благодать». Но почему страдают зачастую не грешники, а добродетельные люди? На это де Местр отвечает ссылкой на органическую солидарность всех существ: страдания одних искупают грехи других. Во имя их искупительного характера де Местр защищает самые суровые наказания и воспекает инквизицию и железный кнут римской курии; во имя того же искупительного характера наказания де Местр преклоняется перед абсолютизмом и требует беспрекословного и слепого подчинения законной власти, являющейся всегда божественной властью. Законно-религиозная власть ничего общего не имеет с насилием, потому что она священна, исходит от бога. Какие могут быть ограничения в отношении божественной власти? По де Местру, главная верховная власть в христианском мире - власть церковная, сосредоточенная в папе, она не может не быть выражением «абсолютного полновластия». Борец за идею «абсолютного полновластия» папства, де Местр является ярким проповедником ультрамонтанства. Он даже приписывает папству непогрешимый догматический авторитет. Однако, по его мнению, не должно быть места конфликту между светской и духовной властью. Обе они должны объединиться во имя сохранения «легитимного» порядка, на котором «почиет божественный дух». Трон и алтарь, пережившие черные дни «безбожной революции», отныне навеки сливаются друг с другом.

Одним из наиболее ранних проявлений сотрудничества между светской и духовной властью было восстановление иезуитского ордена. Разогнанные в 1773 г. иезуиты нашли приют в других орденах, главным образом в ордене Отцов веры. Но их деятельность носила тайный характер, за исключением России, в которой Екатерина II не допустила реализации папской буллы 1773 г. То же сделал и протестантский король Пруссии Фридрих II.

После победы реакции Пий VII в августе 1814 г. опубликовал буллу «*Sollicitudo omnium*», в которой говорилось, что папа совершит тяжкий грех перед богом, если в момент «столь сильно бушующих вокруг корабля Петра волн» не призовет сильных и опытных рулевых. Он приказывает поэтому, чтобы согласно данному распоряжению, не подлежащему отмене, иезуиты получили свободу действий во всех странах и государствах. Было также объявлено, что булла Климента XIV от 1773 г., уничтожавшая орден иезуитов, теряла значение. Вскоре иезуиты снова стали открыто действовать в Англии, Ирландии, Франции, Швейцарии, Соединенных Штатах Америки и других государствах. В 1816 г. орден насчитывал 674 члена, в 1837 г. - 3067, в 1867 г. - 8584. «Миссионерская» деятельность ордена среди не католиков была столь вызывающей, что уже в 1820 г. иезуиты были изгнаны из России, которая, как мы видели, раньше других открыла им двери после буллы 1773 г.

Повсеместное допущение иезуитов, подобно провозглашению принципа легитимизма, свидетельствовало о страхе, который внушала господствующим феодально-монархическим кругам французская революция. О том же говорили и конкордаты, заключенные между римской

курией и различными правительствами не только католических, но даже протестантских государств. Так, протестантская Пруссия признала «свободу церкви». В действительности эта «свобода церкви» означала независимость церкви от светской власти. Под этим флагом в католических странах церковь забирала снова в свои руки дело народного образования, ведение гражданских актов и благотворительные дела. Особенно сильную позицию заняли иезуиты в Нидерландском королевстве, созданном в 1815 г. из Голландии и Бельгии. В новом королевстве действовали два энергичных генерала ордена (Беке и Ротман), посылавшие миссионеров в другие страны. Германия, например, наводнялась «германиками», т. е. воспитанниками коллегии Germanicum, закрытой в 1798 г. и вновь открытой в 1818 г.

Чрезвычайные претензии католической церкви вызывали глубокое недовольство как среди интеллигенции, так и в массе народа. Ультрамонтанству стали противопоставляться либерализм и национальная независимость. Обе стороны вели борьбу друг с другом. Так обстояло дело во Франции, Испании, Португалии, Центральной и Южной Америке, где либералы вели борьбу с клерикализмом, начавшим широкую «миссионерскую» работу среди народной массы, подкупая мелкими подачками ее наиболее обездоленные и отсталые элементы. В страхе перед растущей силой рабочего класса буржуазия постепенно умеряла свои нападки на церковь и на ее воинственные передовые отряды - ультрамонтанов и иезуитов.

II

От Венского конгресса 1814-1815 гг. папство в лице статс-секретаря Пия VII Эрколе Консальви ожидало восстановления папского государства, возвращения католической церкви отнятых у нее имуществ. Отметим, что православная Россия, протестантские Пруссия и Англия энергично поддерживали главные папские притязания. Они были теперь заинтересованы в создании в лице папского государства противовеса Австрии. Защитники легитимизма повернули этот принцип против австрийского канцлера Меттерниха, главного его вдохновителя. Папство получило в пределах Италии свою дореволюционную территорию. С севера на юг папское государство занимало около 400 километров, с запада на восток - свыше 200 и располагало рядом крупных городов (Рим, Болонья, Феррара, Анкона, Равенна и др.) с общим населением в 3220 тыс. человек. Эта территория была «навечно» закреплена за папством. Римская курия протестовала, однако, против лишения папства французских городов Авиньона и Венессена и против того, что за светскими германскими князьями были сохранены секуляризованные земли, дававшие церкви огромный доход.

Немедленно после восстановления папского государства в нем был проведен ряд реакционных мероприятий под руководством кардинала Бартоломео Пакки, озлобленного долгим изгнанием и тюремным заключением и горевшего желанием отомстить за свои страдания павшему французскому императору, олицетворявшему в его глазах сатанинскую республику. Все, что было связано с господством французов в Риме, подвергалось немедленному уничтожению. Были отменены все гражданские и уголовные законы, введенные кодексом Наполеона; гражданские метрические и брачные записи были заменены церковными; все чиновники, назначенные французами, были устранены; вместе с ними должны были удалиться все светские чиновники, которые были заменены духовными лицами, и весь государственный аппарат Папской области очутился вскоре целиком в руках прелатов. Государственное управление земельным имуществом церковей и монастырей было упразднено. Церкви было дано право приобретать недвижимость, причем ей было возвращено много монастырских земель и частично в ее пользу были восстановлены феодальные привилегии имущественного и судебного характера. Рвение к старому было так велико, что было запрещено даже освещение улиц на том основании, что это было нововведением, исходящим от революционной Франции. На этом же основании была запрещена прививка оспы, борьба с попрошайничеством и бродяжничеством. Была восстановлена инквизиция, и в 1816 г. в Равенне был приговорен к смертной казни еретик. К категории еретиков были отнесены все лица, так или иначе сочувствовавшие французскому режиму и теперь вынужденные скрываться. К началу 1815 г. по обвинению в ереси было уже привлечено 737 человек.

Восстановлена была строжайшая духовная цензура, и вся политическая литература без различия направлений, появившаяся за десятилетие до реставрации, попала в «Индекс» и подверглась изъятию. Не избег папского запрещения и известный итальянский поэт Витторио Альфиери за преклонение перед Плутархом, несмотря на то что в период французской революции Альфиери был горячим приверженцем старого режима и резко осуждал действия революционеров.

К категории сторонников Франции были отнесены и евреи. Для них в Риме и некоторых других городах были восстановлены гетто, в которых их на ночь запирали и откуда в определенные христианские праздничные дни они не имели права выходить. Кроме того, они обязаны были посещать церкви, где для них произносились специальные миссионерские проповеди.

С особой жестокостью преследовались так называемые политические преступники. В целях шпионажа за тайными обществами и вообще врагами папского абсолютизма поощрялся разбой. Была даже создана из подонков общества и уголовных преступников специальная армия «санфедистов». Среди бела дня во многих городах происходило совершенно безнаказанно истребление неугодных церкви людей. Однако все эти мероприятия не достигли цели. Франкмасоны (*Франкмасоны, или масоны - участники религиозно-этического движения, распространившегося в Европе с начала XVIII в. Выступали против клерикализма и религиозной нетерпимости, однако сами проповедовали мистицизм. Первоначально масонство развивалось в русле вольнодумства, но со временем стало оружием борьбы против материализма и атеизма*) и карбонарии (*Карбонарии - члены тайного революционного общества, действовавшего в Италии и Франции в первой трети XIX в. Боролись против политического деспотизма и за национальную независимость Италии; непримиримые противники папства. Приверженность заговорщической тактике, оторванность от широких народных масс привели к поражению карбонариев*) продолжали свою деятельность.

Жестокие преследования карбонариев, выражавших в основном интересы либерального дворянства и буржуазии, происходили в правление пап Льва XII (1823-1829) и Пия VIII (1829-1830). Карбонариев бросали в тюрьмы, изгоняли из государства. Подданных, под страхом сурового наказания, обязывали доносить на членов тайных обществ.

Под влиянием июльской революции 1830 г. во Франции в Папской области произошли новые революционные выступления. В ответ на это гонения папства против прогрессивных, революционных сил приняли еще более массовый характер. Папа Григорий XVI (1831 -1846) в целях сохранения своего господства в Папской области опирался на иностранные, австро-французские штыки. Фактически с 1831 до 1848 г. Папская область была оккупирована Австрией.

Новый папа, Пий IX (1846-1878), продолжал политику своих предшественников, пытаясь, впрочем, на первых порах маскировать ее некоторыми «либеральными» мероприятиями, выступая при этом в роли «первого буржуа Италии» (*Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 464*). В действительности же он выступал как злейший враг не только угнетенного населения Папской области, но и всего европейского социалистического движения.

К. Маркс и Ф. Энгельс в начале 1848 г. в «Коммунистическом манифесте» писали, что папа объединился с самыми черными силами реакции, с царем, Меттернихом, Гизо и прочими для травли коммунизма.

Революция 1848 г. заставила Пия IX бежать из Рима, и только вооруженное вмешательство Франции, Австрии и Неаполя дало ему возможность в 1850 г. вернуться в Рим. Массовые казни, бесчисленные высылки, кровавое подавление всякого выступления против господства церкви не могли, однако, спасти Папскую область.

В эпоху реставрации папство, разумеется, не могло замкнуться в узких пределах Папской области и ограничить свою роль восстановителя былого могущества в рамках лишь своего государства. При той счастливой для папства конъюнктуре, которая сложилась после падения Наполеона, Рим, естественно, стал мечтать о восстановлении папства в качестве международной силы. Компромисс, заключенный с Наполеоном в виде конкордата 1801 г., не удовлетворял Пия VII: в момент поражения церкви и всего старого режима конкордат 1801 г. казался выгодным папству, но с победой легитимизма и общей реакции этот компромисс не был по вкусу курии, и Рим стал предъявлять далеко идущие претензии к тем государям, которые вместе с ним пережили

черные дни господства «проклятых террористов» и теперь праздновали победу над этими врагами алтаря и трона.

В отношении Франции церковная программа реставрации была такова: отмена конкордата 1801 г., сведение к минимуму государственного контроля над церковью; восстановление старых диоцезов; превращение духовенства в привилегированное сословие; обеспечение его богатством в виде земельного фонда или вечной ренты; допущение деятельности всех мужских и женских орденов; разрешение им беспрепятственно приобретать имущество путем покупки и приема дарений; уничтожение монополии государства в области народного образования и предоставление церкви возможности контролировать и участвовать в преподавании в высшей школе и в других учебных заведениях; признание католической религии государственной, привилегированной и, по возможности, исключительной; защита неприкосновенности церкви и духовенства от нападков печати; придание распоряжениям церкви силы обязательных законов; предоставление духовенству ведения гражданских записей и актов и исключение из кодекса Наполеона того, что в свое время было опротестовано церковью, в частности изъятие из кодекса института развода; обязательность церковного брака, предшествующего гражданскому; восстановление церковной юрисдикции и предоставление ей новых юридических привилегий.

Борцами за эту программу явились 10 французских епископов, прозванных «маленькой церковью». Особенно горячих приверженцев «маленькая церковь» нашла среди монахов. Уже Наполеон дал возможность возродиться целому ряду орденов; но деятельность последних в годы империи находилась под строгим контролем императорской администрации, и реставрация, естественно, рисовалась монахам как беспрепятственная работа мужских и женских орденов во славу церкви и к собственной выгоде. Неудивительно, что на поверхность общественной жизни всплыли нелегальные в дни Наполеона ордена, причем особую энергию развили иезуиты, принявшие ввиду непопулярности ордена разные названия. В большом числе в эти конгрегации мирского характера вступали представители аристократии и высшей бюрократии. Былое, дореволюционное вольтерьянство, которым была заражена часть французской знати, ныне испарилось. Тунеядцы и эксплуататоры перестали играть с огнем безверия; они на нем обожглись и поняли, какую огромную выгоду могут извлекать из религии, так же как и монархия и весь господствующий класс. Так наступило господство церкви и дворянства в годы реставрации. При активном участии иезуитов был провозглашен белый террор, охвативший юг Франции: в Тулузе, Ниме, Авиньоне и других городах избивали протестантов, громили их имущество и издевались над всеми, кого подозревали в сочувствии павшему «тирану». Убито было несколько генералов, известных своей службой империи. Свыше 100 тыс. человек были брошены в тюрьмы. В этой атмосфере религиозно-гражданской войны состоялась передача среднего образования почти целиком в руки духовенства. Отныне учителя должны были иметь аттестат поведения, выдававшийся священником; всякое назначение исходило от церковных властей, и во всех школьных советах заседали представители церкви; в дело народного образования мог вмешаться епископ, который формально считался как бы его руководителем. Мало того, вскоре от всякого служащего стали требовать свидетельство о хорошем поведении, подтвержденное представителем церкви. Этот рост значения церкви сопровождался усилением цензуры и ограничением свободы печати. Весь 1817 год на торжественном аутодафе сжигали произведения Руссо, Вольтера, Гольбаха, Гельвеция и Дидро. За их книгами была устроена настоящая охота, их изымали не только из публичных, но и из частных библиотек. Исключительное «внимание» правительства к сочинениям энциклопедистов вызвало контрнаступление либеральной буржуазии: за 1817-1824 гг. Руссо вышел в 13 изданиях, а Вольтер - в 12.

Июльская революция 1830 г. положила конец господству клерикально-дворянской реставрации. У кормила правления стала крупная буржуазия, потребовавшая от Рима обуздания ультрамонтанства и наиболее провокационных орденов, особенно иезуитского. С внешней стороны требование июльского правительства было удовлетворено. Буржуазия тем легче мирилась с иллюзорными уступками, чем все энергичнее выступали рабочие, требовавшие всеобщего избирательного права и создания национальных мастерских с обеспечением права на труд. «Призрак коммунизма» стал бродить по Франции, и буржуазия искала защиты у церкви.

Особенно это сказалось во время революции 1848 г., когда буржуазия совершила тот же поворот к церкви, который в дни революции 1789 г. сделало «вольтерьянское» дворянство. «Свободомыслящий» философ Виктор Кузен требовал от либерального министра Ремюза «стать на колени перед епископами, так как они одни могут спасти Францию от бедствий февральской революции». Ту же мысль высказал и буржуа-вольтерьянец Адольф Тьер. Наполеон III опирался и во внешней и во внутренней политике на клерикалов, которые требовали защиты папского Рима от стремившейся к объединению Италии, равно как охраны внутри Франции огромных богатств церкви и ее привилегированного положения.

Успехом либеральной буржуазии нужно считать отход от ультрамонтанства писателя аббата Ламеннэ (1782-1854). Бывший влиятельный поклонник идей де Местра накануне июльской революции, Ламеннэ сменяет свое безусловное осуждение либерализма условным. Отныне Ламеннэ выдвигает лозунг: «Свобода совести, свобода печати и свобода обучения». Он поддерживает июльскую монархию и вместе с Монталамбером и Лакордером основывает газету «L'Avenir», требовавшую отделения церкви от государства, свободы совести, печати, преподавания, союзов, труда и всеобщего избирательного права. Невмешательство папы в церковные дела должно быть куплено отказом папы от светской власти, духовенства - от государственного жалованья. Враждебное отношение Рима к Ламеннэ и требование «не писать ничего противного интересам церкви» толкнули Ламеннэ на путь радикализма, и он выпустил свои знаменитые «Слова верующего». Осужденный за эту книгу церковью, Ламеннэ окончательно отрешился от католицизма и стал популярным деятелем во Франции накануне революции 1848 г. Впрочем, Ламеннэ быстро утратил эту популярность. Провозвестник «христианского социализма», он проповедовал подчинение рабочего движения церкви и оттолкнул от себя передовые силы французского пролетариата.

В Германии при поддержке ее многочисленных правительств, как католических, так и протестантских, получивших во время секуляризации массу католических подданных, выходили и имели огромное распространение книги, лекции и проповеди Брукнера, Веркмейстера, Геберлина и других, в которых говорилось о том, что католическая церковь есть учреждение, установленное государством. Она должна подчиняться распоряжениям государственных властей и смотреть на своих служителей как на государственных чиновников. Государству принадлежит высший надзор и руководство церковной организацией, и ничто не может приостановить действия светского закона. Дело доходило до того, что защитники учения о гегемонии светской власти, обычно вербовавшиеся из рядов католического духовенства, высказывались за независимую от Рима в организационном смысле Церковь, за национальную германскую епископальную церковь, которая лишь в догматических вопросах подчинялась бы папству, причем и это подчинение должно было носить ограниченный характер, поскольку над папством стоял авторитет католических соборов.

Над Римом стал реять призрак церковного раскола и в той части католической Германии, которая выдержала натиск Реформации. Стремясь сохранить свои позиции в Германии, папская курия выпускала разные бревна с осуждением как отдельных мероприятий немецких князей, так и их общей церковной политики.

Одним из наиболее ярких представителей идеи светского абсолютизма в отношении церковных дел был констанцский генеральный викарий Вессенберг, столкнувшийся на Венском конгрессе с папским представителем Консальви, резко осуждавшим идеи Вессенберга. Вокруг «дела Вессенберга» возникла целая литература: Кох, Копп, Грубер и многие другие нападали на средневековые тенденции папства, ведущего христианский мир к новому расколу. Противникам Рима в грубой угрожающей форме отвечали анонимные авторы. Среди тех, которые открыто выступали против «идей» Иосифа II, выделялись аббат Прехтль, доминиканец Юрунквель и священники Кастнер и Лоренц Вольф. Вессенбергу удалось создать для того времени сравнительно большое движение в защиту идеи независимой германской церкви, и он обратился за поддержкой против папы к франкфуртскому бундестагу - высшему органу Германии.

Идея единой германской церкви пугала партикуляристское, феодальное дворянство, к которому примкнула и часть буржуазии. Мелкие и средние германские государства дорожили

своей независимостью и в единой германской церкви видели удар по своей самостоятельности, тем более что сочувствие Австрии было на стороне Вессенберга. Австрия исходила из того, что руководство единой католической церковью Германии неизбежно будет австрийским, и этого было достаточно, чтобы в бундестаге план Вессенберга встретил отпор со стороны лиц, стоявших на страже независимости отдельных государств Германии. Так Вессенберг был осужден и Римом и светской властью многочисленных германских государств.

Политическая борьба внутри церкви в Германии способствовала и расколу католического духовенства в области догматики, Георг Гермес (1775 - 1831) под влиянием Канта пытался доказать истинность христианства и обосновать разумом существование бога и возможность «откровения». Его сочинения на первых порах встретили живой отклик среди интеллигенции. Теологический факультет в Бонне, опираясь на авторитет архиепископа Шпигеля, рекламировал имя Гермеса и читавшийся им в Бонне курс католической догматики. Однако Рим нашел опасным «внедрение идей Канта» в догматику. Уже после смерти Гермеса папа Григорий XVI в 1835 г. осудил его сочинения, а прусское правительство потребовало от «гермесианцев» беспрекословного повиновения папскому бреве. Существование в Германии протестантизма толкало отдельных представителей католицизма не замыкаться в прогнившей скорлупе папизма. «Старая тюрингенская школа», руководимая Гиршером и Штауденмайером, а в особенности мюнхенский богословский кружок с Игнатием Деллингером во главе детально изучали протестантизм и не всегда слепо во всем повиновались ультрамонтанским директивам. Мюнхенцы доказывали необходимость «национальной католической церкви», предсказывали возможность падения папского государства, анонимно порицая причисление Пием IX в 1867 г. к лику святых испанского инквизитора Педро Арбуэса (1442-1485), как и требование этого папы провозглашения догмата о папской непогрешимости. Так в недрах германского католицизма складывалась старокатолическая церковь, протестовавшая против новых якобы тенденций и притязаний Рима.

В Швейцарии благодаря иммиграции католиков и благотворительно-миссионерской работе католицизм в первой трети XIX в. заметно усилился. Образовались новые епископские центры, а в 1841 г. Люцерн внес в свою конституцию изменения в ультрамонтанском духе. Кантон Ааргау и некоторые другие ответили контрмероприятиями. Когда в Валлисе не католикам было запрещено публичное отправление богослужения, а протестантские кантоны подняли вопрос об изгнании иезуитов, сильно упрочившихся в Люцерне и Фрейбурге, то борьба приняла по всей Швейцарии крайне острый характер. Семь кантонов объединились в 1843 г. в особый союз («Sonderbund»), который своей антипротестантской деятельностью побудил федеральный сейм признать этот союз несовместимым с конституцией. Сейм издал постановление об изгнании иезуитов из Швейцарии, на это семь кантонов ответили мятежом, перешедшим в войну. Мятежники располагали армией в 80 тыс. человек, против которых сейм двинул 100 тыс. солдат. «Sonderbund» в 1847 г. был разбит. Католический сепаратизм был раздавлен, несмотря на помощь, оказанную ему Австрией, Пруссией и Францией. По новой конституции 1848 г. в Швейцарии была объявлена свобода и равенство всех вероисповеданий; иезуиты были изгнаны из страны. Это не помешало тому, что во второй половине XIX в. страна покрылась густой сетью католических организаций, которым удалось вследствие ненависти кальвинистской аристократии и части средней буржуазии к социализму занять очень прочное политическое положение в Швейцарии.

В Англии толчком к «эмансипации католиков» послужила борьба ирландского народа против акта об уничтожении независимости Ирландии и ее присоединении к Англии (1800 г.). Во главе национально-освободительного движения находился О'Коннель, организовавший в 1823 г. католическую лигу, покрывшую страну сетью маленьких ассоциаций, ведущих энергичную кампанию за католическую Ирландию. Когда О'Коннель был избран в 1828 г. в палату общин, его мандат был кассирован, так как в качестве католика О'Коннель не мог принести требовавшейся от депутатов присяги, составленной в англиканских выражениях. Однако его вторичное избрание и вызванное им движение за уравнивание католиков в правах с прочим христианским населением привели к закону 1829 г. об отмене ограничений для католиков. Вскоре, в связи с первыми

выступлениями английских рабочих за всеобщее избирательное право, консервативные круги стали выдвигать в виде противовеса революции некоторые католические принципы, настаивая на предоставлении «свободы и независимости» церкви, опоры государственного порядка. Оксфордская группа ученых под руководством Ньюмена выпускала особые «современные брошюры» (Tracts for the Times), доказывавшие консервативное и необходимое для упрочения общественного порядка значение католического учения. Ньюмен, Маннинг и некоторые другие деятели приняли католицизм. Ньюмен в 1851 г. стал ректором католического университета в Дублине, получил звание кардинала, а Маннинг в 1865 г. был назначен вестминстерским архиепископом. В 1848 г. в парламент был внесен билль о возобновлении дипломатических отношений между Римом и Англией. В Англии снова была организована католическая иерархия с 12 епископами, и в стране началась организация богоугодных, благотворительных и образовательных учреждений для снискания народных симпатий католицизму. Возникла католическая пресса, открылся ряд монастырей. Однако, за исключением аристократии и отдельных представителей англиканизма, ряды католиков мало расширились.

Шотландия также не осталась в стороне от активизации католицизма. В 1827 г. в ней насчитывалось 20 католических церквей, а через 35 лет - 200 под управлением трех викариев, к которым в 1868 г. прибавился один апостольский легат. Во многих местах Шотландии стали строиться католические школы, благотворительные учреждения и монастыри. В результате этого в течение 40 лет число католиков в Эдинбурге, например, выросло с 700 до 8 тыс., а в Глазго с 300 до 24 тыс. Еще сильнее укрепился католицизм в Ирландии, где раньше 75% населения были католиками и где национально-освободительная борьба против Англии искусственно переплеталась с требованиями религиозной свободы. Ирландские епископства «во имя независимости церкви» отвергли принцип государственной оплаты духовенства. Церковный билль Гладстона 1869 г. лишил англиканскую церковь ее привилегий в Ирландии и установил равенство обеих религий.

В Бельгии требование о «независимой» церкви переплеталось с борьбой за выход католической Бельгии из смешанного в религиозном отношении Нидерландского королевства и за образование отдельного бельгийского королевства. В этом последнем церковь добилась полной независимости от вмешательства светской власти, причем государство взяло на себя расходы по содержанию культа и предоставило католицизму ряд привилегий.

После революции 1830 г. Бельгия стала страной, где церковь играла первенствующую роль и где католическая партия принимает непосредственное участие в государственном управлении с незначительными перерывами уже свыше 100 лет. В ее руках оказалось не только низшее, но и в большей степени среднее и даже высшее образование; Церковь основала здесь профессиональные союзы, захватила в свои политические сети большое число крестьян и даже рабочих, создала рабочую печать и старается всячески заигрывать с народными массами, пытаясь удержать их под своим влиянием. В 1837 г. Бельгия насчитывала 779 монастырей с 11 968 монахами, в 1908 г. было 1643 монастыря и 30 098 монахов.

В образовавшемся после революции 1830 г. королевстве Голландия почти две пятых населения были католиками: число их, впрочем, постепенно падало. Тем не менее они сумели использовать в своих интересах религиозную свободу, провозглашенную протестантами, и уже в 1848 г. иезуиты получили возможность вернуться в Голландию, а в 1853 г. папа Пий IX возобновил в ней старое иерархическое устройство. В Утрехте было организовано архиепископство, которому были подчинены четыре епископства с созданными в них духовными семинариями. Возмущенный парламент сверг министерство за столь большие уступки клерикалам, но по-прежнему оставил нетронутой «свободу церкви», и дело образования было захвачено католической церковью при помощи бесплатного обучения и устройства разных благотворительных учреждений. Число католических приходов быстро росло: в 1815 г. их было 673, в 1860 г. - 918 с 1800 священниками.

В Италии, за исключением Папской области, лозунг «свободная церковь в свободном государстве» стал лозунгом либералов в их борьбе с папством и клерикализмом. Движение,

проходившее под этим лозунгом, подготовило предпосылки для уничтожения Папской области и для подрыва влияния церкви во всей Италии. В 1848 г. иезуиты были изгнаны из Сардинского королевства, у клира были отняты его привилегии. Вскоре туринский архиепископ Франсони был арестован, а затем выслан за границу. Множество орденов и монастырей было закрыто, а значительные церковные богатства переданы в «культовый фонд», контролируемый парламентом.

При образовании Соединенных Штатов Америки была провозглашена веротерпимость, и католики к 1815 г. имели четырех епископов, около 100 священников, одно высшее учебное заведение и ряд средних. Католики не встречали здесь ограничений, а принцип выборности должностных лиц распространялся и на католическое духовенство. Число католиков быстро росло ввиду значительной иммиграции ирландцев.

Американцы видели в католиках иностранцев, и в 40-х годах XIX в. в США возникло антикатолическое движение (Native americans), вылившееся в Бостоне и Филадельфии в уничтожение католических церквей и нападение на отдельных представителей католического духовенства. Попытка назначения папского нунция еще в 1853 г. вызвала в Вашингтоне большие антикатолические манифестации. То же происходило в 90-х годах прошлого столетия при назначении Сатолли первым папским легатом. Однако общество «Миссионеры св. Павла» сумело во многих местах укрепить влияние католицизма. Этому немало содействовали бесплатные школы, народные зрелища и другие демагогические средства, к которым прибегала католическая церковь, прекрасно организованная в противовес многочисленным протестантским сектам, враждовавшим друг с другом. В 1908 г. католиков было в США уже около 12 млн.; они имели 16069 священников и 12795 церквей.

Вернувшийся в Рим после революции 1848 г. папа Пий IX продолжал с удвоенной энергией свою реакционную политику. Буллой «Inefabilis Deus» в 1854 г. он провозгласил догмат о беспорочном зачатии девы Марии. Этим был положен конец бесконечному спору между разными орденами и «школами». Победителями оказались иезуиты. Провозглашением этого догмата папа всенародно засвидетельствовал, что ему принадлежит право самостоятельного введения новых догматов. Однако Пий IX несколько не приостановил угрожавшей церкви опасности. Либерализм, задушенный непосредственно после революции 1848 г., поднимал голову во многих странах. Рабочий класс стал складываться в самостоятельную организацию и видел в церкви одного из своих ожесточеннейших врагов. Естествознание делало большие завоевания, и научные его выводы были непосредственно направлены против всего, чему в течение многих веков учила церковь. При таких обстоятельствах Пий IX решил во «вселенском масштабе» начать борьбу с «новыми веяниями», с тем, чтобы затормозить рост революционного движения, остановить развитие прогресса и науки.

В 1864 г., когда был организован I Интернационал, когда Италия быстро приближалась к осуществлению своего национального объединения и когда отмена рабства негров в США стала совершившимся фактом, Пий IX опубликовал один из самых позорных в истории папства документов - свой пресловутый «Силлабус», т. е. «перечень всех главных заблуждений нашего времени». Силлабус приводил 80 заблуждений, подлежащих осуждению. Среди них были: пантеизм, натурализм, рационализм, либерализм, индифферентизм, протестантизм, социализм, коммунизм, тайные и библейские общества, свобода науки и философии, взгляд на государство как на источник права, отделение церкви от государства, отрицание необходимости папского государства. Силлабус, приложенный к энциклике «Quanta cura», становился на средневековую точку зрения и осуждал такие «заблуждения нашего времени», как утверждение, что римские папы преступали границы своей власти и узурпировали права государей; или что, в случае противоречия между законами светской и церковной власти, светское право имеет преимущество перед церковным.

Силлабус вызвал огромное возмущение среди свободомыслящих элементов буржуазии, широких народных масс и особенно социалистов. Им была недовольна и часть католиков, понимавших, что безрассудная непримиримость папы и ультрамонтанских его почитателей, преимущественно из иезуитского лагеря, вырывает непроходимую пропасть между католицизмом и современным обществом. Однако Рим не хотел считаться ни с какими предостережениями и

решил укрепить и возвысить папский авторитет торжественным созывом в Ватиканском дворце вселенского собора. В булле «Aeterni patris» от 29 июня 1868 г. говорилось лишь в общих словах о цели собора, который должен был очистить вероучение от вкравшихся в него заблуждений, восстановить строгое благочиние и дисциплину и тем спасти церковь и гражданское общество от зол, угрожавших им.

Хотя цель созыва собора была неясна, в духовных кругах, однако, не скрывали, что дело идет об усилении авторитета папы, что ему должна быть приписана безошибочность догматических и церковных постановлений. Такая папская непогрешимость (*infallibilitas*) была нововведением, поскольку до этого времени непогрешимость в делах веры признавалась лишь за собором, а не за папой. Естественно, что претензии Пия IX вызывали смущение в рядах поклонников старины, которые в предоставлении папе столь огромной власти видели умаление епископов и соборов; функционирование которых отныне теряло свой смысл.

Несмотря на ропот, охвативший часть германского и швейцарского духовенства, Пий IX открыл 8 декабря 1869 г. Ватиканский собор, пригласив к участию в нем «весь христианский мир», т. е. не только католиков, но и представителей других христианских вероисповеданий. Фактически, однако, съехались одни католики, причем больше трети составляли итальянские прелаты (276 из 766), главным образом из Папской области. Подбор участников собора носил крайне односторонний характер. Так, богословские факультеты Тюбингена, Мюнхена, Бонна и Бреславля совсем не имели представителя, а Вюрцбургский посылал двух. Повестка дня, вопросы, порядок их обсуждения, формирование специальных комиссий осуществлялись закулисными деятелями, фактически руководством римской курии. Общих публичных собраний было всего четыре. На них происходило голосование без всяких прений, и собор напоминал машину для голосования, провозгласившую, на удивление всего мира, принцип папской непогрешимости. Нашлось всего лишь 88 членов собора, голосовавших на закрытом заседании собора против этого догмата, передавшего высшую церковную власть из рук собора папе римскому. 18 июля 1870 г. на публичном собрании 533 голосами против двух был принят следующий декрет: «С одобрения священного собора учим и постановляем мы, как Богом откровенный нам догмат, что римский первосвященник, когда говорит *ex cathedra*, т. е. при отправлении своих обязанностей пастыря и учителя всех христиан, и определяет, на основании свыше дарованной ему апостольской власти, учение, касающееся веры или нравственности и обязательное для всей церкви, то он обладает, в силу обещанной ему в лице св. Петра божественной помощи, непогрешимостью, которую божественный искупитель даровал своей церкви. Вследствие этого постановления римского папы по собственной присущей им силе и независимо от одобрения церкви не подлежат никаким изменениям. Кто же дерзнет, боже сохрани, возражать против сего нашего постановления, тот да будет предан проклятию и отлучению от церкви» (*Olliver E. L'Eglise et l'etat au concile du Vatican. Paris (6/2), t. II, p. 361*).

Авторитету папы, однако, в этот момент был нанесен сильный удар. Фактически после поражения Австрии в 1859 г. монопольным защитником папской власти был Наполеон III. Но дни самого императора Франции были сочтены. В разгар франко-прусской войны 11 сентября 1870 г., после взятия в плен Наполеона III и отозвания французского корпуса из Рима, итальянские войска и отряды итальянских патриотов 20 сентября заняли Рим, который и был присоединен к Италии. Папская область была ликвидирована. Наступил конец светской власти папы, который в знак протеста против ликвидации папского государства объявил себя «узником», заявив, что папа не покинет стен Ватикана, пока не будут восстановлены его «попранные права». Сославшись на отсутствие необходимой «свободы» для правильного отправления обязанностей собора, папа отложил его заседания «до более благоприятного времени»

III

Непогрешимость папы была провозглашена, но ликвидировать раскол внутри католической церкви не удалось. Меньшинство, недовольное провозглашением папской непогрешимости, образовало старокатолическую церковь. Руководителями ее были упомянутый Деллингер из Мюнхена и Шульте из Праги. В 1871 г. старокатолики собрались на свой первый конгресс и

организовали несколько общин в Германии и Швейцарии. Они связались с янсенистской «утрехтской церковью», и ее епископ в 1873 г. назначил профессора Рейнкенса старокатолическим епископом, которого признало прусское правительство. В 1876 г. и Швейцария получила своего старокатолического епископа в лице Герцога, а в Бернском университете открылся даже старокатолический факультет. С 1890 г. начали созываться международные конгрессы старокатоликов, в которых принимали участие и представители англиканской и православной церквей. Накануне первой мировой империалистической войны 1914 г. в Швейцарии насчитывалось свыше 70 тыс. старокатоликов, в Германии - свыше 50 тыс., а в Австрии - около 15 тыс. Старокатолики отвергают учение о всевластии и непогрешимости папы, о непорочном зачатии девы Марии и о чистилище. Они не признают обязательности постановлений Тридентского собора, ряда папских булл, «Силлабуса», безбрачия священников и ряда деталей католических церковных обрядов и таинств.

Образование Германской империи под властью протестантской Пруссии, падение папского государства и объявление папой самого себя «пленником», а итальянского, короля Виктора-Эммануила II «узурпатором», повсеместный рост либерализма, сопровождавшийся установлением парламентаризма в большинстве западных стран, - все это должно было обострить отношения между папством и светскими властями.

Поддерживая все сепаратистские стремления внутри Германской империи, возбуждая ненависть к протестантам, Пий IX требовал в то же время от «верных католических сынов» добиваться у императорского правительства «освобождения из плена наместника Христа», о чем и была подана в 1871 г. немецкими епископами петиция германскому императору *(Характеризуя активизацию католического духовенства в Германии в это время и особенно его попытки расколоть рабочее движение, Маркс писал в письме к Энгельсу от 25 сентября 1869 г.: «Во время поездки через Бельгию, пребывания в Аахене и путешествия вверх по Рейну я убедился, что необходимо энергично бороться с папами, особенно в католически местностях. В таком направлении я и буду действовать через Интернационал. Эти собаки (например, епископ Кеттелер в Майнце, попы на Дюссельдорфском съезде и т. д.) заигрывают, где это им кажется удобным, с рабочим вопросом» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 32, с. 298)).* Опасаясь партикуляристских стремлений католических кругов и влияния папского престола на политику Германии, Бисмарк вступил в борьбу с католицизмом, получившую название культуркампфа. Важнейшей целью этой политики было отвлечь рабочих от насущных задач классовой борьбы, сосредоточить их внимание на второстепенных религиозных вопросах.

Рост немецкой социал-демократии побудил «железного канцлера» протянуть руку примирения католической церкви *(В 1882 г. было восстановлено прусское посольство при Ватикане. К 1887 г. почти все законы против католической церкви, изданные в годы культуркампфа, были отменены).*

Уже в период революции 1848 г. папство выступило как верный союзник капиталистов, утверждавших свою власть в Европе. В конце XIX в. папство, используя многовековой опыт обмана широких масс трудящихся и исключительно организованный аппарат католической церкви, выступает как верный оруженосец империалистической буржуазии, как активный проводник ее политики, которую В. И. Ленин охарактеризовал как «реакцию по всей линии».

ПАПСТВО ПОСЛЕ ПИЯ IX

(Вместо послесловия)

С. Г. Лозинский доводит свое исследование до 1871 г., т. е. до конца существования Папской области и папской светской власти. Итак, итальянские войска вошли в Рим через Порта-Пия (Ворота Пия), освободив город от векового подчинения папам. Что же произошло потом? Пий IX обиделся на итальянцев. Он объявил себя «затворником Ватикана», отказался иметь дело с итальянским правительством, наложил на короля Виктора-Эммануила I, Кавура и всех причастных к этому «преступлению» отлучение, но вскоре скончался. Говорят, что во время похорон папы возмущенные римляне пытались сбросить его гроб в Тибр.

20 февраля 1878 г. на папский престол был избран кардинал граф Винченцо Джоакино Печчи, принявший имя Льва XIII.

Лев XIII пытался приспособить свой курс к условиям капитализма. Папа был сторонником самого активного участия католиков в политической жизни. Он допускал возможность сотрудничества с парламентскими и даже республиканскими режимами при условии, чтобы, как отмечалось в энциклике «Либертас» («Свобода») от 20 июля 1888 г., «не были нарушены ничьи права и главным образом чтобы были учтены интересы церкви». Он поощрял создание католических профсоюзов, выступавших с позиций классового сотрудничества, и различного рода светских клерикальных организаций.

Главной задачей католической церкви Лев XIII считал борьбу с рабочим движением, с социализмом. В 1891 г., когда Италия была охвачена массовым забастовочным движением, Лев XIII опубликовал энциклику «Рерум новарум» («О новых вещах»), которая по сей день считается одним из основных программных документов католической церкви в области социальной политики. Энциклика начинается с осуждения социализма, который провозглашается «фальшивым лекарством» против социальных зол. Первый параграф энциклики прямо озаглавлен: «Социализм вредит рабочим». Лев XIII не жалеет красок для описания бедственного положения рабочих при капитализме. Но, говорит он, богатые и бедные всегда были, есть и будут. Рабочие должны не бороться с капиталистами, а сотрудничать с ними, ибо они не могут существовать без капиталистов, как и капиталисты без рабочих. При этом папа напоминал бедным, что терпение - одна из высших христианских добродетелей. Подменяя понятие личной и частной капиталистической собственности, Лев XIII убеждал рабочих, что отмена частной собственности нанесет им не меньший вред, чем капиталистам, ибо лишит рабочего возможности приумножить свое состояние, т. е. стать капиталистом, чего якобы он может достичь, если проявит смирение, прилежание и бережливость.

В своей энциклике Лев XIII призывал трудящихся объединяться в христианские рабочие ассоциации для защиты указанных принципов.

Энциклика «Рерум новарум» с энтузиазмом была встречена международной буржуазией, увидевшей в ней мощное идеологическое оружие для борьбы с рабочим классом.

Стремление Льва XIII заигрывать с рабочими и представить церковь поборницей социальных реформ вызвало резкую отповедь со стороны социалистов, разоблачавших демагогические маневры папы римского.

Лев XIII продолжал придерживаться линии бойкота итальянского государства, проводившейся Пием IX. Папа всемерно поощрял развитие в Италии католических организаций, что позволяло клерикалам и церкви оказывать все возрастающее влияние на политическую жизнь страны. Итальянское правительство, однако, не думало сдаваться на милость клерикалов.

Сознавая, какой вред авторитету церкви причинил «Силлабус», Лев XIII, не отменяя его, старался представить церковь как друга и даже поборника научного и технического прогресса, покровительницу искусств и ремесел.

После смерти Льва XIII на папский престол 4 августа 1903 г. был избран кардинал Джузеппе Мельчиор Сарто, принявший имя Пия X. Его понтификат длился 11 лет. В первые же годы своего правления Пий X предпринял несколько акций, направленных на упорядочение церковных дел. Он реформировал курию - это церковное правительство, которое неимоверно разбухло после ликвидации папского государства в связи с необходимостью пристроить прелатов, занимавших ранее светские должности. Папа сократил число конгрегаций с 37 до 19, разделил служащих курии на разряды, положил им твердое жалованье. Идя навстречу пожеланиям буржуазии, Пий X значительно уменьшил число церковных праздников, а большинство из оставшихся перенес на воскресные дни. Первый папа XX в. затеял создание Кодекса канонического права, который должен был подвести юридическую базу под деятельность церкви, уточнить права и обязанности как мирян, так и духовенства в свете традиционного католического вероучения. Вчерне кодекс был подготовлен при жизни Пия X, а утвержден был его преемником Бенедиктом XV в 1917 г.

Хотя Пий X не питал пристрастия к политике и дипломатии, ему тем не менее пришлось иметь дело с политическими и дипломатическими проблемами, по отношению к которым он должен был занять определенную позицию, выработать политическую линию церкви.

Так, Пий X продемонстрировал, что церковь готова встать на защиту интересов буржуазии, если той грозит опасность. Когда в России в 1905 г. грянула революция, папа заявил, что глубоко

порицает революционное движение в России. Он опубликовал энциклику «Полоние популум» («Польский народ»), в которой призывал польских верующих и католическое духовенство оказать поддержку царским властям. Он призывал их избегать всяческого бунта, всеми силами «стараться сохранить мир и справедливость». Церковные иерархи по указаниям Пия X подавляли в зародыше демократические элементы в массовых католических организациях, находившихся под их контролем, продолжая медленно, но неуклонно укреплять свои связи с правящими кругами буржуазных стран.

Со времен французской революции 1789 г. папский престол решительно возражал против отделения церкви от государства. В XIX в. Ватикан вел подлинную войну против латиноамериканских государств - Мексики, Эквадора, Венесуэлы, Бразилии, правительства которых выступали за отделение церкви от государства. Папство настаивало на праве церкви контролировать не только систему актов гражданского состояния, но и систему образования, осуществлять духовную цензуру, получать правительственные субсидии, не платить налоги и пользоваться рядом других привилегий.

Пий X в ряде энциклик решительно осудил принятый во Франции в 1905 г. закон об отделении церкви от государства. Папа призвал французских католиков и духовенство не подчиняться властям. В спешном порядке Ватикан причислил Жанну д'Арк, сожженную в 1431 г. по решению инквизиционного трибунала, к лику блаженных. Пий X использовал это обстоятельство для мобилизации французских клерикалов против правительства. Агентура Ватикана во Франции активно сотрудничала с ультраправыми и монархистами в подготовке заговоров против республики. Папа надеялся, что ему удастся заставить правительство Франции отказаться от антиклерикального курса. Но французская буржуазия не намеревалась отступать с занятых позиций.

Пий X всячески выказывал свои симпатии Германии и Австрии, с победой которых в грядущей войне надеялся вернуть былое влияние католической церкви не только в Италии, но и во Франции.

Значительную часть своей энергии и сил Пий X израсходовал на беспощадную борьбу с так называемой модернистской ересью, которая появилась уже при Льве XIII. Движение модернистов обычно связывается с именами французских аббатов Альфреда Луази и Луи Дюшена, английского иезуита Джорджа Тиррелла и итальянского священника Ромоло Мурри. В целом модернисты стремились обновить католицизм, освободить его от средневековых суеверий, сделать его более «утонченным» и тем самым более привлекательным, с одной стороны, для интеллигенции, а с другой - для трудящихся масс, борющихся за свои права. Модернисты подвергли сомнению некоторые положения католической догматики, требовали научного подхода к оценке церковных источников, в частности Библии. В специальной энциклике «Пасценди доминици грегис» («Пасти божье стадо») Пий X подверг модернизм суровой критике и осуждению. Модернизм объявлялся «комплексом и синтезом всех ересей», самым опасным еретическим учением, когда-либо угрожавшим церкви, ибо он якобы подрывал церковь изнутри. Книги модернистов были включены в «Индекс запрещенных книг», а их авторы, отказавшиеся признать и осудить свои «ошибки», подверглись отлучению от церкви. Эти гонения на модернистов были вызваны патологическим страхом Ватикана перед прогрессом науки и перед быстрым ростом влияния идей научного социализма.

Во внешнеполитической сфере Пий X выступал как поборник центральноевропейских держав. Он был в числе тех, кто своей реакционной политикой способствовал развязыванию первой мировой войны.

20 августа 1914 г. первый папа XX в. скончался, а 3 сентября на папский престол конклав избрал маркиза Джакомо делла Кьезу, который принял имя Бенедикта XV.

Бенедикт XV был опытным политиком. Он сумел в сложных условиях мировой войны и послевоенного времени если не приумножить авторитет и влияние католической церкви, то, во всяком случае, сохранить их на прежнем уровне. Сочувствуя центральноевропейским державам, Бенедикт XV придерживался формального нейтралитета, что после войны, когда полностью выявился ее преступный империалистический характер, принесло ему определенные дивиденды, породило легенду о нем как об «апостоле мира».

Февральская революция в России была встречена в Ватикане со смешанными чувствами, С одной стороны, там рассчитывали, что с падением царизма ослабнет связь православия с правительством и это позволит расширить на территории России влияние католической церкви. С другой - опасались, что революция примет со временем более радикальный характер, увлечет за собой другие народы и нанесет церкви такой же, если не больший, урон, как некогда французская революция.

События в России побудили Бенедикта XV создать 1 мая 1917 г. особую конгрегацию по делам восточных церквей, которая должна была добиваться подчинения католицизму всех христианских церквей на Ближнем Востоке, на Балканах, в Африке, а также русской православной церкви. Соответствующие кадры для этой работы должен был готовить учрежденный папой Институт восточных исследований, в число учащихся которого разрешили принимать и православных.

Когда победила Октябрьская революция, Бенедикт XV был убежден, что Советская власть будет задушена объединенными усилиями внутренней контрреволюции и мирового империализма. С первых же дней после победы Октября Ватикан принял активное участие в раздувании мифа, изображающего Советское государство в роли гонителя религии и преследователя священников. В марте 1919 г. Ватикан обратился к народному комиссару иностранных дел Советской республики с протестом против якобы имевших место преследований церковников. Нарком Чичерин ответил, что в Советской России никто не преследуется за веру, и выразил удивление, что папа не протестует против зверств белогвардейцев и иностранных интервентов на оккупированной ими территории Советской республики.

Агенты Ватикана заполнили прибалтийские страны - Литву, Латвию, Эстонию. Они поддерживали там ультрареакционные элементы, поощряли антисоветскую деятельность.

Бенедикт XV изыскивал лазейки для проникновения в Советскую Россию. Так, в 1922 г. в связи с голодом, жертвой которого стало население обширных районов страны, Ватикан предложил направить миссию помощи голодающим. Советское правительство, не желая обострять отношений с католической церковью, решило принять миссию. Однако, как впоследствии было установлено, Ватикан не удержался от того, чтобы не использовать членов миссии для вмешательства во внутренние дела Советской страны.

В церковной политике, в отличие от Пия X, Бенедикт XV придерживался умеренного курса. Он одобрил в 1917г. канонический кодекс - верховный закон для духовенства и верующих, созданный по инициативе Пия X. Бенедикт XV прекратил гонения на модернистов, разрешил в определенных пределах богословские дискуссии, остерегался пускать в ход отлучения и осуждения. К тому же атмосфера мировой войны и послевоенные условия не способствовали травле «еретиков». Папа счел благоразумным ликвидировать конгрегацию индекса, передав ее функции конгрегации священной канцелярии (инквизиции).

Весьма активно проявил себя Бенедикт XV на миссионерском поприще. После первой мировой войны конгрегация пропаганды веры, ведающая работой миссионеров, стала усиленно расширять свою деятельность в Азии, на Ближнем Востоке, в Африке. Папа призывал миссионеров блюсти в первую очередь интересы церкви, а не своих правительств, воспитывать кадры духовенства местного происхождения, относиться с большим уважением к национальным культурам и обычаям. Такая ориентация призвана была укрепить авторитет католического миссионерства среди местного населения и тем самым сделать его деятельность еще более полезной для колонизаторов.

22 января 1922 г. - Бенедикт XV скончался. 6 февраля 1922 г. папой был избран архиепископ Милана кардинал Акилле Ратти, которой принял имя Пий XI.

Пий XI был закоренелым антисоветчиком, ярким врагом коммунизма. Он считал, что только «сильная» власть может успешно бороться с большевизмом. Муссолини, с точки зрения папы, олицетворял именно такой идеал государственного деятеля. Пий XI был уверен, что с приходом к власти фашистов ему удастся добиться примирения с итальянским государством, поэтому папа приветствовал передачу власти Муссолини.

Муссолини, в свою очередь, делал все возможное, чтобы завоевать доверие папы и иерархов католической церкви и через них заручиться в парламенте поддержкой католической Народной партии. Он даже предложил покончить с «римским вопросом» путем заключения договора, который бы предоставил Ватикану экстерриториальность и независимое существование.

Однако вскоре Народная партия перешла в оппозицию к фашистской диктатуре, требуя от своего руководства осуждения кровавых преступлений, которые ежедневно творили чернорубашечники. Это пришлось Муссолини не по вкусу. Он угрожал запретить все католические организации. Пий XI и его окружение решили пожертвовать Народной партией, чтобы сохранить расположение Муссолини. Народная партия была распущена, но с ее ликвидацией церковники активизировали деятельность в рамках «Католического действия» - массовой организации мирян, находящейся под контролем епископата. Муссолини не возражал. Ему нужна была поддержка Ватикана.

11 февраля 1929 г. между Ватиканом и правительством Италии были подписаны Латеранские соглашения. Кардинал Гаспарри представлял папу, Муссолини - короля Италии. Акт подписания происходил не в Ватикане, а в Латеранском дворце. Отсюда и название документа. В результате заключения Латеранского договора на политической карте мира появилось новое государство - государство-город Ватикан площадью в 44 гектара. Таким образом, была восстановлена светская власть папы (правда, в ничтожных масштабах). Получили права экстерриториальности загородная папская резиденция Кастанель Гандольфо и 20 дворцов на территории Рима. В договор входил также конкордат, регулировавший отношения между церковью и государством в Италии. Согласно конкордату Ватикан получил право распоряжаться по своему усмотрению итальянским духовенством. Санкции церковного суда, в том числе отлучение, лишение сана и другие канонические наказания, обязывали итальянские власти лишать наказуемых и гражданских прав. Брак, заключенный по церковному обряду, мог быть расторгнут только церковью. Вводилось преподавание религии в начальных и средних учебных заведениях страны. Конкордатом разрешалось существование «Католического действия» как аполитической организации, занимающейся лишь христианским воспитанием.

Немаловажное значение для Ватикана имело и финансовое урегулирование претензий папства к Италии. Муссолини выплатил папе в качестве компенсации за нанесенный некогда Ватикану итальянским государством материальный ущерб огромную сумму в 1750 млн. лир, или 90 млн. долларов по тогдашнему курсу. Руководители финансов Ватикана, действуя по указаниям Пия XI, использовали поступившие в их распоряжение средства главным образом для захвата новых позиций в финансовом мире, но часть капитала была также инвестирована в промышленные предприятия.

По распоряжению Пия XI к Ватикану в спешном порядке подвели железнодорожную ветку, построили вокзал. В новом государстве были открыты почтовая и телеграфная конторы, построена тюрьма.

Была составлена даже и своего рода конституция, в которой указывалось, в частности, что ватиканское подданство не наследственно, а в каждом отдельном случае предоставляется лично папой. Подданные Ватикана не платят налогов, не несут военной службы, но зато обязаны посещать все богослужения и соблюдать все церковные ритуалы. Обзавелся Ватикан и вооруженной силой, состоящей из дворянской гвардии, швейцарской гвардии и жандармерии. Они охраняют ватиканские дворцы, несут караульную службу у входов в Ватикан, сопровождают машину папы в его поездках, встречают и провожают именитых гостей и дипломатов.

Таким образом, Ватикан - это государство в государстве. Оно имеет правящего государя, двор, дипломатические представительства.

Пий XI делал все, чтобы завоевать симпатии фашистов. Он одобрил вторжение Италии в Эфиопию и ее захват, фашистский мятеж в Испании и посылку в помощь Франко частей итальянской армии. Он заключил 20 июня 1933 г. конкордат с Гитлером и одобрил сотрудничество с ним католиков. Дольфус, Хорти, Салазар и другие фашистские лидеры европейских стран, как и ультрареакционные диктаторы в Латинской Америке, пользовались его поддержкой.

В своей социальной энциклике «Квадрагезимо анно» («В год сороковой»), опубликованной в 1931 г. в связи с 40-летием «Рерум новарум» Льва XIII, папа еще раз предал анафеме социализм,

коммунизм, классовую борьбу и рекомендовал установить корпоративную систему классового сотрудничества трудящихся с капиталистами и помещиками. Широко известно высказывание Пия XI о «великой трагедии XIX века, заключавшейся в том, что церковь потеряла рабочий класс», который недолго находился «в состоянии нерешительности, а вскоре обратился к антитезе церкви, то есть к коммунизму». Чтобы вернуть рабочий класс обратно в лоно церкви, Пий XI не видел других средств, кроме проклятий по адресу коммунизма и укрепления союза с его противниками, в том числе с фашизмом.

Пий XI был активнейшим участником, а нередко и застрельщиком многих антисоветских провокаций. Сам же факт существования Страны Советов расценивался Пием XI как самая большая угроза католической церкви. По распоряжению папы в Ватикане был создан колледж «Руссикум», готовивший католических церковников для подпольной работы в Советском Союзе. 2 февраля 1930 г. Пий XI обратился с посланием к генеральному викарию Рима, в котором требовал организовывать молебны и акты протеста против мнимых преследований верующих в СССР. Это послание послужило началом разнузданной антисоветской кампании, развернутой реакционерами во многих странах мира. Однако трудящиеся-католики не пошли на поводу папы римского. «Крестовый поход» против СССР с треском провалился.

В мире росло сопротивление фашистским правительствам, их террористической внутренней политике, их планам развязать вторую мировую войну, поработить другие страны, переkreить карту мира в своих интересах.

Пий XI непрерывно совещался со своими советниками, с руководителями немецкого епископата, итальянскими, французскими, американскими кардиналами. В Ватикане готовились документы, которые должны были определить позицию папства по отношению к происходившим в мире событиям.

14 марта вышла энциклика на немецком языке «Мит бреннендер Sorge» («Со жгучей заботой»), в которой давался анализ положения католической церкви в Германии и ее взаимоотношений с нацистским правительством. В наши дни некоторые католические авторы называют ее антинацистской энцикликой. В действительности же она таковой не была. В ней, правда, перечислялись нарушения правительством Гитлера конкордата, различного рода притеснения по отношению к церкви и ее мирским организациям. Однако энциклика не осуждала нацистскую идеологию, не отлучала ее носителей от церкви. Напротив, она заканчивалась обращением к Гитлеру с призывом восстановить сотрудничество с католической церковью, правда при соблюдении им конкордата, т. е. церковных прав и привилегий.

Совсем иного содержания была энциклика «Дивини редемпторис» («Божественное искупление»), опубликованная пятью днями позже и имевшая подзаголовок «Об атеистическом коммунизме». Она отличалась антикоммунистической направленностью: коммунизм в ней предавался анафеме, а верующим запрещалось соприкасаться в какой бы то ни было форме или степени с коммунистическими идеями. Энциклика была направлена также на то, чтобы воспрепятствовать католикам участвовать в антифашистской борьбе.

Пий XI отрицательно относился к экспансионистским планам Гитлера. Он знал, что их реализация приведет к подчинению церковной иерархии нацизму и к ликвидации католических организаций на захваченных фашистским рейхом территориях. По мере того как гитлеровская военная машина набирала силу, Пий XI все настойчивее искал сближения с Францией и другими западными демократиями, в свою очередь стремившимися заручиться поддержкой Ватикана в их отношениях с Гитлером. Пий XI упорно и настойчиво стремился улучшить и отношения с официальными кругами США. При нем американские прелаты стали впервые проникать в курию на ответственные посты.

Буржуазная пресса предрекала неминуемые столкновения между Ватиканом и Гитлером, но ничего подобного не произошло. Ни та, ни другая сторона не были заинтересованы в обострении отношений, однако и не думали делать уступки друг другу. Гитлер продолжал политику завинчивания гаек по отношению к католической иерархии в Германии, а папа, раздосадованный, огорченный, больной, искал выхода из тупика, в котором оказалась церковь. С каждым днем он испытывал все большую тревогу и беспокойство. Здоровье его стало быстро ухудшаться. 10 февраля 1939 г. он неожиданно скончался.

12 марта 1939 г. на папский престол был избран статс-секретарь Пия XI Эудженио Пачелли, принявший имя Пия XII.

Мир стоял на пороге войны. При попустительстве правящих кругов Англии и Франции Гитлер захватил Австрию и Чехословакию, Муссолини - Эфиопию. В Испании Франко с помощью Гитлера и Муссолини душил республику. Милитаристская Япония вела войну против китайского народа.

Новый мировой конфликт сулил тяжелые испытания и для церкви. Чтобы ладья св. Петра не дала течь и не пошла ко дну, нужен был сверхопытный в международных делах и осторожный кормчий. Полагали, что среди всех кардиналов только Пачелли вполне соответствовал этим требованиям.

Руководя внешней политикой Ватикана при Пие XI, Пачелли зарекомендовал себя умелым политиком и дипломатом. Поэтому все «сильные мира сего» считали, что в нужный момент смогут найти с ним общий язык, заручиться его поддержкой.

Взойдя на папский престол, Эудженио Пачелли действительно оставался в основном дипломатом. В центре его внимания всегда стояли вопросы мировой политики. При этом свою главную политическую задачу Пий XII видел в объединении и мобилизации капиталистических держав для антикоммунистического «крестового похода». Этой идее была подчинена вся его деятельность, как в период второй мировой войны, так и после нее. Однако, будучи трезвым политиком, Пий XII избегал откровенно и четко формулировать свое кредо. Он предпочитал добиваться своих целей путем маневрирования и лавирования, маскируя их высокопарными разглагольствованиями о преданности всеобщему миру, принципам справедливости и международного правопорядка.

В первый год своего понтификата Пий XII действительно стремился предотвратить взрыв войны в Европе, добиться мира между капиталистическими державами, чтобы направить агрессию против СССР. Гитлер предпочел войну. 1 сентября 1939 г. германские войска напали на Польшу. Вторая мировая война началась. Папа встретил ее молчанием.

В 1941 г. Гитлер, Муссолини и их союзники развязали войну против Советского Союза. Оккупированная Европа была покрыта концлагерями, в которых погибло свыше 10 млн. человек, среди которых было немало и верующих-католиков, а также священников-антифашистов. Пий XII продолжал молчать.

Папа и католические иерархии не осудили фашизм даже после того, как союзники одержали победу. Более того, тысячи фашистских военных преступников избежали наказания благодаря покровительству Ватикана, снабжавшего их фиктивными документами и переправлявшего в Испанию, Португалию и в страны Латинской Америки.

Такую позицию Ватикана можно, видимо, объяснить тем, что фашисты боролись с коммунизмом и тем самым, с точки зрения Пия XII, делали богоугодное дело. Пий XII предпочел быть с фашизмом против коммунизма.

После победы антигитлеровской коалиции Пий XII делал все возможное, чтобы столкнуть западных партнеров по коалиции с Советским Союзом, что соответствовало стремлениям наиболее реакционных сил капиталистического мира. Папа прилагал огромные усилия, чтобы разрушить антифашистское единство, сложившееся в годы войны, исключить из него коммунистов, игравших ведущую роль в борьбе против гитлеризма. В странах народной демократии Пий XII через местную церковную иерархию толкал католиков на борьбу против коренных социальных преобразований. Он стал открыто призывать к новому «крестовому походу» против коммунизма. Организуя широкую антикоммунистическую кампанию, Ватикан одновременно тайно финансировал правые политические партии, выступавшие против единства антифашистских сил.

В годы «холодной войны» Ватикан был «своим домом» для разведывательных служб США. В конце 1949 г. госдепартамент США передал Ватикану 500 тыс. долларов на антикоммунистическую пропаганду. Это находилось в прямой связи с декретом конгрегации священной канцелярии (инквизиции) от 13 июля 1949 г., который отлучал от церкви верующих за принятие коммунистического учения и его пропаганду, за членство в компартии, сотрудничество с ней, за чтение и распространение ее прессы. Декрет служил, как бы объявлением церковью войны коммунизму и коммунистам и был с большим удовлетворением встречен правительством

США. До самой смерти Пий XII придерживался откровенно враждебного курса по отношению к коммунизму и социалистическим странам.

Пий XII приветствовал создание Атлантического пакта, военное присутствие США в Западной Европе.

Последний период понтификата Пия XII совпал с развалом колониальной системы, образованием новых независимых государств в Азии и Африке, с подъемом национально-освободительного движения в Латинской Америке. В связи с этим папа признал необходимым «отуземить» католическую церковь в Азии и Африке, т. е. создать кадры духовенства местного происхождения. Во многих новых государствах Африки миссионерская церковная иерархия была преобразована в национальную, в результате чего ряд африканцев впервые были возведены в епископское достоинство.

В апреле 1957 г. Пий XII опубликовал энциклику «Фидеи донум» («Дар веры»), в которой изложил свою точку зрения на национально-освободительные процессы в Африке. Вопреки исторической истине папа в этой энциклике провозглашал «врагом номер один» африканских народов не колониализм, а «атеистический материализм».

В своих многочисленных выступлениях Пий XII неоднократно касался проблемы взаимоотношений науки и религии. Отношение церкви к современной науке он изложил в энциклике «Гумани генерис» («Род человеческий»), опубликованной в 1950 г. В ответ на требование многих верующих и священнослужителей, чтобы церковь учитывала достижения науки, папа писал: «Это похвально, но только в том случае, когда речь идет о фактах, действительно доказанных; когда же речь идет о гипотезах, даже в какой-то степени научно обоснованных, но которые... прямо или косвенно противоречат церковным доктринам, их нельзя принять никоим образом». Итак, если наука права, а религия ошибается, то тем хуже для науки, ее следует отвергнуть. Такова была логика Пия XII, выдававшего себя за великого поборника науки. Энциклика «Гумани генерис», таким образом, это не попытка примирить религию с наукой, а еще один выпад церкви против науки, очередной церковный манифест в защиту традиционных религиозных мировоззренческих концепций.

Пий XII умер 9 октября 1958 г., а 28 октября папой стал патриарх Венеции, крестьянский сын Анджело Джузеппе Ронкалли, принявший имя Иоанна XXIII.

Иоанн XXIII сел на папский трон в период, когда международная обстановка не благоприятствовала реакционерам. Повсеместно крепили силы, выступавшие за всеобщий мир, мирное сосуществование и разрядку напряженности. Социализм превратился в могучую мировую систему. Чрезвычайно возрос авторитет Советского Союза, последовательная мирная политика которого встречала все большую поддержку прогрессивной мировой общественности, в том числе трудящихся католиков. В Азии, Африке, Латинской Америке бурно развивалось национально-освободительное движение. Мир вступил в эру научно-технической революции и освоения космоса. Со всем этим не мог не считаться в своей деятельности новый папа.

Однако на первых порах Иоанн XXIII, по-видимому, решил ничего не менять в политическом курсе Ватикана. 25 марта 1959 г. конгрегация священной канцелярии опубликовала декрет, который вновь запрещал католикам контактировать с марксистами, голосовать за коммунистов или лиц, сотрудничающих с ними. Папа занялся наведением порядка в курии. Он стал быстро назначать новых кардиналов и довел их число до установленного в 1586 г. максимума в 70 человек. Среди новоиспеченных «пурпуноносцев» можно было встретить церковников самых разных политических ориентации и разного цвета кожи. Впервые кардинальскую шапку получили африканец, японец и филиппинец.

Первые тревожные для реакционеров симптомы в поведении папы появились лишь тогда, когда Иоанн XXIII стал удалять с руководящих постов в курии ярых антикоммунистов.

1 января 1959 г. революционные силы Кубы после двухлетних кровавых боев свергли тиранический режим ставленника американских монополий Батисты. Власть на Кубе перешла в руки трудящихся. Католическая иерархия открыто встала на сторону империалистических сил. Епископы осуждали действия правительства Фиделя Кастро и призывали верующих оказать самое решительное сопротивление проводимым мероприятиям. Кубинские контрреволюционеры,

нашедшие приют за рубежом, и их империалистические покровители потребовали от Иоанна XXIII порвать дипломатические отношения с Кубой и отлучить Фиделя Кастро от церкви. Папа отказался встать на путь осуждения кубинской революции, несмотря на огромное давление, которое оказывали на него международная реакция и консервативные круги в самой церкви. Ни в одном из своих выступлений или высказываний Иоанн XXIII не осудил революционную Кубу, ее руководителей, ее внешнюю или внутреннюю политику.

25 января 1959 г. папа объявил о своем решении созвать в ближайшее время вселенский собор. Иоанн XXIII выразил надежду, что в нем примут участие и все «отделившиеся церкви», чтобы попытаться вновь обрести единство. Другой задачей собора папа объявил осуществление реформы Кодекса канонического права, который является высшим законодательным актом католической церкви. Какие цели должна была преследовать такая реформа, папа не уточнил. Вселенские соборы созывались всегда в особо критические моменты истории церкви и несли на себе печать реформаторских устремлений. Созыв собора, таким образом, был равносителен признанию, что католическая церковь пребывает в состоянии кризиса и необходимо наметить пути выхода из него.

Многие зарубежные иерархи с оптимизмом и надеждой восприняли идею собора, а церковные деятели «третьего мира» отнеслись к ней с большим энтузиазмом.

Тех, кто был за собор, за реформы, за перемены в церкви, стали называть обновленцами. Как правило, это были представители стран, где церковь теряла свои позиции, свое влияние, свой авторитет. Такие процессы наблюдались в большинстве стран Европы, но особенно они давали себя знать в развивающихся странах. Большинство духовенства в этих странах считало, что следует отказаться от курса Пия XII, т. е. оголтелого антикоммунизма и защиты интересов правящих кругов ведущих империалистических держав, что церковь должна найти в себе силы, чтобы оторваться от своих традиционных политических и социальных привязанностей, поддержать общее стремление к прогрессивным социальным преобразованиям, попытаться найти способ сосуществования с социалистическим миром, приобщиться к новшествам XX в., обновиться внутренне и внешне. Церковные иерархи, придерживавшиеся подобных взглядов, стали на соборе опорой обновленческого курса.

Руководя подготовкой к собору, папа в то же время готовил свою первую энциклику, которая была посвящена социальным проблемам. Она была опубликована 15 мая 1961 г. и называлась «Матер эт магистра» («Мать и наставница»).

Наиболее радикальный раздел энциклики посвящен отношениям между развитыми и слаборазвитыми странами. В нем содержится недвусмысленное осуждение неоколониализма. Это был явный реверанс в сторону народов, сбросивших с себя колониальный гнет. Папа желал показать им, что католическая церковь порывает свои традиционные связи с колонизаторами.

Другой важной особенностью энциклики было то, что в ней не содержалось прямых выпадов против коммунизма. Более того, энциклика, правда с оговорками, разрешала католикам «вступать в отношения с лицами, имеющими другие взгляды на жизнь». Под такими лицами подразумевались коммунисты.

Почти три года длилась подготовка к собору. 11 сентября 1962 г. в соборе св. Петра в торжественной обстановке открылась первая его сессия. Собор получил название II Ватиканского. Для участия в нем съехались 2692 церковных иерарха со всего мира. На открытии собора присутствовали 86 официальных делегаций из различных стран и от разных международных организаций. 8 декабря первая сессия собора закончила свою работу. Был объявлен перерыв до сентября 1963 г.

Хотя на первой сессии собора не было принято ни одного документа, сам ход соборной дискуссии показал, что церковные консерваторы находятся в меньшинстве и вынуждены сдавать обновленцам одну позицию за другой. Но это было только начало длительной и упорной борьбы между двумя противоборствующими течениями в лоне церкви.

Прогрессивная печать в целом оценивала результаты первой сессии собора как известный отход от традиционной ультраправой ориентации католической церкви. Дебаты на соборе показывали, что большинство церковных иерархов отвергает политику отлучений и анафем в

адрес коммунистов и высказывается за конструктивный диалог с ними в интересах укрепления мира и борьбы за социальный прогресс.

10 апреля 1963 г. была опубликована вторая энциклика Иоанна XXIII «Пацем ин террис» («Мир на земле»). Она была обращена не только к духовенству и верующим, но ко всем людям доброй воли. В ней Иоанн XXIII выступил с осуждением гонки вооружений, за всеобщее и полное разоружение, за запрещение атомного оружия, за политику мирного сосуществования без каких-либо ограничений.

Вместе с тем энциклика предостерегала от излишнего рвения в стремлениях восстановить социальную справедливость, ибо это якобы может привести «на путь революции».

В разгар подготовки ко второй сессии собора Иоанн XXIII заболел и 3 июня 1963 г. скончался. Его преемником, избранным на папский престол 21 июня того же года, оказался архиепископ Милана кардинал Джованни Баттиста Монтини, назвавшийся Павлом VI.

Главной его заботой было продолжение и благополучное завершение II Ватиканского собора, следующая сессия которого открылась 29 сентября 1963 г. Выступая на ее открытии, Павел VI поставил перед «соборными отцами» четыре задачи: глубоко изучить состояние церковных дел, реформировать и внутренне обновить церковь, способствовать единению христиан и начать «диалог с миром», их окружающим. Все это было созвучно программе обновленцев.

В дни работы второй сессии собора папа пообещал реформировать курию, наделить большими правами местные епископаты. Он выражал стремление идти в ногу со временем, но, не опережая событий, не вырываясь вперед. Ближе всего ему была позиция умеренных обновленцев, представлявших церковную иерархию развитых капиталистических стран.

В результате работы второй сессии собора был принят лишь один документ - конституция «О святой литургии». Главным новшеством, вытекавшим из этого документа, было разрешение проводить богослужение не на латыни, а на национальных языках. Была упрощена сама процедура богослужения, и оно стало приблизительно вдвое короче. Собор рекомендовал строить католические храмы без излишеств, в «функциональном стиле».

Третья сессия собора прошла осенью 1964 г. На ней были приняты догматическая конституция «О церкви» и три декрета - «О миссионерской деятельности», «О восточных католических церквях» и «Об экуменизме».

Конституцией «О церкви» учреждались национальные епископские конференции, решения которых хоть и требуют санкции Ватикана, но принимаются самостоятельно, с учетом конкретных условий той или иной страны.

В перерыве между третьей и четвертой сессиями собора Павел VI создал в системе римской курии секретариат по делам неверующих для осуществления контактов с атеистами.

В сентябре 1965 г. открылась последняя сессия собора. Вскоре после ее открытия папа официально сообщил об учреждении постоянно действующего при папе синода епископов, в котором представлены все национальные епископаты. Это в какой-то степени ограничило всевластие курии и влияние кардинальской коллегии.

Из документов, принятых четвертой сессией, наиболее значимым является пастырская конституция «О церкви в современном мире», в которой выражена точка зрения церкви на острейшие проблемы современности. В ней осуждается война, гонка вооружений, применение атомного оружия и выдвигается в качестве одной из главных задач человечества обеспечение мира на земле.

Кроме того, конституция признает законность не только частной, но и государственной и общественной собственности, допуская за «справедливую компенсацию» передачу частной собственности в руки государства. В основном трактовка конституцией социальных вопросов не выходит за рамки буржуазного реформизма, хотя в этом документе подчеркивается, что церковь «не считает себя связанной с какой-либо политической, экономической или социальной системой».

В этой конституции церковь впервые признала не только необходимость диалога между верующими и неверующими, но и сотрудничество между ними в достижении более справедливых условий жизни людей.

Одним из знаменательных актов, вытекавших из решений II Ватиканского собора, была реорганизация конгрегации священной канцелярии (инквизиции). В день закрытия собора, 7 декабря 1965 г., был опубликован папский декрет, изменявший название священной канцелярии на конгрегацию по вопросам вероучения, а 14 июня 1966 г. был упразднен «Индекс запрещенных книг».

С завершением II Ватиканского собора борьба между обновленцами и церковными консерваторами (интегритами) переместилась в национальные епископаты. Особенно острый характер эти конфликты носили в странах Латинской Америки, где все более широкие массы трудящихся, студенчества, средних слоев вливались в антиимпериалистическое движение. Следует ли удивляться, что идеи национально-освободительной борьбы нашли отклик и в рядах духовенства, в среде которого пробудился активный интерес к социальным переменам.

В церковных кругах заговорили о «теологии революции», «теологии освобождения» и даже о «теологии партизанской борьбы». В странах Латинской Америки стали появляться священники-революционеры, призывавшие бороться с реакцией и империализмом не только листовками, но и оружием.

За развитием событий в Латинской Америке пристально следила курия; ведь в этом регионе проживает почти половина католиков мира. Именно под влиянием этих событий была написана энциклика «Популорум прогрессиио» («Прогресс народов»), опубликованная 23 марта 1967 г. Она провозглашает, что «частная собственность отнюдь ни для кого не является безусловным и абсолютным правом. Никто не имеет никакого основания присваивать в свое исключительное пользование то, что превышает его нужды, в то время как другие терпят недостаток в самом необходимом...» Осуждая «революционное восстание», Павел VI делает при этом существенную оговорку. Он допускает законность революционных действий «против явной и продолжительной тирании, грубо посягающей на основные права человеческой личности и вредящей в опасной мере общему благу страны». Энциклика осуждала национализм, расизм, призывала католиков сотрудничать со всеми людьми доброй воли. Вместе с тем она вновь осуждала «материалистическую и атеистическую философию».

Адресата энциклики легко было распознать: это были правящие классы Латинской Америки, а точнее, латиноамериканская олигархия, которую Павел VI, таким образом, призывал «выпустить пар из котла», если она хочет спасти себя от революции.

Дальнейшие события показали, что папа отнюдь не желал того, чтобы революционно настроенные служители церкви в Латинской Америке взяли на вооружение энциклику «Популорум прогрессиио» в своей борьбе с реакцией. Посетив в 1968 г. Колумбию, Павел VI решил напомнить своей беспокойной латиноамериканской пастве несколько старых, но по-прежнему полезных для церковной иерархии истин, которые эксплуататорские классы всегда особенно ценили. «Разрешите призвать вас, - говорил папа, - не доверять ни насилию, ни революции. И насилие и революция противоречат христианскому духу и могут задержать, а не ускорить социальный прогресс, к которому вы законно стремитесь...» Павел VI решительно осудил тех, кто пытается совместить католическую веру с революцией. Все эти утверждения папы полностью соответствовали традиционной католической социальной доктрине.

Понтификат Павла VI длился 15 лет и был, как мы видели, насыщен важными для католической церкви событиями. 6 августа 1978 г. Павел VI скончался. После его смерти папой был избран кардинал Альбине Лучани, принявший имя Иоанна Павла I. Просидев на папском троне всего 33 дня и не успев ничем себя проявить, он неожиданно скончался.

16 октября 1978 г. вопреки более чем 400-летней традиции, по которой папами избирались только итальянцы, на папский престол был возведен польский кардинал Кароль Войтыла, принявший имя Иоанна Павла II.

В отличие от своих предшественников на папском троне новый папа проявил чрезвычайную подвижность. Своему пышному ватиканскому дворцу он предпочитает поездки в разные страны, в ходе которых старается разрешить «наболевшие» проблемы католической церкви.

Пристальное внимание уделяет нынешний папа Западнему полушарию. И это понятно. Америка, Северная и Южная, в последние годы играет все большую роль в судьбах католицизма и папства. Ведь по обе стороны Панамского канала сейчас проживает большинство всех

католиков. Из них примерно половина - в Латинской Америке, а остальные - в США и Канаде. Естественно, что этот регион вызывает повышенный интерес римской курии. От того, как поведет себя католическое население Америки, как оно будет относиться к церкви и ее учению, в немалой степени зависят судьбы не только Ватикана, но и мирового католицизма.

Четырежды папа посетил Африку, где (как и в Турции) предлагал заключить союз с исламом. Он был в Японии, на Филиппинах и Гавайях. Не обошел папа своим вниманием и Европу. Он нанес два визита в Польшу, побывал в Англии, Ирландии, Франции, Швейцарии, Испании, Португалии, Голландии.

Трудно найти вопрос, по которому Иоанн Павел II не высказался бы за прошедший период своего пребывания на посту римского понтифика. Но тщетно было бы искать в его многочисленных речах и посланиях что-либо новое по сравнению с идеями его предшественников. Ясно только, что в богословских вопросах Иоанн Павел II занял более жесткую позицию, чем Иоанн XXIII и Павел VI. По его указанию Ватикан вновь стал устраивать расправы над богословами, высказывающими неудобные церковным консерваторам взгляды. Так, привлечены к суду конгрегации вероучения швейцарский теолог Ганс Кюнг, отрицающий догмат папской непогрешимости, и ряд американских, французских, бельгийских, голландских, немецких теологов. Даже орден иезуитов был обвинен папой в теологических вольностях, а его генерал Педро Аррупе уволен в отставку (случай беспрецедентный в истории ордена). В то же время Иоанн Павел II официально признал орден «Опус деи» («Божье дело»), деятели которого сотрудничали с диктатором Франко в Испании, поддерживали фашиста Салазара в Португалии, находятся в тесной связи с Пиночетом в Чили. В 1984 г. Иоанн Павел II подписал новый Канонический кодекс католической церкви, запрещающий священникам заниматься политической деятельностью. Однако соответствующие статьи кодекса применяются только к служителям церкви, придерживающимся левой политической ориентации. И так далее и тому подобное...

Иоанн Павел II много говорит о сочувствии к страдающим, к беднякам, призывает правительства принять меры к устранению социальных несправедливостей. Но, как известно, такие призывы не способны изменить ход исторического развития.

Папа высказывается и по вопросам международной политики, однако тщетно было бы искать в его речах осуждение агрессивных милитаристских кругов США, ответственных за нынешнюю напряженность в мире. Более того, неоднократные призывы Иоанна Павла II к богу о благословении США, восторженные речи по поводу «американского образа жизни» во время посещения этой страны позволяют сделать вывод, что в международных вопросах папа придерживается далеко не объективной позиции.

Иоанн Павел II лавирует в водах международной политики. Он не считает возможным повторять воинственные высказывания представителей американской администрации. Напротив, он часто выступает за мир. Это объясняется прежде всего тем, что верующие люди во всем мире все активнее включаются в борьбу народов против угрозы атомной войны, за разоружение и разрядку напряженности. И если бы папа занял в данных вопросах иную позицию, это нанесло бы невосполнимый ущерб авторитету и влиянию католической церкви.

Отношение папы к борьбе народов за коренные социальные преобразования и к национально-освободительному движению ярко характеризует факт осуждения Ватиканом так называемой теологии освобождения.

«Теология освобождения» обычно связывается с именем перуанского богослова Гутьерреса, опубликовавшего в 1972 г. под таким названием книгу, переиздававшуюся много раз в Америке и Западной Европе. «Теология освобождения» обосновывает богословскими аргументами необходимость антиимпериалистической борьбы. Понятно, что она нашла немало сторонников среди духовенства латиноамериканских стран, значительная часть которого активно выступает против диктаторских режимов, нарушений прав человека, репрессий, терроризма, за освобождение Латинской Америки от эксплуатации и гнета олигархии и империализма.

4 сентября 1984 г. официальный орган Ватикана «Оссерваторе Романо» опубликовал «Инструкцию» - церковный документ, направленный против «теологии освобождения» и ее сторонников. Чем было вызвано появление такого документа? Оказывается, тем, что поборники

«теологии освобождения» «недостаточно критически воспринимают концепции, заимствованные у различных течений марксистской мысли».

Данный документ представляется весьма далеким от либерального духа энциклики Иоанна XXIII «Мир на земле», и в нем отсутствует трезвый анализ реальности, столь характерный для энциклики Павла VI «Прогресс народов» и многих документов II Ватиканского собора. «Инструкция» решительно перечеркивает ожидания и надежды миллионов католиков не только Латинской Америки, но также Африки и других районов «третьего мира», ибо идет вразрез с попытками добиться соглашения между верующими и неверующими ради общего блага, прогрессивных социально-политических преобразований и развития человеческой цивилизации. Она стремится фактически снова связать католицизм с общественными и политическими режимами промышленно развитого капиталистического Запада. А это, в свою очередь, отнюдь не способствует повышению авторитета и престижа католической церкви в глазах широких народных масс.

Итак, унаследованные Иоанном Павлом II внутрицерковные проблемы и противоречия остаются нерешенными. Недовольство деятельностью римской курии продолжает охватывать все новые круги духовенства. Одним словом, глубинные процессы в католицизме развиваются по законам, которые никак не подвластны римскому папе. Что касается влияния папы на решение глобальных проблем современности, то и здесь нет оснований преувеличивать роль главы католической церкви.

Жизнь не стоит на месте. Она постоянно меняется. Сменяются на престоле и римские первосвященники. Они издают энциклики, направляют верующим послания, выступают перед толпами богомольцев. Но на протяжении многих столетий папство так и не смогло решить ни одной из жизненно важных проблем. Об этом красноречиво говорит вся история папства.

И. Р. Григулевич,
член-корреспондент АН СССР

Лозинский С. Г.

Л72 История папства,—3-е изд.—М.: Политиздат, 1986.—382 с. — (Б-ка атеист, лит.).

В книге советского историка С. Г. Лозинского с марксистских позиций освещена история католической иерархии, показано многовековое стремление папства к распространению своего господства в разных странах мира. Ученый рассматривает историю папства с его возникновения до конца XIX в. Впервые книга увидела свет в 1934 г. и была переиздана в 1961 г.

Адресуется читателям, интересующимся историей религии и церкви.

Самуил Горациевич Лозинский

ИСТОРИЯ ПАПСТВА

Заведующий редакцией

А. В. БЕЛОВ

Редактор

Т. И. ТРИФОНОВА

Младший редактор

с. о. овчинников

Художник

Г. Д. РАСТОРГУЕВ

Художественный редактор А. А. ПЧЕЛКИН

Технический редактор Г. М. КОРОТКОВА

И Б № 5252

Подписано в печать с диапозитивов 16.09.86. А00160. Формат 84X108'/32- Бумага книжно-журнальная офсетная. Гарнитура «Литературная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,16. Усл. кр.-отт. 21,0. Уч.-изд. л. 21,84. Тираж 350 000(200 001 — 350 000) экз. Заказ 478. Цена 1 р. 70 к.

Политиздат. 125811. ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Набор и изготовление диапозитивов в ордена Ленина типографии «Красный пролетарий».

103473, Москва. И-473, Краснопролетарская, 16.

Отпечатано с диапозитивов в типографии изд-ва «Уральский рабочий». 620151, Свердловск, пр. Ленина, 49.